

ВЛАДИМИР РОХМИСТРОВ

БОЛЬШАЯ ИГРА

Столетняя дуэль спецслужб



Владимир Рохмистров

**Большая игра. Столетняя дуэль
спецслужб**

Сокровища Агры

Независимо оттого, по-настоящему враждебны мысли России по поводу Индии или это просто пустые фантазии, я считаю первейшей обязанностью британских государственных деятелей предупредить любые враждебные поползновения, добиваться, чтобы наше собственное положение там оставалось безопасным, а наши границы — неприступными, и бережно хранить это, без сомнения, самое благородное завоевание британского гения и самый драгоценный атрибут имперской короны.

Джордж Керзон, член парламента.

Россия в Средней Азии (1889)

Тридцать первого августа 1907 года, в условиях строжайшей секретности в Санкт-Петербурге графом Извольским и британским послом сэром Артуром Николсоном было подписано историческое Русско-английское соглашение о территориальной неприкосновенности Тибета, разделе сфер влияния в Иране и исключении Афганистана из сферы интересов России. Русские признали Афганистан сферой британского влияния и заверили, что при гарантировании свободы торговли не станут посылать туда агентов и все политические сношения с Кабулом будут вести только через Лондон. Со своей стороны англичане гарантировали неизменность политического статуса Афганистана. Кроме того, признавая обоснованность беспокойства Санкт-Петербурга о возможном совместном выступлении Британии и Афганистана против царского правления в Средней Азии, англичане торжественно обещали, что никогда не будут предпринимать ничего подобного, более того, будут даже удерживать Кабул от любого проявления враждебности к России.

Это означало, что на международной арене происходил очередной передел сил: Россия, Англия и Франция объединялись против нового мощного противника — Германии и ее союзников — Австро-Венгрии и Италии. Начинался следующий виток истории, благодаря которому закончилось столетнее противостояние двух держав — России и Англии, — возникшее на почве их интересов в Центральной и Средней Азии.

За формальное начало этого противостояния с легкой руки английского исследователя Питера Хопкирка мы можем принять двадцать пятого июня 1807 года — дату начала личных переговоров Александра I и Наполеона I в Тильзите.

Вот что пишет по этому поводу Хопкирк в своей книге «Большая игра. Секретные службы в высокогорной Азии»:

«Если кого-то и можно считать ответственным за создание мифа о русской опасности, то это будет не кто иной, как заслуженный английский генерал сэра Роберт Вильсон. Ветеран многих кампаний, имевший репутацию человека вспыльчивого как на поле боя, так и вне его, он интересовался русскими делами давно и внимательно. Именно он первым предал гласности известные ныне слова Александра, с которыми тот в 1807 году ступил на плот в Тильзите: „Я ненавижу Англию не менее чем вы, и готов помогать вам в любом предприятии против нее“».

Сэр Роберт Томас Вильсон, английский генерал, родившийся в 1777 году, в двадцать два года участвовал в несчастной экспедиции англичан в Голландию, потом отправился в Египет и по возвращении оттуда издал любопытное сочинение о проходивших там военных действиях. В 1806 году он сопровождал генерала Гетчинсона, отправленного с особым поручением к Александру I, и, поступив волонтером на русскую службу, участвовал в войне 1806–1807 годов. Каким образом удалось ему услышать фразу, предназначенную только для ушей Наполеона, остается лишь гадать. Переговоры в Тильзите, происходившие с 25 июня по 9 июля 1807 года, велись в обстановке строжайшей секретности. Главы государств России и Франции встречались с глазу на глаз на специально установленном посредине величественной реки Неман плоту. Содержание их личных бесед осталось неизвестным, за что историки даже окрестили эти переговоры «тайнами Тильзита».

Хопкирк же говорит на этот счет следующее: «Но несмотря на эти предосторожности, британская секретная служба, годовой бюджет которой составлял сто семьдесят тысяч фунтов стерлингов, направляемых в основном на взятки, сумела внедрить своего агента — предателя из русских аристократов, — который сидел, спрятавшись под баржей в воде, и слышал каждое слово». Фамилия «предателя», естественно, умалчивается. А поскольку эту роковую фразу предал гласности сэр Роберт Вильсон, надо полагать, что и агента этого нанял (или выдумал) лично он.

Такую фразу и в самом деле можно предположить с большой долей вероятности. Точно также как и то, что отец Александра I был убит не без происков британской дипломатии, поскольку на классический вопрос всех расследований: кому это было выгодно? — можно ответить без колебаний: Англии. Ни для кого никогда не было секретом, что Павел I в союзе с Наполеоном Бонапартом готовил поход в Индию, и поход этот был остановлен только внезапной смертью царя. Отправленных казаков вернули уже с полпути. И Александр, выросший под сильным влиянием французского воспитания и с детства привыкший дружить с Парижем, вполне мог сказать такое о стране, пусть даже просто порадовавшейся смерти его отца. Тем более что Наполеон хотел от него услышать как раз нечто подобное. Однако не следует забывать и другой стороны медали: фразы глав государств или их дипломатических представителей, сказанные с глазу на глаз, обычно имеют некий частный политический расчет, вследствие чего, будучи вынесены на свет божий — в иной контекст, могут сильно исказить ситуацию. И в этом случае «если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно...»

Для политиков игра словами — дело привычное, ибо для них зачастую «язык существует для того, чтобы скрывать свои мысли». И если та или иная фраза запускается в оборот, значит, тому, кто это делает, это зачем-нибудь нужно. В данном случае запустил в оборот фразу, а фактически начал игру, сэр Роберт Вильсон, совсем не походивший по определению Лермонтова в предисловии к «Герою нашего времени» «на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы».

После Тильзитского мира в октябре 1807 года Вильсон приехал в Петербург с поручением лорда Каннинга попытаться предотвратить окончательный разрыв между Россией и Великобританией. Петербургское общество тогда с восторгом встретило британского офицера. Это составило разительный контраст с холодным приемом, оказанным посланцу Наполеона генералу Савари, в котором все тогда видели одного из организаторов казни герцога Энгиенского. Однако Вильсон принялся активно распространять в Петербурге британский памфлет «Размышления о Тильзитском мире», содержащий множество намеков на неискренность Александра I при заключении мира с Францией. Подобная «услуга» была совершенно ни к чему российскому императору, поэтому он не удостоил полковника аудиенции. Сменивший Будберга на посту министра иностранных дел Румянцев оказал Вильсону ледяной прием. В итоге письмо сэра Роберта к императору с «конфиденциальными сообщениями» от Каннинга было возвращено нераспечатанным, а вскоре, 8 ноября 1807 года, Вильсон и вообще получил приказ немедленно покинуть Петербург. Возможно, эта неудача впоследствии и подтолкнула сэра Роберта на путь русофобии.

Однако в то время, судя по всему, Вильсон еще не утратил надежды на дружбу Англии и России. В начале испанской войны он отправился в Лиссабон для формирования вспомогательных португальских частей, с которыми принял участие в войне на Пиренеях. А в 1812 году, когда война России с Францией стала абсолютно неизбежна, вновь перебрался в Россию, где все тот же Александр I принял его весьма благосклонно. Во время Отечественной войны и в кампаниях 1813–1814 годов Вильсон состоял при главной квартире Кутузова, а потом при императоре в качестве официального английского представителя. В его тайную задачу входило ни в коем случае не допустить заключения сепаратного мира России с Францией. Но при этом сэр Вильсон лично участвовал в сражениях. За сражение при Лютцене он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Также участвовал сэр Роберт Вильсон в битвах при Дрездене, Кульме и Лейпциге. Александр остался им очень доволен, даже наградил его за личную храбрость орденом Святой Анны 1-й степени. Закончил кампанию сэр Роберт генерал-майором. Однако раз зававшая мысль уже не давала Вильсону покоя всю его оставшуюся жизнь.

Вернувшись в Англию и успев пройти в парламент, генерал сэра Роберт Вильсон в 1817 году издал сочинение „A sketch of military and political power in Russia“ («Описание военной и политической мощи России»), которым поначалу даже навлек на себя гнев властей как человек, единолично организовавший кампанию против русских, являвшихся тогда союзниками Британии и выглядевших в глазах большинства спасителями Европы. Генерал вдруг принялся опровергать «романтические бредни» о благородстве русских солдат и особенно любимцев печати и общественности — казаков. Не следует забывать, что как раз незадолго до этого Англия восторженно рукоплескала графу Платову, и вдруг — такие откровения. Тем не менее этот резкий обличительный памфлет против британского союзника, опубликованный анонимно, быстро стал бестселлером и выдержал пять переизданий.

Памфлет, в авторстве которого никто не сомневался, утверждал, что воодушевленная своим неожиданным могуществом Россия планирует выполнить «предсмертное завещание» Петра Великого и завоевать весь мир. Первой целью русских станет Константинополь, затем они поглотят остатки обширной, но угасающей империи турецкого султана, а после настанет черед Индии. Доказательствами своего сенсационного утверждения Вильсон считал все продолжающееся увеличение российской армии и неустанное расширение царских владений. «Александр уже имеет гораздо более сильную армию, чем того требуют интересы обороны и выдерживают его финансы, и все же продолжает усиливать ее», — предупреждал он.

Вильсон подсчитал, что за шестнадцать лет пребывания на троне Александр присоединил к российской империи двести тысяч квадратных миль с тринадцатью миллионами новых подданных. Для большей наглядности к книге прилагалась складная карта, на которой новейшие границы России были обозначены красным цветом, а прежние — зеленым. Карта отчетливо демонстрировала, как существенно приблизились армии Александра не только к столицам Западной Европы, но и к Константинополю, ключевому пункту разрушающейся Оттоманской империи и, вероятно, самому прямому пути в Индию.

Да, путь из России в Индию через Константинополь и проливы успешно проделал простой купец Афанасий Никитин еще в середине

XV века, за двести лет до того, как, опьяненные жадой морских географических открытий, попали туда англичане. Оттоманская же столица была уязвима для нападения России сразу с трех направлений: через западное побережье Черного моря, где сейчас находится Румыния, через то же самое море из Крыма и через Кавказ и Анатолию. После овладения ближневосточными землями султана Александр был бы в состоянии напасть на Индию либо через Персию (бумаги, захваченные у Наполеона, показывали, что этот путь рассматривался как вполне возможный), либо с помощью военно-морских сил Персидского залива. Такое плавание заняло бы не больше месяца, в то время как англичанам приходилось добираться туда едва ли не целый год вокруг мыса Доброй Надежды.

«Десять лет назад, — писал Вильсон, — у царя была армия численностью всего восемьдесят тысяч человек. Сейчас она составляет уже шестьсот сорок тысяч, не считая войск резерва и милиции, а также татарской конницы». Но самое главное — не было в мире «никого смелее» русского солдата, и он «может быть жестоким». А кроме того, ни одна армия не могла столь успешно совершать «марши, невзирая на лишения и голод», как русская. И Вильсон осуждал эту все возрастающую мощь России, направленную на подавление ее недалёковидных союзников, и прежде всего Британии. «Россия, использовав в своих интересах перенесенные Европой страдания, взяла в свои руки скипетр мирового господства», — заявлял генерал. В результате царь — человек, «опьяненный властью», — теперь представлял, по его мнению, угрозу британским интересам даже большую, чем некогда Наполеон. Англичанам отныне оставалось лишь наблюдать, как Александр будет использовать свою могучую армию, чтобы еще более расширить и без того огромную Российскую империю. «Все это несомненно доказывает, что он уже принял решение исполнить наказ Петра Великого», — заключал генерал. Близкое знакомство Вильсона с русским монархом, русские награды, свидетельствовавшие о знании им русской армии на поле боя, обеспечивали памфлету непререкаемый авторитет.

Таким образом, сэр Роберт Вильсон указал главную причину, по которой британцам следовало опасаться своего блистательного союзника. И этой главной причиной являлась угроза Индии — «жемчужине британской короны».

После Вильсона в Англии было много авторов, писавших на эту тему и получивших неофициальный титул русофобов. К ним относились ветеринар Уильям Муркрофт, британский офицер Александр Бернс и многие другие. Постепенно Большая игра британских политиков стала в Англии достоянием масс и в конце концов была опоэтизирована замечательным английским писателем Редьярдом Киплингом. В самом начале XX века в Англии в журналах «Макклюэрс мэгэзин» (с декабря 1900 года по октябрь 1901 года) и «Кэсселлз мэгэзин» (с января по ноябрь 1901 года) публиковался роман Киплинга «Ким», который многие считают самым значительным из произведений этого автора. В октябре 1901 года роман вышел отдельным изданием сначала в Нью-Йорке, затем (с незначительными изменениями, в основном касающимися стихотворных эпиграфов) в Лондоне в издательстве Макмиллана, что свидетельствует о его необычайной популярности.

«Ким» — это классическая шпионская история, не только обессмертившая, но и опоэтизировавшая так называемую Большую игру, суть которой сводится к следующему. На протяжении второй половины XIX века на гигантских просторах Евразии в весьма драматичной форме разыгралось соперничество двух могучих империй того времени — Российской и Британской. Полем действия этой игры оказались все страны Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии и Дальнего Востока — от Турции до Японии. В романе Киплинга русские враги выведены в весьма неприглядном виде. Они как царские агенты под видом простых охотников стремятся проникнуть в высокогорье и подкупить там северные ханства, спровоцировав их на восстание против британского господства.

Другой английский автор, Джон Бухан, также писал об этом в малоизвестном романе о Большой игре «Равнодушный», появившемся на год раньше «Кима». В этом романе герой погибает под прикрытием большого валуна в районе Хунзы, в полном одиночестве винтовочным огнем защищая от русских тайную тропу, по которой те пытаются проникнуть на территории, контролируемые английским правительством.

Каким образом и почему Лондон, находящийся намного далее от азиатских просторов, чем Санкт-Петербург, вдруг вступил в этих отдаленных районах Евразии в настоящую смертельную схватку с

Россией? В нашей стране все эти события мало кому известны. В Англии же освещение истории англо-русских отношений того периода вполне основательно проделано такими видными историками, как Андерсон, Глизон, Ингрэм, Марриот и Япп. В монументальном труде сэра Пендерела Муна «Британское завоевание и господство в Индии» Большой игре посвящено немало драматических страниц. В книге рассказывается не только о британских, но и о русских участниках игры, которые во всех отношениях были не менее способными, чем их британские противники, начиная с отважного Н. Н. Муравьева-Карского и «загадочного» Виткевича и кончая «грозным» Громбчевским.

Советские исследователи только в последние десятилетия существования СССР начали проявлять определенный интерес к игрокам своей стороны — «и испытывать за них немалую гордость». Наиболее основательно работал в этой области советский историк Н. А. Халфин, написавший в конце 1950-х — начале 1960-х годов несколько книг о деятельности России и Англии в Азии в XIX — начале XX веков. Не имея подходящего собственного названия для описываемых событий, наши авторы тоже стали называть их русской калькой с английского Great Game, то есть — Большой игрой. Сам термин «Большая игра» был введен в оборот английским джентльменом Артуром Конолли. Именно он в письме к своему другу первым и ввел в употребление это незабываемое наименование.

Подобных Конолли людей лучше всего характеризует Киплинг в своем романе «Ким», выведя их в образе Крейтона, «странного полковника без полка». «Никакие деньги и никакое служебное повышение не могли бы оторвать Крейтона от его работы по разведке в Индии, но, кроме того, в сердце его таилось желание получить право добавить к своему имени Ч. К. О. Он знал, что благодаря собственной изобретательности и помощи друзей можно добиться довольно почетного положения, но, по его глубокому убеждению, ничто, кроме научной работы и статей, отражающих ее результаты, не могло ввести человека в то общество, которое сам он много лет забрасывал монографиями о своеобразных азиатских культах и неизвестных обычаях. Девять человек из десяти, удрученные безмерной скукой, убегают с «вечера» в Королевском Обществе, но Крейтон был десятым, и по временам душа его тосковала по битком набитым

комнатам в уютном Лондоне, где седовласые или лысые джентльмены, совершенно незнакомые с армией, возятся со спектроскопическими экспериментами, мельчайшими растениями мерзлых тундр, машинами, измеряющими электрическое напряжение, и аппаратами, при помощи которых можно разрезать левый глаз самки москита на слои в десятые доли миллиметра. Судя по всему, он должен был бы мечтать о вступлении в Королевское Географическое Общество, но мужчины, как и дети, выбирают игрушки случайно...»

Именно такие полковники, начинавшие с английской стороны с честолюбивых младших офицеров (субалтернов), а с русской — с отчаянных поручиков, и «играли» в Большую игру, посвятив ей всю жизнь, а часто и отдавая ее. Но почему же такое важное и ответственное государственное дело названо пусть даже и Большой, но все же — игрой? Судя по всему, за этим стоят специфические особенности английского характера.

Например, в другом романе, написанном в начале XX века английской писательницей венгерского происхождения баронессой Эммушкой Орци «The Scarlet Pimpernel», известном у нас под названием «Лига Красного цветка» или «Сапожок принцессы» и также чрезвычайно популярном тогда в Европе, рассказывается об отважных английских джентльменах, спасающих французских аристократов от ножа революционной гильотины. И там есть чрезвычайно характерный эпизод. Избавленная от ужасов революционного трибунала французская графиня обращается к одному из своих спасителей.

«— Объясните, зачем ваш предводитель... зачем вы все тратите деньги, рискуете жизнью, а ведь вы действительно ей рискуете, отправляясь в теперешнюю Францию, и все это из-за нас, французов, которые вам никто!

— Спорт, мадам, спорт, — ответил лорд Энтони веселым и громким голосом. — Вы же знаете, мы спортивная нация. А в наши дни пошла мода вырывать зайца из зубов гончей.

— Ах, что вы, милорд, какой спорт? Я уверена, у вас есть более благородные цели в этом опаснейшем предприятии.

— Мадам, буду рад, если вы их найдете. Что же касается меня, клянусь, я просто люблю игру, а эта игра наиболее увлекательная из всех, в которых мне когда-либо приходилось участвовать...»

И англичане играли в нее самозабвенно, любя игру ради самой игры и играя порой только ради возбуждения игрока и ощущения своей власти. «В этой работе жалованье — последнее дело. Время от времени Господь создает людей... которые жаждут бродить с опасностью для жизни и узнавать новости: сегодня — о каких-нибудь отдаленных предметах, завтра — о какой-нибудь неисследованной горе, а послезавтра — о здешних жителях, наделавших глупостей во вред государству. Таких людей очень мало, а из этих немногих не более десяти заслуживают высшей похвалы...» — писал Киплинг.

И здесь баронесса Орци как бы вторит ему, продолжая разговор юного английского лорда с дочерью графини.

«— И сколько же человек в вашей отчаянной лиге? — робко спросила Сюзанна.

— Всего двадцать, мадмуазель. Один руководит, остальные подчиняются...»

Есть какое-то необоримое обаяние в том, чтобы принадлежать к некой тайной организации, деятельность которой каждое мгновение балансирует на грани жизни и смерти. Каждый игрок выступает самостоятельно, и страна, от имени которой он выступает, в случае неудачи может легко отречься от своего резидента ради своих таинственных государственных интересов, заявив, что он действовал на свой страх и риск, а не по заданию сверху.

Однако в деятельности всяческих тайных обществ есть и другие «заманчивые» стороны. Тот же Киплинг писал: «Тайное ведомство обладает тем преимуществом, что от него не требуют надоедливой отчетности. Само собой разумеется, ведомству дают до смешного мизерные ассигнования, но фондами его распоряжаются несколько человек, которые не обязаны ссылаться на оправдательные документы или представлять отчеты с перечислением расходных статей...» Подобная практика наводит на мысль, что далеко не все участники этих игр столь «наивны» и бескорыстны. Кое-кто там наверху совсем не играет.

И, быть может, именно потому, что русские «игроки» именно не играли на бескрайних азиатских пространствах, а занимались настоящим серьезным государственным делом, они и оказывались порой счастливее своих английских коллег. Ныне уже известно, что в бескрайних азиатских просторах английских «спортсменов» погибло

гораздо больше, чем русских исследователей. Сам «отец» этого термина Артур Конолли был вместе со своим другом полковником Чарльзом Стоддартом обезглавлен в Бухаре в июне 1842 года, в то время как посланный генералом Ермоловым в 1819 году в гораздо более опасную, чем Бухара, Хиву поручик Муравьев счастливо вернулся обратно, успешно выполнив свое задание. Впоследствии Муравьев, не увлекшийся детским азартом игры и не стремившийся специально испытывать судьбу ради острых ощущений, сделал хорошую карьеру, став генералом и наместником Кавказа. Да и Виткевич застрелился, благополучно вернувшись на родину, скорее всего, именно потому, что он не играл, а работал всерьез. Дипломатия же наша, поддавшись английскому азарту, похоже, и в самом деле стала играть, действуя совсем не в духе русского характера, — и проиграла — к величайшей горечи своих самоотверженных и старательных подданных, добросовестно выполнявших свою *работу*.

Быть может, в этом английском отношении к опасности и действительно есть какая-то своеобразная прелесть, однако, если мы обратимся к другому произведению, к роману Уилки Коллинза «Лунный камень», в котором идет речь о событиях середины XIX века, то мы увидим во всем этом лишь еще одно подтверждение не столько доблести, сколько своеобразной бравады.

«Главным лицом среди гостей, приглашенных к обеду, оказался мистер Мертуэт. Когда он вернулся в Англию после всех своих странствований, общество очень заинтересовалось этим путешественником как человеком, прошедшим через множество опасных приключений и избавившимся от них как бы для того, чтобы рассказывать о них. Теперь он объявил, что намерен снова вернуться на арену этих подвигов и проникнуть в области, совершенно еще не изведенные. Такое великолепное равнодушие к опасностям, которым он готов был вторично подвергнуть свою жизнь, подняло ослабевший было интерес к культу этого героя. Теория вероятностей была явно против возможности нового спасения для него. Не каждый день удастся нам встречаться за обедом с замечательным человеком и чувствовать, что скоро вы услышите известие о его убийстве».

Конечно же, такой отчаянный смельчак вызывает невольное уважение у всех, кто с ним сталкивается. Но при более пристальном взгляде он оказывается не кем иным, как самым настоящим

лермонтовским фаталистом — равнодушным к опасности азартным игроком. Он действительно вызывает невольное уважение, но признак созвучного фатализму фанатизма вызывает желание держаться от него подальше, как от чумного. И дело здесь, возможно, в том, что за этим «равнодушием к опасности» чаще всего скрывается равнодушие вообще. И отсутствие истинной веры. Вот что говорит один из героев Киплинга, ловкий и удачливый участник Большой игры: «Все эти веры — все равно, что лошади. Мудрый человек знает, что лошадь — хорошая скотина, из каждой можно извлечь пользу... Ясное дело, что катхлаварская кобыла, оторванная от песков ее родины и приведенная в западный Бенгал, захромает; даже балхский жеребец (а нет лошадей лучше балхских, не будь у них только плечи такие широкие) никуда не будет годиться в великих северных пустынях рядом с верблюдами-снегоходами, которых я видел. Поэтому в сердце своем я говорю, что все веры подобны лошадям. Каждая годится для своей родины...» Руководствуясь именно такими принципами, и действовали англичане, как на «шахматном поле» Большой игры, так и в Большой политике. Это порой давало право английскому аристократу легко нарушать слово джентльмена, оправдывая все интересами дела и государства. Более того, стоит ли особенно переживать там, где дело касается простой игры, да еще и с людьми низшей расы!

Поначалу большинство британских участников этой тайной борьбы были профессионалами: офицерами индийской армии или политическими агентами, которых посылали их калькуттские начальники для сбора информации любого рода. Одни из них действовали маскируясь, другие — не снимая формы. Кроме них, у Англии хватало и не менее бесстрашных любителей, часто независимых путешественников, пожелавших поиграть в то, что некоторые называли еще и «турниром теней». Но было немало районов, считавшихся чересчур опасными или просто засекреченными, и появление там европейцев, особенно скрывавшихся под чужой личиной, являлось не только крайне нежелательным, но и смертельно опасным. Поэтому англичане стали обучать секретным методам разведки индийских горцев, обладавших умом и недюжинной физической силой, а затем перебрасывать их через границу под видом мусульманских проповедников или буддийских паломников. И эти миссионеры нередко с большим риском для жизни старательно

наносили на карты тысячи квадратных миль прежде не обследованных территорий. Русские же, со своей стороны, в подобных ситуациях использовали монгольских буддистов.

Идея использования туземных исследователей для негласного обследования спорных или находящихся вне зон упорядоченного правления регионов за границами Индии формально возникла как следствие строгого запрета вице-короля рисковать там английскими офицерами. Из-за этого Служба Индии, которая обеспечивала власти картами всего субконтинента и прилегающих регионов, оказалась в большом затруднении, когда началось картографирование Северного Афганистана, Туркестана и Тибета. Вот тогда работавший на Службу молодой офицер, капитан королевских инженерных войск Томас Монтгомери, наткнулся на блестящее решение. «Почему бы, — спросил он начальство, — нам не провести изыскания в этих запретных районах с помощью специально обученных туземных исследователей? Разоблачить их гораздо труднее, чем европейцев; как бы хорошо последние ни маскировались, их все равно опытный глаз отличит от азиатов. К тому же, при разоблачении туземца у британских властей будет меньше политических проблем, чем если на месте преступления за картографированием каких-то особо чувствительных и опасных районов поймают британских офицеров».

Начальство, естественно, сразу же согласилось с доводами Монтгомери. Во-первых, из-за бережного отношения к жизни британских подданных, во-вторых, из-за желания не иметь политических проблем; ибо, хотя разоблаченный агент, даже если он туземец, все равно «засвечивает» своего хозяина, это все-таки создает и в самом деле меньше проблем. Но, на мой взгляд, есть здесь и еще одна составляющая — необходимость в работе агента той самой беспринципности, о которой я только что говорил. Тонкая аристократическая натура британского джентльмена не могла втайне не страдать от ощущения некоторого дискомфорта при исполнении определенных обязанностей. Только сто лет спустя, уже в середине XX века, крупнейший английский исследователь феномена лжи Пол Экман смог найти точное выражение этому ощущению — всякий резидент фактически является «профессиональным предателем».

Так или иначе, в середине XIX века в Большую игру были вовлечены так называемые пандиты, что в переводе с санскрита

означает 'ученые'. В Индии это элитная группа избранных и высокоученых индуистов, известных как учителя. Кандидатов в пандиты тщательно отбирали из горцев, обращая внимание прежде всего на исключительный интеллект и изобретательность. Поскольку разоблачение или даже подозрение грозило им не только немедленной смертью, но и возможными политическими проблемами их хозяевам, само их существование и деятельность строго засекречивались. Даже в стенах Службы Индии они были известны просто под номерами или условными кличками, криптонимами. В серовато-коричневом здании штаба Службы в городке Дехрадуне, расположенном в предгорьях Гималаев, их обучением занимался лично Монтгомери. Некоторые из разработанных способным британским капитаном методов и специальное оборудование свидетельствовали о его чрезвычайной изобретательности.

Сначала Монтгомери с помощью системы тренировок обучал своих людей поддерживать постоянный темп движения, который оставался неизменным вне зависимости от того, преодолевался ли подъем, крутой спуск или передвижение происходило по равнине. Затем он преподавал им способы точной, но осторожной фиксации числа мерных отрезков, пройденных за день. Это позволяло, не возбуждая подозрений, с замечательной точностью измерять огромные расстояния. Пандиты часто путешествовали под видом буддистских паломников, которым регулярно дозволялось посещать святыне участки древнего Великого Шелкового пути. Каждый буддист нес четки, состоявшие из ста восьми бусинок, чтобы пересчитывать свои молитвы, а также маленькие деревянные и металлические молитвенные колеса, которые по пути вращал. Обе эти принадлежности Монтгомери модернизировал в своих интересах. Из четок он удалил восемь бусинок — не так много, чтобы это было заметно, зато осталось математически круглое и удобное число сто. После каждых ста шагов пандит как бы автоматически откладывал одну бусинку. Каждый полный кругооборот четок, таким образом, составлял десять тысяч шагов.

Общую протяженность дневного марша, равно как и прочие осторожные наблюдения, следовало так или иначе фиксировать скрытно от любопытных глаз. Вот здесь оказалось неоценимым молитвенное колесо с его медным цилиндром. В него вместо обычного

рукописного свитка молитв помещали рулон чистой бумаги, и он служил как бы вахтенным журналом, который можно было легко вытащить, сняв верхушку цилиндра. Некоторые из таких свитков все еще хранятся в Индийском государственном архиве. Оставалась проблема компаса — пандитам требовалось регулярно определять направление движения. Монтгомери сумел вмонтировать компас в крышку молитвенного барабана. Термометры, необходимые для вычисления высот, были упрятаны в верхней части паломнических посохов. Ртуть, необходимая для установки искусственного горизонта при снятии показаний секстана, хранилась в раковинах каури, и в нужное время ее наливали в молитвенный шар паломника. Одежду ученых мужей дополняли потайные карманы, а дорожные сундуки, которые несли с собой большинство туземных путешественников, были оборудованы двойным дном, где прятали секстан. Всю эту работу под наблюдением Монтгомери выполняли в мастерских Службы Индии в Дехрадуне.

Пандитов также старательно обучали искусству маскировки и использованию легенд прикрытия. В местностях, где царил полный произвол, их безопасность зависела только от того, насколько убедительно они могли сыграть роль дервиша, паломника или гималайского торговца. «Когда он войдет в Большую Игру, ему придется бродить одному — одному и с опасностью для жизни. Тогда, если он плюнет или чихнет, или сядет не так, как люди, за которыми он следит, его могут убить», — говорит один из героев Киплинга, руководивший воспитанием новичков. Их маскировка и прикрытия должны были выдержать испытание месяцев путешествия, часто в непосредственном контакте с подлинными паломниками и торговцами. Экспедиции некоторых из них продолжались по нескольку лет. Один пандит, «принеся больший объем положительных знаний по географии Азии, чем кто-либо другой», даже стал первым азиатом, представленным к Золотой медали Королевского Географического общества.

Кроме этого англичанами в Индии был организован Отдел разведки, который возглавил полковник Чарльз Макгрегор, впоследствии генерал-квартирмейстер индийской армии. На создание подобного органа англичан натолкнул пример русского централизованного сбора данных, для чего у нас в подчинении у

генерал-квартирмейстера работали Военно-статистический комитет, Военно-топографическое депо и Военно-ученый комитет. Вновь организованный британцами отдел разведки расположился в североиндийском высокогорном (около двух тысяч метров над уровнем моря) городке Симла, расположенном неподалеку от Дехрадуна. Поначалу отдел насчитывал всего пять офицеров, двое из которых были заняты лишь частично. Кроме того, им помогали несколько клерков и картографов из доверенных лиц местного населения. Основной их работой являлись сбор и оценка информации о дислокации и численности русских войск в Средней Азии, а также степени их угрозы Индии в случае войны. Они же занимались и переводом с русского на английский соответствующих книг, статей и других материалов.

Политические сведения по-прежнему собирали офицеры-пограничники и отправляли их в тыл, в политический департамент — Министерство иностранных дел индийского правительства, где они и числились на службе. А Служба Индии, расположенная в Дехрадуна, отвечала за сбор топографических данных, имевших военное значение. Эта организация, нанимавшая для сбора географической информации во всех стратегически уязвимых районах туземных агентов или пандитов, должна была картографировать весь субконтинент, как в пределах, так и вне границ Индии, и постоянно обновлять карты. Кроме этого, военные, политические и топографические сведения пополняли также инициативные молодые офицеры и другие, в основном неофициальные, путешественники. Однако никакого централизованного сбора сведений и общей координации, вопреки картине, нарисованной Киплингом в «Киме», в то время в Индии не существовало, а в отношениях между тремя этими службами процветали конкуренция и ревность. Русские же службы, как правило, скорее страдали из-за недостатка средств, чем от избытка рвения.

Весьма знаменателен следующий факт: несмотря на британо-русское противостояние в Центральной Азии, британские картографы обменивались информацией с русскими! В архиве Королевского Географического общества сохранилась переписка 1867–1876 годов начальника Управления военно-топографической службы Индии полковника Джеймса Т. Уолкера с российскими географами, военными топографами, геодезистами и картографами. Этот

замечательный факт свидетельствует о том, что, невзирая на соперничество двух империй в сфере геополитики, представители их государственных военно-топографических служб старались объединять усилия в исследовании неизвестных европейцам уголков Азии, исходя во многом из гуманистических принципов необходимости обеспечения прогресса научных географических знаний. Эта идея высказывается, в частности, в одном из писем Уолкеру начальника картографического отдела Военно-топографического депо Генерального штаба русской армии полковника О. фон Штубендорфа. Благодаря британского коллегу за полученную от него английскую карту Туркестана и направляя в Индию подборку новейших русских карт и публикаций, посвященных тем же районам, Штубендорф подчеркивает, что только таким мудрым путем географическая съемка Центральной Азии может быть значительно продвинута, а именно России и Англии следует действовать рука об руку на этой нейтральной территории географической науки...

Эта книга — не научный трактат, она предназначена для массового читателя. Поэтому в ней не будет тщательно отслеженных по всем цитатам отсылок и сносок. Изложенные в ней события — в основном плод сопоставления двух фундаментальных трудов: вышедшей у нас в начале XX века трехтомной «Истории завоевания Средней Азии» генерала М. А. Терентьева и написанной в конце XX века книги английского исследователя Питера Хопкирка «Большая игра, или Секретные службы в высокогорной Азии». Последний не пользовался в своей работе трехтомным трудом нашего военного историка, удовлетворившись двумя его гораздо более ранними книгами «Россия и Англия в Средней Азии» (1875 г.) и «Россия и Азия в борьбе за рынки» (1876 г.), которые были переведены на английский язык и изданы как двухтомник.

Также следует особо обратить внимание на то, что все даты в книге, за исключением цитат, даны по новому стилю: во-первых, чтобы не было путаницы при сопоставлении событий в британских и наших источниках, во-вторых, потому, что это более соответствует реальному состоянию времен года, а в-третьих, потому, что мы и сами уже давно живем по новому стилю. Более того, это необходимо сделать еще и по следующим соображениям.

Генерал Терентьев, проделавший колоссальную работу по обработке источников, создает тем не менее довольно запутанную картину событий, в которой не так-то легко просто разобраться, а не то что вынести некое здравое суждение. Это происходит потому, что, во-первых, Терентьев излагал события не в их хронологической последовательности, а следуя своей логике повествования, которая и привела его к тому, к чему привела. Во-вторых, наш историк, естественно, излагал события, пользуясь датами старого стиля, а при упоминании европейских событий далеко не всегда указывал стиль даты. В результате проследить, какое событие произошло раньше, а какое позже — читателю становится чрезвычайно трудно. Однако главная цель, по которой я предпочитаю свести все в единый стиль, заключается не столько в облегчении чтения, сколько в том, что при расстановке дат в строгой последовательности и в единой системе кроме логики автора изложения возникает еще и некая логика развития событий, которая, на мой взгляд, гораздо важнее.

И в заключение этого небольшого предисловия не могу не выразить благодарности Валерию Смолянинову, оказавшему значительную помощь и поддержку в работе над этой книгой.

Итак, главным призом для всех участников Большой игры, по мнению Британии, была «жемчужина британской короны» — Индия. Однако за этим стояло другое — возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах евразийского континента. Поэтому в Большую игру в качестве «игрушек» были вовлечены все страны Ближнего Востока, Средней, Центральной и Южной Азии и Дальнего Востока — от Турции до Японии. Иными словами, как писал Киплинг, «Большая игра так велика, что одним взглядом можно окинуть только маленький ее участок». Поэтому и мы рассмотрим лишь отдельные эпизоды этой игры, то есть сосредоточимся прежде всего на одной стране обширной Азии — Афганистане — стране, которой не посчастливилось в этой игре вдруг оказаться «воротами в Индию». И эти ворота, дабы «сокровища Агры» не пропали, следовало держать на замке.

В XIX веке англичане дважды, а в XX веке русские, осуществив военное вторжение в эту страну, совершили, как ни странно, одну и ту же ошибку. Хопкирк в предисловии к своей книге пишет: «Если бы

русские в декабре 1979 года вспомнили о печальном опыте англичан в Афганистане в 1842 году, кстати, имевшем место едва ли не при таких же обстоятельствах, они могли бы не попасть в ту ужасную ловушку, что унесла жизни 15 тысяч русских парней, не говоря уже о неисчислимых и невинных афганских жертвах. То, что афганский народ непобедим, Москва поняла слишком поздно. Афганцы не только не утратили своих грозных способностей, особенно проявляющихся на их собственной земле, но и быстро освоили новейшие методы ведения боевых действий».

Быть может, и в самом деле английский исследователь прав?..

Пролог

Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отмстил Турции за прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича.

Пушкин

Первые шаги к тотальному противостоянию двух империй, Британской и Российской, были сделаны в 1807 и в 1817 годах. Корни же этого противостояния лежат еще глубже — в начале XVII века, когда по морскому пути проникли в Индию и обосновались там англичане. Образовав Ост-Индскую компанию, Англия стала вывозить из Индии тончайшие хлопчатобумажные ткани, пряности, красители и прочие экзотические товары, скупавшиеся за бесценок у индийских крестьян и ремесленников. Постепенно владения британских купцов в Индии все более расширялись. В 1639 году англичане обосновались в Мадрасе. В 1663 году перенесли свою факторию из Сурата в Бомбей, островное положение которого давало им ряд преимуществ. В 1690 году — построили в низовьях Ганга свой укрепленный город Калькутту. Так, к концу XVII века британские колонизаторы создали в Индии сеть своих укрепленных баз на побережье.

В том же XVII веке, когда морская торговля Индии прочно перешла в руки европейских компаний, индийцы стали все более налаживать караванные связи со своими северными соседями. Через Персию и Бухару индийские купцы проникли в Астрахань и в 40-е годы XVII века уже прочно обосновались там. С 1649 года в Астрахани даже возник особый индийский двор — обнесенный стеной участок, где находились лавки и жилые помещения индийцев, а позднее и храм Вишну. Астраханские индийцы торговали и в Москве, и на Нижегородской (Макарьевской) ярмарке главным образом восточными (персидскими и индийскими) товарами. В восточной торговле России индийцы занимали второе место после армян из иранской Джульфы (Исфахана).

Царское правительство в XVII веке неоднократно пыталось установить непосредственные торговые и дипломатические связи с Индией, однако не смогло этого добиться ввиду трудностей проезда через территории нескольких восточных государств. Два русских посольства ко двору Шах Джахана — Никиты Сыроежина в 1646 году, а также Родиона Пушникова и Ивана Деревенского в 1651 году — были задержаны в пути персидскими властями. Посланное через Бухару посольство бухарца Мухаммеда Юсуфа Касимова добралось до Кабула — окраины тогдашней Могольской империи, но не было допущено правившим там Аурангзебом дальше, и лишь торговая миссия Семена Маленького в 1695 году достигла Дели, Агры, Сурата и Бурханпура. Она получила от Аурангзеба написанный по-тюркски фирман на право свободной торговли. Семен Маленький, однако, умер на обратном пути в Персии.

Таким образом, интерес к индийским товарам издавна существовал и в России. Однако английские исследователи полагают, что первым из царей, устремившим пристальный взгляд в сторону Индии, стал Петр Великий. Что же именно дает право называть Петра Великого первым русским самодержцем, устремившим пристальный взгляд на Индию?

Из отчетов русских путешественников Петр знал, что за горами и пустынями Средней Азии лежит сказочно богатая страна Индия. Знал он и о том, что эти сказочные богатства в огромных количествах вывозят оттуда морем его европейские соперники и, в частности, англичане. И Петр, с его проницательным умом, немедленно решил составить план, как прибрать к рукам не только золото Средней Азии, но и свою долю индийских сокровищ.

В 1713 году в Астрахань приехал некто Ходжа Нефес, садыр одного из туркменских колен, и сошелся с князем Самановым^[1], которому и передал, что желает предложить русскому царю завладеть страной при Амударье, где будто бы находится золотой песок. Он рассказал, что хивинцы, опасаясь России, засыпали то устье, которым Амударья впадала в Каспийское море, но прибавил, что можно без больших усилий уничтожить плотину и вернуть реке прежнее течение, в чем русским будут помогать и туркмены. Саманов проводил Нефеса в Петербург и, при посредстве гвардии поручика князя Бековича-Черкасского^[2], представился вместе с ним Петру Великому.

К этому времени Петр Великий получил известие также и от сибирского губернатора князя Гагарина о том, что в Малой Бухарии, при городе Эркети (нынешний Яркенд), на реке Дарье находится золотой песок. Ирония судьбы заключается в том, что Эркет, или Яркенд, стоит на реке Яркенддарье, которую тогда из-за совершенно смутных представлений о географии этих мест считали тождественной Амударье. Находившийся в то время в России хивинский посол Ашурбек подтвердил показания князя Гагарина и предложил Петру построить крепость близ того места, где Амударья прежде впадала в Каспийское море, и снабдить ее гарнизоном. А затем, разрушив плотины, вернуть Амударью в прежнее русло.

Якобы узнав о золотоносном русле реки Оке (греческое название Амударьи), Петр и решил захватить Хиву, но не столько из-за нее самой, сколько из-за вожделенной Индии. «Именно Хива, — пишет Хопкирк, — станет промежуточной перевалочной базой для караванов, которые, как надеялся Петр, скоро начнут возвращаться из Индии с грузом экзотических сокровищ, предназначенных для внутреннего и европейского рынка. Этот прямой наземный путь нанес бы серьезный ущерб существующей морской торговле, ибо морской путь из Индии в Англию занимал почти год».

Русский историк Терентьев как будто поддерживает это мнение. Он пишет: «Не столько золото, сколько возможность обратить величайшую из рек Средней Азии, Аму, в Каспийское море и тем самым открыть удобный путь сообщения России с отдаленнейшими странами, заставила Петра предпринять экспедиции со стороны Каспийского моря и Сибири».

Как бы то ни было, Петр Великий и в самом деле распорядился о проведении первой русской экспедиции в Хиву. Скорее всего, именно эта неудавшаяся экспедиция и дает право исследователям считать Петра Великого главным виновником жгучего желания русских... захватить Индию.

Передадим вкратце историю этого предприятия, имевшего место за сто лет до начала описываемого нами противостояния, по трехтомной истории завоевания Средней Азии генерала Терентьева.

Царский именной указ об отправлении экспедиции в Хиву с поздравлением хану по случаю его вступления в права владыки, а

оттуда в Бухару под предлогом торговли, был дан 29 мая 1714 года. Начальником экспедиции от Астрахани в Хиву был избран лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик князь Александр Бекович-Черкасский.

По приезде в Хиву Бекович должен был склонить хана к русскому подданству. Если хан согласится на все условия, то снарядить при его помощи две экспедиции, которые и отправить с караванами: одну к Яркенду, а другую, с Кожиным «под видом купчины», в Индию к Моголу. Для купеческого каравана в Индию было закуплено товаров на пять тысяч рублей. Кроме того, экспедиция должна была разведать пути и описать их подробно. Всего в отряде было шесть тысяч шестьсот пятьдесят пять человек. Для начала Бекович должен был построить крепость около прежнего места впадения Амударьи в Каспийское море.

В день отплытия из Астрахани (в середине сентября 1716 года) Бековича поразило большое несчастье: жена его и две дочери утонули. Это сильно подействовало на князя. Историки даже полагают, что это неожиданное событие навсегда лишило Бековича душевного спокойствия, а впоследствии отразилось и на его умственных способностях. Во всяком случае, все дальнейшие действия Бековича заставляют думать именно так, ибо совершенно неизвестно, для какой надобности Бекович вопреки приказу Петра I вместо одной крепости построил на Каспии три — Тюп-Караган, Красные Воды и Святой Петр, куда и засадил почти всю свою пехоту. В результате этого странного поступка главная и большая часть войск экспедиции, совершенно бесполезно для дела, была оставлена умирать в безводных и вонючих пребрежных укреплениях.

Самый путь был избран Бековичем, также вопреки воле Петра, не от Красных Вод по старому руслу Амударьи, а от Астрахани. Немудрено, что подчиненные перестали доверять ему, особенно когда он вырядился в азиатский костюм, обрил голову и принял титул Девлет-Гирея (покорителя царств). В умах русских людей, оказавшихся у него в подчинении, зашевелились подозрения в измене этого кабардинского князька.

Возвратившись 20 февраля 1717 года на верблюдах в Астрахань, Бекович занялся приготовлениями непосредственно к походу в Хиву. В состав отряда сухопутной экспедиции было назначено: пехоты —

триста человек, кавалерии: драгунский полк — шестьсот человек, яицких казаков — тысяча четыреста человек, гребенских казаков — пятьсот человек, черкесских узденей (с Сиюнчем и Ак-мурзой, братьями Бековича) — двадцать два человека, юртовских татар (калмыков) — тридцать два человека, нагайских татар — около пятисот человек, артиллерийских и морских чинов — около ста человек. Таким образом, всего три тысячи четыреста пятьдесят четыре человека при шести орудиях. Купеческий караван при отряде состоял из тридцати пяти купцов (в том числе тринадцати русских) и имел сто шестьдесят одного человека прислуги. При отряде состояли: князь Саманов, несколько астраханских дворян, подьячих и толмачей; проводником был туркмен Ходжа Нефес.

Следовательно, из едва ли не четырех тысяч человек в отряде было только триста пехотинцев!

Экспедиция выступила в конце апреля 1717 года, на Святой неделе. Сопоставляя все эти цифры, поневоле задумаешься, в самом ли деле «семерка» является счастливым числом. Яицкие и гребенские казаки, под командою секунд-майора Пальчикова выступили к Гурьеву со всеми лошадьми остального отряда (пехота, драгуны, уздени и остальные), отправлявшегося на судах к тому же Гурьеву неделей позже. Под Гурьевым Бекович простоял без всякой надобности около месяца, будто специально дожидаясь летней жары.

В начале июня, следовательно, в самое трудное для степного похода время, отряд выступил из Гурьева. Далее история прямо на наших глазах превращается в настоящую легенду, поскольку из похода почти никто не вернулся, и сведения о событиях добывались допросами проводника Ходжи Нефеса и казака из татар Урах-мета Ахметева. Числа их не сходятся день в день, но приблизительную картину гибели экспедиции представить все же можно.

Отряд выступил 8 июня после Троицы, оставив большую караванную дорогу на Хиву слева и направившись «для ради конских кормов и воды» другой дорогой, которая шла поблизости от морского берега и пересекала много речек. Через восемь дней отряд был уже на Эмбе, пройдя усиленными переходами, без дневок, более трехсот километров. Отдохнув здесь два дня, отряд двинулся к урочищу Богачат, откуда уже следовал по большой хивинской дороге на колодцы Дучкан, Мансулмас и Чилдан. Здесь на ночлеге бывшие при

отряде калмыки и туркмены, вместе с проводником Кашкою, бежали — частью в свои аулы, частью в Хиву. Проводником сделался Ходжа Нефес. Отсюда (за восемь дней хода до Хивы) Бекович отправил в Хиву дворянина Керейтова с сотней казаков для уверения хана в мирной цели своего посольства.

Когда Керейтов прибыл в Хиву, хан Ширгазы приказал заключить его вместе с конвоем в тюрьму, а сам поспешил собрать, сколько мог успеть, войска. Чтобы удостовериться в характере посольства, хан послал навстречу отряду своих узденей с подарками Бековичу, который не принимал послов в течение двух дней, пока не подошла остававшаяся на Ялгысу тысяча казаков, набравшихся сил после изнурительного марша. Это было сделано с целью показать хивинцам силы отряда. Однако для прибывших этот отряд не показался впечатляющим. Слухи о многочисленности хивинских войск (их было на самом деле двадцать четыре тысячи) подействовали и на Нефеса, который вслед за послами хана бежал от русских. Князь Бекович, поняв, что теперь хивинцы могут запросто напасть на него, расположил отряд тылом к воде, оградив его с прочих трех сторон телегами и арбами.

На другой день шестьдесят казаков, посланных на рыбную ловлю, были захвачены в плен, а 17 числа к отряду подошла хивинская конница, которая безо всяких предварительных объяснений понеслась в атаку. Бой продолжался до ночи, при наступлении которой хивинцы отступили на несколько километров и расположились табором.

Предвидя новое нападение, Бекович велел окопать лагерь рвом и валом, который и вооружил своими шестью пушками. На следующий день бой возобновился и продолжался еще двое суток (по другой версии, бой длился даже пять дней). Вооруженные преимущественно сайдаками (луками) хивинцы, конечно, не могли причинить русским, находившимся в укрытиях, значительного вреда, а сами терпели от нашей артиллерии и ружей значительный урон. Все наши потери заключались в десяти убитых. Видя безуспешность своих попыток, хивинцы приступили к переговорам. Посол хивинский оправдывался, что нападение на наш отряд было предпринято без повеления хана и до его прибытия к войску.

Между тем хан Ширгазы собрал совет и предложил коварный план, придуманный его казначеем: войти в переговоры, заманить к себе

русского предводителя и заставить его разделить войско на мелкие отряды, под предлогом размещения на зимние квартиры по разным городам. В русском лагере также совещались на военном совете. Майор Франкенберг и другие офицеры высказались решительно против переговоров; один Са-манов был за них, и Бекович принял его мнение, основываясь на том, что отряд сильно утомлен, а лошади и верблюды, находившиеся тоже в окопах, не могли более оставаться без пастьбы.

Во время этих совещаний, утром 20 июня, хивинцы возобновили нападения; но, когда Бекович через одного из татар потребовал объяснения, хан отвел свои войска, известив, что нападение было произведено без его ведома туркменами и аральцами. Для большей убедительности хан показал нашим посланцам двух туркмен, из числа будто бы виновных в нападении, которых водили перед всем войском на тонкой веревке, продернутой одному в ноздрю, а другому — в ухо.

Вскоре за тем явились в русский лагерь два хивинских уполномоченных Кулумбай и Назар Ходжа, с которыми и заключен был предварительный мирный договор, утвержденный с обеих сторон клятвою, причем уполномоченные хана целовали Коран, а князь Черкасский — крест. На другой день хан пригласил князя Бековича в свой стан для торжественного приема и для переговоров. Бекович тотчас отправился вместе со своими братьями, Самановым и свитой, в сопровождении семисот человек казаков и драгун. Ханское войско разделилось и пропустило их к ханским шатрам, вблизи которых приготовлены были шатры и для Бековича.

На следующий день хан принял князя Черкасского, который подал ему грамоту и царские подарки, состоявшие из сукон, сахара, соболей, девяти блюд, девяти тарелок и девяти ложек серебряных и так далее^[3]. Хан уверил князя в добром расположении своем к русским, подтвердил клятвою и целованием Корана мирный договор, заключенный Кулумбаем и Назар Ходжею, и угостил Бековича и Саманова обедом, в продолжение которого играла русская военная музыка.

После этого хан со всем своим войском двинулся назад к Хиве; с ними пошел и русский отряд. На другой день хан возвратил назад подарки с упреком, что сукна доставлены «драные», тогда как в царской грамоте значатся цельные. Разделил сукно на куски по пять

аршин Саманов, «чтоб им чем можно выехать назад». Черкасский горько упрекал Саманова за эту проделку, у него на глазах даже выступили слезы досады. Однако, не желая обнаружить истину, князь объявил, что это были подарки его собственные, царские же он вручит хану позже.

Перед отправлением в Хиву князь Бекович послал дворянина Званского известить майора фон Франкен-берга и Пальчикова о дружеском приеме хана и своем отъезде в Хиву, причем предписывал им идти за ним следом со всем остальным отрядом. Следуя через урочище Старая Хива (Куня-Ургенч) и аральские пашни, хан расположился лагерем близ городка Порсу на большом арыке Порсунгул, в двух днях пути от Хивы. Здесь Бекович имел новое свидание с ханом и вручил ему новые подарки. Главный отряд наш расположился километрах в трех от хивинского лагеря, так как ближе не допустили хивинцы.

На третий день хан объявил, что он не может поставить на квартирах в одном городе такой значительный отряд и потому просит разделить войско на несколько частей для отвода на квартиры в ближайšie к Хиве города. К удивлению всех присутствующих, Бекович тут же согласился исполнить желание хана и дал фон Франкен-бергу и Пальчикову соответствующие приказания, отпустив с хивинскими рассыльными и большую часть своего конвоя (пятьсот человек из семисот) в русский лагерь.

Наши офицеры, не столь доверчивые, как князь, были поражены нелепостью такого приказания. Узбекам, явившимся с предложением разделить отряд и идти с ними на квартиры, фон Франкенберг с неудовольствием объявил, что русским отрядом командует не хан, а князь Бекович. Два письменных приказания Бековича также не были исполнены. Нашим офицерам нелепость приказания была так очевидна, что только после личного объяснения фон Франкенберга, ездившего специально для этого в хивинскую ставку, с Бековичем, и только после угроз последнего предать их военному суду оба эти офицера отдались на волю Божию и, разделив отряд на пять частей, распустили людей с присланными узбеками.

Таким образом, небольшие отряды русских, в четыреста пятьдесят — пятьсот человек, разошлись во все стороны под конвоем хивинцев, будто бы принимавших дорогих своих гостей и разводивших их по

квартирам. Как только все группы разошлись, хивинцы неожиданно бросились на своих «дорогих гостей» и частью изрубили, частью взяли в плен и ограбили. Экономов, князь Саманов и князь Черкасский были раздеты донага и изрублены на глазах хана.

Впрочем, убили не всех. Хопкирк пишет, что некоторому числу захваченных солдат «жизнь спасло вмешательство хивинского акына, местного духовного вождя. Акын напомнил хану, что своей победой тот обязан предательству и что безжалостное уничтожение пленных только усилит его вину в глазах Господа. Это был мужественный поступок, и он произвел впечатление на хана. Русских пощадили. Некоторых продали в рабство пленившим их людям, остальным позволили проделать мучительный путь через пустыню обратно к Каспию. Выжившие в этом обратном путешествии и сообщили ужасные новости своим товарищам, остававшимся на побережье в двух маленьких деревянных фортах, построенных перед началом хивинского похода».

Последнее утверждение английского исследователя вызывает сомнения, ибо в построенных Бековичем крепостцах узнали о трагедии от туркмен, захваченных казаками в плен во время вылазки за дровами. Да и версия относительно отважного акына, скорее всего, не совсем точна. Возможно, акын предложил еще на предварительном совете убивать не всех, и его послушали, поскольку по местным обычаям в каждом военном походе непременно захватывали пленных для пополнения запаса рабов. Поэтому гораздо вернее другое свидетельство, утверждающее, что оставленных в живых русских употребили на рытье каналов-арыков.

Хан с торжеством возвратился в Хиву, встречаемый радостными толпами народа. С отрубленных голов снята была кожа и набита травой. У Адарских ворот, на особо устроенной виселице выставлены были приготовленные таким образом головы Саманова и Экономова. Голова же Бековича отправлена была к хану бухарскому; но тот не принял «подарка», велел встретить послов на дороге и сказать: «Если их хан людоед, то пусть эту голову отнесут ему назад; я не принимаю участия в его поступке...»

Так окончилась первая русская военная экспедиция в степи Средней Азии, подававшая вначале столь блестящие надежды. Урон

экспедиции превысил шесть тысяч человек, поскольку в прикаспийских крепостях люди мерли как мухи. Хивинскому хану повезло даже больше, чем он, вероятно, сам рассчитывал, слабо представляя размеры и военную мощь северного соседа. Никакого возмездия не последовало. Слишком далеко находилась Хива, и слишком занят был Петр, расширявший границы империи повсюду, особенно на Кавказе, чтобы посылать карательную экспедицию из-за какого-то там Бековича. Вот что найдем мы об этом у Терентьева: «Правительство перенесло катастрофу, постигшую Бековича, довольно безразлично — может быть, и потому, что неудача породила преувеличенные понятия о трудностях похода в Хиву, и с тех пор до 1839 года, т. е. в течение 122 лет, на вероломство, всегдашние грабежи и разбои хивинцев правительство наше отвечало одним только „презрением“...»

Тем не менее семена были посеяны.

Много лет спустя, после кончины Петра Великого, произошедшей в 1725 году, по Европе вдруг поползли странные слухи относительно его последней воли. Говорили, что уже на смертном одре он тайно приказал наследникам выполнить историческую — или считавшуюся таковой — миссию России — добиться мирового господства. Двойным ключом к такому господству Петр якобы полагал захват Индии и Константинополя и потому настойчиво призывал своих последователей не успокаиваться до тех пор, пока русскими не будут достигнуты обе цели.

Никто никогда не видел подобного документа, и большинство историков считают, что его и вовсе не существовало. Однако страх, связанный с именем Петра Великого, оказался настолько сильным, что со временем в существование таинственного документа начинали верить все больше, дело даже дошло до публикаций различных версий предполагаемого текста. И наконец, последняя воля русского царя превратилась в некое неотступное требование неутомного и амбициозного гения грядущим поколениям. А неоднократные попытки России продвинуться в сторону Индии и Константинополя многим представлялись настолько достаточным подтверждением этого факта, что вплоть до совсем недавнего времени существовала твердая уверенность — конечной целью России действительно является мировое господство.

И что же, сделан этот вывод на основании лишь некой странной легенды?! Однако, на мой взгляд, здесь опять имеет место предположение с большой долей вероятности. Петр был Великим, а значит — не мог не жаждать мирового господства! А мирового господства Россия может достичь только овладев Константинополем, то есть, конечно же, проливами Босфор и Дарданеллы. А для чего нужны России эти проливы? Да только лишь для того, чтобы отнять у Британии Индию! — Как вы не понимаете?! — Проще не бывает! Возможно, это и в самом деле так. Однако отчего же тогда Петр Великий вдруг постеснялся сказать об этом вслух? Ведь Александр, известный под тем же эпитетом, например, никогда и не думал скрывать своего желания мирового господства. Значит, и здесь та же самая история; запускали это «завещание» в оборот только те, кому оно было выгодно, то есть военные или так называемые «ястребы» — сторонники наступательной политики обеих сторон — Англии и России.

Лорд Джордж Натаниел Керзон прекрасно выразил это в своей книге «Россия в Средней Азии и англо-русский вопрос». Его отнюдь не поразила явная агрессивность русских военных по отношению к Британии, более того, он даже не стал придавать ей слишком большого значения. «Там, где у власти военные, и продвижение по службе происходит медленно, война становится неизбежно желанной, являясь единственной возможностью отличиться».

Тем не менее, несмотря на трезвые взгляды отдельных проницательных политиков, русская трагедия 1717 года ровно через сто лет откликнулась в Англии уверенностью в непременном стремлении России отнять у англичан Индию. Вновь некая мнимая, никакими документами не подтверждаемая фраза инициирует множество событий, которых, при отсутствии человеческой мнительности, возможно, могло и не быть.

Итак, Англия, достигавшая берегов Индии морским путем в обход мыса Доброй Надежды, медленно, но верно продолжала наращивать там свое присутствие и к началу XIX века прочно укрепила свое положение в этой отдаленной колонии. Эта «жемчужина» досталась британцам дорогой ценой, и они не собирались расставаться с ней ни при каких обстоятельствах. И вот, волею судеб, в XIX веке буфером в

столкновении азиатских интересов двух империй — Англии и России — явился Афганистан.

Россия и в самом деле начала интересоваться Афганистаном с 1810-х годов, при этом наша империя пыталась заручиться поддержкой соседней с ним Персии. Такой поддержки наша страна добилась благодаря договору, подписанному по окончании Русско-персидской войны в 1813 году, превратившему Каспийское море в район российского влияния. Дальнейшие уступки от Персии были получены Россией после конфликтов 1826–1828 годов. Тогда наша страна хотела наладить с Афганистаном добрососедские отношения, но Британия сразу же забила тревогу и включила Афганистан в круг самых главных своих интересов; она не могла спокойно смотреть, как Россия все ближе и ближе подбирается к Индии. «Сокровищам Агры» угрожал огромный «свирепый» хищник.

Поэтому в начале 1830-х годов англичане предприняли энергичные меры, позволившие им обследовать Амударью. В этом предприятии особенно отличился сэр Александр Бернс, служивший в Первом бомбейском полку легкой кавалерии. За свои незаурядные способности этот молодой офицер был зачислен в элитную индийскую политическую службу и уже в двадцать пять лет проявил себя как один из самых многообещающих молодых офицеров компании. Интеллигентный, находчивый и бесстрашный, он был также прекрасным лингвистом, бегло говорил на персидском, арабском, хинди и еще нескольких, менее известных индийских наречиях. К тому же, несмотря на хрупкое телосложение и мягкие манеры, он был чрезвычайно решительным и уверенным в себе человеком, обладающим удивительным обаянием, которое весьма эффективно использовал как среди европейцев, так и среди азиатов.

К середине 1830-х годов Бернс, подружившись с эмиром Афганистана Дост-Мухаммедом, уже успел побывать в Бухаре и Кабуле. И вот теперь, во время накала британо-русского соперничества, он стал доказывать необходимость своего присутствия в Афганистане. Возможно, желая вновь вернуться в места, принесшие ему столь неожиданную славу, Бернс в кулуарах начал всеми силами добиваться создания постоянной миссии в Кабуле. В задачу миссии входило бы не только поддержание тесных и дружественных отношений с Дост-Мухаммедом и пристальное наблюдение за

передвижениями русских к югу от Амударьи, но и обеспечение господства британских товаров на базарах Туркестана и Афганистана.

И если компании удалось бы в полной мере воспользоваться преимуществами доставки товаров по Инду, судоходность которого Александр Бернс уже продемонстрировал своим знаменитым путешествием, то британские товары, по его мнению, непременно восторжествовали бы над более дорогими и менее качественными русскими. Поначалу предложение Бернса было отвергнуто из-за опасений, что подобная миссия, как выразился один из чиновников, может «превратиться в политическое агентство». Однако новый генерал-губернатор Британской Индии лорд Окленд думал иначе, и 26 ноября 1836 года Бернс вновь отправился в Кабул.

Естественно, ни прежний его визит к Дост-Мухаммеду, ни проведенный им месяц в Бухаре не укрылись от внимания русских. С недавнего времени в России всё более настороженно и неотступно следили за всеми передвижениями английских путешественников по Азии. Постоянная конкуренция со стороны Британии ущемляла не только наши торговые, но и политические интересы. Однако если в том, что касалось Афганистана, у России пока еще не было особых опасений, то к Черноморскому побережью Кавказа приходилось относиться более трепетно. Большая игра Британии, уже не довольствуясь азиатскими ханствами, исподволь начала охватывать и Кавказ, являющийся, по мнению британских политиков, ключом к Константинополю. С некоторых пор с Кавказа в Санкт-Петербург стали поступать донесения о работе в этих местах британских агентов, снабжавших проживающие там племена оружием и призывавших горцев к сопротивлению неверным, которые идут захватить *их* земли.

События на Кавказе развивались следующим образом. При вступлении на престол Николая I между Россией и Персией происходили пограничные споры. В 1826 году Персия, без объявления войны, вдруг начала военные действия против России. Генерал Мадатов в битве у реки Шамхоры 14 сентября разбил персидский авангард, а 25 сентября Паскевич, хотя и располагал вдесятеро меньшими силами, обратил в бегство главные персидские силы под Елизаветполем. Затем Паскевич, в марте 1827 года перенес войну на персидскую территорию, взял 13 октября Эривань и 20 февраля 1828

года заключил Туркманчайский мирный договор, по которому Россия приобрела области Эриванскую и Нахичеванскую.

Вскоре, 20 октября 1827 года, произошла Наваринская битва, которая уничтожила турецко-египетский флот и повлекла за собой русско-турецкую войну 1828–1829 годов. Война эта, в которой Николай I принимал личное участие, не исполняя, однако, обязанностей главнокомандующего, закончилась Адрианопольским мирным договором, заключенным 14 сентября 1829 года. Согласно этому трактату, Россия удержала за собой «Георгиевское гирло Дуная» с обязательством не строить на островах укреплений, а в Азии присоединила к своим владениям часть Ахалцихского ханства, с крепостями Ахалцихом и Ахалкалаки, и кавказский берег Черного моря с Анапой. Кроме того, результатом Адрианопольского мирного договора было, наконец, провозглашение независимости Греции.

Таким образом, в результате войны с Персией и Турцией Россия, согласно Адрианопольскому мирному договору, закрепила за собой Черноморское побережье от устья Кубани до г. Поти. Заключенная при этом в 1833 году Гункьяр-Скелиссийская конвенция обязала Турцию закрыть для военных судов всех наций проход через Дарданелльский пролив. По убеждению Николая I, это постановление, предохраняя русские берега Черного моря от неприятельского нашествия, стоило двух союзных армий.

Однако, несмотря на то что Россия к этому времени уже прочно держала в своих руках большую часть Кавказа, включая Грузию и Армению, официально вошедшие в состав Российской империи еще в начале века, в горах на севере мусульманские племена все еще продолжали ожесточенную борьбу. Закончив войну с турками и персами, русские генералы бросили все силы на покорение воинственных жителей Кавказских гор, началась так называемая Кавказская война. И началась она с продвижения русских в Чечню, Черкесию, Кабарду и Дагестан. Однако покорение этих земель заняло гораздо больше времени, чем рассчитывали наши военные, горцы буквально растворялись в горах и лесах, превратив завоевание этих мест в упорные, кровопролитные бои. Более того, у них неожиданно обнаружился союзник — Британия.

По мнению британцев, русские, естественно, неохотно согласились отвести войска от Константинополя, ибо «намеревались превратить

Турцию в нечто худшее, чем простой протекторат России». Так думали все русофобы Британии. Больше всего вызывало протест англичан известие, что, согласно секретному приложению, турки должны были закрыть Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей, кроме русских, если последние того потребуют. Таким образом, в случае войны мощный Черноморский флот России получал исключительное право прохода через турецкие проливы.

Британский министр иностранных дел Пальмерстон пришел от этого в ярость и направил в Санкт-Петербург ноту протеста. Теперь ему казалось, что, пожалуй, лучше было бы иметь на турецком троне грозного Мухаммеда, пытавшегося установить дружеские отношения с Англией, чем вялого и бездеятельного султана. Ответ русских отнюдь не улучшил его настроения: Санкт-Петербург открыто заявил, что Россия сделала лишь то, что давно хотела, но не решалась сделать Британия. Пальмерстон счел ответ «легкомысленным и дерзким», хотя в глубине души и понимал всю его досадную правоту. Отношения между двумя державами стали стремительно ухудшаться. Николай I, как бы подтверждая мнение британских политиков о направлении его честолюбивых и долгосрочных замыслов, начал резко увеличивать флот. Британия в ответ сразу же стала наращивать Британский Королевский флот. Триумфальные победы русских над турками и персами в 1828–1829 годах и секретное соглашение по Дарданеллам сделали, по мнению британских политиков, ситуацию уже откровенно угрожающей, и теперь любой, даже самый тривиальный, факт начинал играть на руку русофобам.

Именно в это время тридцатичетырехлетний Дэвид Уркварт и взялся защищать права горцев. Уркварт, закончивший не только Французскую военную академию, но и Оксфорд, обладал блестящим талантом пропагандиста и все свое красноречие направил теперь против России. Вскоре он превратился в ведущего британского русофоба и в своих действиях беззастенчиво использовал дружбу людей из высших сфер. В результате в целом ряде секретных дипломатических миссий правительство пользовалось его услугами.

Во время своего пребывания в Константинополе в 1834 году Уркварт для начала установил контакты с вождями горцев, а потом тайно проехал по их горным крепостям, опередив в этом всех своих соотечественников. Уркварт ободрял кавказских вождей, давал им

советы, как лучше воевать против русских, в результате чего горцы попросили его остаться и возглавить их сопротивление. Однако британец отказался, заявив, что будет гораздо полезнее для них в Лондоне.

На родину Уркварт вернулся убежденным сторонником «маленького горского народа, который никому не угрожал и так напоминал ему родную Шотландию». По его мнению, Британия в собственных интересах, не говоря уже о моральном долге, должна была помочь кавказским племенам выбить русских с этого жизненно важного плацдарма, с которого Россия могла всегда угрожать Турции, Персии и, возможно, даже Индии. Да и вообще, как можно отдавать русским Кавказ, эту гигантскую естественную крепость, согласно военной точке зрения, одну из величайших крепостей в мире^[4].

Уркварт обрушил на британских читателей целый поток статей, памфлетов и репортажей, всячески прославлявших горцев и проклинавших русских. На следующий год он опубликовал уже целую книгу под названием «Англия и Россия», в которой предупреждал об экспансионистских устремлениях России на Ближнем Востоке и в Западной Азии. В книге он предсказывал, что сначала падет Турция. «Вся Оттоманская империя тотчас перейдет от нас к России, которая к тому времени станет нашим открытым врагом, — писал Уркварт. — И турецкая армия, оружие, границы, крепости, сокровища и флот, ныне стоящие против них, вымуштрованные, организованные и направляемые русскими, обернутся против нас». Проглотив Турцию, Россия поработит и Персию. «Она обучит, многочисленный, терпеливый и воинственный персидский народ и направит его против нас без особых проблем и затрат. Склонных к грабежам персов не придется долго упрашивать, достаточно пообещать им баснословные сокровища Индии в награду». Россия, заключал он, «выбирает момент... и не может просчитаться и упустить его. Весь ее ум, энергия и ресурсы сосредоточены на этом, и как только она будет полностью уверена в успехе, она выступит».

Впрочем, все это не являлось оригинальным. Первым, кто заговорил о призраке Оттоманской империи, захваченной русской армией, был все тот же сэр Роберт Вильсон, а идею русского вторжения в Индию силами персов еще за семнадцать лет до Уркварта высказал Киннейр. Однако с тех пор многое изменилось.

Складывалось впечатление, что Россия и в самом деле начинает исполнять все эти пророчества, и потому предупреждение Уркварта пришлось как нельзя кстати. Помимо увеличения флота, русские значительно усилили свое присутствие и на Кавказе — плацдарме, с которого можно было начинать продвижение в Турцию или Персию. Таким образом, к середине 1830-х годов русофобия достигла в Англии небывалых высот, и Уркварт не испытывал недостатка в заинтересованных слушателях.

Нет ничего удивительного в том, что имевший таких влиятельных друзей, как сам король Вильгельм IV, турецкий султан и лорд Понсонби, тогдашний посол Британии в Турции, Уркварт в 1836 году стал первым секретарем британского посольства в Стамбуле. Но он был не тот человек, который мог позволить своим новым дипломатическим обязанностям отвлечь его от русофобской деятельности и поддержания справедливой борьбы горцев. Именно к этому периоду его деятельности и относится в те времена знаменитое, но теперь давно уже забытое дело судна «Виксен».

История эта развивалась следующим образом. Россия объявила Черноморское побережье Кавказа своей суверенной территорией, полученной от Турции по мирному договору, и под предлогом чумного карантина установила на Черном море строгую блокаду береговой линии. Британия не признала этого заявления, но ее правительство, не чувствуя себя достаточно сильным, побоялось бросить России вызов открыто. Уркварт взбесила эта, по его мнению, потачка Пальмерстона Санкт-Петербургу, ибо лорд не выступил против блокады, препятствовавшей возможности поставлять на Кавказ британские товары, а главное, оружие.

В поисках выхода Уркварт убедил некую английскую судоходную компанию послать из Константинополя в порт Суджук-Кале, находящийся в северной части побережья, корабль с грузом соли. Уркварт затеял это как провокацию, призванную выяснить, как далеко готовы зайти русские в утверждении своих притязаний на Кавказ. Перехват судна, согласно его расчету, должен был воспламенить в Англии общественное мнение и заставить правительство предпринять прямые действия по защите своего торгового флота. Прямые действия означали введение в Черное море британских военных судов и тем самым пересмотр секретного русско-турецкого соглашения о

Дарданеллах. С другой стороны, если русские не остановят судна, это покажет, что, действуя достаточно решительно, их можно заставить отступить, а также и то, что можно продолжать поставки оружия осажденным черкесам.

В ноябре 1836 года британское судно под названием «Виксен» вышло из Константинополя в Черное море и направилось на восток. Уркварт и его сообщники, «ястребы» все до единого, верили, что остановить экспансию России сможет теперь только открытое столкновение Лондона и Санкт-Петербурга, и потому, надеясь, что судно перехватят, на все голоса кричали о нем в прессе.

Санкт-Петербург не мог этого не заметить, и поначалу события действительно развивались в желательном для британцев направлении.

12 ноября 1836 года командиру отряда судов Абхазской экспедиции контр-адмиралу С. А. Эсмонту доложили, что мимо Геленджика на север проследовало неизвестное судно. Тот сразу же послал для проверки бриг «Аякс», но встречный ветер задержал бриг, и он смог обнаружить судно лишь два дня спустя, разгрузившись в Суджукской (Цемесской) бухте. Судно оказалось английской шхуной «Виксен». Командир брига «Аякс» капитан-лейтенант Вульф задержал ее и доставил в Геленджик, затем, после предварительного беглого осмотра, повел шхуну в Севастополь, но из-за встречного ветра отстал и на некоторое время вновь потерял шхуну из виду. При подробном осмотре в Севастополе на борту судна обнаружили только соль, кормовой трюм оказался пуст.

Новости о захвате британского судна были тотчас сообщены в Лондон корреспондентами английских газет, по большей части константинопольскими друзьями Уркварта, и действительно вызвали там возмущение прессы и общественного мнения. Несмотря на то что мало кто в Британии имел даже малейшее представление о Черноморском побережье Кавказа, русофобские газеты, страдавшие от нехватки свежих фактов, проглотили наживку Уркварта. В то время как «Таймс» ругала правительство за позволение русским «насмехаться над Англией», «Эдинбург Ревю» исследовала более далекие последствия кризиса. «Как только Кавказ будет подчинен, — заявляла газета, — он окажется открытым, и Персия, тем самым будет отдана на милость Санкт-Петербурга... И тогда мы увидим, как со следующим

шагом границы России станут еще на 1200 миль ближе к нашим индийским границам».

Пальмерстон также был весьма разгневан захватом британского судна, и между Санкт-Петербургом и Лондоном началась разгоряченная переписка. Однако британского министра иностранных дел в не меньшей степени раздражал и сам Уркварт с его друзьями-русофобами, несомненно стоявшие за инцидентом. Лорд и ранее пытался заблокировать назначение Уркварта в Константинополь, но все знали, что его одобрил король, и коллеги по кабинету не поддержали министра. Однако, убежденный в своей правоте, Пальмерстон немедленно постарался отозвать нарушителя в Лондон прежде, чем тот сможет нанести еще больший ущерб англо-русским отношениям. Тем временем Уркварт с друзьями, сидя в турецкой столице, с нетерпением ждал ответного шага английского правительства на арест и конфискацию «Виксена».

Русский главнокомандующий на Кавказе Вельяминов, действительно обеспокоенный возможным влиянием этого дела на ход военных действий, обратился к черкесам, подозреваемым в укрытии у себя в горах иностранцев, с предупреждением. «Англичане, находящиеся среди вас, — заявлял он, — всего лишь беспринципные авантюристы». Они пришли не для того, чтобы помочь черкесам, а для того, чтобы присоединить Черкесию к Британии. Посему их следует вылавливать и убивать. Самим же черкесам, говорил он, должно хватить благоразумия на то, чтобы сложить оружие, ибо не бывало еще страны, которая ввязалась бы в войну с Россией и победила. «Разве вы не знаете, — спрашивал он, — что если небеса рухнут на землю, то русские смогут подпереть их своими штыками?» Поэтому лучше кавказским племенам идти под правление русского царя, а не британского короля. Однако если они станут слушать англичан и не сложат оружия, то не по вине русских дома и долины мятежников будут преданы огню и мечу, а горы «обращены в пыль».

Понятное дело, что подобные увещевания имели мало толку. Но через несколько месяцев после инцидента бежавший из горского плена канонир Анапского гарнизона сообщил, что в ноябре с какого-то иностранного судна выгрузили соль, ружья, порох и восемь пушек. Позиция России в этой истории сразу же стала неуязвимой. Наша сторона открыто заявила, что, по поступившим к нам сведениям, среди

горцев работали британские агенты, дающие им советы, снабжающие мятежников оружием и поощряющие их к сопротивлению. И вот теперь задержанное британское судно явилось прямым доказательством истинности этих сведений, поскольку, помимо груза соли, на борту «Виксена» было доставлено оружие для мятежников.

Лондон сразу же вынужден был отступить. Британское правительство заявило, что не намеревается раздувать скандал из-за захвата какого-то там торгового судна. Уркварту было велено вернуться в Лондон, где он был уволен за создание конфронтации между двумя союзными державами. Никто из влиятельных друзей за него не заступился, а король Вильгельм IV за месяц до этого умер. Впрочем, Уркварт не растерялся и начал усиленно атаковать Пальмерстона, утверждая, что тот был подкуплен русским золотом, и даже попытался добиться его отставки за предательство. Из этого, разумеется, ничего не вышло.

На арестованном нашими властями судне находился Джеймс Лонгворт, специальный корреспондент сочувствовавшей горцам газеты «Таймс», который прибыл туда специально для того, чтобы увидеть, как идут дела горцев в этой войне. Хозяином судна был также симпатизировавший черкесам его товарищ Джеймс Белл. Согласно сведениям нашей разведки, это был опытный агент, негласно направленный британским правительством в Константинополь для оказания посильной помощи мятежным горцам. По выяснении всех этих деталей нарушившее правила блокады судно выслали обратно. Однако до этого Лонгворт и Белл провели среди горцев несколько месяцев и за это время сполна убедились в исключительном благоговении черкесов перед «Дауд Беем», так там именовали Дэвида Уркварта. Чуть более двух лет назад, высадившись на их берег, он нашел этих людей разобщенными и дезорганизованными и немедленно занялся созданием среди них центрального командования. Им же была написана для них и декларация независимости, которую он намеревался распространить в Европе. Лонгворт и Белл тоже решили предложить черкесам свои советы и поддержку. Пока оба англичанина ждали новостей об ответе британского правительства на захват «Виксена» и на заявление Санкт-Петербурга о присоединении Кавказа, они могли наблюдать некоторые сражения. Лонгворт писал о

них в газету, тем самым помогая удерживать внимание британской общественности на проблемах черкесов.

Вот как выглядели наши действия на Кавказе, согласно его описаниям.

Сначала, пока бои шли в приграничной зоне, русские пытались сломить сопротивление горцев конными атаками казаков, но, за многие столетия накопив опыт войн в горах и лесах, а также зная местность лучше противника, черкесы показали себя достойными соперниками. Обеспечены и вооружены они были тоже лучше казаков, а опытные и безжалостны — не менее. В результате русские генералы вынуждены были задуматься и пустить в горы пехоту, поддержанную артиллерией. Казаки же лишь охраняли фланги. И русские продвигались теперь по вражеской территории очень осторожно, разрушая деревни и уничтожая урожай.

После отчаянных, но безуспешных попыток прорвать русские ряды, в ходе которых, по словам Лонгворта, «жертвой своей собственной безрассудности становились самые лучшие и смелые воины», черкесы также сменили тактику. Вместо того чтобы сталкиваться с противником лицом к лицу, они стали заманивать его в искусно устроенные засады и ловушки, нападая с неожиданных направлений и также быстро уносясь прочь на своих быстрых лошадях. Русские пустили в дело крупную картечь — ранний вид шрапнели. «Их пушки, — жаловался один черкес Лонгворту, — вместо одного ядра, которое обычно свистело у нас над головами... теперь выплевывают десять тысяч, причем даже самое маленькое из них разрывает и уничтожает все вокруг». И он умолял англичан снабдить их таким же оружием, уверяя, что тогда русские войска «не смогли бы больше держать строй, и наша кавалерия делала бы с ними все, что хотела, как и прежде».

Отступление Британии поставило Лонгворта и Белла, неоднократно уверявших горцев в скорой поддержке самой могущественной нации в мире, в крайне затруднительное положение. Вернувшись на родину, оба опубликовали подробные отчеты о своих приключениях и опыте общения с моджахедами. Уркварт по своем прибытии в Лондон также с новой силой принялся бороться за дело русофобов. В частности, он организовал контрабандные поставки оружия для черкесов, благодаря которым, согласно классической работе Джона Беддли «Завоевание Кавказа русскими», опубликованной в 1908 году, черкесы воевали значительно успешнее. Впрочем, на основании этого он обвиняет Уркварта и его друзей в затягивании войны, которую черкесы все равно никогда не смогли бы выиграть, а также в ободрении их ложными надеждами на будущую поддержку Англии.

Продолжая действовать с прежним пылом, Уркварт, возможно, скоро прошел бы и в парламент, где вновь попытался бы сместить Пальмерстона за предательство и еще более развил бы свою антирусскую деятельность, но постепенно его увлекли другие дела. В конце концов, слабое здоровье заставило главного русофоба того времени перебраться в швейцарские Альпы. И все-таки Уркварт успел немало сделать для того, чтобы восстановить британское общественное мнение против Санкт-Петербурга и углубить растущую между двумя державами пропасть.

Одновременно с этими событиями в соседнюю с Афганистаном страну Персию был назначен новый британский посланник — Джон Мак-Нил. Еще до назначения посланником Мак-Нил написал книгу с подробным описанием экспансии России в Европе и Азии со времен Петра I. Опубликованная в 1836 году по настоянию Пальмерстона анонимно под названием «Настоящие и будущие позиции России на Востоке», эта книга надолго стала ярким образчиком литературы о Большой игре. К книге вновь прилагалась обширная складная карта, наглядно иллюстрировавшая пугающее усиление русской экспансии за предыдущие полтора века. Имелась и таблица, показывавшая рост населения России в результате последних аннексий и других приобретений. По мнению автора, всего со времен вступления на престол Петра число подданных русского царя увеличилось едва ли не

в четыре раза: с пятнадцати до пять-десяти восьми миллионов. Русские границы придвинулись к Константинополю на пятьсот миль и к Тегерану — на тысячу. В Европе русские отторгли от Швеции больше территории, чем осталось в этой некогда могущественной державе, а от Польши — равную по площади всей Австрии.

«Все эти обширные приобретения, — писал Мак-Нил, — сделаны вопреки мнению, желаниям и интересам Англии. Расчленение Швеции, раздел Польши, захват турецких и персидских провинций нанесли ущерб британским интересам». Русские, добавлял он, достигли всего этого втихомолку, добиваясь своих целей «последовательными вторжениями, ни одно из которых не казалось достаточно важным для того, чтобы великие державы Европы из-за него разорвали дружеские отношения с ними». Это оказалось удачным описанием того процесса, который Санкт-Петербург будет вновь и вновь осуществлять в последующие годы относительно Азии.

Хопкирк пишет: «Едва заняв новый пост, Мак-Нил сразу же обнаружил, что влияние России при дворе шаха даже по сравнению с недавним временем значительно усилилось, а в лице графа Симонича, генерала русской армии и представителя Санкт-Петербурга в Тегеране, столкнулся с весьма грозным и далеко не самым щепетильным противником. Однако Мак-Нил был уже не новичком в политическом мире и решил во что бы то ни стало расстроить игру царя Николая. Русские же, между тем, начали скрытно передвигать войска в сторону Герата и Кабула — двух главных ворот в британскую часть Индии. Большая игра, таким образом, вступала в свою новую и более опасную фазу».

Виткевич

Министерство, я знаю, ежели оно от меня отречется, — а оно отречется, — я за год лишений, лихорадки...

Офицер забил себя в грудь.

— Я на человека стал непохож, — сказал он хрипло и добавил совершенно спокойно: — за год командировки — наградой конечная гибель...

Ю. Тынянов.

Смерть Вазир-Мухтара

Непосредственно следом за сэром Робертом Вильсоном тревогу по поводу возможной угрозы Индии со стороны России забил официальный представитель Ост-Индской компании ветеринар Уильям Муркрофт. Во время своих путешествий по отдаленным районам Центральной Азии, где, как тогда принято было считать, еще не ступала нога европейца, Муркрофт вдруг обратил внимание на двух собак явно неазиатского происхождения. Более того, заметив, что одна из них охотно выполняет команды, каковым ее мог научить только пехотинец, Муркрофт сразу же заключил, что здесь побывали русские солдаты, и встревожился не на шутку. Он сразу же посчитал необходимым исследовать пути в Балх и Бухару главным образом для того, чтобы выяснить — возможно ли протащить по ним артиллерию. Для осуществления такого исследования Муркрофт в компании с Дж. Требеком под предлогом покупки знаменитых племенных ахалтекинцев проник в 1823 году в Бухару.

На обратном пути оба были убиты, но успели послать в Индию собранные ими ценные научные сведения. Но кроме этих сведений, до самой смерти, наступившей в 1825 году, Муркрофт без устали писал в Калькутту взволнованные письма, предупреждая начальство о неизбежности проникновения русских в Центральную Азию и

призывая своих руководителей в Калькутте действовать решительнее, чтобы опередить русских.

Он неоднократно предупреждал, что русские могут захватить не только весь Туркестан и Афганистан с их огромными закрытыми для европейцев рынками, но, вполне вероятно, и британскую часть Индии. Он был убежден в намерениях Санкт-Петербурга захватить огромные нетронутые азиатские рынки и требовал, чтобы Ост-Индская компания решила наконец, будут ли коренные жители Туркестана и Тибета «одеваться в тонкое черное сукно из России или из Англии» и покупать «железные и стальные орудия, изготовленные в Санкт-Петербурге или Бирмингеме». В одном из писем он объяснял, что под руководством всего лишь небольшого числа английских офицеров местные иррегулярные войска вполне смогут остановить всю идущую на юг через перевалы русскую армию, просто закидав ее огромными глыбами с окружающих высот.

Но в середине 1820-х годов русофобы Индии и Великобритании составляли меньшинство, пользовавшееся слишком слабой поддержкой со стороны правительства и руководства компании, а чаще и вовсе не имевшее поддержки. У руководства компании тогда и в мыслях не было, что Санкт-Петербург, все еще официальный союзник Британии, имеет какие-либо коварные намерения относительно Индии. К тому же первой и достаточно дорогостоящей задачей Британии на тот момент являлась консолидация и защита уже завоеванных земель, а не захват новых, к чему настоятельно призывал Муркрофт. Поэтому, полагая предупреждения ветеринара плодом чрезмерного рвения, а не трезвых оценок, начальство не обращало на них внимания, и его страстные письма оказались погребенными в архивах.

Но за Муркрофтом последовал Александр Бернс, проделавший в 1832 году путешествие от Кабула до Бухары.

Кроме него в экспедиции участвовали французский хирург Джеймс Джерард, окончивший колледж в Дели индеец Мохан Дал и индийский топограф. Джерард вернулся в Индию через Герат и Кандагар, Бернс возвратился в Англию через Иран, а в 1836 году, как мы уже видели, снова отправился в Афганистан, получив назначение на пост торгового агента в Кабуле. В своем отчете Бернс описал важнейшие пути через Памир и сообщил ценные для того времени сведения географического

и экономико-политического характера о странах Центральной Азии; в этом труде опубликована и получившая большую известность карта Центральной Азии и путешествий в Бухару. Книга вызвала большой интерес и была переведена на русский, французский и немецкий языки.

Бернс также предупреждал английское правительство о вполне реальной возможности вторжения русских армий в Индию. И с середины 1830-х годов, дабы лучше понять намерения России, ряд английских агентов, несмотря ни на какие затруднения, начал проникать в Среднюю Азию, причем некоторые из них возвращались в свое отечество через Россию. С этого же времени англичане, под видом евангелических миссионеров, утвердились целой колонией в Оренбурге; но когда в России заметили, что эти миссионеры имеют совсем другие, а отнюдь не благотворительные намерения, им предложили покинуть пределы страны. Тогда, потеряв надежду к распространению своего влияния на Среднюю Азию и исследование ее из самой России, англичане стали проникать туда преимущественно из Индии через Персию.

Неизвестно, чем бы закончились все эти разыскания английских агентов, если бы к этому времени в Афганистане с новой силой не разгорелись междоусобные смуты. Афганистан постоянно оставался в центре интенсивной и непрекращающейся борьбы за власть с того самого времени, как пала великая Дурранийская держава — вторая великая афганская империя Дуррани, основанная в 1747 году после смерти Надир-шаха его телохранителем Ахмад-ханом, который принял имя Дурре-Дуррани — «жемчужина жемчужин». Эта империя простиралась от Сырдарьи до Арабского моря и от Мешхеда до Дели и просуществовала до 1818 года, когда была сменена династией Баракзаев. И вот теперь один из потомков Ахмад-хана, Камран, дал обет восстановить владения своей семьи, свергнув сидящего в Кабуле эмира Дост-Мухаммеда, а персы в свою очередь решили попытаться вернуть когда-то принадлежавшую им восточную провинцию — Герат. Дост-Мухаммед также поклялся не только вернуть Афганистану его былые славу и величие, но и отобрать у Ранджит Синга, с которым англичане заключили дружественный договор, богатую и плодородную провинцию Пешавар.

Англия, естественно, попыталась использовать эти внутренние усобицы в своих интересах, намереваясь посадить на кабульский трон послушного Британии владыку, а поскольку Камран и Дост-Мухаммед были не единственными претендентами на власть в Афганистане, то англичане решили поддержать еще и Шуджу-уль-Мулька, шаха, сидевшего до того времени изгнанником в британской части Индии. И Дост-Мухаммед, ввиду всех этих обстоятельств, вознамерился в 1834 году попытать счастья в России.

Посланец Дост-Мухаммеда добрался до Оренбурга только к 1836 году. Оренбургский генерал-губернатор, молодой и талантливый генерал Перовский, сразу же написал в Министерство иностранных дел письмо, в котором говорил, что если мы не поддержим Дост-Мухаммеда, то англичане подчинят себе Афганистан, а затем и другие народности Средней Азии, которые будут снабжены оружием, порохом и деньгами и превратятся в опасных наших врагов. Николай I одобрил соображения Перовского. В результате было решено послать в Афганистан некоего Виткевича с предметами обмундирования и снаряжения для афганцев, а также группу инструкторов-офицеров с оружейниками под видом мирных путешественников. Поскольку именно эта миссия Виткевича и послужила началом Первой англо-афганской войны, рассмотрим эту историю несколько подробнее.

1

Молодой поручик литовского происхождения Ян Виткевич в 1837 году был вызван из Оренбурга в столицу для получения инструкций на самом высоком уровне. Ему предстояло отправиться в Персию в распоряжение нашего посланника в Тегеране Симонича. Граф Симонич, первоначально Гра-Симонич, серб родом из Иллирии, поступил на французскую службу, когда его родина после заключения мира в Шенбрунне (1809 г.) отошла к Франции. Молодым, в чине капитана, он принимал участие в походе 1812 года и во время отступления французов попал в плен у Красного. Будучи больным, Симонич остался в Казани, встретил у местного дворянства дружеский прием и благодаря своей красивой внешности, образованности, живости характера и славянскому происхождению, сделался всеобщим любимцем. После заключения Парижского мира (1814 г.) Иллирия снова отошла к Австрии, и так как Гра-Симонич не пожелал быть

подданным этого государства, он поступил на русскую службу и попросился на Кавказ, чтобы сделать там карьеру. Ему присвоили звание майора и послали служить в Грузинский гренадерский полк. Здесь под командованием генерала Ермолова, который его очень высоко ценил, Симонич участвовал во многих экспедициях против горцев. Затем он с попустительства начальства переделал свою приставку «Гра» на «граф», хотя на самом деле никаким графом не был, и женился на восемнадцатилетней вдове, княгине Орбелиани, женщине необычайной красоты.

В битве с персами при Елизаветполе (сентябрь 1826 г.), ведя свой батальон в штыковую атаку, Симонич был тяжело ранен в левое бедро и остался хромым на всю жизнь. Позднее, в 1828–1829 годах, он принимал участие в походах против турок в Азии. После заключения Адрианопольского мира Симонича произвели в генерал-майоры и по рекомендации его покровителя, князя Паскевича, назначили в 1833 году посланником в Персию, где он завоевал большое доверие тамошнего правителя Фатх-Али-шаха. Граф находился в дружеских отношениях с английским посланником Эллисом, и после смерти Фатх-Али-шаха (1835 г.), благодаря их совместным энергичным действиям, была предотвращена гражданская война между многочисленными сыновьями шаха (который, к слову сказать, имел гарем из полутора тысяч жен). Оба правительства (русское и английское) добивались от персов того, чтобы в будущем престол занимал только ближайший наследник, и таким образом законным престолонаследником был признан в 1833 году Мохаммед-Мирза, старший сын умершего Аббаса-Мирзы (последнему мы обязаны войной 1826–1828 годов, приобретением двух бывших персидских провинций — Эривани и Нахичевани, смертью Грибоедова и двадцатью миллионами серебряных рублей контрибуции). Мухаммед-Мирза и вступил на персидский трон под именем Мохаммед-шаха. Мак-Нил был тогда всего лишь врачом в английском посольстве. Но после отзыва из Персии Эллиса лорд Пальмерстон назначил Мак-Нила его преемником, что, естественно, несколько задело самолюбие графа Симонича, так как новоиспеченный английский министр, игравший ранее лишь второстепенную роль в Персии, теперь вдруг занял положение, равное русскому полномочному министру.

Когда Виткевич прибыл в Тегеран, шах отсутствовал: он неспешно двигался со своей армией к Герату, чтобы овладеть им. Шах, по его понятиям, имел на то полное право, потому что этот важный город ранее принадлежал Персии, и персидские правители от него никогда не отказывались. Кроме того, тогдашний правитель Герата Камран-Мирза (называвшийся также Камран-шахом), афганец, часто совершал набеги на пограничные персидские районы, грабил города и деревни, уводил с собой жителей и тысячами продавал их в Бухару и Хиву. Русский и английский посланники отговаривали шаха от этого похода. В особенности старался граф Симонич, убеждая шаха через первого министра Мирзу Хаджи-Агасси сначала привести в порядок расстроенные финансы государства, улучшить управление, а затем уже думать о возвращении прежней собственности. Однако эти дружеские советы не имели ни малейшего успеха.

В июле 1837 года Мохаммед-шах выступил с армией из Тегерана, чтобы вернуть Герат, в котором сходились дороги из Бухары, Туркмении, Мешхеда, Йезда, Кермана и Кандагара. Это был действительно очень важный пункт — не зря англичане считали его ключом к Индии. Английское правительство, полагая, что за походом шаха на Герат стоит Россия, очень неодобрительно относилось к этому предприятию и пыталось любыми средствами сорвать поход или по крайней мере помешать его осуществлению. Всем английским офицерам, находившимся на персидской службе, было запрещено следовать за армией; исключение составлял лишь полковник Стоддарт, который должен был подробно информировать министра Мак-Нила о продвижении войск.

Русская же сторона решила воспользоваться этим походом дружественного правителя, чтобы отправить в Кабул своего представителя с письмом от Николая I, подтверждавшим дружеское расположение к Афганистану. С этой целью Виткевич и прибыл в Тегеран, откуда отправился вслед за неспешно продвигавшейся персидской армией. На этом своем пути он случайно натолкнулся на еще одного странного путешественника.

Именно с этой исторической встречи Хопкирк и начинает тринадцатую главу своей книги «Загадочный Виткевич»: «Однажды осенью 1837 года молодой британский субалтерн, путешествуя по отдаленным приграничным областям восточной части Персии, едва

поверил своим глазам, вдруг увидев в степи движущийся к афганской границе отряд казаков. На вопросы о том, что они делают в этих глухих местах, казаки отвечали весьма уклончиво и неохотно».

Встретил казаков сэр Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895) — британский офицер и ориенталист, человек весьма замечательный. Он расшифровал клинопись Дария, благодаря чему был назван «отцом ассиурологии». В 1827 году он приехал в Индию как кадет Вест-Индской компании и в 1833 году с другими офицерами был послан в Иран для реорганизации шахской армии. Там он заинтересовался персидской стариной и занялся расшифровкой клинописи Бхистуна. Через два года Роулинсон опубликовал свой перевод двух первых параграфов клинописи.

И вот теперь он как бы случайно прогуливался в районе пути от Тегерана к Герату и, по-видимому, для красоты истории, назван субалтерном, то есть младшим лейтенантом. Да, на тот момент он, конечно, еще не был полковником, но... чин майора все-таки имел, а кроме того, являлся политическим советником сэра Джона Мак-Нила^[5]. И вот этот молодой «субалтерн», несмотря на то что по ответам казаков (не следует забывать, что казаками англичане называли также киргизов), ничего однозначно понять было невозможно, естественно, сразу же заключил, что они пытаются тайно проникнуть в Афганистан. А раз так, значит, этот визит не сулит англичанам ничего хорошего.

«Их командир, — писал впоследствии Роулинсон, — весьма подвижный молодой человек, с необычайно белым цветом лица и ясными глазами, выглядел очень оживленным». Когда англичанин подъехал поближе и вежливо взял под козырек, русский учтиво поклонился, однако промолчал, приглашая гостя заговорить первым. Сначала Роулинсон обратился к нему по-французски, как было принято среди европейцев на Востоке, но тот только покачал головой. Не зная русского, Роулинсон попробовал заговорить по-английски, а затем и по-персидски, но вновь безуспешно. Наконец, русский заговорил на туркменском, который Роулинсон знал очень поверхностно. «Я знал его лишь настолько, — писал он позднее, — чтобы уметь объясниться, но недостаточно для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Совершенно очевидно, что именно этого и добивался мой приятель».

Виткевич сказал Роулинсону, что везет подарки царя новому персидскому шаху, который после долгой семейной борьбы за власть только что унаследовал трон покойного отца. Это выглядело вполне правдоподобным, поскольку шах и в самом деле находился на расстоянии дневного перехода от них. В действительности с посланием от Мак-Нила к нему направлялся и сам Роулинсон. Однако рассказ русского британца не убедил, более того, «субалтерн» заподозрил, что отряд, скорее всего, направляется в Кабул. Роулинсон понимал, что если это правда, то в Лондоне и Калькутте, где Афганистан рассматривали как неотъемлемую часть сферы британских интересов, начнется переполох, ибо это будет означать, что Симонич ведет двойную игру. «Ведь хотя граф и заверял Мак-Нила в своих неустанных попытках удержать шаха от военных действий, в Тегеране ни для кого не было секретом, что, скорее всего, именно он и уговорил персидского владыку двинуться на Герат и вырвать его из рук Камрана, поскольку Персия уже давно намеревалась сделать это», — пишет Хопкирк. Здесь мы опять имеем нечто, предположенное с большой долей вероятности, но выданное за истину. Похоже, это излюбленный прием британских политиков.

Выкурив с казаками и их командиром трубку или две, Роулинсон откланялся и поспешил своей дорогой, решив непременно выяснить, в чем именно заключается игра русских. В тот же вечер, добравшись до лагеря шаха, Роулинсон немедленно попросил аудиенции и, оказавшись в шахском шатре, рассказал Мухаммеду о встрече с русскими, якобы везущими для него царские подарки. «Подарки для меня?» — изумился весьма юный и недалекий шах, даже не подозревавший, что британский гость безразличен к разговору только с виду, и предположил, что, поскольку он по просьбе Симонича разрешил казакам безопасный проход по своим владениям, подарки предназначены, скорее всего, для эмира Кабула Дост-Мухаммеда. «Роулинсон понял, что получил сведения необычайной важности, и как можно скорее поспешил вернуться в Тегеран».

Именно в этот момент в персидский лагерь и прибыл Виткевич, еще не знавший, что Роулинсон уже переговорил с шахом. В этот раз обратившись к Роулинсону на великолепном французском, офицер представился капитаном Яном Виткевичем из оренбургского гарнизона. Он извинился за прежнюю холодность и уклончивость,

объяснив, что излишняя откровенность с чужестранцем, встреченным в пустыне, есть явное неблагодарумие, но теперь он готов исправиться. И Виткевич действительно стал проявлять к англичанину особую сердечность. Эта случайная встреча в самом сердце территории Большой игры стала первым личным столкновением между ее противниками. В большинстве случаев и те и другие работали скрыто и встречались редко, если встречались вообще. Но встреча Роулинсона и Виткевича имела самые непредвиденные и далеко идущие последствия.

Спеша в лагерь шаха, Роулинсон преодолел тысячу километров от Герата до Тегерана за едва ли не рекордное время — сто пятьдесят часов. Лондон с Калькуттой затрясло от предупреждения Мак-Нила о неожиданно вскрывшихся действиях русских. Попавший в руки персов Герат и без того давал России важный и опасный для Англии плацдарм на западе Афганистана, а случайное открытие Роулинсона показало, что интересы Санкт-Петербурга в Афганистане далеко не ограничиваются только Гератом — в опасности оказался также и Кабул. Если встреча Виткевича с Дост-Мухаммедом увенчается успехом, то русские одним эффективным прыжком преодолеют лежащий между ними и британской частью Индии барьер из пустынь, гор и враждебных племен.

Впрочем, власти в Лондоне и Калькутте вполне могли успокоить себя по крайней мере одним: именно в тот момент у них в нужном месте оказался нужный человек. Ведь если кто-то и мог противостоять Виткевичу, смешав его карты, так только капитан Бернс, исключительно способный молодой человек, как раз в это время бывший при дворе Дост-Мухаммеда в Кабуле. При этом у англичан даже не возникло мысли о том, что первыми направили в Кабул своего резидента и первыми начали склонять эмира Афганистана на свою сторону именно они. По логике британцев, они совершенно оправданы уже одним тем обстоятельством, что их притязания были нацелены на охрану Индии, а потому несомненно законны. Амбиции же России в Средней Азии — всего лишь недостойная жадность, и русские не имеют права даже дружить со своими соседями.

Бернс прибыл в Кабул 20 сентября 1837 года. Афганский владыка стремился приступить к серьезным делам сразу же, как только позволит дипломатический этикет, ибо речь теперь шла не о торговле, а о политике. Кроме того, Дост-Мухаммед, в отличие от Бернса, знал, что Виткевич с казаками уже в пути, и афганский владыка хотел поскорее выяснить, на что он может рассчитывать в случае союза с англичанами. Он поставил единственное условие: Британия должна помочь ему вернуть Пешавар (Страну пяти рек), которую она же фактически и отняла у него, «подарив» Ранджит Сингу. Но Бернс постоянно отговаривал эмира от этого, ссылаясь на дружественный договор англичан с сикхами, который Британия никоим образом не хотела нарушать. Поначалу эта позиция Бернса выглядела безупречной, но теперь ситуация изменилась, и в случае отказа англичан в вопросе предоставления эмиру столь необходимой ему военной помощи прибытие русских могло склонить чашу весов в сторону России.

В Кабуле в это время находился еще один британец — Чарльз Мейсон, странствующий антиквар, увлеченный историей Юго-Восточной Азии, уже несколько лет скитавшийся по Персии и Афганистану в поисках монет и прочих древностей. Передвигаясь обычно пешком, порой с пустыми карманами и в лохмотьях, он знал этот район, как никто из европейцев. Мейсон выдавал себя за американца из Кентукки, но, как выяснил британский политический агент в Лудхиане капитан Клод Уэйд, являлся отнюдь не американцем, а самым обыкновенным дезертиром из армии Ост-Индской компании Джеймсом Льюисом. Он появился в афганской столице летом 1833 года и поселился неподалеку от Бала Хиссара в армянском квартале.

В то время для получения разведывательной информации по политическим и экономическим вопросам из отдаленных, не имеющих европейских представителей областей британская разведка использовала людей, известных как слухоноши (разносчики слухов). Это были по преимуществу разные торговцы. Приносимую ими информацию приходилось тщательно проверять, поскольку большей частью она основывалась на всевозможных сплетнях. Поэтому, узнав, что Мейсон находится в Кабуле, Уэйд сразу же за него ухватился, тем более что антиквары — люди обычно весьма здравомыслящие и вполне способны улавливать истину в море слухов.

Воспользовавшись тем, что дезертирство из армии компании автоматически означало расстрел, Уэйд предложил Мейсону, продолжая заниматься своими историческими и археологическими изысканиями, регулярно сообщать в британский политический департамент новости из Кабула, пообещав за это официальное помилование и даже небольшое жалованье. Мейсон, естественно, сразу же согласился.

Виткевич, прибывший в Кабул в конце 1837 года, писал о нем следующее: «Англичане содержат в Бухаре кашемирца Низаметдина и дают ему 20 тыс. рупий, то есть 40 тыс. рублей в год. Живет он уже 4 года и притворяется, что не мог доселе распродать по выгодным ценам шали свои. Он человек смышленный, знается со всеми... отправляет через нарочного тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул англичанину Мейсону. Удивительно, что Дост-Мохаммед-хан, владелец Кабулистана очень хорошо знает назначение Мейсона; хан даже перехватывал письма его, но не трогает лазутчика, говоря: что мне сделает один человек!.. Низаметдин старался немедленно по прибытии моем познакомиться со мною и выспрашивал меня обо всем: о Новоалександровске, о Новой линии, об отношениях с Хивой. Будучи уже предупрежден, не давал я ему на это положительных ответов, но он, при всем том, отправил на другой же день письмо в Кабул».

Никому не известно почему, но Мейсон активно невзлюбил Бернса. В книге, написанной уже после смерти последнего, Мейсон обвинил во всех ошибках именно его. Впрочем, возможно, антипатия была взаимной, ведь Бернс явно знал о дезертирстве агента. Спесь английских аристократов хорошо известна, и Бернс наверняка, если и не показывал вида, в душе все же презирал своего соотечественника. А столь тонкий человек, как антиквар Мейсон, вполне мог чувствовать его внутреннее осуждение. В собственном отчете Бернс упоминает Мейсона лишь мимоходом, хотя в последние недели эти двое должны были проводить вместе немало времени. Но вышло так, что последнее слово все-таки осталось за Мейсоном.

Справедливо критиковал Мейсон Бернса или нет, их дело с самого начала было обречено на провал. Новый генерал-губернатор лорд Окленд, боясь вызвать недовольство Ранджит Синга своими связями с Дост-Мухаммедом, стал решительно противиться любым делам с

эмиром Кабула и считал, что в случае выбора между этими двумя следует все же выбрать Синга. Однажды удержав Ранджит Синга от захвата части Синда, англичане понимали, что нынешние попытки убедить воинственного соседа вернуть его заклятому врагу Пешавар не просто бесполезны, но и опасны. Тогда Бернс, знавший уже о прибытии Виткевича, попытался еще спасти позиции Британии и предложил компромисс — тайно пообещать Дост-Мухаммеду, что он получит Пешавар после кончины Ранджит Синга, ждатель которой оставалось уже недолго. Но генерал-губернатор отверг и это предложение; у Британии относительно этой провинции были свои планы. Не прошло и предложение самого Дост-Мухаммеда в обмен на возвращение Пешавара отправить в качестве дипломатического заложника ко двору Ранджит Синга одного из собственных сыновей, хотя это было обычной практикой для Востока.

В конце концов, 20 января 1838 года, после длительных бесплодных переговоров генерал-губернатор направил Дост-Мухаммеду личное послание, в котором окончательно рассеял какие-либо его надежды на помощь англичан в деле давления на Ранджит Синга и посоветовал отказаться от всяких мыслей о возвращении Пешавара. Более того, Окленд предлагал эмиру Афганистана помириться с правителем сикхов. «По великодушию его натуры, — писал генерал-губернатор, — и по его уважению к давнему союзу с британским правительством, махараджа Ранджит Синг согласился с моим пожеланием прекратить вражду и поддерживать спокойствие, если вы будете вести себя по отношению к нему предупредительно». Трудно было написать более оскорбительное и более язвящее гордость Дост-Мухаммеда письмо, но худшее было впереди.

Помимо всего этого лорд Окленд, будучи оповещенным, что в Кабуле находится русский посланник Виткевич, счел нужным предупредить афганского правителя, чтобы тот без личного предварительного одобрения британской стороны не вел с русскими никаких дел. В противном случае англичане снимали с себя все обязательства по сдерживанию Ранджит Синга. Это уже и вообще звучало явной угрозой и никак не могло исправить ситуации. Любой союз с русскими или иной державой, враждебной британским интересам, грозил обернуться для правителя Афганистана потерей трона. В Кабуле письмо вызвало чрезвычайное возмущение, даже

Бернс был оскорблен бескомпромиссным тоном послания, которое фактически выбивало почву у него из-под ног. Обращаясь с Дост-Мухаммедом как с непослушным школяром и указывая ему, с кем можно, а с кем нельзя иметь дело, Окленд взамен не предлагал ничего, кроме туманных разглагольствований о доброй воле британцев. Однако, поборов гнев и, скорее всего, понимая, что открыто разрывать с англичанами все же не стоит, Дост-Мухаммед сдержался.

Теперь наступила очередь русской стороны. Капитан Ян Виткевич, хотя и являлся по происхождению человеком совсем иного круга, все же имел множество личных качеств, общих с Бернсом, Роулинсоном и Конолли. Родившись в аристократической литовской семье, он в 1823 году, будучи семнадцати лет от роду, вступил в тайный кружок Крожской гимназии близ Вильно, который участвовал в польском антирусском движении. Казни Виткевич избежал лишь благодаря юному возрасту; по конфирмации цесаревича Константина он был сослан рядовым в Оренбург, с лишением дворянства. В ссылке, коротая долгие скучные месяцы службы, он изучил узбекский и персидский языки. В 1829 году на способного молодого солдата обратил внимание посетивший эти края известный немецкий ученый Александр Гумбольдт, который и ходатайствовал о Виткевиче перед оренбургским генерал-губернатором. Генерал-губернатор Сухтелен прикомандировал Виткевича к пограничной комиссии, произвел в 1830 году в унтер-офицеры, а в 1831 году — в портупей-прапорщики. В апреле 1833 года по ходатайству нового генерал-губернатора Оренбурга Перовского Виткевич стал прапорщиком. Перовский взял его к себе адъютантом, заявив, что этот бывший ссыльный знает о здешних местах гораздо больше, чем любой другой офицер. Осенью 1835 года прапорщик Виткевич был командирован с бухарским караваном в Бухару. Прибыв в Бухару переодетым в азиатское платье, Виткевич снял халат и ездил по городу в русском офицерском мундире, отказавшись сидеть взаперти. Сведения, доставленные им по возвращении из этого путешествия, оказались довольно обстоятельными. В 1836 году за «полезное посещение Бухарского ханства» Виткевич получил звание подпоручика. И когда понадобилось выбрать эмиссара для деликатной задачи — доставить в Кабул царские дары и ответ царя Николая I Дост-Мухаммеду — трудно было найти человека более подходящего. Получив в Петербурге

инструкции лично от министра иностранных дел графа Нессельроде, Виткевич отправился в Тегеран, где от Симонича получил еще один, последний инструктаж. Его пребывание в Тегеране было настолько засекречено, что о нем не узнал даже Мак-Нил, внимательно следивший за всеми действиями русских в городе. Только по несчастной случайности на подпоручика, сопровождаемого казачьим эскортом, наткнулся Роулинсон, который и поднял тревогу. Русские историки даже утверждают, что Роулинсон, ускакав тогда вперед, натравил на Виткевича воинственных местных кочевников, от которых, впрочем, наша «мирная» экспедиция успешно отбилась. Англичане, однако, отрицают этот факт, хотя, судя по тому, как впоследствии в конце века в подобной ситуации повел себя другой английский агент Янгхасбенд по отношению к русскому исследователю Громбчевскому, такое вполне могло быть правдой. Никаких доказательств здесь не найти; и если Янгхасбенд впоследствии сам признался в своем поступке, то Роулинсон ничего подобного не сделал.

Когда в канун Рождества 1837 года Виткевич прибыл в Кабул, Бернс, другой его английский соперник, встретил своего русского оппонента очень доброжелательно, в истинном стиле Большой игры. Желая познакомиться поближе и составить о нем свое мнение, он тут же пригласил Виткевича к рождественскому столу, и Виткевич произвел на Бернса хорошее впечатление. Британец нашел его «настоящим и приятным джентльменом... умным и хорошо осведомленным». Помимо среднеазиатских наречий, Виткевич бегло говорил по-турецки, по-персидски и по-французски и удивил Бернса известием о том, что был в Бухаре уже трижды, в то время как британец лишь раз. Это позволяло обоим игрокам свободно говорить о чем угодно — кроме того деликатного вопроса, из-за которого они и оказались в Кабуле. По воле судьбы эта дружеская беседа оказалась единственной, хотя при более счастливых обстоятельствах Бернс с удовольствием пообщался бы со столь необыкновенным человеком еще раз. Однако, как он объяснил, это было невозможно, «иначе отношения между нашими странами в этой части Азии были бы поняты превратно». В результате оба, стремясь завоевать внимание Дост-Мухаммеда, все последующие недели вместо дружеского общения только шпионили друг за другом.

К моменту прибытия Виткевича в Кабул Дост-Мухаммед еще не получил ультиматума Окленда, и звезда Бернса на небосклоне Бала Хиссара стояла весьма высоко. Русского офицера приняли холодно и без особых церемоний — впрочем, о таком приеме его заранее предупредил Симонич. Поначалу Виткевича и в самом деле содержали фактически под домашним арестом, а Дост-Мухаммед даже консультировался с Бернсом относительно достоверности его верительных грамот. Он спрашивал, действительно ли Виткевич послан царем и является ли письмо русского императора подлинным, для чего даже послал письмо на квартиру Бернса, прекрасно понимая, что его копия менее чем через час будет на пути в Калькутту. Именно в этот момент, как потом утверждал Мейсон, Бернс и совершил чрезвычайную ошибку, позволив честности взять верх над целесообразностью.

Убежденный, что письмо действительно послано от имени русского царя и не является всего лишь актом доброй воли, Бернс так и сказал об этом Дост-Мухаммеду. Мейсон же, напротив, предлагал уверить эмира, что это подделка, составленная Симоничем или, возможно, даже самим Виткевичем, дабы придать русской миссии в ее соперничестве с английской больше веса. Когда Бернс указал Мейсону на внушительного вида русскую императорскую печать, тот отправил на базар слугу, велел ему купить пачку русского сахара, «на задней стороне которой, — как он утверждал, — мы обнаружили точно такую же печать». Но было уже поздно, добавляет он, Бернс пренебрег своим единственным шансом обезоружить соперника и не дал афганцам «воспользоваться выгодой своих сомнений», как сардонически заметил Мейсон. Однако «беспринципный авантюрист» Мейсон не мог понять, что этот поступок Бернса явился доказательством истинной аристократичности его прямой и благородной натуры.

После получения ультиматума Окленда все переменилось. Хотя официально Дост-Мухаммед все еще продолжал относиться к русской миссии прохладно, Бернс прекрасно понимал, что позиция британской стороны слабеет с каждым днем, а положение Виткевича все более укрепляется. Поговаривали даже, что Виткевич предлагал Дост-Мухаммеду отправиться от его имени к Ранджит Сингу, тогда как Бернс столкнулся с незавидной задачей требовать, чтобы его старый друг направил правителю сикхов формальный отказ от своих

притязаний на Пешавар. Если верить Мейсону, то Бернс в тот момент испытывал глубокое отчаяние, видя, как Индия не в состоянии понять долгосрочную ценность дружбы с Дост-Мухаммедом. Но ни он, ни Мейсон тогда не знали, что у генерал-губернатора и его советников уже зрели насчет Афганистана совсем другие планы, в которых Дост-Мухаммед фигурировал совсем в иной роли.

И вот 21 апреля 1838 года жребий был брошен. Вместо того чтобы отправить Виткевича обратно, как настаивал Окленд, Дост-Мухаммед принял русского посланника в своем дворце за стенами Бала Хиссара со всеми мыслимыми знаками уважения и дружбы. «Виткевич, готовый пообещать афганцам луну с неба, лишь бы вытеснить из Кабула англичан, переиграл соперника, просто дождавшись нужного момента», — пишет Хопкирк, совсем забыв о том, что Дост-Мухаммед сначала обратился к России, а уже потом попробовал все же договориться и с Англией. Однако Англия, как мы видели, не очень-то пыталась понять, что именно нужно эмиру Афганистана, и всеми силами лишь навязывала ему свою волю.

Как бы то ни было, Бернсу пришлось покинуть Кабул и доложить начальству о неудаче своей миссии. После прощальной аудиенции у Дост-Мухаммеда, состоявшейся 27 апреля 1838 года, где обе стороны выразили друг другу глубокие личные сожаления, а эмир заявил, что его уважение к британцу независимо от случившегося останется неизменным, Бернс и его спутники отбыли домой. В следующий раз Бернсу было суждено вернуться в афганскую столицу уже при совершенно иных обстоятельствах.

3

После сообщения Роулинсона о вмешательстве русских в афганские дела в Герат для скрытного наблюдения за развитием событий был тотчас направлен сотрудник политической службы Ост-Индской компании лейтенант Элдред Поттинджер. Лейтенант прибыл в Герат 18 августа 1837 года, выкрасив кожу темной краской и выдавая себя за мусульманского паломника. Попутно он собирался заняться обычной разведдеятельностью в рамках Большой игры и даже не подозревал, что проведет в Герате больше года. Элдред был племянником пионера Большой игры полковника Генри Поттинджера, который еще в 1810 году занимался разведкой в южной и юго-

восточной частях Иранского нагорья. Его коллега по той разведке Чарльз Кристи погиб в 1812 году, обучая персидскую пехоту воевать с русскими казаками. Генри же был удачливее, написал книгу о своих приключениях и заразил страстью к игре юного племянника, который уже в возрасте двадцати шести лет был отправлен в Афганистан. К этому времени юный Элдред успел побывать в Пешаваре и незадолго до прибытия туда Бернса — в Кабуле, причем так и оставшись неузнанным. На этот раз уже на третий день его пребывания в столице Камрана по базарам поползли пугающие слухи о мощной персидской армии, которая под командой самого шаха идет на город из Тегерана.

Услышав о приближении персов, Камран, воевавший в это время на юге, немедленно поспешил обратно, чтобы защитить свою столицу. В юности он был великим воином и, как говорили, мог одним ударом разрубить пополам овцу, а стрела его пробивала насквозь корову. Но постепенно правитель погряз в разврате и пьянстве, уступив реальную власть своему визирю, Яр-Мухаммеду, человеку неслыханной жестокости. Накануне предстоящей осады Яр-Мухаммед отдал приказ хватать и казнить всех, чья лояльность вызывала сомнения, и особенно тех, кто как-либо связан с персами. Сельским жителям было приказано собрать весь урожай и перевезти зерно и другие продукты в город, все же остальное, что могло пригодиться врагу, включая плодовые деревья, попросту уничтожить. Для проверки выполнения этого приказа он даже послал войска. Одновременно началось интенсивное укрепление массивных, но в основном глинобитных крепостных стен Герата, опасно обветшавших от длительного бездействия. И наконец, чтобы шпионы не могли покинуть город и передать врагу сведения о подготовке к обороне, были закрыты все городские ворота.

В это время Поттинджер, продолжая оставаться неопознанным, вполне довольствовался скромной ролью наблюдателя, как вдруг однажды на базаре чья-то мягкая рука опустилась ему на плечо, и раздался шепот: «Вы — англичанин!» К счастью, человек, разоблачивший его, оказался гератским врачом, старым другом Артура Конолли, путешествовавшим с ним семь лет назад. Он неоднократно бывал в Калькутте и мог узнать европейца даже с выкрашенным лицом. Врач решительно посоветовал Поттинджеру не рисковать более, а отправиться прямо к Яр-Мухаммеду и предложить ему свои услуги.

Визирь принял англичанина с энтузиазмом, ибо всем было ясно, что схватка предстоит серьезная и так просто, как раньше, отбить персов не удастся. Дело было не столько в том, что войсками шаха, как полагали в персидском лагере, негласно руководил русский генерал Симонич, сколько в батальоне, сформированном из бежавших в Персию русских дезертиров. Николай I просил шаха выслать всех русских дезертиров в Россию, однако шах, сделав вид, что просьба эта не застала его дома, увел их с собой под Герат. Русских же солдат к тому времени в Азии уже научились побаиваться. Кавалерия Камрана, высланная, чтобы беспокоить передовые отряды персов, вернулась с жалобами на их непривычную тактику. Вместо обычных беспорядочных масс войск, столь уязвимых для атак афганских всадников, теперь их встречали руководимые русскими компактными и прикрываемые артиллерией отряды.

В своем официальном отчете лейтенант Поттинджер мало говорил о своей роли в обороне Герата, хотя к поведению других, особенно Яр-Мухаммеда, отнесся весьма критически. Кроме этого во время осады Поттинджер вел дневник, благодаря которому английский историк сэр Джон Кэй и смог по кусочкам собрать красочный рассказ о тех волнующих событиях, что легли в основу его знаменитой книги «История войны в Афганистане». К сожалению, позднее из-за пожара в кабинете Кэя дневник был утрачен...

Персидская армия прибыла к Герату 23 ноября 1837 года. Руководить осадой молодой еще Мухаммед-шах доверил своему министру Мирзе Хаджи-Агасси. Он дал ему полную свободу действий, и действительно все приказы и распоряжения во время осады Герата исходили только от Мирзы, у которого не было никаких военных знаний. Он даже никогда не покидал лагерь, чтобы поближе взглянуть на Герат. У шаха было около тридцати тысяч войска и шестьдесят орудий, а город защищали от двух до трех тысяч человек. Однако взять город персам так и не удалось.

Первая же ошибка, которую сделал Мирза, заключалась в том, что он велел блокировать из пяти только двое городских ворот, объясняя это тем, что хотел дать жителям (в основном персам-шиитам) возможность оставить город и присоединиться к своим братьям по религии в лагере. Однако боязливое, угнетенное персидское население

не тронулось с места, потому что энергичные, дикие афганцы никогда не позволили бы им покинуть город. Затем Хаджи приказал обстрелять одну из четырех угловых башен, Бурдж-Хакистер, потому что в свое время Надир-шах проник в город через такую башню. Однако сотни ядер, выпущенных по башне, лишь застревали в ее глинистой массе, не причиняя ей особого вреда.

Для полноты картины приведем здесь выдержку из воспоминаний русского офицера Бларамберга: «О полнейшем невежестве персов в искусстве осады свидетельствовала, впрочем, и манера обстрела. Шах, например, приказывал произвести сегодня по башне или стенам 100 выстрелов, на другой день — 50 и т. д. После этого Его Величество, сопровождаемый большой свитой, отправлялся на возвышение, чтобы, как в спектакле (тамаша), наблюдать за обстрелом. Когда при ударах ядер о глиняные стены поднималась столбом пыль, вся свита в восторге громко восклицала: „Барек Аллах! Ой, джан! Маш Аллах!“ — но никто из них не мог и не хотел понимать, что это была напрасная трата пороха и что таким способом ничего нельзя добиться».

Недели сменялись неделями, месяц месяцем, а ни одна из сторон так и не могла добиться перевеса. Персам удалось прорваться через внешнюю цепь оборонительных сооружений, но окружить город полностью они не смогли. Дошло до того, что на полях возле городских стен даже в самый разгар боев пасли скот. Каждую ночь осажденные афганцы устраивали вылазки, но выбить врага с занимаемых позиций также были не в состоянии.

Персы постоянно обстреливали крепостные стены, и защитники столь же постоянно их ремонтировали. Но помимо пушек, нападающие пользовались ракетами, чей «огненный полет над городом вселял ужас в сердца людей, которые сбивались в кучки на крышах домов, молясь и стеная», — рассказывал Кэй. Еще более точными, чем пушки и ракеты, оказались мортиры; за месяцы осады они превратили немало домов, лавок и прочих зданий города в груды щебня. Одна такая бомба пролетела шипя, с дымящимся фитилем, рядом с домом Поттинджера, пробила крышу соседнего дома и упала возле спящего ребенка. Перепуганная мать бросилась между нею и младенцем, но через несколько секунд бомба взорвалась и оторвала ей голову; упавшее на ребенка тело задушило его.

Афганцы оборонялись фанатично. Один из варварских методов, введенных Яр-Мухаммедом для укрепления духа войск и устрашения противника, заключался в том, что головы убитых персов отрезали и предьявляли ему, после чего рядами выставляли их для всеобщего обозрения вдоль крепостных валов с целью устрашения неприятеля. «За эти кровавые трофеи всегда выдавалась награда, и воины гарнизона действительно очень старались получить ее», — писал Поттинджер. Однако с военной точки зрения, отмечал британец, подобная практика была не только отвратительна, но и вредна, поскольку защитники, вместо того чтобы выполнять свои задачи, слишком увлекались отрубанием голов, и вылазки против атакующих становились малоэффективными. Вела она и к различного рода соблазнам. Как-то раз после очередной вылазки один афганец принес Яр-Мухаммеду пару ушей. «Халат и несколько дукатов получил этот мясник в награду», — рассказывал Поттинджер. Однако не успели его ни о чем расспросить, как он исчез. Через полчаса явился другой солдат, на этот раз с покрытой грязью отрезанной головой в руках. «Визирю показалось, что на ней нет ушей, и он приказал одному из слуг осмотреть ее. Тогда хозяин отвратительного трофея тут же швырнул его на землю и пустился прочь со всей скоростью, на какую только был способен». Когда голову тщательно осмотрели, обнаружилось, что у нее не только нет ушей, но и принадлежала она не врагу, а одному из защитников, погибшему во время вылазки. Человека, который ее принес, разыскали, схватили и представили Яр-Мухаммеду. Визирь приказал избить мошенника до полусмерти. Однако того, который принес уши и получил за это награду, так никогда и не нашли, хотя Яр-Мухаммед обещал отдать халат и деньги любому, кто его приведет. Впрочем, афганцы были не одиноки в своем варварстве. Мало того, что персы точно так же охотились за головами афганцев, они еще и пленных врагов подвергали всевозможным истязаниям, вплоть до потрошения.

Порой случались и моменты, напоминавшие фарс. Однажды защитники не на шутку испугались таинственного сверлящего звука, который, казалось, доносился с вражеских позиций, где солдаты копали большую яму. Все немедленно решили, что они роют туннель под крепостным валом, чтобы подвести под него мины. Звук все не прекращался, и беспокойство росло, начались отчаянные попытки

найти туннель и залить его водой... Истинный источник звука обнаружили только через несколько часов: им оказалась «бедная афганка, молвшая зерно ручной мельницей», — рассказывал Поттинджер.

Сам лейтенант всю осаду работал не покладая рук, поддерживая дух защитников города, что приходилось делать нередко.

«Его активность была неисчерпаемой. Он всегда был на валах, готовый подсказать... вдохнуть своим воодушевляющим присутствием новое мужество в афганцев», — писал Кэй. Поттинджер объяснял неудачи осады некомпетентностью персов и их, естественно, русских советников, утверждая при этом, что Герат легко можно было бы взять одним британским полком. Здесь можно привести также свидетельство Бларамберга, вскоре прибывшего вместе с Симоничем в лагерь персов: «европейцу трудно представить себе, как могла армия численностью около 30 тысяч человек с 60 пушками десять месяцев безуспешно стоять под стенами города, который, начисто лишенный пушек, обороняло лишь от 2 тыс. до 3 тыс. афганцев. Однако осаждавшими были персы...»

Зима 1837–1838 годов выдалась в районе Герата очень теплой. За всю зиму только один раз выпал снег; недолго продолжался и сезон дождей. После того как армия персов простояла под Гератом три месяца без малейшего успеха, 26 февраля 1838 года первый министр Мухаммед-шаха приказал наконец блокировать и остальные трое ворот, чтобы полностью изолировать город. Теперь он намеревался действовать активно, и вот каким оригинальным способом. Несмотря на то что персидская армия располагала шестьюдесятью пушками, среди которых были двенадцати-, восемнадцати- и двадцатичетырехфунтовые, первый министр полагал, что их калибр недостаточен, чтобы овладеть Гератом. Он приказал построить в лагере литейную мастерскую для отливки сорокадвух-, а позднее семидесятифунтовых пушек. С этого момента он каждое утро пропадал в своей новой мастерской, даже завтрак ему приносили туда.

Именно в этот день, 26 февраля, из Тегерана в лагерь под Гератом в сопровождении артиллерийского полковника Тодда, майора Ферранда и нескольких английских сержантов срочно выехал сам Мак-Нил. Цель этой спешной поездки заключалась в том, чтобы склонить шаха снять осаду Герата, в противном случае побудить защитника города Яр-Мухаммеда, а также его тайного советника и помощника английского лейтенанта Элдреда Поттинджера затянуть оборону Герата до тех пор, пока Англия официально не вмешается в это дело. Между тем бюрократическая машина наконец сработала, и требование Николая I о возвращении в Россию всех русских дезертиров официально дошло до Тегерана. В результате 21 марта 1838 года граф Симонич во главе небольшой экспедиции также направился под Герат, чтобы забрать оттуда всех русских дезертиров. Он прибыл в персидский лагерь 9 апреля.

Как 11 апреля докладывал Пальмерстону Мак-Нил, все пять месяцев осады персидские войска испытывали отчаянную нужду в продовольствии и питались лишь теми дикими растениями, которые удавалось найти.

«Без платы, без соответствующего обмундирования, без какого-либо продовольствия войска круглосуточно находятся в траншеях, не имея смены. Временами они стоят там по колено в воде и грязи, и поскольку смерть ежедневно уносит от десяти до двадцати человек, боевой дух и выдержка начинают сдавать. Если шах не сможет

организовать регулярное снабжение своих войск продовольствием и одеждой, осада, скорее всего, и так пройдет впустую», — писал Мак-Нил.

В это же время прибывший в лагерь персов в свите Симонича Бларамберг так пишет в своих воспоминаниях: «Вид персидского лагеря, беспорядок и грязь, которые там господствовали, солдаты в рваных мундирах, множество бродячих собак, которые держались в лагере или вокруг него, валявшиеся кругом куски войлока и кости — и вообще все, что здесь происходило, было для меня новым и тем более неприятным, потому что я уже давно привык к большому порядку, чистоте и даже элегантности русских военных лагерей».

Однако положение защитников было еще хуже. Острая нехватка пищи и топлива, усиливающаяся по мере продолжения осады, привела к тому, что болезни и голод стали уносить жертв не меньше, чем персидская артиллерия. Дома разбирали на дрова, лошадей забивали на мясо, всюду высились груды мусора, непогребенные трупы смердели и увеличивали опасность возникновения эпидемии. Чтобы облегчить положение осажденного города, недееспособным жителям предложили его покинуть. О том, что ожидает их за городскими стенами, теперь уже никто не думал. С осаждающими этот вопрос также не обсуждался, ибо они наверняка не пошли бы ни на какие уступки.

И вот около шестисот стариков, женщин и детей вышли через городские ворота, чтобы попытать счастья у персов. «Неприятель поначалу открыл огонь, но затем, поняв в чем дело, попытался камнями и палками загнать беглецов обратно», — писал Поттинджер. Тогда, чтобы предотвратить их возвращение, власти Герата, взявшие на себя ответственность за операцию, приказали открыть огонь с крепостных валов, что привело к еще большему числу жертв, чем от огня персов, которые в конце концов позволили несчастным пройти.

Хопкирк пишет: «Между тем Симонич окончательно перестал разыгрывать роль простого дипломатического наблюдателя и лично возглавил руководство затянувшейся осадой. Известие о том, что Симонич рассматривает город в подзорную трубу, мгновенно обежало всех осажденных, а новая энергия и возросший профессионализм нападавших скоро и совсем уронили моральный дух защитников

города. Яр-Мухаммед даже начал рассматривать возможность сдачи Герата не персам, а русским, и Поттинджера это немало встревожило».

А вот что пишет об этом же самом моменте Бларамберг: «После приезда графа в персидский лагерь капитану Семино удалось, наконец, добиться принятия мер для серьезной осады Герата. Шах одобрил предложение Семино оборудовать две позиции для осадных батарей, а именно по обе стороны угловой башни Бурдж Абдулла-и Мизр, первую в семидесяти и вторую в сорока пяти саженьях от городской стены. Поскольку в Персии вообще и в особенности здесь, в лагере, обсуждение всех так называемых секретных планов велось при открытых дверях и окнах, во время которого часовые и камердинеры часто бывали невольными слушателями, не было ничего удивительного в том, что приказы шаха быстро становились известными всем. Только этим можно объяснить следующий факт. Когда капитан Семино на рассвете 24 апреля отправился к окопам, чтобы выбрать место для сооружения позиций вблизи Бурдж Абдулла-и Мизр, ему повстречался полковник Тодд из английской миссии, который уже успел предупредить оборонявшего Герат от персов лейтенанта Поттинджера запиской о предстоящей атаке с этого направления, чтобы тот мог подготовить контрмеры. Полковник Тодд предпринял этот шаг, как я потом узнал, с ведома Мохаммед-шаха. После этого мне ничего не оставалось, как воскликнуть словами Яна Гуса: „O sancta simplicitas!“, отнеся последнее слово к слабовольному Мохаммед-шаху и его министру».

В свою очередь удивимся и мы. Как можно было при такой системе оповещений перепутать пьемонтца капитана Семино с русским генералом Симоничем? На этот вопрос у меня есть только один ответ. Скорее всего, британской стороне уж очень хотелось выдать желаемое за действительное, и они без всяких колебаний решили, что, конечно же, за спиной Семино стоял Симонич. Впрочем, оказался в это время в персидском лагере и еще один кандидат на роль русского генерала с собирательным именем Симонич. В конце мая из Мешхеда под командованием генерал-лейтенанта Боровского, поляка по происхождению, находившегося на персидской службе, прибыл большой караван с провиантом, порохом, ядрами и картечью. В пути караван подвергся нападению афганской конницы, но, успешно отразив атаку и насадив на длинные пики дюжину голов, которые

понесли впереди, он под музыку и гром литавр с триумфом вступил в лагерь под Гератом.

Но продолжим рассказ о подготовке решительного штурма. Обе предложенные капитаном Семино позиции для осадных орудий были закончены лишь в первых числах июня. Много хлопот стоило получить необходимые пушки и боеприпасы, чтобы укомплектовать батареи. Из двадцати четырех тяжелых орудий (восемнадцати- и двадцатичетырехфунтовых), которых требовал Семино, дали только семнадцать, потому что ханы в окопах вцепились в свои пушки, как репейники, — каждый считал престижным иметь у себя как можно больше пушек, совсем не думая о том, для чего именно они предназначены. План Семино состоял в том, чтобы непрерывным артиллерийским огнем пробить две брешы. Однако первый министр с этим не согласился. Он хотел, чтобы это зрелище, новое для персов, продолжалось несколько дней.

Обстрел города был начат 7 июня. Под огнем батарей стены по обеим сторонам угловой башни Бурдж Абдулла-и Мизр начали постепенно разрушаться. Но русские опять же во всем этом не участвовали. В этот день в лагерь прибыл из Кабула поручик Виткевич. Он возвращался через Кандагар, а потому с ним приехал сын властителя Кандагара, Кохендиль-хана, Мухаммед Омар-хан. Последний привез с собой большую свиту, а также слона в подарок Мохаммед-шаху. Бларамберг пишет: «Никто из нас не узнал Виткевича, когда он, одетый афганцем, в большом белом тюрбане, из-под которого выбивались длинные густые черные локоны, пришел к нам в лагерь. Он до такой степени усвоил обычаи, привычки и язык афганцев, что даже персу и афганцу трудно было отличить его от своих».

А вот еще одно свидетельство из воспоминаний Бларамберга, на основании которого можно судить, как именно Симонич руководил штурмом Герата и в чем заключался триумф Элдрета Потгинджера. «11 июня, вечером, я провел графа в окопы и на позиции осадных батарей, чтобы показать ему их действие. Он удивился их близкому расположению к городским стенам и нашел, что брешы достаточно широки, дабы прорваться через каждую из них во время штурма с 30 солдатами по фронту. Из окопов мы отправились к шаху. Когда мы вошли к нему в дом, он держал в руках лук и стрелы. Он обещал

направить в окопы для штурма достаточное количество войск и в тот же вечер огласил обращение (прокламацию) к армии и, особенно, к начальникам, в котором апеллировал к их повиновению и мужеству. Затем мы отправились к первому министру, обещавшему нам то же самое.

По утвержденному Мохаммед-шахом плану атаки основную штурмовую колонну из 2500 добровольцев, собранных из всех полков, возглавлял генерал-лейтенант Боровский, а резерв из 3 тысяч человек — Мохаммед-хан-сердар. Чтобы поддержать штурмовую колонну в критический момент, 300 стрелков под командованием капитана Семино должны были вести огонь из траншей по солдатам неприятеля, которые появятся во время штурма на башнях рядом с брешами, на валу и стенах. На каждого сарбаза и стрелка полагалось по 30 патронов. Штурмующим колоннам надлежало без единого выстрела с примкнутыми штыками атаковать бреши в сомкнутом строю. Одновременно в других местах вокруг города должны были предприниматься ложные атаки, чтобы хотя бы частично отвлечь внимание афганцев от главной колонны. Штурм намечался на полдень 24 июня.

В 11 часов я выехал из лагеря к передовым окопам, на позиции осадной артиллерии, чтобы наблюдать за атакой. По пути туда я увидел, что плоские крыши разграбленных деревенских домов сплошь усеяны сарбазами, которые собрались оттуда смотреть на штурм, как на интересный спектакль. На мой вопрос, почему они не на своих местах в окопах, они ответили, смеясь: „Наших там уже достаточно“. В окопах, где было полно войск, я встретил Боровского, который спокойно ел из большой миски плов. Я заметил ему, что перед штурмом нельзя есть, так как он может получить ранение в живот, а такая рана опасна. Боровский улыбнулся на мое замечание и возразил, что он не боится пуль; однако, сам того не подозревая, я предсказал несчастному его судьбу.

Между тем началась стрельба, чтобы отогнать афганцев от брешей и валов. В полдень командир артиллерии дал сигнал к приступу залпом из всех пушек. Атакующую колонну возглавил Боровский. Персы, в авангарде которых находился Хамаданский батальон со своим отважным молодым командиром Неби-ханом, ринулись из окопов на вал, но не в колонне, как было приказано, а по

подразделениям, поэтому атака с самого начала носила несогласованный характер.

Вместо того чтобы подняться на гребень брешни и там закрепиться, часть сарбазов задержалась в крытой галерее и начала грабеж. К подножию брешни все же прорвался отряд численностью 500–600 человек, и знаменосец Хамаданского полка водрузил знамя на полуразрушенную башню Бурдж Абдулла-и Мизр.

В это время был смертельно ранен пулей в живот Боровский, тяжело ранило полковника Моэб Али-хана, Неби-хана и командира полка Карадуга. Лишившись своих начальников, атакующая колонна простояла два часа в страшную жару у подножия брешни, не двигаясь ни вперед, ни назад, ожидая подкрепления и назначения других командиров. Афганцы между тем стали бросать через брешь камни, не показываясь из-за укрытий, или стреляли с соседних башен и стен в сарбазов. Персидские стрелки (туфенджи), которые должны были из окопов снимать метким огнем афганцев с соседних стен и башен, вообще не получили патронов.

Командира резерва Мохаммед-хан-сердара, который был слишком высокого мнения о себе, чтобы находиться в подчинении у Боровского, нигде не могли найти, равно как и сам резерв, поэтому штурмовая колонна не могла получить подкрепления. Спустя два часа солдаты, изнуренные жарой и жаждой, вернулись в окопы. Афганцы их не преследовали, потому что артиллерия вновь открыла огонь по брешам. Из-за противоречивых распоряжений окончились неудачей ложные атаки персов и в других местах. Ничего не мог поделать даже русский батальон, против которого афганцы выставили своих лучших бойцов. Действуя изолированно, он отступил, потеряв 50 человек убитыми и ранеными. Так закончился этот бессмысленный штурм. А в это время шах и его первый министр спокойно отсиживались в своих домах в лагере, удаленном на 2 *Vi* версты от места сражения. Граф Симонич, находившийся в полуразрушенной вилле недалеко от позиций осадной артиллерии, собственными глазами убедился в том, насколько правильны были мои выводы...

Во время штурма в окопах и на позициях осадных батарей царил полнейший беспорядок. Здесь не было ни командиров, ни подчиненных, ни врачей, ни фельдшеров, не говоря уже о госпитале для раненых. Однако большое число убитых офицеров по отношению

к убитым сарбазам свидетельствовало о том, что офицеры свой долг выполнили. Причиной неудавшегося штурма было лишь злополучное соперничество начальников, поскольку каждый хотел действовать независимо от другого, отчего терялась всякая согласованность. Главнокомандующего, как такового, в персидской армии вообще не было. Все приказы исходили от шаха или, скорее, от его министра, но оба они не показывались вблизи войск».

А вот описание того же события в английских источниках.

Сначала была проведена мощная артиллерийская подготовка со всех сторон, потом последовала массивная атака пехоты, одновременно с пяти разных направлений. На четырех направлениях отчаянно сопротивлявшиеся афганцы сумели отбросить персов, но на пятом враг захватил проделанный артиллерией пролом в стене. «Схватка была короткой, но кровавой. Защитники сражались, не отступая ни на шаг, до последнего человека. Но особо отчаянные атакующие, вырвавшись вперед товарищей, все же проникли в пролом», — писал Кэй.

Афганцы стремительным броском вновь захватили укрепления и успели отбросить персов назад. Но удача оказалась временной. «Снова и снова, с отчаянной смелостью атакующие пытались пробиться через пролом, чтобы войти в город. В какой-то момент они уже были там, но затем все же отступили. Схватка не затихала в течение целого часа, и судьба Герата висела на волоске», — продолжал Кэй. Узнав о грозящей опасности, Поттинджер и Яр-Мухаммед бросились туда, но визирь, которого до тех пор никто не мог упрекнуть в трусости, увидел, как близки персы к взятию города, и мужество оставило его. Он подвигался к пролому все медленнее и, наконец, вообще остановившись, к крайнему неудовольствию Поттинджера, просто сел на землю.

Это зрелище не укрылось от глаз защитников, видевших приближение визиря. Один за другим задние ряды защитников начали таять, солдаты под предлогом переноски раненых стали покидать позиции. Поттинджер понимал, что нельзя терять ни секунды, ибо ручеек нападающих вот-вот превратится в поток и среди защитников начнется повальное бегство. Мольбами и насмешками он заставил визиря подняться и подтолкнул его к месту битвы. Визирь закричал, призывая во имя Аллаха продолжить сражение. На какой-то момент

показалось, что катастрофа предотвращена, ведь раньше подобное обращение Яр-Мухаммеда приводило к чудодейственным результатам. Но на сей раз от солдат не укрылась неуверенность визиря, они дрогнули, и при виде побежавших нервы визиря сдали вновь. Он повернулся и направился обратно, бормоча, что нужно поспешить за подмогой.

На этом терпение Поттинджера лопнуло. Схватив Яр-Мухаммеда за руку и громко понося визиря, он потащил его к пролому. Визирь в свою очередь яростно заорал на защитников, призывая их сражаться насмерть, но бегство продолжалось. И тогда случилось нечто неожиданное. «Схватив массивный посох, Яр-Мухаммед, как безумный, накинулся на крайнего из бегущих и градом тяжелых ударов погнал его вперед», — писал Кэй. Остальные увидели, что путь к отступлению отрезан, и, опасаясь больше визиря, чем врага, отчаянно «ринулись обратно через стену и крепостной вал вниз по внешнему склону на атакующих». Напуганные этим отчаянным броском нападающие оставили захваченные уже было позиции и бежали. Опасность миновала, и Герат был спасен, спасен «исключительно благодаря, неукротимой храбрости Элдреда Поттинджера»...

4

Провал штурма настолько обескуражил персидскую армию, что афганцы смогли восстановить разрушенные части валов и стен, не встретив препятствий со стороны персов. В ближайшее время, кроме отдельных попыток проникнуть в крытые галереи, которые делались вновь прибывшими войсками по приказу первого министра наугад и безрезультатно, с крупными потерями, персидская армия ничего не предпринимала. Напротив, начались дипломатические переговоры с правителем Герата Камран-Мирзой или, вернее, с его всемогущим министром Яр-Мухаммедом. Начался обмен письмами, с той и другой сторон посылались уполномоченные. Яр-Мухаммеда заверяли, что ему нечего опасаться за свою жизнь, если он сдаст Герат шаху и покорится ему. Во время этих переговоров между афганскими и персидскими солдатами установилось молчаливое согласие о перемирии. Афганцам продавали масло, соль и даже туры и фашины, поскольку в городе не хватало топлива.

Однажды шах послал к Яр-Мухаммеду его захваченного в плен брата Шер-Мухаммеда, но визирь отказался от встречи, осудив брата как предателя и отрекшись от него. Однако Шер успел передать брату предупреждение, что, когда войска шаха возьмут город штурмом, его повесят, как собаку, а его женщин и детей публично обесчестят погонщики мулов. Также он признался, что в случае продолжения сопротивления казнят и его самого. На последнее предупреждение Яр-Мухаммед ответил, что будет только рад, если шах казнит брата и избавит его от необходимости сделать это самому.

Персы даже предлагали афганцам союз, уверяя, будто «нынешняя кампания направлена не столько против Герата, сколько против Британской Индии, и если осажденные присоединятся к нему, он сам поведет их на Индию, чьи богатства потом они поделят между собой. Последнее предложение, как считал Поттинджер, исходило от Симонича». У нас нет никаких документальных подтверждений этому.

Как бы то ни было, Яр-Мухаммед ни на какие сделки не шел, заявляя, что лучшим доказательством отсутствия враждебности персов стало бы снятие осады. Однажды Яр-Мухаммед даже сам встретился с представителем шаха на краю рва у крепостного вала, однако переговоры тут же прервались, едва афганец понял, что шах желает только одного — официального заявления Камрана о подчинении его Персии перед фронтом всей персидской армии. Впрочем, последний большую часть времени был слишком пьян для того, чтобы не только проявлять интерес к переговорам, но даже и просто появиться перед солдатами.

Все дипломатические переговоры со стороны Яр-Мухаммеда были лишь фикцией; единственная их цель состояла в том, чтобы водить за нос первого министра. Перед своим отъездом из персидского лагеря Мак-Нил не напрасно советовал Яр-Мухаммед-хану потерпеть и выждать несколько месяцев, пока Англия не найдет способа освободить его от персидской армии. И действительно, английская дипломатия действовала со всех сторон. Пальмерстон надавил на русского министра иностранных дел Нессельроде, 16 мая 1838 года передав ему через английского посланника в Петербурге маркиза Кланрикarda ноту протеста, в которой указал русскому вице-канцлеру, что «граф Симонич с 1836 года склоняет шаха завоевать Герат, а теперь, в лагере под Гератом, руководит осадой. Один из русских

агентов, Вахович или Омер-Бей^[6] служащий в Оренбургском штабе, является пособником афганского эмира в восстании его против Англии».

Кроме того, поскольку этой мерой Британия ничего не добила, тотчас же, англичане решили обострить ситуацию еще более решительно. А поскольку посылать воинские подкрепления через Афганистан было слишком опасно, да и заняло бы много времени, решено было отправить экспедиционный корпус в Персидский залив. Угроза на другом конце владений могла, как предполагалось, заставить шаха ослабить свою хватку в Герате.

Девятнадцатого июня британские войска, не встретив сопротивления, высадились на острове Харк у входа в Персидский залив, в непосредственной близости от персидского побережья. По стране понеслись дикие слухи о крупной британской армии, которая идет на столицу, по пути захватывая города один за другим. В то же самое время вернувшийся в Тегеран Мак-Нил послал одного из своих помощников, полковника Чарльза Стоддарта, под Герат, чтобы предупредить шаха о тяжелых последствиях, ожидающих его в случае продолжения осады.

Стоддарт прибыл в лагерь шаха уже в начале августа с нотой, начинавшейся следующими словами: «Британское правительство рассматривает действия против Афганистана, в которые оказалось вовлеченным Ваше Величество, враждебными по отношению к Британской Индии...» И далее, помимо официальной информации о захвате острова Харк, нота обращала внимание шаха на то, что следующие шаги Британии будут зависеть от его дальнейших действий под Гератом, и предлагала не слушать более «дурных советов недоброжелательных людей», вдохновляющих его брать город.

К удивлению Стоддарта, считавшего, что шах находится под сильным влиянием русских, тот принял его сердечно. Стоддарт прочел ноту, сразу переводя ее на фарси, однако, когда дошел до упоминания о «недоброжелательных людях», шах прервал его вопросом:

— Вы хотите сказать, что если я не уйду от Герата, то начнется война, не так ли?

Стоддарт ответил, что именно так.

Отпуская Стоддарта, шах пообещал рассмотреть его требования и через два дня дал ответ:

— Мы согласны со всеми требованиями британского правительства. Мы не хотим войны. Если бы мы знали, что этот поход грозит потерей вашей дружбы, мы не стали бы его предпринимать, — лукаво заявил персидский владыка.

Несчастный Мохаммед-шах, слишком слабый характером, чтобы отстоять свои права, покорился судьбе. Он внял угрозам Англии и решил снять осаду. Литейную мастерскую в лагере разрушили, гигантские пушки распилили на куски, чтобы взять с собой хотя бы металл. Девятого сентября персы подожгли фашины и все деревянные сооружения в окопах, а также сам лагерь, и персидская армия после десятидневной бесполезной осады покинула равнину Герата и отправилась в обратный путь, в Мешхед. Афганцы и не думали преследовать персов. Они поспешили ограбить персидский лагерь и с триумфом проводить полковника Стоддarta в город, где ему был устроен блестящий прием, а он не скупился на обещания жителям от имени Англии. По всей видимости, именно Стоддарт доложил наверх и подробности о деятельности в Герате лейтенанта Поттинджера.

«Когда в Лондоне и Калькутте стало известно о роли субалтерна в защите Герата и крушении планов русских, — пишет Хопкирк, — в адрес Поттинджера обрушился такой же шквал всеобщего восторга, как пять лет назад на Бернса после его возвращения из Кабула и Бухары. Много лет спустя подвиг Поттинджера был увековечен писателем-романтиком Модом Дайвером в ставшей в свое время бестселлером книге „Герой Герата“. Но самый большой комплимент Поттинджер получил, по иронии судьбы, от самого шаха. Считая присутствие Поттинджера в Герате главной причиной неудачи, он потребовал от Мак-Нила приказать субалтерну покинуть город. В обмен ему гарантировался безопасный проход через позиции персов. Однако Мак-Нил ответил, что Поттинджер не является его подчиненным, и подобного приказа он отдать не вправе. Это может сделать только Калькутта. Тогда шах попытался договориться с жителями Герата, заявив, что никакой речи о снятии осады не будет до тех пор, пока среди них находится английский офицер. Это также ничего не дало: Яр-Мухаммед боялся, что он потеряет столь ценного советчика, а осада возобновится под любым другим предлогом».

Итак, персы согласились со всеми условиями и сняли осаду. Когда терпит неудачу обычная дипломатия, торжествует «дипломатия

канонерок». В 8 часов утра 9 сентября Стодарт со специальным курьером послал сэру Джону Мак-Нилу следующее донесение: «Имею честь сообщить, что персидская армия выступила... и Его Величество шах готов отбыть». И в 10 часов 26 минут кратко добавил: «Шах сел на лошадь... и отбыл».

Но есть в этой истории и еще кое-что. Согласно сведениям английской стороны, граф Нессельроде все время настаивал, что русские не провоцировали осаду и что Симонич имел строгие инструкции любым путем отговорить шаха от похода на Герат. Граф даже пошел на то, что показал английскому послу лорду Дюрхему секретную папку, в которой были записаны инструкции для Симонича. Поначалу Пальмерстон был вполне удовлетворен, но затем благодаря донесениям британских агентов ему вдруг стало казаться, что его просто одурачили. Получалось, что Симонич либо полностью игнорировал инструкции своего правительства, либо ему было неофициально предложено не обращать на них внимания до тех пор, пока не повезет и Герат не окажется в руках покладистых персов. Правда об этих инструкциях вряд ли станет когда-либо известна, и историки по сей день ломают над ними голову. Пальмерстон же был вне себя и жаждал крови независимо от того — правда это или нет.

Русского посла в Лондоне вызвали на Даунинг-стрит и поставили в известность, что «граф Симонич и капитан Виткевич, все еще находившийся где-то в Афганистане, активно проводят враждебную по отношению к Британии политику, серьезно угрожающую отношениям между двумя странами». Пальмерстон потребовал немедленного отзыва обоих. Претензии, предлагаемые английской стороной против Симонича, были столь откровенными, что Николаю I оставалось только согласиться с британскими требованиями. «В том, что касается Симонича, мы загнали Россию в угол. Императору не оставалось ничего иного, как отозвать его и признать, что Нессельроде сделал целую серию ложных заявлений», — торжествуя сказал Пальмерстон Мак-Нилу. «Однако козлом отпущения, — пишет Хопкирк, — стал все-таки не министр, а Симонич, которого обвинили в превышении полномочий и нарушении инструкций. Впрочем, если даже инструкции и являлись фальшивыми, на нем все равно лежал провал захвата Герата, несмотря на имевшиеся у него многие месяцы,

пока Санкт-Петербург тянул время. По нему не уронили ни единой слезинки не только английские противники, но и русские коллеги, поскольку Симонича не любили все, кому приходилось иметь с ним дело. Считалось, что он получил по заслугам, но судьба, выпавшая на долю столь уважаемого противника, как Виткевич, никого не порадовала».

Вот какой весьма красноречивый пассаж.

Что же касается Виткевича, он, пробыв в лагере персов до самого снятия осады, 16 сентября вернулся в Кандагар. Оттуда он спустился по долине Хашруда к озеру Хамун и установил, что это не приток Гильменда, как считали ранее, а самостоятельная река. От озера он направился на северо-запад, на протяжении около трехсот километров проследил центральную часть меридиональной цепи Восточно-Иранских гор и сообщил о плодородной полосе между ними и пустыней Деште-Луг. Придя в Тебес, поручик повернул на запад, прошел вдоль южной окраины Деште-Кевир в Кашан и в начале 1839 года возвратился в Тегеран с массой ценных материалов, маршрутов и съемок еще никем не исследованных до этого территорий. В Тегеране Виткевич вновь встретился с Бларамбергом, который по добытым поручиком данным составил отчет. После этого сменивший Симонича на посту посланника в Тегеране генерал Дюгамель передал Виткевичу распоряжение вернуться в Петербург.

А вот что именно произошло потом в Петербурге, так и осталось тайной. Согласно одной версии, базирующейся на современных русских источниках, Виткевича тепло принял граф Нессельроде, поблагодарил за успешное выполнение миссии и пообещал восстановление дворянства, повышение в чине и перевод в гвардию. Однако, согласно Кэю, имевшему доступ к донесениям британской разведки из русской столицы, молодой и полный надежд офицер прибыл в столицу лишь для того, чтобы обнаружить полное равнодушие министра.

Нессельроде, стремясь не касаться более этого щекотливого дела, отказался дать ему аудиенцию, заявив, что не знает никакого Виткевича, «а только какого-то авантюриста с таким именем, оказавшегося замешанным в недозволенных интригах в Кабуле и Кандагаре». Возможно, вице-канцлер мстил литовцу с нечистым

прошлым за те несколько неприятных моментов, которые ему пришлось пережить в связи со всей этой историей.

Но, как бы то ни было, конец обеих версий, к сожалению, одинаков. Вернувшись в гостиницу после посещения Министерства иностранных дел, Виткевич прошел к себе в номер, сжег все бумаги, привезенные из Афганистана, набросал короткую записку друзьям и... в ночь на 9 мая 1839 года застрелился в меблированных комнатах «Париж» в Санкт-Петербурге. Смерть Виткевича лишила Россию важных сведений об Афганистане; исчез и договор, заключенный им с Дост-Мухаммедом. Единственная бумага, которая осталась на столе в номере гостиницы, оказалась письмом Виткевича о том, что он сам сжег свои бумаги. Записка эта содержала также указание, кому и какие суммы раздать.

Генерал Терентьев недвусмысленно намекает на то, что молодого и подающего большие надежды русского офицера убрала британская разведка, захватив все ценные документы, которые он привез с собой. Однако здесь наш уважаемый генерал-историк поступает ничуть не хуже своих британских оппонентов, слишком серьезно опираясь на *предполагаемое с большой долей вероятности*. Тем не менее концы с концами все равно не сходятся; остается открытым вопрос — почему столь «ценные документы», как утверждает Терентьев, наше Министерство иностранных дел не пожелало взять себе и даже, судя по всему, не поинтересовалось их содержанием? Скорее всего, у немецкого еврея протестанта на русской службе Нессельроде не было на тот момент особых причин любезничать с Виткевичем, потому что министр *проиграл*. В результате Виткевич ничего не получил за свою *работу*. Более того, ему, как *проигравшему*, пришлось застрелиться. И он, похоже, заранее предчувствовал, чем все кончится. В воспоминаниях Бларамберга есть следующее свидетельство: «Во время нашего с ним путешествия в Персию и пребывания там он часто бывал меланхолически настроен, говорил, что ему надоела жизнь, указав на пистолет системы Бертран... И он сдержал слово, так как застрелился именно из этого пистолета в минуту глубокой меланхолии. Его смерть произвела тогда сенсацию, и английские газеты много иронизировали по этому поводу».

Хопкиркже резюмирует просто: «Большой игре потребовалась еще одна жертва. Как и за десять лет до этого после жуткой смерти

Грибоедова, русские и здесь заподозрили руку британцев, однако все эти мысли быстро забылись в свете новых событий, вскоре потрясших Азию».

Ландкартный аргумент

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Ф. Тютчев

1

Англичане поздравляли себя с победой. Виткевич был мертв, Симонич «опозорен», Нессельроде обведен вокруг пальца, и Герат — этот передовой бастион обороны Индии — остался под влиянием Британии. Более того, русский царь не выказал дальнейшего желания бороться за симпатии шаха. И теперь заставившим русских и персов отступить англичанам следовало бы прислушаться к мудрому совету — остановиться на этом. Но с того момента, как Дост-Мухаммед с презрением отверг ультиматум лорда Окленда и официально принял Виткевича, Лондон и Калькутта стали рассматривать его как прорусски настроенного владыку. И пока Герат еще находился в осаде, а английский экспедиционный корпус направлялся в Персидский залив, Пальмерстон и Окленд вознамерились раз и навсегда разрешить афганский кризис. И, несмотря на то что Бернс, теперь энергично поддерживаемый Мак-Нилом, продолжал считать лучшим вариантом для Британии правление Дост-Мухаммеда, афганского владыку все-таки решили свергнуть. Лорд Окленд уже подготовился к началу операции вторжения.

В то же время Пальмерстон предупредил о подготовке операции британского посла в Санкт-Петербурге. «Окленду велено овладеть Афганистаном и поставить его в зависимость от Англии... Мы долгое время не вмешивались в дела этой страны, но поскольку Россия пытается сделать афганцев русскими, мы должны позаботиться о том, чтобы они стали британцами», — извещал он его. 1 октября 1839 года Окленд опубликовал так называемый манифест Симлы. Подлинное

название этого документа таково: «Декларация достопочтенного генерал-губернатора Индии». В этой декларации вице-король огласил намерение Британской империи свергнуть Дост-Мухаммеда силой и посадить на его место бывшего правителя Шуджу Уль-Мулька, изгнанного из Афганистана в 1809 году и проживавшего в Индии. Дост-Мухаммед был представлен не заслуживающим доверия злодеем, вынудившим на подобный шаг терпеливое британское правительство, а Шуджа — преданным другом и законным наследником. «После долгих и бесплодных переговоров капитана Бернса в Кабуле сложилось впечатление, что хан Дост-Мухаммед... явно вынашивает честолюбивые планы расширения своих владений, угрожая тем самым безопасности и миру на границах Индии; и открыто выступает с угрозой осуществления этих планов, призывая всю возможную иностранную помощь», — заявлял Окленд. И до тех пор, пока Дост-Мухаммед остается у власти в Кабуле, продолжал он, у нас нет «надежды на сохранение безопасности наших соседей, а также на нерушимость интересов нашей Индийской империи.

К 1839 году ситуация и в самом деле сложилась для англичан весьма благоприятно. Их дипломатическое давление на Россию, а затем и военное на Персию быстро принесло свои плоды. Из Герата пришло сообщение о снятии осады и отступлении персидской армии. Угроза английскому сокровищу практически перестала существовать, и самые разумные головы в Британии действительно предлагали остановиться на этом и успокоиться. И в Англии, и в Индии раздавалось немало резких возражений против не столь уж необходимой теперь миссии; ведь свергать Дост-Мухаммеда больше особой нужды не было. Оккупация Афганистана не только обошлась бы слишком дорого и оставила незащищенными другие границы Индии, но и толкнула бы персов в дружелюбные объятия русских.

Одним из тех, кто решительно выступал против вторжения, оказался герцог Веллингтон, предупреждавший, что там, где заканчиваются военные успехи, начинаются политические трудности. Однако Пальмерстон с Оклендом закусил удила, и раз пущенная в ход военная машина уже не могла остановиться. Кроме того, антирусская истерия в Британии и Индии всячески поддерживала идею этой авантюры, что со всей определенностью и выразила газета «Таймс»,

громоподобно заявившая: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала... русский дьявол неотступно преследует и терзает род человеческий, неустанно верша свои злобные дела... огорчая нашу трудолюбивую и исключительно мирную империю...»

Известно, что успех кружит голову. Щелчок по носу России и урок, преподанный Персии, вдохновили британских сторонников наступательной политики. Единственное, на что согласился воинственный лорд Окленд, выслушивая многочисленные возражения противников военной акции, так это лишь на незначительное сокращение сил вторжения. Армия Инда, как она официально называлась, состояла из десяти тысяч британских и индийских солдат, включая пехоту, кавалерию и артиллерию. Всего выступили, не считая офицеров, пятьсот двадцать сержантов и других унтер-офицеров, сто восемьдесят барабанщиков и горнистов, восемь тысяч восемьсот два рядовых. Армию сопровождал огромный обоз из тридцати тысяч носильщиков, грумов, слуг. Слуг насчитывалось в бенгальской дивизии двадцать четыре тысячи триста двадцать шесть человек, в бомбейской — пять тысяч семьсот двадцать, а всего на довольствии — восемьдесят тысяч, в восемь раз больше основного боевого состава армии. Самый малый офицерский чин имел при себе по крайней мере с десяток слуг, и это число увеличивалось в зависимости от ранга офицеров.

Здесь можно привести любопытную цитату из книги «Английская Индия в 1843 году» графа Эдуарда Варрена, прапорщика Ост-Индской компании. «Приготовления же к пути продолжались недолго. По щедрости, свойственной англичанам в Индии, каждый старался содействовать экипировке молодого прапорщика. Сестра моя, как добрая хозяйка, тотчас приготовила все необходимые вещи для моего хозяйства; помню, что какой-то старый майор отдал мне свою маленькую палатку, которая сопутствовала ему во всех походах и потом еще должна была служить мне; другой офицер подарил мне первый мой мундир, а зять мой — маленькую арабскую лошадку, и это была первая моя верховая лошадь, усердно служившая мне и с честью павшая на поле битвы. Сам я занят был формированием моей прислуги самым экономическим образом. Ее должны были составлять: 1) хетматгар или камердинер, он же и повар; 2) помощник его (ме'ти), низшей касты, для чистки сапог, мытья посуды и проч.; 3) ласкар, для

установки моей палатки; 4) сэс или гореуала, который обязан был нести мое ружье, бежать возле лошади, чистить и готовить ей обед, потому что в тех странах главный корм для лошадей состоит из горошка, в роде чечевицы, до половины уваренного; 5) фуражир или гансуала, для собирания во время пути корма для лошади; 6) кули, для того чтоб нести на двух концах бамбука, перевешенного через плечо, два петераха или ивовые корзины с кухонной посудой и вином; 7 и 8) двое белуал или погонщиков двух пар волов. Три вола везли палатку, с ее прибором, четвертый нагружен был моими чемоданами. Сверх того один нек (капрал) и трое сипаев должны были провожать мои пожитки, защищать меня от тигров и воров и брать во время пути проводников от одной деревни до другой. Судя по числу людей, названных мной, можно уже видеть, что для путешествия с величайшей простотой прислуга Европейца, не считая провожатых, не может быть менее восьми человек».

Сипаи тоже не обходились без многочисленной прислуги: на каждого сипая в бенгальской армии, набиравшейся из высших каст, приходилось по пять человек, в бомбейской из более низших — до трех. Кроме того, присутствовало большое количество маркитантов, поваров и кузнецов — и несметное количество верблюдов, несущих амуницию и провиант, не говоря уже о личных вещах офицеров, которые везли с собой сигары, восковые свечи, посуду, одеколоны, бочонки с джемом, наборы вин, дрессированных собак и попугаев, всевозможное оружие и так далее. Говорили, что один только командир бригады пользовался для перевозки своего лагерного имущества не менее чем шестьюдесятью верблюдами, а в одном полку офицеры распорядились выделить двух верблюдов исключительно для перевозки сигар. Главнокомандующий же разместил свои вещи на трехстах с лишним верблюдах, не считая слонов, лошадей, ослов и мулов. Наконец, за войском шло несколько гуртов крупного рогатого скота, которому предстояло служить походной кладовой для экспедиционного корпуса.

Помимо британских и индийских частей имелась и небольшая армия самого Шуджи. В нее входили два батальона кавалерии и четыре батальона пехоты со взводом конной артиллерии. Командовал армией английский бригадный генерал Симпсон. Это было сделано по совету Бернса, который указал Окленду, что шах Шуджа будет более

приемлем для соотечественников, завоевав трон во главе собственных войск, а не только силой британских штыков. Однако афганцев в армии Шуджи было мало — большинство составляли индийцы, обученные и руководимые британскими офицерами и содержащиеся на британские деньги.

Британская армия вошла в Афганистан через Боланский перевал в самом начале 1839 года. Сэр Александр Бернс, двигавшийся со штабом этой армии в качестве политического советника, угрозами, увещеваниями и взятками всячески старался облегчить ей путь. Переход через Пенджаб и Хайберский перевал был, конечно, значительно короче, но в последний момент Ранджит Синг вдруг отказался пропустить войска через свои территории. Пришлось двигаться через Синд, значительно южнее. Правители Синда тоже не хотели пропускать англичан, ссылаясь на договор с Британией, согласно которому никакие военные силы не могли передвигаться вверх по Инду. Однако им быстро разъяснили, что теперь сложилась чрезвычайная ситуация, и в случае неповиновения пригрозили ужасными последствиями.

Правитель Синда, видя безвыходность сложившейся ситуации, попросил хотя бы заплатить за проход британских войск двадцать пять лаков рупий (четверть миллиона фунтов стерлингов), но его требования были проигнорированы. Прибывшие к берегам Карачи бомбейские войска в сопровождении семидесятичетырехпушечного военного корабля «Уэлсли» штурмом взяли город, сначала обстреляв его, а потом практически полностью уничтожив отчаянно сопротивлявшийся трехтысячный гарнизон. В живых остались только двадцать человек. Одновременно главнокомандующий Коттон отдал приказ двинуть бенгальские части и на столицу Синда — Хайдарабад. Вот так вела себя в Азии «исключительно мирная империя».

У вождей племен белуджей, чьи земли проходили британцы, Бернсу удалось купить гарантии безопасности перехода войск через Боланский перевал, однако почти все, кто отстал, будь то курьеры или крупный рогатый скот, пали жертвами поджидавших их в укромных местах разбойничьих банд. Да и для основных колонн переход оказался гораздо труднее, чем ожидалось. Предполагали, что армия будет кормиться главным образом за счет местных сельскохозяйственных ресурсов, но последний урожай уничтожила

засуха, и даже самим крестьянам пришлось выживать за счет диких растений, часто добываемых лишь в результате долгих и тщательных поисков. В армии началась острая нехватка продовольствия, что привело к значительному снижению морального духа солдат. «Из-за нехватки продовольствия скоро возникли опасения за здоровье и моральный дух войска», — писал сэр Джон Кэй.

Хопкирк пишет: «Бернсу удалось вовремя исправить это кажущееся несчастье начала кампании: по заоблачным ценам подполковник купил у белуджей десять тысяч овец, восстановив тем самым силы и дух войск». Русские источники дают другую картину: пройдя через страну, британская армия вытоптала своими шипованными сапогами остатки урожая и израсходовала почти всю воду, чем обрекла Келатское ханство на голод.

Хан белуджей тем временем открыто говорил, что если даже англичане и сумеют возвести на трон Шуджу, то заставить афганский народ поддерживать его они не смогут никогда и в конце концов потерпят полный крах. Другими словами, англичане затеяли дело «огромное и трудноисполнимое». Вместо того чтобы довериться афганскому народу и Дост-Мухаммеду, англичане «пренебрегли ими и наводнили страну иноземцами». Он настаивал на непопулярности Шуджи среди соотечественников и на том, что лучше следует указать Дост-Мухаммеду его ошибки, «если он виноват в чем-то, и исправить собственные». Так и видишь надменное лицо британского офицера, не желающего даже вести подобные разговоры.

Макнотон был совершенно уверен и не раз заверял в этом лорда Окленда, что возвращение Шуджи будет встречено афганцами с восторгом. Однако пока никаких признаков восторга не наблюдалось. Когда же англичане достигли Кандагара, южной столицы страны, где правил один из братьев Дост-Мухаммеда, произошла и первая реальная проверка популярности британской марионетки. При подходе к городу Макнотон и командующий экспедиционным корпусом сэр Джон Кин узнали, что его правитель покинул столицу и отправился на север. Теперь какое-либо сопротивление казалось маловероятным, и корпус получил приказ задержаться, чтобы сложилось впечатление, будто Кандагар возвращен Шудже его собственными войсками. 25 апреля Шуджа с Макнотоном вошли в город без единого выстрела. Посмотреть на шаха собралась большая толпа любопытных; мужчины

стояли на улицах, а женщины усыпали крыши домов и балконы. Под ноги шаху бросали цветы и кричали: «Кандагар освобожден!», «Мы ждем от тебя защиты!», и он с триумфом проследовал по городу.

Макнотон торжествовал: прав оказался он, а не Бернс. «Шах, — рапортовал он в тот же вечер лорду Окленду, — был встречен с чувствами, доходившими едва ли не до обожания». Бескровная победа Шуджи и восторженные приветствия, которые ее сопровождали, давали надежду на то, что Дост-Мухаммед не сможет защитить Кабул и будет вынужден бежать. Дабы народ мог свободно выразить свою преданность новому правителю, Макнотон решил организовать торжественный прием на открытом воздухе за городскими стенами. Предполагался также блестящий военный парад, на котором войска генерала Кина должны были в торжественном марше пройти перед Шуджей, стоявшим на платформе, закрытой от палящего зноя цветастым тентом. В назначенный день на рассвете Шуджа выехал к месту построения британских и индийских войск, где его уже ждали Макнотон, Кин, политические советники и офицеры. Он поднялся на помост, войска отсалютовали, прогремел залп из сто одного орудия, и парад начался.

Это происходило 8 мая 1839 года. Восемьтысячное войско прошло в следующем порядке: бенгальская дивизия, британский батальон, батальоны бенгальской туземной пехоты, английская уланская бригада, бенгальская легкая кавалерия, колонна бомбейской дивизии и британские пехотные батальоны со знаменами, на которых были изображены сфинксы — свидетельство участия в боях с Наполеоном.

Торжество удалось на славу, если не считать одной мелочи: посмотреть на это зрелище и выказать уважение Шудже пришли не более сотни афганцев. «Все это дело болезненно провалилось... ничтожное число афганцев, пришедших поприветствовать своего нового повелителя, должно было послужить зловещим предупреждением шаху Шудже о том, что он не может рассчитывать на привязанность народа. Это горько разочаровало его главных европейских сторонников», — писал Кэй. Более того, в день парада афганцами были убиты два английских офицера 16-го уланского полка, отправившиеся половить рыбу на реку Аргандаб.

Быть может, все это и расстроило Макнотона, однако неудачи он не признал. В конце концов, восторженную преданность афганцев или по

меньшей мере тех, кого следует принимать здесь в расчет, всегда можно купить за британское золото. Он уже не раз убеждался в этом, щедро раздавая деньги вождям племен, по чьей территории они проходили. «Раскрыв казну, он щедрой рукой раздавал во все стороны ее содержимое», — писал Кэй. Однако никакое золото не помогло им купить лояльность следующего на их пути города. Газни с его мощной крепостью на высокой горе славился своей неприступностью по всей Азии. Крепость Газни когда-то была столицей Газневидской империи; своего расцвета город достиг в XI веке при Махмуде Газневи.

Армия Инда подошла к Газни 21 июля 1839 года. Изучив его толстые крепостные стены, достигавшие в высоту двадцати метров, генерал Кин и его инженеры поняли, что столкнулись с весьма серьезной проблемой. Афганская крепость оказалась гораздо мощнее, чем предполагалось. Тем более что, оставив осадные орудия в Кандагаре, генерал Кин теперь располагал лишь легкими полевыми пушками, которые вряд ли могли произвести впечатление на защитников могучей твердыни. К тому же у англичан снова начались проблемы с продовольствием, а доставка к Газни тяжелых осадных орудий, которые пришлось бы тащить от Кандагара волоком, заняла бы не одну неделю.

Однако можно было попробовать взять город и без них, разрушив мощным взрывом какие-нибудь из ворот крепости. Задача была почти самоубийственной, ведь любому, взявшемуся заложить взрывчатку и поджечь фитиль пришлось бы действовать на виду у защитников, расположившихся на крепостных стенах. Такое задание требовало исключительной смелости. Возглавить небольшую команду саперов поручили еще не совсем оправившемуся от приступа желтухи молодому лейтенанту Генри Дюрану из бенгальских инженерных войск. Сразу же возник вопрос, какие именно ворота лучше всего взорвать. И тут англичанам повезло. В качестве местного офицера разведки корпус сопровождал молодой друг и протеже Бернса Мохан Лал, сумевший установить контакт с одним из защитников города, которого знал прежде. От предателя он узнал, что все ворота, за исключением ворот Балоль, к которым подходила дорога из Кабула, заложены изнутри кирпичом и практически неприступны. Генерал Кин со штабом сразу же принялся за разработку планов штурма.

Пока британцы ожидали решения своих офицеров, афганцы произвели небольшую вылазку. Отряд афганской кавалерии подскочил едва не к самому шатру Шуджи, несмотря на потерю почти половины всадников. В последнюю минуту шаха спас подоспевший с двумя английскими ротами капитан Джеймс Утрам. Англичанам удалось даже взять пленных и захватить знамя. Знамя понесли перед шахом, но тут один из пленных с криком, что шах предал веру, вырвался и в возникшей свалке успел ударить одного из сопровождающих шаха слуг ножом. Взбешенный шах приказал немедленно казнить всех пленных. В самый разгар кровавой резни мимо шахского лагеря проходил британский офицер. Он услышал шум и на всякий случай заглянул в один из шатров. Там, к своему ужасу, он увидел как приближенные Шуджи со смехом и шутками «безоглядно рубили и калечили бедные жертвы длинными кинжалами».

«Пленников было человек сорок или пятьдесят, — писал он позднее, — как молодых, так и старых. Многие уже были мертвы, остальные при последнем издыхании». Несколько человек в ожидании своей участи сидели и стояли со связанными за спиной руками. Пораженный увиденным, офицер тотчас же сообщил об этом Макнотону, но тот не сделал ничего, чтобы остановить побоище. Хотя, возможно, было уже просто поздно. «До того времени Макнотон всячески восхвалял шаха за его гуманность, — отметил Кэй, — но теперь стало ясно, что гуманности шаха не существовало нигде, кроме писем самого Макнотона».

Но вот Кин закончил разработку планов и отдал приказ о штурме Газни. Штурм должен был начаться в ночь с 22 на 23 июля 1839 года, под покровом темноты и за шумом бурных порывов ветра. Отвлекая внимание защитников от кабульских ворот, англичане должны были устроить ложную атаку у дальнего конца крепости, в то время как легкая артиллерия и пехота сипаев с близкой дистанции будут вести огонь по находившимся на стенах защитникам. Нужно было любой ценой отвлечь внимание обороняющихся от кабульских ворот, ибо лейтенанту Дюрану с его саперами предстояло заложить под них мешки с порохом.

К трем часам утра все было готово, и все находились на местах. По сигналу Кина артиллерия и пехота открыли огонь, и один артиллерийский снаряд оторвал голову афганскому солдату прямо на

глазах штурмового отряда, поджидавшего в темноте, когда взорвут ворота. Подрывники быстро и бесшумно пробрались к цели, заложили заряды и, оставшись незамеченными, поспешили в укрытие. Остался только Дюран, который должен был зажечь фитиль. С первой попытки фитиль не загорелся, со второй тоже, и на какое-то мгновение Дюран вдруг испугался, что ему придется пожертвовать собой и просто поджечь порох, поскольку все теперь зависело только от его успеха. Однако с третьего раза фитиль зашипел и начал потрескивать. Дюран бросился в укрытие, и через несколько секунд прогремел взрыв.

«Эффект оказался столь же мощным, сколь и неожиданным. Вверх взвился столб черного дыма, а вниз со страшным грохотом полетели огромные массы кирпича и разнесенных в щепу бревен», — повествовал Кэй. Когда грохот взрыва стих, горнист протрубил атаку. Штурмовой отряд под командой полковника Уильяма Денни рванулся сквозь дым, и британские штыки сошлись в жестокой схватке с афганскими кинжалами. Под несущиеся из-за стен громкие крики основные силы англичан снялись с позиций и направились к воротам, но в этот момент в суматохе и темноте произошло нечто, едва не стоившее англичанам победы. Считая, что ворота полностью завалены обломками и люди Денни все еще снаружи, горнист протрубил отход. Атака мгновенно прекратилась, а в это время за стенами штурмовой отряд бился с превосходящими силами врага не на жизнь, а на смерть. Однако ошибку быстро исправили, вновь отдав приказ наступать. И мгновение спустя атакующие, возглавляемые бригадным генералом с саблей наголо, ворвались внутрь крепости и присоединились к людям Денни.

Афганцы сражались с беззаветной храбростью и яростью. К несчастью, им пришлось столкнуться с хорошо обученными европейскими войсками, прекрасно знающими современную тактику штурма, — и столкнуться впервые. Вскоре оборона начала ослабевать. «В неистовом отчаянии афганцы с саблями в руках бросались на атакующих из своих укрытий и орудовали кинжалами с ужасным эффектом, но сразу же натыкались на сокрушительный огонь британской пехоты... В отчаянных попытках пробежать через ворота некоторые бросались на горящие бревна и гибли от огня. Других закалывали штыками на земле. Кого-то преследовали, загоняли как бешеных собак в угол и пристреливали», — писал Кэй. Тех же, кому

удавалось прорваться через ворота или перебраться через стену, снаружи добивала кавалерия. Скоро все было кончено, и на крепостных стенах взвились в триумфе полковые штандарты штурмовых отрядов и «Юнион Джек».

«Это была ошеломляющая победа британцев. Потери составили всего лишь 17 человек убитыми и 166 ранеными, из них 18 офицеров. Афганцы потеряли по меньшей мере 500 человек внутри, и еще больше перебила кавалерия Кина снаружи». В городе были обнаружены крупные запасы зерна, муки и других продовольственных товаров. Теперь надежда достичь Кабула стала вполне реальной, поскольку путь к столице Афганистана, лежащей всего в сотне километров к северу, оказался открытым.

Неожиданная и быстрая потеря Газни нанесла сокрушительный удар Дост-Мухаммеду. Посланная им на помощь осажденным пятитысячная афганская конница, выступившая под командованием его сына, повернула назад, чтобы избежать полного разгрома. Союзники Дост-Мухаммеда начали понемногу разбегаться, предпочитая наблюдать за развитием событий со стороны. 30 июля 1839 года Кин вновь выступил в поход, и неделю спустя, обнаружив на пути лишь несколько брошенных пушек, англичане достигли стен Кабула, где узнали, что Дост-Мухаммед бежал. Столица сдалась без единого выстрела.

И вот 7 августа 1839 года Шуджа, сопровождаемый Макнотом, Кином и Бернсом, вступил в город. Шахский наряд сверкал драгоценными камнями, сбруя великолепного белого боевого коня — золотом. «Звон монет и блеск британских штыков вернули ему трон, который без этих сверкающих помощников он добывал бы долго и безуспешно», — отметил Кэй. Но восторженного приема, столь упорно предсказываемого Макнотом, не последовало и на этот раз. «Все это больше походило на похоронную процессию, чем на въезд владыки в столицу вновь обретенного царства», — добавлял Кэй. Однако Пальмерстон был восхищен ловкостью Окленда и его умением «делать королей». «Славный успех Окленда в Афганистане устрасит всю Азию и облегчит нам все остальное», — писал он.

Поначалу лорд Окленд намеревался вывести британские войска, как только шах надежно закрепится на троне в окружении своих сановников и под защитой собственной армии. Однако теперь даже

Макнотону стало ясно, что пока Дост-Мухаммед на свободе, говорить о безопасности нового режима не приходится. Для поимки свергнутого правителя был послан кавалерийский отряд Кина, одного из лучших командиров, но через месяц он вернулся в Кабул ни с чем, и все последующие поиски тоже оказались безрезультатными.

Тем временем английский гарнизон в Кабуле уже начал наслаждаться всеми прелестями повседневной гарнизонной жизни. Устраивались скачки, благодаря щедрости английских и индийских солдат процветала торговля на базарах, к некоторым офицерам стали переезжать из Индии семьи, привлеченные экзотикой горного района. Среди приехавших была и леди Макнотон, которая привезла с собой хрустальные канделябры, марочные вина, дорогие наряды и огромный штат слуг. Холостяк Александр Бернс завел себе целый гарем из молоденьких афганок, другие офицеры старались подражать ему в этом.

Генерал Кин, пожалованный королевой Викторией титулом барона Газнийского, с большей частью экспедиционного корпуса вернулся в Индию, но в Кабуле осталось достаточно войск, чтобы защитить английские коммуникации с ближайшей британской провинцией. Небольшие отряды разместились и в других городах — в Газни, Кандагаре, Джелалабаде и Кветте. Словом, Макнотон был вполне убежден, что с помощью британских штыков шах вполне сможет усидеть на троне. Однако генерал Кин не разделял подобного убеждения; он сказал возвращавшемуся в Индию лейтенанту Дюрану: «Не могу не поздравить вас с тем, что вы покидаете эту страну, ибо, попомните мои слова, недалек тот день, когда здесь разразится величайшая катастрофа...»

Но пока Англия ликовала!

2

Н. Я. Данилевский в третьей главе своей книги «Россия и Европа», задавшись вопросом «почему Европа враждебна России?», пишет: «Взгляните на карту, — говорил мне один иностранец, — разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?» И далее сам Данилевский признает: «Да, ландкартное давление действительно существует». И это оказалось не простыми словами. Ведь именно от

этого аргумента, как от наиболее зримого и отчетливого, отталкивались в своих книгах и сэр Роберт Вильсон, и Джон Мак-Нил. По мнению британцев, достаточно было лишь бросить простой взгляд на карту, чтобы увидеть, как нависает Россия над их сокровищем. И как бы кто ни предпочитал думать, ландкартный аргумент в глазах Европы и в самом деле казался весьма значительным.

«Что бы ни говорили нам сегодня историки, — пишет Хопкирк, — в то время русская угроза Индии представлялась вполне реальной; она казалась очевидной любому, бросившему взгляд на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась со скоростью примерно пятьдесят пять квадратных миль в день или около двадцати тысяч квадратных миль в год. И если в начале XIX века Российской и Британской империи разделяло в Азии более двух тысяч миль, то к его концу это расстояние сократилось до нескольких сотен, а в отдельных районах Памира не превышало и двух десятков миль. Поэтому совсем не удивительна была у нас боязнь многих, что казаки уже готовы натянуть поводья своих лошадей, дабы и с Индией сделать то же самое».

Однако и среди англичан были весьма трезвые мыслители. Например, другой русофоб — Киннейр, в отличие от Вильсона, не был убежден, что русский царь планирует захват Индии: «Я подозреваю, что русские, вне всякого сомнения, не прочь расширить свою империю в этом направлении; но она уже и сейчас излишне громоздка, и очень может быть, что вскоре она развалится из-за своей неуправляемости». А лорд Солсбери, тоже сторонник наступательной политики, и вовсе не был поджигателем войны или паникером. Он как-то раз сказал одному ярому русофобу: «Много недоразумений проистекает от повсеместного использования мелкомасштабных карт. Если бы благородный лорд использовал карту крупномасштабную, он нашел бы, что расстояние между Россией и Британской Индией не в палец с небольшим, а вполне достаточной величины».

Русские в полный рост ощутили достаточность этой величины, когда в 1839 году попытались во второй раз дойти до Хивы.

Сомнения Санкт-Петербурга относительно британских планов в Азии и на ее рынках стали нарастать с того самого момента, когда Уильям Муркрофт четырнадцать лет назад посетил Бухару. К осени 1838 года в свою очередь забеспокоились Лондон и Калькутта, также

опасаясь дальнейшего проникновения русских в окружающие Индию районы, когда в Кабул направился Виткевич. В октябре 1838 года, незадолго до того, как Россия узнала о британских планах свержения Дост-Мухаммеда и замены его марионеткой, граф Нессельроде писал своему послу в Лондоне об опасениях Санкт-Петербурга на этот счет. Он предупреждал его о «неустанной активности, проявляемой английскими путешественниками в распространении волнений среди народов Азии и в проведении агитации даже в самом сердце держав, окружающих наши границы».

Купцы и агенты уверяли, например, что в Хиву прибыли из Кабула двадцать пять англичан, предлагая хивинскому хану помощь против России войсками и деньгами. Именно этим, скорее всего, и объяснялась неопределенность поведения в последнее время хивинского хана, который то соглашался освободить из рабства и выдать всех русских пленных, то вдруг передумывал. Еще в апреле хан Аллакул через своих посланцев обещал выполнить справедливые требования России о выдаче всех русских рабов. Но лето прошло, а выполнять свои обещания он и не собирался. Необходимо было срочно принимать решительные меры, пока английские агенты окончательно не настроили хивинцев против России.

Давно пора было наказать это непокорное ханство, постоянно тревожившее русские границы и увозившее в рабство русских. Еще более убеждало русское правительство в необходимости срочного выступления в поход известие о взятии англичанами Кабула и изгнании оттуда расположенного к России Дост-Мухаммеда. И вот осенью 1839 года решение о выступлении было принято окончательно.

Официальной целью экспедиции в Хиву являлось освобождение из хивинского рабства множества русских пленных, наказание туркменских разбойников и работорговцев, регулярно грабящих местные караваны с русскими товарами, а заодно и смена правителя. Последнего русские военные, точно так же, как англичане в Афганистане, собирались заменить на собственного, более покладистого кандидата, который отказался бы от варварских методов управления страной, практиковавшихся в Хиве до сего времени.

Хопкирк пишет: «Выступать с критикой подобных намерений нелегко было даже Бернсу, хотя и он сам, и остальные сторонники наступательной политики в Англии ясно понимали, что на этом

русское продвижение на юг не закончится. Следующими жертвами, скорее всего, станут Бухара и Мерв, а затем настанет очередь и Герата. Британцам оставалось теперь лишь одно: воспользовавшись свежеприобретенной базой в Кабуле, устремиться туда первыми. Макнотон считал, что в следующем же мае, едва только стает снег на перевалах Гиндукуша, нужно захватить Балх — важный плацдарм на Амударье. А оттуда уже можно нанести быстрый и эффективный удар по Бухаре, где жестокий эмир держал в тюрьме в нечеловеческих условиях английского посланника полковника Стоддарта.

Далее предметом постоянной заботы Британии должен был стать Герат, который они намеревались оградить от рук персов и русских. После столь далеко идущих планов казалось и вовсе неразумным не использовать своего преимущества, особенно в виду намерения русских захватить Хиву.

Вторая экспедиция России в Хиву на самом деле готовилась очень долго и тщательно, всю вторую половину 1830-х годов. Готовил ее молодой и способный генерал-губернатор Оренбургского края Василий Алексеевич Перовский. Ему было всего сорок с небольшим, и он был полон надежд и стремлений послужить на благо Отечества. Готовил он экспедицию очень обстоятельно, со всеми советуюсь, стараясь предусмотреть каждую мелочь. Сначала он намеревался выступить ранней весной, пройти весь путь до Хивы в 50 дней, сделать дело и к зиме вернуться домой. Пехоту предполагалось везти на верблюдах: если в корзинах, то по три человека на животное, а если в длинных повозках на высоких колесах с широкими ободьями, то по восемь и десять человек на каждое. Но потом стали вспоминать всевозможные исторические примеры зимних походов, например, Чингисхана, прошедшего с двухсоттысячной армией по заснеженной пустыне Гоби для покорения Китая (1211 г.), или Тамерлана, обычно начинавшего свои нашествия к Сибири или к Уралу именно зимой. Вспомнили и зимний поход воевод Ушатого и Курбского в 1499 году (при Иване III) к берегам Иртыша и Оби, когда русским пришлось пройти на лыжах более трех тысяч километров. Да и зимняя кампания 1812 года также казалась многим доказательством того, что «морозы русскому человеку нипочем». Бекович же во время своего похода очень много пострадал от жары.

Наконец, в январе 1838 года по распоряжению Перовского был произведен набег состоящего из пяти сотен отряда уральских казаков в направлении на Мангышлак. Казаки в течение шести недель успешно преодолели расстояние более чем в тысячу двести километров и, внезапно появившись у киргизских аулов, нанесли им сокрушительное поражение, а затем вернулись в Оренбург. На всю экспедицию было затрачено около тысячи рублей, что частично возместили военными трофеями. Воинственные до сего времени киргизы были напуганы и перестали делать грабительские набеги на наши территории, поняв, что непроходимые до сих пор зимние степи более не являются для нас преградой. Правда, здесь все же следует отметить, что эта вылазка была осуществлена исключительно на лошадях, привыкших к водопоям из талого снега. А также и то, что зима 1837–1838 годов была мягкой, температура не опускалась ниже десяти — пятнадцати градусов.

Забавно также отметить, особенно в русле все нараставшего англо-русского противостояния, тот факт, что наши генералы даже советовались с большим военным авторитетом того времени — английским главнокомандующим, железным герцогом Веллингтоном. И Веллингтон также высказался в пользу зимних походов, мотивируя это тем, что при прохождении через безводные степи вода будет всюду под ногами в виде снега. Словом, вопрос решился в пользу зимы.

В удаче предприятия никто не сомневался: хивинцев считали не воинственными, в верность войска из туркмен не верили, в верность артиллеристов из русских пленных — еще менее, хивинского оружия не боялись, зная, что огнестрельного оружия в Хиве мало, что порох плохой и что ядра не отвечают калибру орудий и потому загоняются с войлоком. Весь вопрос состоял только в том, как добраться до этого разбойничьего гнезда, а уж в том, чтобы разнести его, никто не видел проблемы.

Англичане впервые узнали о подготовке экспедиции Перовского в Хиву летом 1839 года, за три месяца до ее отправления. Предупреждение пришло из самой Хивы, от хана, к которому слухи просочились через его разветвленную сеть шпионов. Информацию о готовящемся походе доставили британские агенты, вернувшиеся из Хивы с известием о том, что русская армия — по слухам, до ста тысяч человек — уже готова выступить из Оренбурга. Старший английский

офицер в Герате майор д'Арси Тодд немедленно послал курьеров в Тегеран и Кабул, дабы поскорее известить начальство. Одновременно он решил и сам сделать для предотвращения перехода Хивы в руки русских все возможное. Но поскольку свой пост в Герате майор оставить не мог, он решил отправить в Хиву толкового штабного офицера капитана Джеймса Эбботта, велел ему начать переговоры с наступающими русскими от имени хана.

Поскольку согласие хана отпустить всех русских рабов выбивало из рук Санкт-Петербурга предлог для вторжения на территорию Хивы, англичане посчитали, что можно с легкостью устранить угрозу ханскому трону. Эбботт должен был любой ценой убедить хана в настоятельной необходимости избавиться от рабов до того, как Перовский продвинется настолько, что не захочет повернуть назад. Переодевшись афганцем, Эбботт один выехал в раскинувшуюся в пятистах километрах к северу Хиву в канун Рождества 1839 года.

А тем временем все приготовления к экспедиции наконец закончились. Всего в отряде было пять тысяч триста двадцать пять человек при двадцати двух орудиях и четыре ракетных станка. Экспедиция на Хиву выступила из Оренбурга 26 ноября. Войскам, собранным на городской площади, объявили следующий приказ: «По высочайшему Государя Императора повелению я иду с частью вверенных мне войск на Хиву.

Давно уже Хива искушала долготерпение сильной и великодушной державы и заслужила, наконец, вероломными, неприязненными поступками своими грозу, которую сама на себя навлекала...

Товарищи! Нас ожидают стужа и бураны и все неизвестные трудности дальнего степного зимнего похода; но забота обо всем необходимом по возможности предупредила крайности и недостатки, а рвение ваше, усердие и мужество довершат и победу» и т. д.

Таким образом, войскам впервые официально сообщили о стоящей перед ними задаче непосредственно перед выступлением, хотя слухи о подлинной цели экспедиции гуляли уже давно^[7].

Поначалу все шло согласно плану.

Отряд выступил из Оренбурга четырьмя колоннами, по одной колонне в день, и к 6 декабря все они соединились близ Караванного озера. Затем, после двухдневного отдыха, все отряды выступили вверх по правому берегу реки Илек, уступами или эшелонами, на четверть

или на полперехода один за другим, придерживаясь этого расстояния и на ночлегах.

Однако едва ли не с первых же дней похода все уверения в том, что морозы нашему войску совсем не страшны, стали давать трещину. Уже 6 декабря выпал глубокий снег — выше колена, а 7-го поднялся жестокий буран при двадцати шести градусах мороза. Часовые в эту ночь отморозили себе носы, руки и ноги, что даже повлекло потом ампутации. В эту страшную ночь почти все лошади передового отряда разбежались. Пришлось сделать лишнюю дневку; часть лошадей нашли, но большинство умчалось в степь и, скорее всего, сделалось добычей волков.

Начались бураны; снегу намело выше аршина; по утрам морозы доходили до минус сорока градусов. Снег покрылся ледяной коркой, резавшей ноги верблюдам. Людям же идти по колено в снегу, навьюченным по-походному, было непросто. Верблюды с порезанными ногами падали и не вставали. Их отвязывали и бросали вместе с вьюками. Арьергардные казаки смотрели на такие вьюки как на законную добычу: спирт тотчас же разливали по своим манеркам, овес и сухари разбирались по торбам, бочонки шли на дрова, кули и веревки — на топливо. Оттого казаки вынесли поход лучше других.

Известный писатель и этнограф Владимир Даль, взятый в поход в качестве врача и чиновника особых поручений, состоявший при штабе, долго отогревался в кибитке Перовского. «Первые три недели, — писал он, — мы, по глупости своей и по избытку совести, жили без огня, без всякого удобства; ныне все это изменилось к лучшему: мы воруем дрова и уголь не хуже всякого». На дрова, по его словам, шли казенные ящики и бирки с номерами верблюдов.

Девятнадцатого декабря около 10 часов утра главная колонна двинулась с Биш-Тамака при тридцати градусах мороза. Снег, затвердевший от стужи, хрустел под ногами; повсюду виднелись только белоснежные вершины холмов, ярко освещенные солнцем. Едва колонна прошла около восьми километров, задул северо-восточный ветер, поднявший тучи снеговой пыли. За тучами снега, которые неслись по степи и покрыли все небо, нельзя было различать предметов и в двадцати шагах. К счастью, ветер дул не совершенно прямо в лицо: иначе при такой стуже перемерз бы весь отряд. Сила бури была так велика, что нельзя было дышать, стоя против ветра,

потому что захватывало дыхание; холод проникал до костей. Лошади и верблюды отворачивались от ветра, сбивались в кучи и жались одни к другим.

Чтобы не растеряться в этом снежном тумане, колонна немедленно стянулась и стала лагерем.

Солдаты мигом разгребли снег для постановки кибиток, поставили их входом от ветра и пригребли к кибиткам снегу, чтобы не поддувало под низ. Буран бушевал всю ночь и притих только на другой день в три часа пополудни. После этого бурана снега в степи заметно прибавилось, и тут-то пришлось отряду почувствовать всю тягость степного зимнего похода, особенно когда приходилось преодолевать занесенные снегом овраги и лощины. Хуже всего приходилось пешим: по пояс в снегу, они едва пробивались вперед (это называлось «пахать снег»). Если кто и тянулся по следам верблюда, то все равно должен был беспрестанно сворачивать с дороги, чтобы то обойти упавшего верблюда, то поднять свалившийся вьюк, то привязать отвязавшуюся веревку.

Наконец, после трудного перехода долиной реки Эмбы, по которой, по причине глубокого снега, пришлось идти только в шесть или восемь рядов, отряды к концу декабря благополучно добрались до Эмбенского укрепления. От Оренбурга до Эмбенского укрепления всего около пятисот километров, отряд прошел их за тридцать два дня, и на всем этом пути замерзших не было, но поверхностных обморожений лица, рук и ног оказалось немало. Без буранов простояло только пятнадцать дней.

Вдруг 30 декабря, в 7 часов утра, с юго-западной стороны укрепления показалась конница численностью от двух до трех тысяч человек. Приблизившись крупной рысью, всадники остановились примерно в двух километрах от лагеря, после чего лучшие наездники, преимущественно из туркмен, отделившись от основной массы, понеслись прямо на наш пикет, стоявший в километре от укрепления, но пикет успел сняться вовремя и отступить в крепость. Между тем хивинцы разделились на несколько частей и повели атаку одновременно на восточный и северный фасы.

Незадолго до этого офицеры на всякий случай проводили пробную тревогу, благодаря чему теперь при неожиданном нападении хивинцев не произошло ни малейшего замешательства, все прекрасно знали свои

места. Ружейный огонь и действие артиллерии, управляемой горными инженерами, отразили хивинцев со значительным для них уроном. Однако они до самой ночи повторяли нападения и даже пытались зажечь скирды сена, стоявшие вне укрепления, но также без успеха.

На другой день, заметив, что со стороны солонца нет орудия, хивинцы напали на укрепление оттуда; но гарнизон в течение ночи успел устроить там барбет^[8], и во время нападения быстро перекинул на него орудие, осыпавшее неприятеля картечью. Еще пару дней покрутившись в окрестностях, но так ничего и не добившись, нападавшие в конце концов исчезли столь же неожиданно, как и появились. Впоследствии выяснилось, что их возглавлял сам Куш-беги (военный министр) и что аргамаки их почти все погибли от стужи и бескормицы, а затем пришла очередь и всадников: вернулись в Хиву не более семи сотен человек, и то в самом жалком виде.

У нас же в результате этих стычек погибли только шесть человек и ранены тринадцать, угнаны тридцать одна лошадь и сорок один верблюд; убиты четыре лошади и семнадцать верблюдов. В числе убитых был и попавший в плен рядовой, жестоко замученный хивинцами: найденное тело его оказалось обожженным, колени проколотыми и сквозь них продета бечевка. Несчастный был изжарен живым, подвешенный за ноги и за руки над костром.

С неприятелем экспедиция справилась, а вот природы одолеть не могла. Несчастья продолжали сыпаться на нее, словно из рога изобилия. Во время пребывания главного отряда на реке Эмба получено было донесение, что провиант, отправленный в октябре на десяти судах в Ново-Александровское укрепление, был задержан в море встречными ветрами до глубокой осени, а затем затерт льдом. С этих пор Перовский стал уже сомневаться в возможности дойти до Хивы. Во все время похода до Эмбы только три дня мороз был десять и менее градусов. Незначительное количество дров, которое было при отряде, расходовалось лишь для варки горячей пищи, без которой на морозе трудно было пробыть несколько дней подряд. Спирт выдавался щедро, но и он помогал мало. Солдаты прозвали его «стоградусным морозом».

Генерал Перовский, находясь в крайне удрученном состоянии и виня себя за увлечение поэзией, как он называл теперь зимний поход, впал в меланхолию и стал отказываться от пищи. Ему казалось, что

офицеры и солдаты упали духом, что все непременно его бранят и проклинаят за то, что он завел их в дикую пустыню и без пользы, без славы погубит здесь всех до последнего... Однако, когда он спросил своего ординарца Никифорова о состоянии духа офицеров, тот сообщил, что в экспедиции образовалось две партии: Циолковский со своими доказывает необходимость немедленно скрыть укрепления и идти назад, а Молоствов, напротив, находит, что, пройдя только одну треть пути и даже не исследовав Усть-Урта, возвращаться ни с чем в Оренбург будет прямо постыдным для русского имени делом. Послужить оправданием и снять с отряда пятно может только последняя крайность, только доказанная опытом невозможность идти далее. До последней же крайности еще не дошли.

Обрадованный этим Перовский крепко поцеловал Никифорова и решил идти далее к Ак-Булаку или Чушка-Кулю, поручив первую колонну Молоствову. Однако, как видно, верно в народе говорится: пришла беда — открывай ворота. Накануне выступления Молостлов, напившись кофе у Циолковского, внезапно заболел. Пришлось поручить первую колонну Циолковскому. Решившись, несмотря ни на что, продолжать движение, Перовский отдал приказ, чтобы офицеры кинули в укреплении все, без чего только могут обойтись, дабы по недостатку верблюдов не пришлось кинуть на дороге самое необходимое. Выступление назначено было на середину января.

Расстояние от Эмбенского укрепления до Ак-Булака, около ста шестидесяти километров, пройдено было колоннами почти за пятнадцать дней, несмотря на то что потеря в верблюдах была чрезвычайна и с каждым днем возрастала. Выступив в поход, отряд имел около десяти тысяч четырехсот верблюдов. Из Эмбенского укрепления вышли уже только на восьми тысячах девятистах верблюдах, а на Ак-Булаке (т. е. еще не пройдя и половины пути до Хивы) годных для подъема тяжестей верблюдов оказалось всего пять тысяч сто восемьдесят восемь — предельное число, ибо для перенесения лишь необходимого отряду продовольствия нужно было иметь не менее пяти тысяч верблюдов. А их количество все продолжало убывать. Быть может, именно по результатам этого похода В. И. Даль и определил верблюда как «животное кволое, нежное», которое «любит тепло, гибнет от стужи».

В то же время произошло и еще одно неблагоприятное для отряда событие: служивший в оренбургской пограничной комиссии корнет Айтов еще в ноябре был послан для сбора верблюдов у киргизов, кочующих между низовьем Урала и Ново-Александровским укреплением. Этими верблюдами намеревались поднять продовольствие, долженствовавшее прибыть водою в Ново-Александровское укрепление, и направить животных немедленно к главному отряду, чтобы заменить ими павших и слабых верблюдов. Айтов с собранными пятьюстами тридцати восемью верблюдами уже шел к Эмбенскому укрепленю; но 20 января возчики верблюдов из адаевцев, исыкцев и бершевцев, по внушению хивинцев, связали Айтова и повезли в Хиву, а верблюдов возвратили в аулы. Этому

событию суждено было сыграть во всей истории весьма значительную роль.

Все овраги, даже самые глубокие, были занесены снегом доверху, так что и отличить их от степи было невозможно, пока туда не проваливались верблюды или фура. Во избежание таких провалов для артиллерии стали устраивать поверх снега настилку понтонных мостов и уже по ней перевозить орудия. В первые четыре дня выступившая вперед колонна из-за буранов прошла всего двадцать километров, бросив на пути множество саней и колесных повозок, которые употреблялись на топливо последующими тремя колоннами. Солдаты терпеливо переносили все лишения, понимая, что начальство бессильно изменить погодные условия. Однако с каждым новым днем колонны все сильнее и сильнее завязали в бескрайней и непроходимой степи.

Казалось бы, предусмотрено было все: продовольствие, верблюды, теплые вещи, порядок следования и т. д. Однако действительность предъявляла все новые и новые требования. Небывалые морозы, метели, небывалое количество снега, постоянно выпадавшего день за днем, сводили на нет все усилия. В результате пропало даже самое обыкновенное преимущество последовательного движения. Ведь если колонны выступают одна за другой, движение последующих должно облегчаться передними, но этого не случилось: снег быстро заметал следы, и дорогу едва можно было отличать по снеговым столбам, специально насыпаемым уральцами, или по брошенным за негодностью верблюдам и их трупам. К тому же если бы не было такого обилия снега, то не было бы и такого падежа верблюдов.

Да и сами бураны оказались более сильными и продолжительными, чем предполагал Перовский со своим штабом. Даже местные киргизы не могли припомнить таких снегопадов в начале зимы. Кормить верблюдов при таких снегопадах и промерзшей земле становилось все труднее, и скоро те начали погибать уже совсем с ужасающей быстротой. Если верблюд падал, он редко вставал вновь. Приходилось то и дело перекладывать груз с павших верблюдов на еще оставшихся, что сильно замедляло продвижение экспедиции и изматывало людей и животных.

Для костра и приготовления пищи каким-то образом нужно было отыскивать под снегом топливо для костров, состоявшее в основном из

корней кустарников, выкапываемых из замерзшей земли. Чтобы расстелить войлок для палаток и соорудить коновязи для верблюдов и лошадей, на каждой стоянке приходилось расчищать от снега большие площадки. Солдаты получали возможность немного отдохнуть только к восьмидевяти часам вечера, а к двум-трем часам следующего утра они уже были обязаны встать и вновь двинуться в путь.

Ночуя в войлочных палатках, русские с головы до ног укрывались овчинными полушубками, чтобы не обморозиться, но и тогда дыхание и пот примораживали усы и волосы к меховым воротникам так, что по утрам «требовалось немало времени, чтобы они оттаяли». Тем не менее отряд мужественно продолжал продвигаться вперед. Из-за обильных снегопадов солдатам уже приходилось пробивать путь верблюдам и артиллерии, стоя по грудь в снегу. А снег продолжал идти, температура падала, и страдания все возрастали, беспощадно испытывая силу и стойкость духа русских. В таком холоде невозможно было ни постирать белье, ни умыться. Многие в течение всего похода не только не меняли белье, но даже не снимали верхней одежды. Повсюду кишели паразиты, тела покрывались грязной коркой. Начались болезни.

К концу января стало совершенно ясно, что экспедиция движется навстречу гибели. Уже на первой половине пути из двух тысяч семисот пятидесяти унтеров и рядовых в строю остались тысяча восемьсот пятьдесят шесть, из числа выбывших умерли двести тридцать шесть, и еще сотни оказались настолько слабыми, что не могли нести службу. Верблюды, от которых они так зависели, погибали уже по сто голов в день, погода все ухудшалась, а казачьи разъезды докладывали, что впереди снег еще глубже. Из-за обилия снега искать топливо и фураж становилось практически невозможно, и скорость движения снижалась до нескольких километров в день.

Перовский выехал из Эмбенского укрепления на другой день по выступлении последней колонны, т. е. 29 января 1840 года, и уже не верхом, а в теплом возке. Обогнав все колонны и осмотрев их, он теперь наконец сам убедился, что до Хивы отряду не дойти. Еще до выезда с Эмбы он писал министру иностранных дел: «Опасаясь, что вынужден буду бросить понтоны, лодки, все повозки». Теперь он видел, что придется бросить не только все запасы, но и саму затею. Командиры колонн единодушно доказывали, что во избежание

катастрофы не может быть и речи о продолжении похода, и, объехав войска, Перовский лишь убедился в их правоте.

Для всех наступил момент горького, а для самого генерала унижительного, разочарования. По чистому невезению поход пришелся на самую плохую зиму. В это время в обычные годы на Ак-Булаке в середине февраля появляется уже свежая трава. Но эта зима поражала даже местных степных жителей. Если бы отряд выступил немного раньше, он избежал бы самого пика морозов и благополучно добрался бы до богатых и защищенных хивинских оазисов. Тогда русские не только увидели бы врага, но и навязали ему сражение. Но этого не случилось...

Старая рана в грудь, полученная Перовским в турецкую войну в 1828 году, разболелась. Отозвался и тот удар огромным поленом в спину, который он получил во время бунта 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Силач, разгибавший подковы, стал хиреть. Лично убедившись в крайнем изнурении и людей, и верблюдов, с которыми если бы и можно было дойти до Хивы, то разве только для того, чтобы попасться еле живыми в руки неприятеля, — Перовский решил наконец отказаться от дальнейшего похода. С тяжелым сердцем подписал он следующий приказ:

«Товарищи! Скоро три месяца, как выступили мы по повелению Государя Императора в поход с упованием на Бога и с твердою решимостью исполнить царскую волю. Почти три месяца сряду боролись мы с невероятными трудностями, одолевая препятствия, которые встречаем в необычайно жестокую зиму от буранов и непроходимых, небывалых здесь снегов, заваливших путь наш и все корма. Нам не было даже отрады встретить неприятеля, если не упоминать о стычке, показавшей все ничтожество его. Не взирая на все перенесенные труды, люди свежи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только нам изменило: значительная часть верблюдов наших уже погибла, остальные обессилели, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствие. Как ни больно отказаться от ожидавшей нас победы, но мы должны возвратиться на сей раз к своим пределам. Там будем ждать новых повелений Государя Императора; в другой раз будем счастливее. Мне утешительно благодарить вас всех за неутомимое усердие, готовность и добрую волю каждого при всех перенесенных

трудностях. Всемило-стивейший Государь и Отец наш узнает обо всем».

Отряды стали готовиться к обратному пути.

Из письма Перовского А. Я. Булгакову от 16 февраля 1840 года:

«Акбулак, 650 верст за Оренбургом...

...имея нужду самого себя утешить в нынешнем моем бедствии, я пишу несколько слов к Вам, моему приятелю. Поход не удался вполне... Мы прошли самую трудную половину дороги, и тем не менее я поставлен в необходимость идти назад и отказаться от победы, от более чем вероятного успеха. Верблюды наши не одарены нравственною силой, которая нас поддерживает до крайних пределов возможности; они чрезвычайно отощали, половина их погибла, остальные окончательно не могут выносить вьюка...

Словом, когда мы добрались сюда, сделалось до крайности очевидным, что если мы удалимся от нашего запасного склада еще на несколько переходов, то очутимся в одинаковой невозможности идти вперед и возвращаться назад...

Я не в состоянии передать Вам, что я испытываю и что испытал, подписывая приказ об отступлении. Что можно было предвидеть и припасти для усиленного похода, все было сделано; все лишения перенесены бодро, все препятствия преодолены, и тем не менее поход не удался по обстоятельствам, от которых мог избавить нас один только Бог. Нет такого древнего старика в здешних степях, который помнил бы подобную зиму.

Места, по которым пройти стоило нам такого труда и на которых не только трава, но и кустарник занесены снегом, обыкновенно, в теперешнюю годовую пору, служат убежищем многочисленным аулам: они перекочевывают сюда ради пищи своему скоту... А мы, напротив, не находили здесь ни малейшей травки нашим верблюдам и в продолжение почти целого месяца — ни хворостинки для топлива.

... Предвижу суждения, которым подвергаюсь. Чтобы извинить, чтобы оправдать неудачу, необходима жертва, и этою жертвой мне нельзя не быть. Смиренно преклоняю голову и не стану противоречить толкам... Пусть меня подвергнут следствию и осудят, лишь бы не бросили самого дела...

Таких двух зим, какая выпала мне на долю, не бывает два раза в течение 50 лет, а поход не удался единственно вследствие сильной стужи. Не следует тревожиться и денежною тратою. Деньги, которые ушли на несчастный поход, мною предпринятый, возвратились бы правительству сторицею, если бы он удался. Тут надобно действовать по-английски, тем паче что имеется в виду противодействовать именно англичанам. У них денежный вопрос никогда не служит помехою, и от этого они везде успевают, что бы ни предприняли. У них расчет ведется на столетие, а мы соображаем дневную затрату. Разница несметная!..

Письмо мое беспорядочно. Мысли стыннут заодно с чернилами. Через каждые два-три слова грею перо на свечке. Простите. Ермолов был прав: „это понтировка в банк“; но играющий еще не должен считать себя в проигрыше, когда первая карта убита...»

Теперь Перовскому предстояло вывести войска из этой снежной ловушки с наименьшими потерями в живой силе. Говорить о престиже уже не приходилось: второй раз за последние сто с лишним лет военный поход русских на Хиву заканчивался поражением и унижением. Накануне приказа, донося об отступлении военному министру, Перовский писал: «Рассудив, что как в военном, так и в политическом отношениях лучше быть побежденным стихией, чем потерять отряд, не нанеся даже никакого вреда неприятелю, что, жертвуя отрядом, пользы ожидать от этого не должно никакой, я с горестным и сокрушенным сердцем вынужден решиться к отступлению.

Ваше сиятельство, смею надеяться, войдете в положение мое, крайне отчаянное; я вижу ясно перед собою все последствия этого, на сей раз неудачного предприятия; подвергаю себя безропотно неудовольствию Государя Императора, если в чем-либо буду обвинен, но я не нахожу средств преодолеть враждебных отношений стихии...»

Император Николай I собственноручно написал на донесении: «Жаль... очень жаль, — но покориться воле Божией должно, и безропотно».

Обратный путь колонн был несколько успешнее: протоптанные при движении к Ак-Булаку тропы не были еще совсем занесены снегом, верблюдам легче было идти, и этот путь совершен был в десять дней. Притом верблюдов поддерживали на пути мукой, сухарями и овсом,

которые все равно приходилось бы бросать на пути. Пришлось также употребить на топливо последние разборные лодки, настилку понтонов, веревки, канаты и проч. Только 21 февраля отряд перенес необычайно сильный буран.

Весь март и апрель люди и верблюды упорно продолжали путь, и лишь к маю, почти пять месяцев спустя после едва ли не триумфального выхода, последняя из колонн с трудом добралась до Оренбурга. Только тут катастрофа стала окончательно очевидной. Из пяти тысяч двухсот солдат и офицеров погибли более тысячи человек. Из девяти тысяч четырехсот верблюдов, сопровождавших войско в начале похода, живыми вернулись менее полутора тысяч.

Сорокапятилетний генерал Перовский вступил в Оренбург 13 апреля совершенно седым.

Вот таким оказалось в реальности расстояние, которое на мелких английских картах накрывалось толщиной одного пальца. Ландкартный аргумент обернулся для нас второй хивинской трагедией. Никого из русских рабов не освободили, туркестанские бандиты остались безнаказанными, хан, которого планировалось свергнуть, все так же прочно восседал на своем троне. При этом на глазах всего мира за Амударьей англичане успешно и с большим профессионализмом провели весьма схожую операцию. Это не могло не вызвать у нас досады, особенно, если учитывать, что военная кампания России на Кавказе, и это ни для кого не являлось секретом, также была весьма далека от успеха.

Англичане торжествовали: им удалось одержать несколько дипломатических побед, заставив отозвать Симонича, расстроить союз России с Персией и посадить с престола нового друга России, афганского эмира Дост-Мухаммеда! Но верхом торжества было то, что именно в то время, когда русские войска бесславно гибли в снегах киргизских степей и отступали с полдороги, — английские войска наслаждались всеми благами цивилизации на зимних квартирах в завоеванном Афганистане! Престиж России пал. Престиж Англии возрос до зенита. Когда-то выгнанный из Кабула Бернс теперь жил там как восточный набоб. Излишне говорить о том, как ликовала при известии об этой тройной неудаче антирусская пресса в Британии и в Европе.

Санкт-петербургские же газеты со своей стороны, стараясь оправдать хивинскую авантюру, укоряли иностранную прессу за ее позицию и обвиняли издателей в лицемерии. Пресса писала, что англичане оккупировали всю Индию, большую часть Бирмы, мыс Доброй Надежды, Гибралтар, Мальту, а теперь и Афганистан на гораздо меньших основаниях, что французы аннексировали весь Алжир под сомнительным предлогом оскорбления французского консула его мусульманским правителем. «Вина алжирского бея совершенно незначительна по сравнению с виной хивинских ханов. В течение многих лет они испытывали терпение России своим предательством, оскорбительными поступками, грабежами и содержанием в неволе и рабстве тысяч подданных русского царя», — утверждал официальный отчет о походе в Хиву. Относительно же неудачи самого похода авторы отчета выражали надежду, что он, в конце концов, продемонстрирует всему миру «всю трудность идеи завоевания этого региона» и раз и навсегда положит конец «превратным толкованиям» русской политики на Востоке.

Однако никто не хочет видеть того, чего видеть не хочет.

К тому времени взаимные подозрения и непонимание зашли уже слишком далеко. Относительно же этого похода лишь немногие в Индии и Великобритании готовы были согласиться, что к такому опрометчивому шагу Санкт-Петербург в значительной степени подтолкнуло вторжение Великобритании в Афганистан. Антирусская пропаганда была в полном разгаре. Британские путешественники, возвращавшиеся из России, утверждали, что Николай I совершенно явно стремится к мировому господству. Роберт Бреммер в опубликованной в 1839 году книге «Путешествия в глубь России» открыто предупреждал, что царь лишь выжидает подходящего момента для удара. «Можно даже не сомневаться в том, что он сделает это, едва только удастся прибрать к рукам Польшу, победить черкесов и успокоить раздоры внутри страны», — заявлял он. Другой британский корреспондент, Томас Райке, в 1839 году тоже стремился привлечь внимание к угрозе быстро растущей военной и политической мощи России и даже предсказывал скорую войну между Россией и Британией.

Никакого отпора подобным взглядам в Британии не давалось. Известный французский путешественник маркиз де Кюстин,

посетивший Россию в том же злосчастном 1839 году, вернулся с аналогичными предчувствиями относительно намерений Санкт-Петербурга.

В своей книге «Россия в 1839 году», которую еще и сегодня цитируют на Западе, он писал: «Честолюбие неудержимое, безграничное, такое честолюбие, какое может зародиться только в душе угнетенного и питаться только несчастьем целой нации, бродит в сердце русского народа. Эта нация, по существу завоевательная, жадная вследствие лишений, заранее искупает унижительным подчинением на родине надежду на тираническое господство над чужими...

Россия видит в Европе добычу, которая рано или поздно достанется ей, благодаря нашим раздорам... „Европа, — говорят в Петербурге, — вступает на путь, по которому шла Польша; она ослабляет себя пустым либерализмом, тогда как мы остаемся мощными именно потому, что мы не свободны; потерпим под игом, — мы заставим других поплатиться за наш позор...“

План, разоблаченный мною, может представиться химерическим рассеянному взору; его признает истинным всякий, кто вникал в ход европейских дел и секреты кабинетов за последние двадцать лет».

Такое же чувство обреченности во многом разделяла и британская пресса. «Таймс» в статье, написанной незадолго до краха хивинского похода, заявляла: «Русские едва ли уже не захватили почти все северные государства Средней Азии... Они владеют значительной частью той внутренней торговли, которая некогда придала Самарканду, а ныне Бухаре важнейшее коммерческое значение, и... преодолев обширные участки ужасной пустыни, они готовятся, если еще не готовы... бросить свои вооруженные орды на наиболее плодородные районы Индустана». Газета обвиняла Пальмерстона в том, что, своевременно не дав твердого отпора подобным замыслам, он тем самым поощрял их.

Впрочем, несмотря на треволения и нападки, все верили, что в случае неизбежного столкновения британская армия все равно победит. Весть о том, что русские потерпели серьезную неудачу в попытке захватить Хиву и вынуждены вернуться к тому, с чего начинали, прессу ничуть не успокоили. Несмотря на настойчивые уверения Санкт-Петербурга в том, что Россия не собирается повторять

поход и в любом случае после достижения поставленных целей войска были бы выведены, никто в Британии уже не сомневался в неизбежности новой и значительно большей экспедиции, которая выступит в поход в более удачное время года.

Влился в ряды русофобов и прежде славившийся сдержанностью влиятельный журнал «Фореин Куотерли Ревю»; теперь он тоже предупреждал читателей о «чрезвычайной опасности» Санкт-Петербурга, и не только для Азии, но и для Европы. «Безмолвное и тем еще более страшное распространение России во всех направлениях, — заявлял он, — теперь вполне очевидно, и мы не знаем ни одной европейской или азиатской державы, в которую она не замышляла бы вторгнуться. Бедная Турция уже едва ли не является ее собственностью, так же как и Греция. Черкесия еще держится, но скоро и она, если ей не помочь, разделит судьбу Польши. Персия уже покорена, очевидно, следующими на очереди стоят Индия и Китай. Пруссии и Австрии тоже следует смотреть в оба, и даже Франция находится под пристальным вниманием России, с надеждой ожидающей конвульсий непопулярной Орлеанской династии, дабы протолкнуть своего кандидата на трон, кого-нибудь вроде принца Луи Наполеона».

Итак, что там ландкартный аргумент. Каким-то загадочным образом даже неудачи России вызывали в Европе лишь еще большие опасения...

Новый Шекспир

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

Шекспир. Гамлет

Несмотря на неудачный исход Хивинской экспедиции, она все же принесла кое-какие плоды, и дело здесь не только в произведенном ей на хивинского владыку впечатлении. Хан Аллакул начал всерьез помышлять о средствах умиловить Россию. К этому его побудило множество причин, немаловажной из которых было прекращение прямых торговых сношений с Россией, в результате задержания в 1836 году в Оренбурге хивинских купцов, возвращавшихся с Нижегородской (Макарьевской) ярмарки. Это явилось ответной мерой оренбургского генерал-губернатора Перовского на постоянные грабежи и нападения хивинцев на мирное население приграничных районов. Прекращение прямых торговых сношений с Россией вынуждало хивинцев прибегать к посредству бухарских и кокандских купцов. В результате такой практики русские товары доставались хивинцам через Бухару почти по удвоенной цене, а хивинские — подешевели почти вдвое. Однако непосредственным толчком к началу подобного примирения стало известие о полном разгроме высланного навстречу русской экспедиции отряда. Для выяснения возможных путей примирения с Россией хан велел привести к себе содержавшегося, как пленник, в тюрьме, захваченного киргизами корнета Айтова. Теперь он принял его как гостя и стал советоваться с ним о способах примирения с Россией. В это время несчастная экспедиция на своем обратном пути застряла на Эмбе, чтобы сплавить по воде больных, дать поправиться измученным, съесть запасы и набрать еще верблюдов для обратного движения. Хивинцы же думали, что русский отряд просто набирается сил и, выждав погоду, не сегодня завтра вновь двинется на Хиву.

Однако Айтов стал успокаивать хана, убеждая его в милосердии русского императора и в умеренности русских требований, главными

из которых были — отпустить всех русских рабов и более не тревожить мирных границ России разбойничьими набегами. По всей видимости, вняв доводам корнета, хан Аллакул еще в апреле пообещал выполнить эти, в сущности справедливые, требования, для чего собирався вступить с русской стороной в прямые переговоры. Вероятно, еще более склоняли его в пользу именно такого решения появившиеся вскоре британские агенты.

Дело в том, что едва только англичане узнали о готовящемся в России новом походе на Хиву, они сразу же стали предпринимать все возможное, чтобы не допустить перехода Хивы в руки русских. Прибывший в конце января 1840 года из Герата британец Джеймс Эбботт также принялся убеждать хана в необходимости освободить всех русских рабов. Сменив по прибытии в ханство мусульманский наряд на форму британского офицера, капитан Эбботт проследовал через главные ворота Хивы и сразу же обнаружил, что по городу вовсю гуляют слухи о цели его прибытия. Он не знал, что захваченный 20 января русский корнет Айтов уже находился в плену у хана. Соответственно, судя по существованию к моменту прибытия капитана слухов о его миссии, разговор Айтова с ханом о необходимости освобождения рабов уже состоялся. Тем более что подозрительные хивинцы принимали Эбботта поначалу именно за русского шпиона, не веря в то, что он англичанин.

Среди хивинцев и вообще гуляли тогда странные представления. Многие считали британцев подвластным России племенем или ее вассалами. Ходили даже слухи, что англичане, успешно захватив Кабул, предложили объединить свои войска с русскими и разделить между собой всю Азию. Подобные дикие басни резко уменьшали шансы Эбботта убедить хивинцев отпустить рабов в обмен на отвод русских войск. Дело осложнялось еще и тем, что на первой же аудиенции Эбботт, сам понимая всю несостоятельность подобных рекомендаций, представил лишь письмо от своего начальника в Герате майора Тодда. И все же, несмотря на это, Эбботт предложил хану выкуп за всех русских пленных и тесный союз с Англией, однако с условием, чтобы на будущее русские ни под каким предлогом не допускались в хивинские владения.

Как мы увидим из дальнейшего, Эбботт, конечно же, превысил свои полномочия. Тем не менее англичане оправдывают этот поступок

отсутствием у него возможности непосредственных контактов с руководством. Ни у одного британца не возникло мысли, что подобным превышением полномочий агенты частенько создавали своим правительствам излишние затруднения, что мы увидим в дальнейшем на примере Столетова...

В британских отчетах сохранился любопытный диалог Эбботта с Аллакулом.

Хан надеялся, что Эбботта послали не просто передать дружеские пожелания, а с предложением немедленной военной помощи. Последний же объяснил, что такое важное решение не может быть принято простым майором и является прерогативой только британского правительства, находящегося в Лондоне. Для сообщения с ним нужно время, а русские очень скоро могут оказаться у ворот Хивы. Впрочем, есть, дескать, один простой, но верный способ избежать опасности — лишить царя предлога для нападения на Хиву, немедленно отослав всех имеющихся здесь русских рабов домой.

Эбботт даже предложил, что сам отправится на север вместе с этими рабами или хотя бы их частью, встретится с русскими и попытается обсудить с ними этот вопрос от имени хана. Но поднаторевший в предательстве правитель Хивы отнесся к этому предложению с подозрением, ибо никто не мог поручиться в том, что новоприбывший не в сговоре с русскими. Хан повел дело тоньше: он спросил, что же именно может помешать русским забрать себе и рабов, и самого англичанина, а потом продолжить свое наступление. Эбботт был вынужден признать, что гарантий успеха у него нет.

Следующий вопрос хана оказался еще хитрее: если Лондон и Санкт-Петербург являются в Азии соперниками, то не думает ли Эбботт, что русские его просто убьют? Англичанин объяснил, что Англия только не хочет видеть Хиву занятой русскими, сами же страны между собой не находятся в состоянии войны, и каждая держит посла в столице другого государства. Русские, добавил он, слишком уважают военную и политическую мощь Англии, чтобы рискнуть причинить неприятности одному из ее подданных. Хан заметил, что к его послам русские никакого уважения не проявили, а просто арестовали, не глядя на то, что среди них был и его родной брат. Эбботт терпеливо объяснил, что такие вещи случаются, когда не ожидают возмездия, а Лондон и Санкт-Петербург находятся

достаточно близко друг от друга, и «морская и военная сила Англии слишком внушительна, чтобы не принимать ее всерьез».

Хан решил обдумать предложение, и собеседники пока перешли к обсуждению других вопросов. Скоро Эбботту стало ясно, что хан имеет весьма смутное представление не только о размерах Британии и России, но и своего маленького царства.

— Сколько пушек у России? — спросил он у Эбботта.

Англичанин ответил, что точного количества не знает, но, несомненно, очень много.

— У меня их двадцать, — гордо заявил хан. — А сколько у королевы Англии?

Эбботт ответил, что их невозможно сосчитать.

— Моря бороздит множество английских кораблей, и на каждом от двадцати до ста двадцати пушек самого крупного калибра, — продолжил он. — Все крепости полны пушек, и еще тысячи лежат в арсеналах. У нас больше пушек, чем у любой другой страны в мире.

— А насколько быстро стреляет ваша артиллерия? — спросил хан.

— Наша полевая артиллерия способна делать семь выстрелов в минуту.

— А русские стреляют из своих пушек двенадцать раз в минуту.

— Ваше Величество неверно информированы, — возразил Эбботт. — Я сам служу в артиллерии и точно знаю, что такая скорострельность невозможна.

— Но в этом меня уверял персидский посол, — продолжал настаивать хан.

— Значит, неправильно информировали и его. На свете нет более опытных артиллеристов, чем англичане, но даже мы при возможности стараемся никогда не делать больше четырех выстрелов в минуту. Мы не тратим снаряды понапрасну, а именно так происходит, если орудие не нацеливать перед каждым выстрелом. Мы предпочитаем считать не количество сделанных выстрелов, а число снарядов, попавших в цель.

Однако хан, никогда не видевший современной артиллерии в действии, никак не мог себе представить всего ее ужасающе разрушительного действия против глинобитных укреплений и кавалерии. А некоторые из министров хана даже не сомневались в том, что вполне смогут отразить атаки Перовского, когда тот приблизится к столице. На это Эбботт заметил, что русские располагают

неограниченными ресурсами и, потерпев неудачу в первой попытке освободить рабов, вскоре вернутся с еще большими силами, и хивинцы, при всей их храбрости, просто не смогут противостоять им.

— В таком случае, — ответил главный министр, — мы погибнем в бою с неверными и попадем прямо в рай.

На какой-то миг Эбботт даже растерялся, но потом спросил: «А женщины? Какой рай обретут ваши жены и дочери в руках русских солдат?» Столь неприятная перспектива лишила дара речи министров. Эбботт почувствовал, что ему удалось несколько продвинуться, и снова стал настаивать на том, что сейчас единственное спасение — освободить русских рабов и позволить ему стать посредником в переговорах с русскими. Однако хивинцы оказались упрямыми и любопытными; они снова стали засыпать Эбботта бесконечными вопросами. Впрочем, в такое же положение попадали и все прочие чужеземцы, путешествовавшие по мусульманским странам. А слова о том, что страной может править женщина, пожалуй, еще никого никогда так не удивляли и не забавляли.

— Ваш король действительно женщина?

— Да.

— А ваш король замужем?

— Нет, она еще слишком молода.

— А если она выйдет замуж, ее муж станет королем?

— Ни в коем случае. У него нет полномочий на это.

— Сколько городов у вашего короля?

— Их слишком много, чтобы сосчитать.

И так далее. Все ли министры короля женщины? Всегда ли англичане избирают королем женщину? Действительно ли у них есть подзорные трубы, с помощью которых можно видеть сквозь стены крепостей? И так же ли холодно в Англии зимой, как в Хиве? Едят ли они свинину? Правда ли, что они собираются захватить Балх? Намного ли Россия больше Англии?

На последний вопрос, ощущая всю его величайшую ответственность, Эбботт постарался ответить как можно аккуратнее.

— Это очень спорный вопрос, — сказал он, — вопрос этот явился предметом рассмотрения английской и русской миссий в Тегеране и после тщательного рассмотрения был решен в пользу Англии. У королевы Виктории больше территории, в пять раз больше подданных

и в несколько раз больше государственных доходов, чем у России. А кроме сухопутной территории она владеет еще и морями. На карте ясно видно, что моря занимают втрое большее пространство, чем суша, — продолжил он и добавил: — Среди океанских волн у моей королевы нет соперников.

Последнее заявление Эбботта может многим показаться странным. Однако к середине XIX века территории, принадлежащие Британии, действительно превосходили количеством территории, принадлежащие России. В книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», написанной в 1868 году, то есть когда к России уже были присоединены окончательно подчиненный Кавказ (1864), Ташкент (1865), образовано Туркестанское генерал-губернаторство и присоединены Бухара и Самарканд (1868), есть следующая любопытная сноска: «Здесь кстати будет заметить, что Россия вовсе не составляет огромнейшего государства в мире, как привыкли думать и говорить. Эта честь бесспорно принадлежит Британскому государству... Пространство России, по новейшим сведениям, составляет около 375 000 кв. миль. Посмотрим же, сколько наберется во всех английских владениях. В Европе — 5570; в Азии — 63 706; в Африке — 6636; в Южной и Средней Америке — 5326; в Северной Америке: Канада с принадлежностями — 64 000 и полярные страны, за исключением Гренландии (20 000) и бывших русских владений (24 000), — 130 000; наконец, в Австралии — более 150 000. Итого с лишком 425 000 кв. миль...»

Таким образом, Эбботт являлся представителем действительно величайшей на тот момент империи. Однако, когда хан понял, что ни денег, ни полномочий на заключение каких-либо соглашений у Эбботта нет, он обошелся с ним как с нахальным лгуном и зазнавшимся лакеем; в бешенстве вытолкнул его от себя и засадил в яму. «Меня послали под влиянием момента, — писал Эбботт позднее, — даже без мандата главы индийского правительства». Хан был явно разочарован как отсутствием у этого неожиданного пришельца достаточных полномочий, так и действительных возможностей оказаться чем-либо полезным для Хивы.

Однако то, что и он предлагал как можно скорее освободить русских рабов и тем самым лишить русское правительство повода воевать с Хивой, по-видимому, сыграло свою роль при переговорах с

Айтовым, во-первых, действительно русским, а во-вторых, не выставившим себя полномочным посланником. Кстати говоря, по ходатайству Айтова хан выпустил из ямы и Эбботта. По всей видимости, у восточного владыки созрел относительно него свой план; он намеревался использовать англичанина в качестве своего посланника непосредственно к русскому царю. Эбботту заявили, что в знак доброй воли хивинцев ему дадут небольшую группу русских рабов и отправят — но не в штаб-квартиру генерала Перовского, а в Санкт-Петербург. Там от имени хана он и будет вести переговоры о возвращении остальных рабов. Если царь согласится приостановить военную операцию против Хивы и вернет хивинских заложников из Оренбурга, рабы будут освобождены. Письмо хана с этими условиями Эбботт должен был доставить лично Николаю I.

Выполнение подобной миссии также сильно превышало полномочия, полученные Эбботтом от майора Тодда, ибо те ограничивались лишь попытками убедить хана освободить русских рабов и таким образом остановить поход России на Хиву. Обсуждая с ханом возможность заключения договора между ним и Британией, Эбботт, разумеется, и в этом превысил свои полномочия, однако ради справедливости следует признать, что у него не было возможности получить ни дополнительные инструкции, ни совет руководства. К тому же недоверчивый хан перехватывал все его доклады Тодду. Да и пока эти донесения дошли бы до места и вернулись с ответом, они могли оказаться уже ненужными. И вот, вероятно посчитав, что, если он, как Элдред Поттинджер в Герате, добьется успеха и устранил угрозу Хиве, корить его никто не будет, Эбботт решил рискнуть. Более того, путешествие из Хивы в Санкт-Петербург по самым увлекательным местам Большой игры представлялось ему весьма изысканным и заманчивым приключением. В противном же случае его вновь ждала зловонная яма.

Счастливым Эбботт уже полагал, что хан больше не считает его русским шпионом, но хан оказался не так прост. Чтобы застраховаться от предательства, он взамен уезжающего Эбботта решил получить другого заложника. Для этого хан с виду совершенно бескорыстно предложил англичанину план спасения полковника Стоддарта из когтей соседа, эмира Бухарского, с которым в данный момент у него были некоторые разногласия. Хан заявил, что, по имеющимся у него

сведениям, Стодарту каждый день разрешают выходить из тюремной камеры на прогулку. План заключался в том, чтобы послать в Бухару небольшой конный отряд и выкрасть Стодарта прямо из-под носа охранников.

Однако Эбботт усомнился как в искренности желания хана, так и в достоверности его информации, а потому решительно выступил против подобной попытки, даже несмотря на то что самым заветным его желанием было увидеть своего соотечественника на свободе. Англичанин понимал, что если до эмира дойдут хотя бы смутные слухи о готовящейся вылазке, тот немедленно предаст Стодарта смерти. Кстати говоря, примерно в это же время русские также вели переговоры с эмиром Бухары по поводу высылки полковника Стодарта в Россию. Эмир бухарский отвечал, что единственной причиной, по которой он не решается это сделать, является опасение, что хивинцы перехватят полковника, и он не сможет ручаться за его судьбу. Два эти дошедших с разных сторон свидетельства наводят на странные размышления; получается, что лукавые азиатские владыки были тоже не прочь поиграть в Большую игру.

Как бы то ни было, Эбботт не согласился на сделку с хивинским ханом. В ответ на это хан и его министры вдруг решили не давать Эбботту и русских рабов. В результате 7 марта 1840 года капитан Эбботт отправился через пустыню к ближайшему русскому укреплению Ново-Александровску, расположенному в пятиста километрах на берегу Каспийского моря, лишь в сопровождении хивинского конвоя. Из Ново-Александровска Эбботт по высочайшему повелению был тут же отправлен в Петербург.

Тем временем майор Тодд, не имея от Эбботта никаких известий, решил послать в Хиву второго офицера, который должен был выяснить, что случилось, и, поскольку Эбботт, похоже, потерпел неудачу, все-таки еще раз попытаться уговорить хана освободить русских рабов. Человеком, на которого пал выбор, оказался двадцативосьмилетний лейтенант Ричмонд Шекспир. Это был способный и весьма честолюбивый политический карьерист, двоюродный брат знаменитого писателя Теккерея. Пятнадцатого мая, переодевшись туземцем, Шекспир в сопровождении одиннадцати тщательно отобранных жителей Герата, среди которых было и семеро вооруженных всадников, отбыл в Хиву. Через четыре дня они

встретили ехавшего с севера всадника, который рассказал им невероятную историю. Незнакомец утверждал, что Эбботт добрался до Санкт-Петербурга, где не только добился отвода русских войск, но и убедил царя ликвидировать все укрепления на восточном побережье Каспийского моря. Вероятно, кочевники полагали, что задуманное и исполненное — практически одно и то же. В этом случае дальнейшее продвижение отряда Шекспира теряло смысл, однако тот не был уверен в правдивости этих известий, а главное — не собирался отказываться от приключений. «Я не поверил этому, — отметил он в дневнике. — Как бы там ни было, я все равно доберусь до Хивы».

В Хиву Шекспир прибыл 12 июня, когда русская экспедиция уже давно вернулась в Оренбург. Известие о настоящем масштабе катастрофы, постигшей русских в северных снегах, уже достигло столицы, и хивинцы бурно радовались тому, что называли своей грандиозной победой. Более благоприятного времени для приезда в Хиву Шекспир выбрать просто не мог. В первый же вечер по прибытии Шекспира пригласили на прием к хану. «Его Высочество принял меня очень любезно», — отчитывался лейтенант, отметив, что между ними сразу же установились хорошие отношения. Особенно благоприятное впечатление произвело на Шекспира отсутствие у хана какой-либо рисовки. «При его дворе не было ни помпезности, ни показухи, нигде никакой стражи, и я не увидел никаких драгоценностей», — писал он. Сам Шекспир, высокий, красивый, прекрасно сложенный и представительный, всем своим внешним видом человека, привыкшего командовать, видимо, тоже произвел на хана более выгодное впечатление, чем осторожный и серьезный Эбботт.

Несмотря на то что угроза вторжения русских войск в его владения фактически отпала, мысль о том, что для ханства теперь по всем соображениям гораздо выгоднее подружиться с Россией, уже глубоко запала в голову Аллакула. Да и соображение о том, что разозленные русские могут вернуться с неизмеримо большими силами, весьма тревожило владыку, и, когда Шекспир завел с ним речь все о том же самом, хан уже давно был готов к решению. Тридцать первого июля он издал фирман следующего содержания:

«Слово отца побед, победителей и побежденных — Харезмского шаха.

Повелеваем подданным нашего Харезмского повелительного двора, пребывающего в райских веселых садах, управляющим отдельными странами, начальствующим над юмудским и чаудурским туркменскими народами, всем храбрым воинам, биям и старшинам народа киргизского и каракалпакского и вообще всем блистающим в нашем царствовании доблестными подвигами, что по дознании о сей нашей высокой грамоте, которая издана в лето от эры благословенного пророка нашего 1256, в месяц джума дилван, о том, что мы вступили с великим Российским Императором в дело миролюбия, с твердым намерением искать его высокой дружбы и приязни; отныне никто не должен делать набеги на русское владение и покупать русских пленных. Если же кто, в противность сего высокого повеления нашего, учинит на русскую землю нападение или купит русского пленного, тот не избегнет нашего царского гнева и должного наказания, о чем и объявляется сим все милостивейшим нашим повелением в лето 1256 (1840 г.)».

Затем хан освободил собственных невольников и приказал сделать то же всем своим подданным, а русским пленникам велел являться к Айтову, дабы тот мог составить списки освобожденных и лично убедиться в действительности освобождения из неволи всех русских. Когда проверка эта была окончена, хан выдал каждому пленному по одной тилле (золотая монета, ценностью в четыре рубля серебром), по мешку муки на дорогу и по верблюду на двух человек. Отпуская Айтова вперед, хан объявил на аудиенции, что он не только не остановится на возврате русских пленных и на издании фирмана, но что готов исполнить и прочие требования России.

Таким образом, в середине августа Айтов, имея при себе список четырехсот шестнадцати освобожденных рабов, отбыл в Оренбург, а бывшие русские пленники в сопровождении выделенного ханом конвоя и британского офицера Шекспира — в Ново-Александровск. Прибыв же к себе на родину, лейтенант Шекспир рассказал соотечественникам следующую историю.

«В конце концов, 3 августа хан передал мне всех русских узников, и я должен был доставить их в русский форт, расположенный на восточном побережье Каспия».

В саду, предоставленном ему ханом специально для этой цели за пределами столицы, англичанин поспешно устроил себе штаб-

квартиру, и туда потекли рабы, приводимые хивинскими чиновниками. Шекспир тут же стал составлять списки, и уже на следующий день насчитывалось более трехсот мужчин, восемнадцать женщин и одиннадцать детей. В среднем, как он выяснил, мужчины находились в рабстве около десяти лет, а женщины — до семнадцати. «Все они прекрасно себя чувствовали, не считая одного человека», — отметил он. Большинство мужчин попадали в плен во время рыбной ловли на Каспии, тогда как женщин воровали в окрестностях Оренбурга.

«Все они, похоже, были очень бедны, благодарили меня наперебой, и в целом это оказалось одной из самых приятных обязанностей, которые мне когда-либо доводилось выполнять», — записал Шекспир в тот вечер. Впрочем, проблем оставалось еще много. Несмотря на указ хана о передаче всех русских рабов, заплатившие за своих невольников высокую цену их хозяева откровенно противились его исполнению. Как-никак здоровый раб мужского пола обходился хозяину, по оценке Шекспира, в стоимость четырех породистых верблюдов. И вскоре через тех, кто уже освободился, до лейтенанта стали доходить сведения, что многих рабов хозяева удерживают.

Как-то к нему пришла только что освобожденная женщина, которая была в отчаянии от того, что не отдадут двух ее маленьких детей. Обнаружилось, что двое детей, девятилетняя девочка и ее младший брат, находятся в услужении у весьма влиятельной придворной дамы, которая решительно настроена оставить их при себе. После долгих переговоров дама согласилась освободить мальчика, но девочку не хотела отдавать ни в какую. Услышав об этом, обезумевшая мать заявила Шекспиру, что предпочтет сама остаться в рабстве, чем уехать на волю без своего ребенка. «Она рассмеялась над моим обещанием непременно освободить ребенка», — записал лейтенант. Это было уже слишком, и англичанин тут же верхом помчался во дворец к хану. Столь внезапный визит привел в большое беспокойство главного министра, всячески пытавшегося узнать о его причине, но Шекспир решил, что благоразумнее «оставить его в неведении на этот счет». Британец с тревогой ощущал, что один-единственный ребенок ставит под угрозу результат всего дела, и потому решительно потребовал не разговора через посредников, а немедленной аудиенции.

Оказавшись в ханских покоях, Шекспир сразу же попросил, чтобы девочке разрешили уехать с матерью. Однако хан заявил на это, что у

маленькой рабыни нет никакого желания покидать столь прекрасный дворец. В ответ Шекспир сказал, что ребенок еще слишком мал, чтобы понимать подобные вещи, и хан на какое-то время заколебался, затем повернулся к главному министру и довольно раздраженно бросил: «Отдай ребенка». Девочку привели и передали Шекспиру. «Мне редко приходилось видеть более прекрасное дитя, — записал он в тот вечер. — Было совершенно ясно, что она предназначалась для личного гарема хана». При виде Шекспира, одетого в местный костюм, девочка приняла его за работоторговца и принялась плакать и кричать: «Ни за что! Ни за что я с ним не пойду!» Но, по счастью, рядом с Шекспиром оказался человек (не корнет ли Айтов?), которого она знала и которому доверяла, так что в конце концов ее уговорили пойти с ним и сесть к нему в седло. На следующее утро мать привела обоих детей к Шекспиру, чтобы поблагодарить его.

Но и на этом дело освобождения не закончилось. Оставалось еще около двадцати русских, и Шекспиру вновь пришлось обращаться к хану с заявлением о том, что его указ не выполняется. Показав хану список тех, кого, по его сведениям, удерживали, Шекспир заявил, что в случае невозможности забрать с собой всех русских он вынужден будет и вообще отказаться от этого дела. При этом лейтенант еще раз напомнил хану, что до тех пор, пока в руках хивинцев остается хотя бы один царский подданный, Россия будет иметь предлог для вторжения на их территорию.

«Его Величество поразила резкость моих слов, — отмечал Шекспир, — и он отдал министру приказ таким тоном, что тот вздрогнул». Далее он заявил, что каждый задерживающий русского раба будет предан смерти. На следующий день мне передали дополнительно еще семнадцать русских, причем некоторые были еще в цепях. Таким образом, оставалось еще четверо, и наконец, всего лишь один. Староста селения, в котором держали последнего русского, сам пришел к Шекспиру и на Коране поклялся, что тот умер. Но отец несчастного, тоже бывший раб, настаивал, что его сына просто насильственно удерживают в неволе. В конце концов, после тщательно проведенного в селении обыска, русского нашли в погребе под амбаром.

И вот через два месяца после прибытия в Хиву, 15 августа, отряд Шекспира был готов двинуться в пятисоткилометровый путь через

пустыню к Ново-Александровску. Помимо четырехсот шестнадцати освобожденных рабов Шекспира сопровождал выделенный ханом вооруженный эскорт. Лейтенант никоим образом не хотел увидеть, как рабы снова попадут в руки не признающих никаких законов туркмен, несмотря на то что хан издал фирман, по которому захват русских в рабство наказывался смертью. При выезде из Хивы караван представлял собой необыкновенное зрелище. «Местность была настолько открытой, что верблюды инстинктивно жались друг к другу, — писал Шекспир, — дети и женщины, сидевшие на их спинах в корзинах, пели и смеялись, а мужчины с трудом, но упорно шли вперед — и все считали те немногие дни, которые оставались до встречи с соотечественниками».

Как только караван приблизился к Ново-Александровску, Шекспир выслал вперед одного из бывших рабов с написанным по-английски письмом, чтобы предупредить коменданта. Сначала гонца приняли весьма подозрительно, так как опасались ловушки. Кроме того, они не совсем поняли письмо Шекспира, ибо известие об освобождении ханом всех русских рабов было, как отмечал английский офицер, «слишком невероятным, чтобы ему можно было просто поверить». Русскому гарнизону понадобился целый вечер, чтобы разобраться со своими подозрениями. Однако этот страх перед предательством был свойственен не одним только русским.

Едва отряд приблизился к крепости на семь километров, хивинский конвой и погонщики верблюдов отказались двигаться дальше, опасаясь попасть в плен. Они утверждали, что и так уже превысили инструкции хана, слишком далеко проводив караван. Но до крепости было еще достаточно далеко, и маленькие дети не могли пройти этот путь, а многие взрослые не могли унести на себе захваченное с собой имущество. В конце концов запуганные погонщики согласились выделить двадцать животных на последний этап пути, но сами остались дожидаться их возвращения на безопасном расстоянии.

Но вот, наконец, рабы достигли Ново-Александровска. Эта встреча, отмечал Шекспир, представляла собой необычайно запоминающуюся картину. «Почтенный комендант был преисполнен благодарности», — записал он. Он даже дал Шекспиру официальную расписку за спасенных рабов, в которой нацарапал: «Все они единодушно выражают вам свою благодарность как отцу и благодетелю». В тот

вечер в письме к сестре Шекспир с торжеством отметил, что в пути «не потерял ни одной лошади и ни единого верблюда». На следующий вечер русские устроили в его честь прием, на котором пили за здоровье королевы Виктории и царя Николая, а также за здоровье их английского гостя...

До Оренбурга отряд добирался сначала на трех нанятых судах вдоль берега, а потом по суше. Там Шекспир сбрил бороду, переоделся в европейский костюм и был тепло принят генералом Перовским, который выразил ему искреннюю благодарность и велел немедленно освободить шестьсот хивинцев, содержащихся в Оренбурге и Астрахани. Получив возможность ходить повсюду, Шекспир внимательно осматривался, пытаясь обнаружить какие-либо признаки подготовки нового русского похода на Хиву. К его облегчению, он ничего не нашел, хотя русские, несомненно, позаботились о том, чтобы за время своего пребывания в Оренбурге англичанин увидел как можно меньше.

Третьего ноября 1840 года, через полгода после отъезда из Герата, Шекспир, следуя по пути в Лондон, прибыл в Санкт-Петербург. Там он удостоился официальной аудиенции царя, который формально поблагодарил его за освобождение столь большого числа русских подданных из рук захватчиков-язычников, предпринятое им с немалым риском для жизни. Хопкирк пишет: «Но на самом деле царь пришел в бешенство от поступка молодого английского офицера, о котором его никто не просил, но слава о котором прогремит теперь на весь мир. Освобождение рабов, как и надеялось высокое британское начальство, весьма эффективно лишило Санкт-Петербург предлога для предприятия нового похода на Хиву. А ведь многими английскими и русскими стратегами именно эта столица рассматривалась как один из краеугольных камней пути в Индию...

Однако что бы именно русские ни чувствовали и, возможно, чувствуют до сих пор по поводу успехов Шекспира, начальство в Лондоне и Калькутте было восхищено его блестящим ходом, выбившим оружие из рук русского царя. В Лондоне лейтенанта ожидал восторженный прием, подобный тому, что восемь лет назад был оказан Александру Бернсу. Еще не достигнув тридцати, Шекспир был возведен в рыцари и отмечен ликующей королевой Викторией, которая, несмотря на свой юный возраст — ей был тогда 21 год, — уже

проявляла все признаки русофобии. Более же осторожный Эбботт, проложивший дорогу Шекспиру, получил тогда гораздо более скромное признание. Награды нашли его позднее...

Разумеется, все русские историки, начиная от дореволюционных и заканчивая советскими, игнорировали роль Эбботта и Шекспира в освобождении хивинских рабов. Их освобождение приписывали исключительно растущему страху хана перед русской военной мощью и его испугом при известии о первом походе, а самих Эбботта и Шекспира называли английскими шпионами, направленными в Азию в рамках гигантского плана установления британского владычества за счет задуманного ослабления влияния России».

Не будем сейчас вступать в полемику и отвлекаться от темы нашего изложения еще дальше. Хотя разве не странно, что сам Шекспир ни разу даже не упоминает о нашем корнете Айтове. Вряд ли возможна такая ситуация, чтобы два представителя двух разных стран одновременно в разных концах сада составляли один и тот же список одних и тех же рабов. Да и как ловкий Шекспир, не знавший русского языка, так запросто общался там с русскими невольниками крестьянами, совершенно явно не знавшими никаких европейских языков? Но... ограничимся признанием факта, что под давлением обстоятельств и при посредстве английской стороны, хотя и преследовавшей в этой игре свои цели, в результате неудавшейся русской экспедиции хан Аллакул освободил из рабства четыреста шестнадцать наших соотечественников, что в любом случае явилось прекрасным достижением.

Взамен наших пленных отпущены были в Хиву задержанные с 1836 года хивинские купцы, все со своими товарами, а многие сверх того и с пособием от казны. С хивинским караваном отправились и несколько наших купцов, которые дружелюбно были приняты в Хиве. Для окончательного же установления добрососедских отношений с Хивой русская сторона потребовала принятия в Хиву русского посольства, на что хан также вскоре изъявил согласие. Кстати говоря, на следующий год посланные в Хиву тот же Айтов с Никифоровым смогли добиться от Аллакула освобождения еще и персидских рабов. Причем не преследуя при этом никаких политических целей и не трубя об этом на весь свет...

Саламин XIX века

Шахов много, а мат один.

Народная мудрость

1

Осенью 1840 года из-за безумного поведения англичан в Афганистане начались восстания. Сначала поднялось одно из белуджистанских племен — марри, которое осадило форт Кахан; сто пятьдесят англичан были убиты. Им последовали восточно-гильзайские племена, поставив под угрозу дорогу Кандагар — Кабул. Угрожающее положение создалось и в Келатском ханстве, где английский гарнизон был полностью уничтожен и блокированы важные дорожные узлы. Однако англичане, ограничиваясь карательными операциями, продолжали беспечно предаваться развлечениям в столице Афганистана, даже несмотря на то что и там происходили тайные убийства из-за угла. Поставщики доставляли войскам отравленную муку, а партизаны ежедневно истребляли фуражиров.

Эта враждебность к британцам в Кабуле, недавно ставшем официальной столицей шаха Шуджи-уль-Мулька, нарастала постепенно, однако англичане не торопились не только как-то реагировать на нее, но и просто разобраться в ситуации. Почувствовать нарастающую опасность могли такие опытные политики, как сэр Уильям Макнотон и сэр Александр Бернс, знавшие скрытность афганцев, но для этого им нужно было бы периодически встречаться и обсуждать текущие события, а их взаимоотношения переживали далеко не лучшую свою пору.

Кроме того, Бернс в письме другу был вынужден характеризовать себя как «высокооплачиваемого бездельника», чьи советы совсем не требуются начальству, а Макнотон и вообще утратил интерес к текущим делам. Ему в награду за успешное возведение на афганский трон британской марионетки скоро предстояло покинуть Афганистан и

занять весьма лакомый пост губернатора Бомбея. Поэтому признаваться в каких-либо огрехах в своей вотчине он никоим образом не хотел. У Бернса же, также томившегося в ожидании вступления на пост, было слишком мало дел и слишком много развлечений, чтобы вовремя заметить тревожные признаки. Для него продолжали вылавливать афганок на улицах, а порой даже и в их жилищах, что крайне враждебно настраивало местное мужское население к британскому представителю.

За два года своего пребывания в Кабуле англичане успели устроиться там, как дома. Экзотика и здоровый климат призвали сюда с жарких и пыльных равнин Индостана жен и даже детей английских и индийских офицеров. Процветали многочисленные развлечения в виде игры в крикет, концертов, стипль-чеза и катания на коньках, в которых участвовали даже некоторые самые высокопоставленные чиновники. Мусульманское духовенство и набожное большинство местного населения возмущалось и негодовало, в особенности недовольное развратом и пьянством. Более того, при этом разгуле предпринимались еще и серьезные карательные экспедиции против племен, отказавшихся подчиниться Шудже-шаху, а на самом деле — Макнотону, которому далеко не всех удавалось купить щедрыми подачками, золотом или, как это официально называлось, «субсидиями».

Но Дост-Мухаммеда уже не было в стране. Понимая, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, эмир добровольно сдался Макнотону 3 ноября 1840 года и был отправлен вместе с четырнадцатью сыновьями, кроме Акбара, и остальными членами семьи в Лудхиану, где ему был назначен пенсион в два лака рупий в год (тридцать тысяч фунтов стерлингов). И Макнотон, сгоравший от нетерпения приступить к своим новым обязанностям в Бомбее, сообщил Окленду, что «страна полностью спокойна — от Дана до Вирсавии»^[9]. Впоследствии фраза эта приобрела печальную известность. «Здесь все убеждает меня, — заметил он одному из офицеров свиты, — что наступившее в этой стране спокойствие совершенно чудесно».

Однако далеко не все разделяли точку зрения Макнотона, и одним из первых забеспокоился Генри Роулинсон, который, исполняя функции резидента в Кандагаре, недавно почти до самой Бухары

сопровождал Артура Конолли. Последний отправился туда с тайной надеждой как-нибудь помочь своему другу Стодарту. Полковник Чарльз Стодарт был направлен в Бухару еще летом 1839 года, чтобы успокоить эмира относительно британских намерений в Афганистане. Однако эмир, и без того напуганный слухами о последствиях появления англичан при азиатских дворах, арестовал британского посланца, а узнав о падении Кабула, бесцеремонно бросил его в кишашую крысами и прочими тварями яму.

Вот как описал его узилище бывавший в Бухаре Александр Бернс: «Темница Бухары Канахена (от слова „ка-на“ — собачий клещ), была полна этих клещей, а также там было разведено множество скорпионов, блох и других паразитов, для питания которых при недостатке преступников бросали живых коз или требуху, и все это наполняло воздух смрадом и заразой». Вот в таком месте и томился полковник Стодарт, когда в Бухару прибыл Артур Конолли. Увы, ему тоже пришлось разделить судьбу своего друга. Возможно, под впечатлением от этой истории сэр Генри Роулинсон был склонен более трезво смотреть на происходящее вокруг. Он записал в августе 1841 года: «Враждебность к нам нарастает с каждым днем, и я предчувствую приближение беспорядков. Муллы настраивают людей против нас по всей стране из конца в конец...»

Другим человеком, указывавшим Макнотону на рост враждебных настроений, стал Эдред Поттинджер, имевший прямые контакты с племенами, проживающими к северу от Кабула. Он сообщал, что местные вожди готовятся к общему восстанию против Шуджи и англичан. Однако Макнотон, скорее всего опасавшийся приказа остаться в Кабуле, отказался внять предупреждениям и убедил себя в паникерстве обоих корреспондентов.

А тем временем у местного населения для враждебности к англичанам и шаху Шудже имелось действительно немало причин. С одной стороны, присутствие большого контингента войск больно ударило по карманам простых афганцев. Из-за возросшего спроса на продовольствие и предметы первой необходимости цены на базаре подскочили, налоги, необходимые для содержания новой администрации Шуджи, не говоря уже о его неумеренно роскошном образе жизни, резко увеличились. Кроме того, несмотря на все прежние обещания, англичане отнюдь не собирались уходить —

напротив, складывалось впечатление, что армия останется тут навсегда. Многие англичане желали шаху Шудже долгих лет правления и даже не сомневались в том, что так оно и будет.

В Кабуле распустившиеся солдаты, особенно офицеры, все чаще соблазняли местных женщин и просто приставали к ним на улицах, что вызывало праведный гнев мусульман. В местах постоя воинских частей нередко отмечались случаи сожительства военных с местными женщинами. Особой ненавистью к англичанам пылали обманутые мужья, среди которых были и люди весьма влиятельные, а между тем их многочисленные протесты игнорировались. Историк сэр Джон Кэй писал по этому поводу: «Афганцы всегда ревниво относились к чести своих женщин, и многое из происходящего в Кабуле воспринимали как тяжкий позор, побуждающий к мести... Скоро позор стал невыносимым, и обиженные пришли к выводу, что возмездие можно совершить лишь собственными руками». Никому не хотелось ждать долго, но кто-то должен был зажечь фитиль.

Первые признаки надвигающегося урагана обнаружались вечером 1 ноября 1841 года. В этот день Бернс записал в дневнике «...Я все более буду уставать из-за того, что время обманывает мои надежды». Эта запись оказалась последней в его личных бумагах. Вечером его помощник и друг, хорошо осведомленный кашмирец Мохан Лал, предупредил его, что ближайшей ночью на него будет совершено покушение. Многие афганцы считали ответственным за оккупацию Афганистана именно Бернса, обманувшего Дост-Мухаммеда демонстрацией своих добрых чувств к нему. Враждебность к Бернсу усугубляло и его «неравнодушие» к афганкам. Как пишет в своих воспоминаниях русский доктор Иван Лаврович Яворский, с «последствиями донжуанства первых англичан, во главе которых стал известный Бернс» ему приходилось сталкиваться в Кабуле и спустя почти сорок лет, в 1878–1879 годах.

Бернс с несколькими офицерами жил в самом центре Кабула, рядом с Чорсу — одной из главных улиц столицы в большом двухэтажном доме с внутренним двором, окруженным стеной. Мохан Лал считал это жилище слишком уязвимым и предлагал срочно перебраться в безопасное место, в северную часть города, где размещались английские и индийские солдаты. Однако Бернс был уверен в своих силах и, зная, что крупные английские и индийские подразделения

находятся всего в двух километрах, не внял совету друга. Правда, он все-таки отдал приказ сипаям усилить на ночь охрану дома.

Однако основные силы англичан были далеко от города. Поначалу британские войска занимали крепость Бала Хиссар, но по просьбе Шуджи, который был против нахождения войск в Бала Хиссаре из-за близости казарм к его гарему, Макнотон согласился перевести солдат из безопасного укрытия за крепостными стенами в наспех построенный полевой лагерь. Укрепленный лагерь был сооружен под Кабулом, на старой дороге, ведущей в Кохистан, в пяти километрах к северу от городских стен и в девяти к северо-востоку от Бала Хиссара. Казармы лагеря, называемые «кантонмент», были торжественно открыты в августе 1841 года. Сам лагерь, получивший название Шерпурский, представлял собой прямоугольник — два километра в ширину и три в длину — окруженный глинобитным валом с шестью бастионами. Одни ворота выходили на Кохистанскую дорогу, другие — к высотам Сиях Санг и Бала Хиссару, а внутри в живописном беспорядке расположились солдатские казармы и офицерские домики. Но место для лагеря с самого начала было выбрано неудачно, а его фортификационные укрепления оказались, по сути, чисто символическими. Среди военных он даже получил название «глупости на равнине».

И вот вечером 1 ноября у дома Бернса начала собираться толпа, возглавляемая теми, кого Бернс по разным причинам успел настроить против себя. Поначалу дело ограничивалось лишь гневными выкриками, но подстрекатели постарались, чтобы все разраставшаяся толпа узнала о расположенном как раз рядом с резиденцией Бернса гарнизонном казначействе. Народ все прибывал и, горя желанием осадить гнездо неверных, вскоре уже не нуждался в подстрекательстве. Однако Бернс все еще верил, что сможет уговорить афганцев разойтись по домам, и приказал сипаям не стрелять, а в качестве единственной меры предосторожности послал связного в казармы с просьбой на всякий случай прислать подкрепление. Затем он вышел на балкон и попробовал вступить с разгневанной толпой в переговоры.

Узнав об угрожающей Бернсу и его товарищам опасности, Макнотон немедленно созвал совет. На совете также присутствовали адъютант Эльфинстона майор Тэн, капитан Грант и капитан Белью.

Они стали обсуждать, что следует и что можно предпринять в такой ситуации, однако обсуждение это быстро переросло в спор между Макнотоном и командующим гарнизоном генералом Уильямом Элфинстоном. Секретарь Макнотона капитан Джордж Лоуренс предложил, пока еще есть время, послать в старый город два полка, вызволить Бернса, рассеять толпу и захватить главарей. Но от него просто отмахнулись. «Мое предложение с самого начала сочли чистым безумием», — писал он впоследствии. Макнотон с Элфинстоном продолжали спорить, а ситуация у дома Бернса тем временем быстро ухудшалась. Старый и больной генерал, которому было уже не до боев, не хотел и не мог действовать — он мог лишь возражать другим. Но и Макнотон, беспокоясь не столько о спасении Бернса, сколько о политических последствиях использования войск против горожан, оказался не более решительным.

В конце концов сочли за лучшее направить к Бала Хиссару пехотную бригаду и только после консультации с Шуджей решить, что делать. Около крепости выяснилось, что шах уже отправил в город отряд сарбазов во главе со своим сыном Фетх Джаном и визирем Осман-ханом с приказом разогнать мятежников и спасти Бернса. Шах настаивал, что его гвардейцев для этих целей вполне достаточно, и не разрешил англичанам вмешиваться.

Тем временем положение все еще пытавшегося перекричать обезумевшую толпу Бернса становилось все более критическим. К нему на балкон вышли еще два офицера — его заместитель майор Уильям Броудфут и офицер индийской армии, Чарльз Бернс, приехавший в Кабул на встречу со старшим братом. Кэй впоследствии писал: «Становилось очевидным, что без применения силы одними уговорами и полумерами ничего уже не добиться. Возбуждение афганцев все возрастало. Небольшая кучка мятежников превратилась в огромную озлобленную толпу. Казначейство шаха застило всем глаза, и сотни кабульцев, даже тех, кто не испытывал до тех пор особой враждебности к британцам, устремились к месту, где хранились сокровища, способные мигом решить проблемы их полуголодного существования». Несмотря на растущую ярость толпы, Бернс, уверенный в скором появлении помощи, все еще удерживал сипаев от применения оружия.

Но вот несколько наиболее рьяных мятежников подожгли конюшни и вновь присоединились к толпе, вскоре после чего из толпы раздался выстрел. Майор Броудфут схватился за грудь и упал. Его поспешно втащили в дом, где сразу же убедились в том, что он мертв. Бернс вернулся на балкон и, пытаясь в последний раз спасти ситуацию, пообещал толпе, если она сейчас же разойдется, раздать крупную сумму денег. Однако было уже поздно, толпа поняла, что английское золото очень скоро достанется ей и так. Бернс, исчерпав все свои возможности, но так и не видя приближающейся помощи, вероятно решив, что гонец не дошел до цели и помощи ждать нечего, приказал сипаям стрелять в толпу. Но его решение запоздало. Дом уже горел, и бушующая толпа ринулась ко входу, не обращая внимания ни на пожар, ни на стрельбу. Бернс с братом поняли, что настал их последний час, и Чарльз решил прорываться.

Мохан Лал, чьи предупреждения Бернс проигнорировал, сидел на крыше соседнего дома и в ужасе наблюдал за происходящим. Он уже ничем не мог никому помочь. «Лейтенант Чарльз Бернс спустился в сад и там застрелил человек шесть, прежде чем его самого разорвали на куски», — записал он впоследствии. Как погиб сам сэр Александр, он не видел, поскольку часть толпы как раз рванулась к дому, на крыше которого он находился, и Мохан Лал был вынужден бежать. Существует версия, что Мохан Лал попытался выбраться из дома через сад, но его схватили и опознали. За него, однако, вступился Мухаммед Заман-хан и спрятал в своем гареме неподалеку.

Также существует несколько версий смерти Бернса, впрочем, ни одна из них не подтверждена показаниями надежных свидетелей. Одни рассказывали, что Бернс вышел к толпе с черной повязкой на глазах, чтобы не видеть, от кого последуют удары, и через несколько секунд был «разорван разъяренной толпой на куски». Другие говорили, что в дом проник некий предатель и на Коране поклялся, что, если Бернс переоденется в афганскую одежду, он проведет его через толпу. Понимая, что терять нечего, Бернс согласился, но, как только он вышел из дома, афганец торжествующе закричал: «Братья, вот Искандер Бернс!» И разъяренная толпа изрубила его на куски длинными афганскими кинжалами.

Согласно другой версии, слуги Бернса предложили ему пронести его через толпу, завернув в кошму, словно таща награбленное, как в ту

ночь делали многие, но Бернс отказался. «Один из его старых друзей остался верен ему до конца, — как утверждает Кэй, — когда толпа бросилась грабить казначейство, человек по имени Наиб Шериф подобрал искалеченные тела Бернса и его брата и захоронил обоих в почерневшем от дыма саду». Майору Броудфуту не повезло и тут: «городские псы растащили его останки», — отметил Кэй.

Трагедия произошла всего в получасе обычного марш-броска от казарм, где находились четыре с половиной тысячи английских и индийских солдат, а до Бала Хиссара, где ждал приказа выделенный для помощи Бернсу и его товарищам отряд, было и того менее. Невозможно было не слышать шум и стрельбу, но по невыясненным доселе причинам приказа так и не последовало. В конце концов посланный на помощь английский отряд лишь прикрыл беспорядочное отступление гвардейцев Шуджи, обращенных разъяренной толпой в бегство. Однако не следует думать, что можно было легко предотвратить эту трагедию. Как записал в дневнике один молодой офицер, «если утром для подавления мятежа хватило бы трехсот человек, то к вечеру уже было недостаточно и трех тысяч».

Но этим трагедия не закончилась.

2

Весть о постигшей сэра Александра Бернса и его товарищей ужасной трагедии, не говоря уже о гибели примерно тридцати сипаев и слуг, всколыхнула в английском гарнизоне волну ужаса. Тем временем ободренная бездействием англичан толпа продолжала свои бесчинства: жгла дома, грабила магазины, убивала всех, кого подозревала в сотрудничестве с британцами. Впрочем, пока то и дело в шуме и реве огня раздавались испуганные крики: «Идут... идут!» — мятежники явно опасались быстрого и решительного возмездия. Впоследствии стало известно, что зачинщики мятежа даже держали под седлами коней, чтобы в случае чего успеть спастись, но в штабах Макнотона и Элфинстона все еще продолжали колебаться, упуская более чем драгоценное время. Британцев не подвигли к активным действиям даже сообщения о том, что в старом городе, надеясь избежать ярости толпы, еще скрываются некоторые офицеры.

Наконец, даже Макнотон понял, что происходит нечто более серьезное, чем простой разгул вышедшей из-под контроля толпы.

Тысячи афганцев в городе и в округе, откуда тоже поступали тревожные сообщения, выступили практически в одночасье. Мятеж явно кем-то управлялся. Пошли даже слухи о том, что к священной войне против англичан призывает сам Шуджа, и скоро действительно перехватили послания, скрепленные его личной печатью. На какое-то время впавшие в панику англичане поверили в подлинность этих писем и в то, что шах ведет двойную игру. Но довольно быстро обнаружилось, что письма — всего лишь преднамеренно распространенная заговорщиками подделка. Однако одновременно с этим стало ясно и то, что положение самого шаха не менее шатко, чем положение его покровителей.

Двести человек из его гвардейцев, попытавшихся оказать сопротивление, были перебиты, остальные, побросав оружие, в беспорядке бежали под защиту стен Бала Хиссара. Унизительное поражение тех, кто должен был его защищать, повергло афганского правителя в «жалкое состояние уныния и тревоги», — писал Кэй. Англичане также весьма обеспокоились столь неожиданным и драматическим поворотом событий. «Ужасная истина вдруг обрушилась на нас, во всем афганском народе у нас не оказалось ни единого друга», — записал в своем дневнике один офицер. Веселой жизни, которой столь долго наслаждался гарнизон, пришел конец. В незаконченном отчете, найденном после его смерти, Макнотон пытался оправдать свою неспособность предвидеть приближавшуюся бурю. «Меня сочтут виновным в том, что я не сумел предсказать наступление шторма. На это могу ответить лишь то, что ничего не заподозрили и другие, имевшие гораздо больше возможностей наблюдать настроения людей». Ни словом не упомянув о Роулинсоне и Поттинджере, чьи предупреждения он проигнорировал, главную вину Макнотон попытался свалить на Бернса — мертвый возразить уже не мог.

Неблагоприятно сказались на развитии событий и перемены в самой Англии. В августе того года правительство тори во главе с сэром Робертом Пилем сменило администрацию вигов Мельбурна и немедленно приступило к строгой экономии средств. Содержание войск в Афганистане стоило больших денег, и предполагалось, что режим шаха Шуджи-уль-Мулька теперь должен стоять на собственных ногах, тем более что русской угрозы более не было. Поэтому

чиновники решили, что по мере укрепления сил Шуджи английское военное присутствие в Афганистане, в отличие от политического, должно постепенно сокращаться. Для начала Макнотону велели прекратить щедрые выплаты племенам, контролирующим пути сообщения между Кабулом и британской частью Индии, что обернулось фатальным исходом: прежде нейтральные племена стали первыми, кто присоединился к восстанию.

И вот англичане, оказавшиеся под угрозой нападения плохо вооруженных и пока еще плохо организованных мятежников, начали готовиться к осаде. Только теперь они поняли, какое безумие совершили, оставив Бала Хиссар. Нынешний лагерь для обороны оказался крайне неудобен: болотистая низина, со всех сторон окруженная холмами, а на них сплошные сады, затруднявшие наблюдение и позволявшие атакующим укрываться от огня защитников. Кроме того, многочисленные ирригационные каналы садов обеспечивали нападавшим превосходные траншеи. Английские же позиции окружал земляной вал высотой всего в половину человеческого роста — защита недостаточная от артиллерии или снайперов. Инженеры Макнотона предупреждали его об этом еще до оставления Бала Хиссара, но, в отличие от большинства профессионалов Большой игры, наместник не обладал достойным военным опытом, а главное, не допускал даже мысли ни о каких непредвиденных обстоятельствах. Он не слушал ничьих советов — и в результате четыре с половиной тысячи английских и индийских солдат с двенадцатью тысячами гражданских лиц, в числе которых было около трех дюжин английских жен, детей и нянек, оказались осажденными в «загоне для овец в открытом поле», согласно определению Кэя.

Впрочем, если бы Макнотон и Элфинстон при первых же признаках опасности действовали решительно и быстро, англичанам хватило бы времени перевести весь гарнизон в Бала Хиссар, под защиту его высоких стен. Но они опоздали, и выполнение этой операции сделалось невозможным. Тогда Макнотон попытался найти какой-нибудь другой выход из патовой ситуации, в которой неожиданно оказался. Он попытался подкупить афганских лидеров, используя ловкого Мохан Лала как посредника, надеясь найти спасение в соперничестве политических групп и племен. В результате

в руки толпы перешло огромное количество золота из казначейства Макнотона, не дав практически никакого результата. Как писал Кэй: «Нужно было удовлетворить слишком много appetитов, и примирить слишком много противоречивых интересов. К тому же, движение стало уже настолько мощным, что его теперь было не унять и мешком золота. Звон монет уже не мог заглушить крики возмущенных и разгневанных людей».

Ситуация ухудшалась с каждым часом и требовала все более решительных мер. Тогда кто-то подал идею, чтобы Мохан Лала уполномочили предложить награду в 10 тысяч рупий любому, кто убьет кого-либо из вождей мятежников. Инструкцию вместе со списком имен передал индусу лейтенант Джон Конолли, младший брат Артура, политический советник администрации Макнотона, находившийся в то время в Бала Хиссаре и выполнявший функции офицера связи у встревоженного Шуджи. Как и в других местах, связь поддерживалась через гонцов-сорокоходов, именовавшихся коссидами, которые буквально несли собственную жизнь в своих руках: тайные послания прятались в специальные перчатки. Услышав о столь циничном предложении, Макнотон якобы высказал опасение, что это недостойно британцев, и согласился выплачивать вознаграждение лишь за поимку вождей. Однако документ, датированный 17 ноября 1841 года, гласил: «Я обещаю десять тысяч рупий за голову каждого из главных вождей. Макнотон».

Вскоре и в самом деле два лидера мятежников, занимавших первые строчки в списке Конолли, погибли при весьма таинственных обстоятельствах, и тут же начались требования наград. В первом случае человек уверял, что лично застрелил одного из вожаков, тогда как другой опровергал его, настаивая, будто лично задушил смутьяна во сне. Мохан Лал не поверил никому и деньги не выплатил, сославшись на то, что награда была обещана за головы, а голов убитых они не представили. Но гибель двух мятежных лидеров не принесла осажденному гарнизону существенного облегчения. Внезапная брешь в рядах руководителей не ослабила решимости восставших и не разобщила их. Более того, вскоре разнеслась весть, что Мухаммед Акбар Хан, любимый сын сосланного Дост-Мухаммеда, уже едет из Туркестана возглавить настоящее восстание против англичан и их марионеточного правителя. Пламенный принц-воин поклялся

свергнуть шаха Шуджу, этого пособника неверных, изгнать британцев и вновь посадить на трон отца.

А тем временем в лагере дела шли все хуже: отовсюду поступали сообщения о захвате мятежниками отдаленных английских постов, о крупных потерях, в том числе и о полностью вырезанном полке гуркхов, и о раненом «герое Герата» майоре Элдредде Поттинджере. В тот год жестокая афганская зима началась гораздо раньше, чем обычно, и провиант, вода, лекарства, а с ними и моральный дух солдат быстро пошли на убыль. Отваги у гарнизона хватило лишь на одну крупную вылазку, но завершилась она оскорбительным поражением и паническим бегством английских и индийских подразделений на исходные позиции. Кэй вынужден был назвать эту акцию «постыдной и пагубной». А произошло это 23 ноября, после того как афганцы вдруг вкатили на вершину господствующего над английскими позициями холма два орудия и начали обстреливать из них переполненный лагерь.

Даже генерал Элфинстон, до сих пор расходовавший гораздо больше энергии на ссоры с Макнотомом, чем на борьбу с врагом, не смог отмолчаться и приказал отнюдь не изъяслявшему энтузиазма командиру бригады атаковать орудия сводным отрядом пехоты и кавалерии. Двадцать пятого ноября 1841 года бригада Шелтона начала бой, имея силы весьма значительные: около четырех эскадронов кавалерии, семнадцать рот пехоты и два орудия с авангардом из солдат 44-го полка королевской пехоты. Успешно заняв холм и заставив замолчать орудия, отряд взялся и за захваченный врагом кишлак Бемару, лежавший у подножия холма — но тут дела пошли совсем по-иному.

Вопреки давнему и непреложному правилу использования пушек только парами, командир приказал взять одно девятифунтовое орудие. Возможно, он сделал это из стремления обеспечить большую мобильность, но этот приказ обернулся крахом. Сначала крупная картечь действительно нанесла афганцам, захватившим кишлак, значительный урон, но скоро орудие начало перегреваться и вышло из строя как раз в тот момент, когда в нем была наибольшая нужда. В результате атаку пришлось прекратить и от кишлака отойти, а тем временем афганские командиры послали на помощь товарищам, подвергшимся сильному натиску, большой конный отряд и множество

пехоты. Заметив опасность, командир бригады перестроил свою пехоту в два каре, сосредоточив в середине конницу, и стал ждать нападения, уверенный, что тактика, обеспечивавшая успех при Ватерлоо, не подведет и здесь.

Но афганцы не стали нападать, а открыли интенсивный огонь из своих длинноствольных фитильных ружей или джезейлей по плотно скупенным английским каре издали. Через минуту солдаты, оказавшиеся в своих ярко-алых мундирах отличными мишенями, поняли, что их короткоствольные английские мушкеты бессильны: пули не долетали до цели. В таких ситуациях пехоту всегда выручала артиллерия, выкашивавшая бреши в рядах противника, а конница доделывала остальное. Однако, как записал Кэй, «проклятие Господне пало на этих несчастных», — их единственная девятифунтовка все еще не остыла, и использовать ее без риска взрыва было невыносимо. А тем временем солдаты падали и падали под пулями афганских стрелков.

Более того, к ужасу наблюдавших за боем из расположенного далеко внизу лагеря, крупный отряд афганцев начал подбираться к ничего не подозревавшим англичанам по оврагу с тыла. Мгновением позже афганцы выскочили и с дикими криками бросились в атаку, британцы дрогнули и побежали. Командир бригады приказал горнистам трубить сигнал «Стой» и сам лично схватился с врагом, проявив замечательную храбрость. Бегство остановили, офицеры сформировали сомкнутый строй и при поддержке кавалерии повели солдат в штыковую. Враг был остановлен, наконец-то заговорила девятифунтовая пушка, и афганцы, понеся тяжелые потери, были все-таки отброшены с холма.

Однако британцы торжествовали недолго, поскольку афганцы, быстро усваивая их уроки, тут же сосредоточили огонь своих джезейлей на артиллеристах. Стрелять из орудия стало практически невозможно. Одновременно, оставаясь вне досягаемости огня британских мушкетов, они продолжали и методичный расстрел потрепанного отряда, повергая солдат в смятение. Наконец очередная группа афганцев снова незаметно подобралась по оврагу и неожиданно с тыла с дикими криками и длинными кинжалами накинута на солдат, в то время как с фронта поддерживался плотный непрерывный огонь с почти невидимых за камнями позиций. Этого английские и индийские части не выдержали. Они пустились в беспорядочное

бегство и укрылись в лагере, очистив холм и оставив на неизбежную гибель раненых.

«Беспорядочное бегство британских войск было полным, — писал Кэй. — Пехота и кавалерия, европейские и туземные солдаты одной огромной смешанной массой неслись в лагерь». Попытки генерала Элфинстона и штабных офицеров, наблюдавших за сражением с британских позиций, сплотить их и повернуть назад ни к чему не привели. Солдаты потеряли все: и мужество, и дисциплину, не говоря уже о трех сотнях убитых и брошенных товарищей. Как бесстрастно отметил Кэй, «они забыли, что они британские солдаты». Афганцы преследовали отступающих на такой дистанции, что использовать орудия из лагеря было невозможно без риска поразить своих. Если бы торжествующий враг продолжил преследование, писал Кэй далее, то он ворвался бы в лагерь и вырезал весь гарнизон. Но каким-то чудом, вероятно, следуя приказам своих командиров, афганцы остановились и отошли. «Они, казалось, сами были удивлены своим успехом, — отметил один молодой офицер, — и, искалечив по своей ужасной привычке оставленные на холме тела, вернулись с ликующими воплями в город». Эти бои за холмы при селении Бемару получили название «бемарийских качелей».

На следующий день афганцы неожиданно для англичан предложили перемирие. К тому времени к восставшим уже присоединился встреченный восторженными криками Мухаммед Акбар Хан. Он привел с собой трехтысячное войско, и теперь силы мятежников насчитывали около тридцати тысяч пехоты и кавалерии, таким образом, превосходя английские войска приблизительно в семь раз. Несомненно, располагая таким подавляющим преимуществом, Акбар мог в отместку за низвержение отца поголовно истребить весь гарнизон, но, поскольку Дост-Мухаммеда англичане все еще надежно стерегли в Индии, принц понимал, что действовать следует осторожно.

Макнотон со своей стороны также прекрасно понимал, что во избежание истребления или голодной смерти гарнизона следует вступить с афганцами в переговоры. Однако до начала переговоров он потребовал от Элфинстона письменного заявления, в военном смысле объявляющего их положение безнадежным, даже несмотря на то что до прибытия подкреплений из Кандагара оставались считанные дни. Наместник все еще питал надежду на спасение собственной карьеры и

стремился переложить всю вину за их трудности на профнепригодность Элфинстона и трусость солдат.

Элфинстон должным образом выполнил его требования и помимо того дал еще и рекомендацию, как вести переговоры с афганцами. Длинное перечисление бедствий гарнизона, которые Макнотон и сам уже хорошо знал, заканчивалось следующим образом: «После более чем трех недель осадного положения, при явной нехватке снаряжения и фуража, при ослаблении войск большим количеством раненых и больных, при трудностях обороны большого и неудачно расположенного лагеря, с наступлением зимы, имея перерезанные противником коммуникации и находясь среди враждебно настроенного населения, полагаю, что далее удерживать наши позиции в этой стране невозможно». Беспросветность генеральской оценки усугубляли и дополнительные, вскоре после этого полученные сведения. Во-первых, Акбар предупредил население, что любой афганец, уличенный в продаже англичанам амуниции или продовольствия, будет немедленно казнен. Во-вторых, долгожданная спасательная экспедиция с юга была остановлена большими снегопадами и не могла попасть в Кабул раньше весны.

Заручившись мрачным прогнозом генерала, Макнотон принялся составлять срочную депешу лорду Окленду, расписывая всю серьезность сложившейся ситуации и взваливая ответственность на военных, обвиняя их в непрофессионализме и трусости. «Наши запасы продовольствия через два-три дня иссякнут, и военное командование настоятельно советует мне сдаться. Но до самого последнего момента я на это не пойду», — писал он, демонстрируя скорее позу, чем отвагу. Макнотон все еще был убежден, что сможет перехитрить афганцев, играя на разногласиях, существовавших, по его сведениям, среди их вождей. Поэтому в ответ на предложение перемирия для обсуждения условий и сроков сдачи он попросил прислать делегацию. Сцены во время переговоров происходили невероятные: толпы вооруженных до зубов афганцев перебирались через невысокие стены лагеря и устраивали братание с солдатами английских и индийских частей. Многие приносили свежие овощи и угощали ими тех, кого еще несколько часов назад пытались убить. Сначала даже возникли подозрения, что в овощах спрятаны какие-нибудь шипы, колючки или

яд, но тщательная экспертиза показала необоснованность этих подозрений.

Афганские парламентарии прежде всего потребовали выдачи Шуджи, надежно укрывшегося за мощными стенами и валами Бала Хиссара. Ему обещали сохранить жизнь, хотя ходили слухи, будто его решили ослепить, дабы впредь он никогда уже более не претендовал на афганский трон. Затем афганцы потребовали разоружения, и вывода из Афганистана всех британских солдат, и возвращения Дост-Мухаммеда. Во избежание обмана предлагалось в качестве заложников задержать британских офицеров с семьями до тех пор, пока все войска не покинут страну, а Дост-Мухаммед благополучно не вернется в Кабул. Само собой разумеется, для Макнотона такие требования оказались совершенно неприемлемыми. С этого момента эйфория и братания прекратились, и обе стороны прервали переговоры, с озлоблением грозясь возобновить военные действия.

Через несколько дней состоялась вторая встреча на берегу реки Кабул, примерно в километре от лагеря. Афганскую делегацию, представлявшую большинство ведущих племенных вождей, возглавлял сам Акбар. На этот раз Макнотон выдвинул собственные предложения, прочитав подготовленное на фарси заявление: «Принимая во внимание недавние события, которые со всей очевидностью показали, что продолжительное пребывание британской армии в Афганистане для поддержки Шуджи-шаха вызывает недовольство значительной части населения, а также то, что при отправке войск британское правительство не имело никакой иной цели, кроме обеспечения целостности, блага и процветания Афганистана, мы не испытываем никакого желания оставаться здесь долее, если наше присутствие противоречит указанным целям». Короче, англичане согласились немедленно вывести все войска, если афганская сторона гарантирует их безопасный проход к границе. Шуджа-уль-Мульк, с которым никто не удосужился обмолвиться даже парой слов, должен был оставить трон и возвращаться вместе с англичанами в Индию. Акбар должен был лично сопровождать войска до границы и лично отвечать за их безопасность, в то время как в Кабуле останутся заложниками четыре британских офицера, но без семей. После безопасного прибытия британского гарнизона в Индию Дост-Мухаммед будет отправлен в Кабул. Напоследок выражалась

надежда, что две нации, несмотря на недавние события, останутся друзьями, и Афганистан, при условии отсутствия союза с другими государствами, будет получать британскую помощь. Обсудив между собой предложения Макнотона, афганцы единодушно дали принципиальное согласие, и сразу же, до наступления зимы, началась подготовка к эвакуации гарнизона и выполнению других частей соглашения.

Удовлетворительные условия делали капитуляцию своеобразным мирным договором, но Макнотон, интриган до мозга костей, на этом не успокоился и затеял еще одну отчаянную азартную игру. Политиканство — штука заразная. От Мохан Лала он узнал, что некоторые из влиятельных вождей, втайне опасаясь возвращения Дост-Мухаммеда, искусного и жесткого правителя, предпочитали видеть на троне более слабого и послушного Шуджу. И они-то, не в пример Акбару, не спешили увидеть, как уходят не скупящиеся на щедрые подачки англичане. И вот, когда дело дошло до необходимости предстоящего неизбежного отъезда Шуджи, эти вожди, как и предполагал Макнотон, всерьез задумались. И наместник, еще раз пользуясь Мохан Лалом как посредником и обещая щедрое вознаграждение, попробовал расколоть афганские группировки. «... Если хотя бы какая-то часть афганцев пожелает, чтобы наши войска остались в стране, я буду вправе свободно нарушить обязательство вывода войск, ссылаясь на пожелания афганского народа», — внушал он своему кашмирскому наперснику.

Несколько дней неутомимый Мохан Лал лихорадочно пытался разжечь соперничество среди афганских лидеров и настроить против Акбара как можно больше вождей. Макнотон, как утверждает Кэй, знал, что никакого реального единства между афганцами нет, а существуют лишь временные союзы различных группировок. После чего Кэй добавляет: «Это не просто — свести в одно ясное и понятное целое все многочисленные схемы перемен и переустройств, которые в последнее время занимали внимание наместника... Он склонялся к сделке то с одной, то с другой стороной, нетерпеливо хватаясь за любую новую комбинацию, которая, казалось, обещала больше, чем предыдущая». Однако ждать признаков того, что его стратегия сработала и Акбар со своими сторонниками начали ощущать мощный нажим изнутри, пришлось недолго.

Вечером 22 декабря принц послал в британский лагерь секретного эмиссара, чтобы передать Макнотону совершенно новое предложение — предложение, которое можно было назвать потрясающим. Шудже дозволялось остаться на троне, но при этом его визирем должен был стать Акбар. Англичане оставались в Афганистане до весны, после чего должны были уйти как бы по собственной воле, спасая тем самым репутацию. В то же время организаторов убийства Бернса передавали англичанам для наказания. Взамен всего этого Акбар просил лишь триста тысяч фунтов единовременно плюс ренту в 40 тысяч фунтов и обещание британской помощи для борьбы с его личными противниками.

Было ясно, во всяком случае, так показалось Макнотону, что Акбара принудили к такому компромиссу партии, которые этот ловкий британский политик при помощи Мохан Лала и обещаний английского золота уговорил предпочесть правление Шуджи-уль-Мулька, и наместник восторжествовал. Он спас англичан от унижения, гарнизон от резни, шаха от потери трона, а свою собственную карьеру от краха. Тайную встречу, на которой предполагалось заключить это соглашение, назначили на следующее утро. Той же ночью Макнотон набросал примечания к меморандуму Элфинстона, в которых указывал, что дела с Акбаром удалось уладить, и все неприятности закончились.

На следующий день в сопровождении трех офицеров штаба Макнотон отправился к месту назначенной встречи. Элфинстону, спросившему, не является ли это ловушкой, Макнотон резко ответил: «Предоставьте это мне.

В таких вещах я разбираюсь лучше вас». Но те же опасения высказали один из выбранных для сопровождения офицеров и собственная жена наместника. Мохан Лал также предупреждал, что доверять Акбару нельзя. Однако Макнотон и не думал никого слушать. «Предательство, конечно, возможно, — ответил он. — Но в случае успеха мы восстановим честь англичан, и это более чем стоит риска. По мне лучше тысячекратный смертельный риск, чем позор». Наверное, это было смело.

Акбар с шестью ханами — вождями крупных племен и родов — и воинами ожидал британцев на берегу Кабула, на заснеженном склоне на расстоянии полукилометра от юго-восточного угла укреплений.

Макнотона сопровождали Лоуренс, Тревор, Маккензи и десять солдат под начальством лейтенанта Ле Гейта. «Мир вам!» — приветствовали афганцы подъехавших верхами англичан. Затем слуги расстелили попоны, и, приняв английские приветствия, Акбар предложил Макнотону и его компаньонам спешиться. Один из офицеров, капитан Кеннет Маккензи, написал впоследствии: «Люди недаром говорят о предчувствиях. Полагаю, на меня снизошло нечто вроде этого, поскольку я с трудом заставил себя покинуть седло. Однако я сделал это, и меня пригласили сесть возле сардаров». Все расселись, наступила тишина, в которой Акбар с улыбкой обернулся к наместнику и спросил его, принимает ли он переданное накануне вечером предложение. «А почему бы и нет?» — ответил Макнотон. И эта короткая реплика перечеркнула не только его собственную судьбу, но также судьбу всего британского гарнизона.

Макнотон не знал, что Акбар, проведав о его двуличности, решил воспользоваться ей в своих интересах. Он предупредил остальных вождей, что Макнотон готов пренебречь ими и за их спинами затевает тайный сговор. И теперь даже те, кто еще сомневался в этом, своими собственными ушами услышали о предательстве англичанина. Акбар, естественно, никогда и не собирался позволять оставаться в стране ни англичанам, ни Шудже, и предложение его было сделано исключительно для того, чтобы продемонстрировать своим сподвижникам двуличие британцев. Мало того, что этим шагом он приобретал преданность тех, кого наместник едва не успел настроить против него. Принц мог теперь ответить предательством на предательство — и он ответил сполна.

Все еще ничего не подозревая, Макнотон спросил, зачем здесь присутствуют посторонние. Акбар посоветовал ему не беспокоиться, добавив: «Мы все в одной лодке». Но, как впоследствии вспоминал капитан Маккензи, едва закончив эти уверения, принц внезапно крикнул своим людям: «Бегеер! Бегеер!», что означало: «Схватить! Схватить!». Капитан и еще двое его сослуживцев вмиг оказались связанными, а сам Акбар, с выражением «наивысшей дьявольской ярости» на лице, вместе с другими вождями бросился на Макнотона. Последнего тут же поволокли за холм, и Маккензи лишь на миг успел увидеть лицо наместника. «Оно изображало ужас и удивление», — написал он позже. Капитан также услышал, как Макнотон закричал:

«Аз барае Худа!», что означало: «Ради Бога!», но теперь его больше беспокоила собственная судьба, поскольку некоторые наиболее фанатичные афганцы немедленно требовали не только его крови, но и крови всех трех офицеров. Однако Акбар приказал не трогать их. Всех троих, держа под прицелом, посадили на крупы лошадей, чтобы доставить в расположенный неподалеку форт. Но капитану Тревору не повезло, разъяренные афганцы сбросили его с коня и безжалостно изрубили в снегу. Лоуренса спас Мухаммед Шах-хан, а Маккензи — Гулям Мохиэддин и сам Акбар-хан, которые буквально вырвали их у подбежавшей разъяренной толпы. О судьбе сопровождавших парламентариев солдат источники умалчивают.

Подробностей гибели самого Макнотона никто уже никогда не узнает. Его убили без всяких свидетелей, и ни одна душа не сможет рассказать, что случилось после того, как наместника утащили за холм. Позже Акбар клялся, что хотел держать англичанина заложником безопасного возвращения отца, но, пытаясь вырваться и убежать к английским позициям, пленник сопротивлялся так, что его пришлось убить. Другая версия утверждает, что Акбар, считавший виновным в ниспровержении отца именно Макнотона, сам в припадке гнева расстрелял его из богато украшенных пистолетов, некогда подаренных ему тем же Макнотонам, а заодно и научившим принца пользоваться ими.

Тем временем, заметив, что на берегу происходит нечто непонятное, наблюдатели в лагере сообщили об этом генералу Элфинстону. Однако отсутствие профессионализма, нерешительность и просто трусость в очередной раз взяли верх, и генерал ничего не предпринял для спасения Макнотона с офицерами, даже несмотря на то что все это происходило в непосредственной близости от лагеря. Элфинстон даже не выполнил просьбы Макнотона держать наготове отряд на случай, если что-то пойдет не так. Позже его бездействие пытались оправдать тем, что он подумал, будто Макнотон с офицерами и Акбаром «отправились завершить дело куда-то в другое место». Страшная правда стала известна лишь тогда, когда что-либо делать было уже слишком поздно. Ночью во встревоженный лагерь пришло известие, что труп Макнотона без головы, рук и ног выставлен на шесте на базарной площади, в то время как окровавленные части его тела разбросаны вокруг города.

Теперь пришла пора ожидания возмездия: афганцы все еще боялись сокрушительной мощи британских пушек, не забыв, как три года назад руководимые должным образом британские войска в два счета разгромили армию Дост-Мухаммеда. Даже Акбар, судя по тому, что спешил снять с себя ответственность за смерть Макнотона, задавался вопросом, не зашел ли он слишком далеко. Конечно, он удерживал английских заложников, но у Британии был куда более важный заложник — его отец.

Однако британский гарнизон охватил странный паралич. Англичане были прекрасно вооружены и представляли внушительную силу, которая, действуя с отвагой и непреклонностью, даже на этой стадии еще могла разгромить афганцев и разделаться с Акбаром. Но старый, измученный подагрой Элфинстон, мечтавший лишь о тихой отставке, уже давно впал в отчаяние, если не сказать в настоящую панику, что, в свою очередь, передалось и всем старшим офицерам. «Эти нерешительность, выжидание и бессистемность, парализуя все наши усилия, постепенно деморализовали войско и в конечном счете, не искупаясь отдельными верными поступками, привели нас всех к полной катастрофе», — записал один младший офицер. Не имея воли к решительным действиям, с запасом провианта всего на несколько дней, англичане могли теперь отвратить беду лишь возобновив переговоры с противником.

Двадцать четвертого декабря, в сочельник, Акбар, явно избавившийся от первых опасений английского возмездия, направил в британский лагерь новых эмиссаров, которые опять предложили гарнизону спокойно покинуть страну, но на этот раз за значительно более высокую плату. Поскольку Макнотон и Бернс погибли, а большинство политических советников оказалось или в руках Акбара, или практически неспособными к действиям, неблагоприятная честь вести переговоры при чрезвычайной уязвимости собственной позиции выпала юному Эдреду Поттинджеру. Поттинджер, который пять лет назад так прославился за оборону Герата, с самого начала убеждал Макнотона и Элфинстона перебраться в Бала Хиссар. Не переставал он призывать к этому и позже, убежденный, что лучше с потерями пробиться в крепость, чем защищать крайне непригодный лагерь. Однако Элфинстон и раньше отказывался сделать это, теперь же шанс был окончательно упущен: афганцы, осознав подобную опасность, разрушили единственный мост через реку Кабул.

Но и теперь, даже страдая от нескольких ранений, Поттинджер все пытался убедить командование начать наступление против Акбара и его нестойких союзников всеми имеющимися у англичан силами. Его поддержали все младшие офицеры, не говоря уже о войсках, возмущенных убийством Макнотона. Поттинджер решительно противился любым договоренностям с Акбаром, предупреждая, что на него ни в чем нельзя полагаться и что предательское убийство Макнотона лишило законной силы любые данные ему англичанами обещания. Но Элфинстон ни в чем не шел на уступки: командующему вместе с высшим офицерским составом теперь хотелось лишь одного — добраться домой как можно скорее и с наименьшими, по их представлениям, потерями.

После гибели Макнотона и Бернса уже никто не мог более противостоять Элфинстону и его штабу, и менее всего Поттинджер, числившийся здесь только дипломатом, а не военным. «Меня подняли с больничного ложа лишь для того, чтобы вести переговоры относительно безопасности кучки дураков, делавших все возможное, дабы обеспечить собственную гибель», — писал он впоследствии.

Теперь, помимо согласованного с Макнотонем требования немедленного вывода из Афганистана британских войск, Акбар настаивал, чтобы ему сдали большую часть артиллерии и весь золотой

запас. Кроме того, он требовал, чтобы уже взятых заложников заменили офицерами вместе с женами и детьми. Элфинстон, как всегда готовый избрать линию наименьшего сопротивления, сразу же поручил майору Тэну искать добровольцев, обещая выплачивать каждому по две тысячи рупий в месяц. Однако все эти попытки оказались тщетными. Один офицер поклялся, что скорее застрелит жену, чем оставит ее на милость афганцев, другой заявил, что с врагами его может связывать только удар штыка. Согласие выразил лишь один лейтенант Винсент Эйр, сказав, что, если это необходимо для общего блага, они с женой могут остаться.

Погода быстро портилась, шансов выбраться и пройти в Джелалабад прежде, чем снег закроет перевалы, становилось все меньше, а переговоры не двигались с места. И Поттинджеру оставалось лишь согласиться с большинством требований Акбара. Проект договора гласил: «Уход сардаров будет быстрым, британские войска, находящиеся в Кабуле, Газни, Кандагаре и Джелалабаде, незамедлительно двинутся в Индию. Дост-Мухаммед-хан с семьей получит возможность вернуться на родину, гарантией чего явится выдача афганцам заложников». Кроме этого казна и артиллерия британских войск, за исключением шести пушек, должна была перейти к афганцам.

И вот 1 января 1842 года, когда в Кабуле пошел густой снег, соглашение наконец было подписано. Акбар гарантировал безопасность эвакуации англичан и обещал обеспечить их вооруженным эскортом для защиты от враждебных племен, по чьей территории им предстояло пройти. Англичане согласились сдать всю артиллерию, кроме шести обычных и трех небольших горных пушек, перевозимых на мулах. В части требования оставить в заложниках женатых офицеров с семьями афганцы уступили и даже освободили офицеров Маккензи и Лоуренса. Вместо них, в порядке гарантии честности, Акбар потребовал оставить в качестве «гостей» трех других молодых офицеров. Спорить в таком положении не приходилось.

Гарнизон начал спешно готовиться к экстренной эвакуации, а по лагерю тем временем поползли тревожные слухи. «Нам сообщили, что афганские вожди и не собираются держать слова», — отметила в дневнике жена одного офицера. Шепотом передавали, что, захватив женщин, афганцы собираются вырезать всех мужчин, а одного вывезти

в Хайберское ущелье и оставить там с отрубленными руками и ногами, прикрепив табличку с предупреждением англичанам никогда впредь не пытаться проникнуть в Афганистан. Женщин же используют как заложниц для гарантии безопасного возвращения Дост-Мухаммеда. Также и афганцы, все еще сохранявшие с англичанами дружественные отношения, предупреждали, что, соглашаясь на условия Акбара, британцы подписывают себе смертный приговор. Но всем хотелось лишь поскорее выбраться из страны, и никто уже ничего не слушал. Не послушали и Мохан Дала, предупреждавшего, что в пути все будут истреблены, если не захватят с собой в качестве заложников сыновей афганских лидеров.

И вот 6 января на рассвете под звуки горнов и барабанов, бросив в Бала Хиссаре Шуджу с его сторонниками, некогда гордые части армии Инда покинули свой военный лагерь. Пунктом назначения был Желалабад, ближайший английский форпост, до которого предстояло пройти немногим более ста километров, в десять раз меньше, чем от Хивы до Оренбурга. Путь лежал на восток, за пределы Афганистана через заснеженные горы и дальше в Индию через Хайберский перевал. Эвакуацию возглавлял авангард из шестисот стрелков 44-го пехотного полка в красных мундирах и отряда конницы в сотню сабель. Затем ехали женщины и дети на пони, а в паланкинах, которые несли слуги-индусы, — больные или беременные женщины. Далее двигалась основная часть пехоты, кавалерии и артиллерии; из них же состоял и арьергард. Между основным отрядом и арьергардом тянулась длинная колонна верблюдов и волов, нагруженных боеприпасами и продовольствием.

Последними шли несколько тысяч человек — бывшая прислуга гарнизона и сторонники англичан, которые сочли за благо присоединиться к уходящим и шли, в основном налегке. Всего из лагеря вышло более шестнадцати тысяч человек: четыре с половиной тысячи солдат и офицеров и более двенадцати тысяч обозной и лагерной прислуги, не считая женщин и детей. Авангард при трех горных пушках возглавлял бригадный генерал Анкетиль, основной отряд, состоявший главным образом из сипаев и индийской кавалерии, — бригадный генерал Шелтон, а арьергард, представленный двумя батальонами пехоты Ост-Индской компании,

полком легкой кавалерии и четырьмя орудиями — полковник Чемберс...

Через неделю вскоре после полудня часовые на стенах английского форта в Джелалабаде заметили вдалеке на равнине медленно приближавшегося к ним одинокого всадника. Новости о капитуляции кабульского гарнизона уже достигли Джелалабада, вызвав там большую тревогу, и вот уже несколько дней здесь со все возрастающим беспокойством ждали прибытия авангарда: подобный переход занимал обычно не больше пяти дней.

Наконец часовые протрубили тревогу, множество людей поднялись на крепостную стену, и дюжина подзорных труб уставилась на приближающегося всадника. Мгновением позже кто-то выкрикнул, что это точно европеец. Всадник, все время клонившийся вперед и цеплявшийся за холку лошади, казался больным или раненым.

«Этот одинокий всадник выглядел словно посланец смерти», — написал Кэй. Навстречу ему немедленно был выслан вооруженный патруль, поскольку вдалеке на равнине виднелись враждебно настроенные афганцы. Всадник с многочисленными ранениями головы и рук оказался Уильямом Брайдоном, служившим у Шуджи врачом, но покинувшим Кабул вместе с английским гарнизоном. Вот что он рассказал об этом трагическом отступлении.

Уже с самого начала все пошло не так, как договаривались с Акбаром. Обещанный им эскорт не появился. Не было и обещанных продовольствия и топлива. Поттинджер сразу же предложил Элфинстону, пусть даже на последней стадии, изменить свои планы и уйти под защиту Бала Хиссара. Но генерал не желал и слышать ни о каком изменении маршрута, не говоря уже о возвращении. Он ограничился лишь тем, что отправил в Джелалабад посыльного с сообщением о скором прибытии колонны. И вот в ледяную стужу зимнего афганского утра потянулась длинная вереница английских и индийских солдат, жен, детей, нянек, возниц, поваров, слуг и носильщиков — более 16 тысяч человек прямо через снега направились к первому перевалу.

Как и предупреждал Мохан Лал с немногими дружественными англичанам афганцами, Акбар с самого начала не собирался выполнять никаких обещаний. Едва только арьергард вышел из укрепленного лагеря, афганцы открыли по англичанам плотный огонь из своих

смертоносных джезейлей, убив и ранив множество младших командиров и солдат. С этого момента преследование не прекращалось ни на час. Афганские всадники врывались в середину обоза, грабили, убивали и угоняли вьючных животных. Безоружная и беспомощная прислуга падала под ударами их кинжалов. Снег скоро покраснел от крови, мертвые и умирающие усеивали путь колонны, ожесточая солдат, которые пока еще достаточно легко отгоняли афганцев от основной колонны. Отягощенные обозом и скованные присутствием перепутанной обслуги, за первый день англичане смогли отойти от Кабула всего на восемь километров, причем отставшие подтягивались до самой ночи.

Старшие офицеры и несколько женщин с детьми спали в единственной уцелевшей после грабежей палатке, остальные, в том числе и доктор Брайдон, провели ночь прямо на снегу. Некоторые разожгли костры, из-за отсутствия дров пустив на топливо часть своих вещей. Брайдон завернулся в овчинный тулуп и даже смог поспать, крепко зажав в руке уздечку коня. Наутро оказалось, что множество индийских солдат и слуг, у которых не было теплой одежды, замерзли до смерти. Другие с ужасом обнаружили обмороженные ноги, которые, как говорил Брайдон, напоминали «обугленные бревна». Этим ждала мучительная смерть в снегу. Поттинджер стал убеждать Элфинстона выдать пехотинцам кавалерийские попоны, чтобы сделать из них обмотки, как это каждую зиму делают афганцы. Но, как и все остальные его предложения, и этот разумный совет был отклонен — еще один трагический результат соперничества, существовавшего между армейскими офицерами и политическими советниками.

Так, смешавшись в единую массу, мужчины и женщины, военные и гражданские, англичане и индийцы, пехота и кавалерия, вьючные животные и орудия — все продолжали двигаться вперед, одержимые единственной надеждой уйти от ужасного холода и как можно скорее добраться до теплых безопасных равнин за Хайбером. Весь день афганские снайперы продолжали вести огонь из укрытий, собирая изрядную пошлину из человеческих жизней. Произошло и несколько небольших стычек, в ходе которых афганцы сумели захватить две горные пушки и вынудили англичан бросить еще два орудия.

Где-то примерно в середине второго дня неожиданно появился сам Акбар, заявивший, что прибыл для обеспечения благополучного

продвижения колонны к Джелалабаду. Вину за тяжелые потери он возложил на самих британцев, утверждая, что они оставили лагерь прежде, чем был готов эскорт, хотя на самом деле время выступления было согласовано обеими сторонами заранее. Но теперь он требовал обмен на сопровождение новых заложников, включая Поттинджера и еще двух дипломатов, а также приказал не двигаться дальше, объяснив остановку необходимостью получить сначала разрешение вождей племени курдов, стерегущих дальнейший путь. И, как ни дико это звучит, Элфинстон еще раз поверил ему и согласился встать лагерем, одолев за два чрезвычайно дорого обошедшихся дня всего шестнадцать километров. Он также принял требование Акбара дать трех новых заложников, и еще трое были вынуждены отправиться в афганский лагерь. Тогда даже трудно было представить, что им несказанно повезло.

На следующий день, 8 января, беспорядочная колонна вступила в тесное, продуваемое всеми ветрами шестикилометровое ущелье. Обещанного Акбаром эскорта так и не было, но дальнейшая задержка грозила серьезными потерями от обморожения и голода, ибо обещанного провианта также никто не доставлял. Но самое плохое заключалось в том, что отсутствовали и всякие признаки договоренности о безопасном проходе. Вскоре для всех, кроме Элфинстона, стало ясно, почему Акбар потребовал остановиться: остановка эта дала время его соплеменникам с джизейлями занять удобные позиции на высоких окружающих перевал скалах.

«Пересекая Хурд-Кабульское ущелье, мы потеряли множество людей и вещей», — восстановил по памяти в Джелалабаде свою ужасную запись в дневнике доктор Брайдон. «Высоты были заняты врагом, который вел непрерывный огонь по колонне. Было огромное число убитых... и еще больше раненых». К тому времени, как основная часть колонны добралась до выхода из ущелья, множество обмороженных людей еще тянулись по нему, и курды совершали постоянные вылазки, убивая отставших. В тот день в ущелье погибло около трех тысяч человек, включая множество женщин и детей. В 44-м полку осталось двести человек, около ста двадцати в каждом из четырех батальонов индийской пехоты, сто семьдесят — в иррегулярных частях, и столько же в 5-м полку легкой кавалерии. Теплую одежду с окоченевших трупов срывали и друзья, и враги. Сам

Брайдон не мог подтвердить этого, но некоторые утверждали, что видели среди нападавших и Акбара, который якобы на персидском языке, известном многим англичанам, призывал «щадить» британцев, а на пушту — языке местных племен — «убивать» их.

Несмотря на это и другие очевидные свидетельства предательства принца, на следующий день, 9 января, Элфинстон опять поверил ему. Теперь Акбар предложил взять под свою защиту оставшихся в живых раненых английских офицеров, а также их жен и детей, обещая провести их в Джелалабад по менее опасной дороге. Элфинстон согласился и на это! В сопровождении людей Акбара уехали девятнадцать человек: двое мужчин, восемь женщин и девять детей, в том числе и вдова Макнотона. И больше их никто никогда не видел, хотя офицеры, ранее отданные в заложники, через несколько месяцев вернулись в целостности и сохранности.

После отъезда этих людей атаки на колонну возобновились. На следующий день Брайдон писал: «Это был ужасный марш — мы шли неведомо куда, ослепнув от сверкания снегов, под непрерывным огнем врага, и вновь погибло множество офицеров и солдат». Среди погибших было не меньше трех врачей — товарищей Брайдона и по крайней мере семеро других офицеров. «Холод и непрерывные атаки лишили сил плохо одетых индийцев и оставили их беззащитными перед нападавшими со всех сторон афганцами», — отмечал он. К тому времени, когда спустились сумерки, «в живых оставалась только горстка сипаев». Согласно подсчетам, на этот момент из всех британских и индийских частей, вышедших из Кабула пять дней назад, осталось в живых не более семисот пятидесяти человек, а из двенадцати тысяч вышедших с ними гражданских лиц — только треть.

Пока эта бойня продолжалась, сам Акбар не показывался на глаза, уверяя, что делает все возможное для сдерживания местных племен, которых толком не контролируют даже собственные вожди. Возможно, в этом утверждении и заключалась доля правды, но реальных свидетельств его попыток заставить вождей сдерживать людей от нападения на отступавших не было.

Удивительно, но даже и в таких условиях Элфинстон все еще принимал на веру все торжественные заверения Акбара. Двумя днями позже, 12 января, Акбар еще раз предложил ему обеспечить безопасность прохода. К тому времени силы Элфинстона сократились

менее чем до двухсот военных и приблизительно двух тысяч гражданских. Генерал чувствовал, что выжить можно, только заключив соглашение с Акбаром, и для этой цели со своим заместителем и еще одним офицером поехал к нему в лагерь. Разумеется, принц снова обманул его, и тогда даже Элфинстон понял, что Акбар не сможет их защитить даже при всем своем желании. Генерал попросил позволения вернуться к отряду, но Акбар отказал ему, таким образом добавив ко все возраставшей компании заложников и английского командующего. Тем не менее Элфинстон сумел тайно передать с возвращавшимся к отряду офицером приказ выступать немедленно.

Дождавшись темноты, англичане на этот раз сумели оторваться от противника, но ненадолго. В очередном узком проходе, в Джагдалакском ущелье, сложили головы почти все высшие британские офицеры: Анкетиль, Чемберс, адъютант Эльфинстона — майор Тэн, командир конной артиллерии капитан Николл и многие другие. Афганцы устроили там большой завал, намереваясь стрельбой из-за камней заставить отряд остановиться. Однако, не ожидая, что англичане выступят ночью, они оставили этот завал без присмотра. Солдаты голыми руками начали разбирать камни, и тогда афганцы атаковали их с тыла. «Произошло ужасное смятение, и всякой дисциплине пришел конец», — писал Брайдон. Теперь каждый был только сам за себя. В темноте Брайдон чутьем понял, что его окружили, но ускакать не успел — его стащили с коня, и какой-то дикарь ударил его длинным, похожим на меч афганским кинжалом. Спасло доктора чудо: не окажись в его фуражке номера «Блэквуд мэгазин», афганец, несомненно, убил бы его. Тем не менее клинок отхватил изрядный лоскут кожи с головы. «Едва не потеряв сознание, я все же смог подняться на колени», — рассказывал Брайдон и, увидев занесенный для следующего удара клинок, успел кончиком сабли отрубить противнику несколько пальцев. Тот бросил клинок и скрылся во тьме, оставив Брайдона в полном одиночестве.

Несмотря на ранение в голову, доктор сумел вскарабкаться по частично разрушенному завалу, не привлекая внимания врагов, которые, видимо, устремились преследовать остальных. Спотыкаясь о груды трупов, он наткнулся на смертельно раненного кавалериста. Залитый кровью солдат с простреленной грудью попросил Брайдона взять его пони, пока этого не сделал кто-нибудь другой, и в следующее

же мгновение скончался. Глубоко признательный неизвестному благодетелю, Брайдон вскочил на пони и поспешно умчался во тьму, надеясь догнать выживших товарищей.

Здесь надо иметь в виду, что в данном случае речь идет не о пони в нашем понимании, а о лошадях местной породы кадагани. Вот как описывает их доктор русской миссии Яворский: «Цепкий кадагани не знает, что такое трудная и скользкая дорога... для него лишь была бы какая-нибудь трещинка в скале, куда бы он мог поставить копыто. А раз копыто поставлено — нога стоит твердо, словно впилась в скалу. Кадагани знает дорогу и свойства почвы лучше всякого всадника. И ведь что за дрянь лошаденка на вид! Просто глядеть не на что: маленькая, худенькая, горбатая, вислоухая, с побитой спиной! Однако из 10 жеребят выхаживается лишь 2–3 нужных, у которых специально развивается только два аллюра — тропот или переступь и карьер. Зато уж в них они безупречны и развивают скорость до 15 верст в час».

Проскакав на этом пони через Джагдалакское ущелье, Брайдон обнаружил, что пробились всего шестьдесят пять человек: двадцать офицеров и сорок пять солдат, а также конная группа количеством в пятнадцать сабель, к которой и примкнул Брайдон. Всадники решили двигаться вперед в надежде как можно скорее достичь Джелалабада. Остальные заняли лежащее на пути, примерно в сорока километрах от Джелалабада, селение Гандамак. Они понимали, что находятся теперь всего в одном дне пути от британского гарнизона и — спасения. Но, увы, как стало известно впоследствии, вскоре путь им преградили афганцы. Намного уступая в численности неприятелю, солдаты поняли, что их шансы на спасение ничтожны и, располагая только двадцатью ружьями с двумя зарядами на каждый, выстроились в каре, решив дорого продать свои жизни.

Увидев это, афганцы предложили им договориться, уверяя в том, что перемирие окончательно согласовано и что для обеспечения безопасности британцам нужно только сложить оружие. Те, подозревая очередную западню, отказались, тогда афганцы попытались разоружить их силой. Вспыхнул рукопашный бой. Истратив боеприпасы, англичане сражались штыками и саблями. Один офицер, прежде чем пасть, зарубил пятерых афганцев. В плен были взяты только четверо, остальные, в большинстве своем солдаты 44-го пехотного полка, пали в бою.

Тем временем в двенадцати милях восточнее, ничего не зная о судьбе своих товарищей, спешил к Джелалабаду конный отряд. В отряде, помимо Брайдона, оставались три капитана, три младших офицера, еще один доктор и полдюжины нижних чинов. В селении Фаттахабад, всего в двадцати километрах от Джелалабада, им предложили поесть. Смертельно голодные, они согласились и решили немного передохнуть, пока готовят еду. Селение казалось таким мирным, а война — где-то далеко позади... Но пока они отдыхали, тем, кто ждал за раскинувшимися невдалеке холмами, подали тайный знак. Внезапно англичане увидели, что к селению со всех сторон несется множество вооруженных всадников. Они схватили оружие и бросились к лошадям, но на них набросилась часть жителей, а прочие открыли огонь по тем, кто успел вскочить в седло и пуститься вскачь. Вырваться удалось только пятерым, включая Брайдона. Однако очень скоро преследователи настигли и эту горстку. Однако Брайдону вновь чудом удалось ускользнуть, хотя и на этом его испытания еще не закончились. До Джелалабада оставалось почти двадцать километров, и он еще трижды сталкивался с враждебно настроенными афганцами.

Сначала на него напали около двадцати всадников, которые швыряли в него камни и пытались достать своими кинжалами. «С трудом пустив пони в галоп и зажав зубами поводья, я отмахивался саблей направо и налево, пока не прорвался. Кинжалами они достать меня не смогли, но парой камней попали», — записал он. Через несколько миль ему встретилась еще одна группа, в которой оказался афганец, вооруженный джезейлью. Ткнув изможденного пони острием сабли, Брайдон вновь сумел заставить его перейти в галоп. Афганец выстрелил из джезейли едва ли не в упор, пуля перебила клинок и ранила пони в пах навывлет. Однако пока афганец перезаряжал ружье, Брайдон умчался.

Добравшись уже до равнины, доктор вновь увидел группу всадников и, подумав, что это английский конный патруль из Джелалабада, свернул в их сторону. Слишком поздно он понял, что это были афганцы. Увидев, как порывисто он разворачивается и пытается уйти, они послали одного человека проверить, кто это. Тот, догадавшись, что перед ним англичанин, хотел зарубить его, но Брайдон сумел отразить удар своим сломанным клинком. Афганец, развернувшись на месте, бросился в новую атаку. «Тогда, пытаюсь

упредить его, я запустил ему в голову обломком моей сабли», — писал Брайдон. Афганец увернулся, и удар его кинжала пришелся по левой руке доктора, в которой тот держал поводья. Почувствовав, как рука мгновенно онемела, доктор перехватил повод другой рукой. «Должно быть, мой враг подумал, что я собираюсь достать пистолет, поскольку он тут же развернулся и во весь опор бросился прочь», — предположил Брайдон.

Однако пистолет, как с ужасом обнаружил Брайдон, выпал из кобуры, и теперь доктор остался совсем безоружным. Рана в паху пони сильно кровоточила, и надежды на то, что животное продержится долго, не оставалось. Брайдона начали одолевать и собственные раны, усугубленные голодом и нервным истощением, — и впервые за восемь кошмарных дней силы начали оставлять его. «Вся энергия, казалось, покидает меня», — писал он. Доктор испугался, что от полного измождения свалится с седла. Афганцы могли в любой момент напасть снова, и доктор знал, что теперь уже шансов у него нет. «Я стал нервным и пугался теней», — рассказывал он. Но до Джелалабада оказалось ближе, чем он предполагал, — и именно в этот момент его заметил дозорный со стены города...

Итак, из более чем шестнадцати тысяч покинувших Кабул душ, доктор Брайдон оказался первым, кто достиг безопасного убежища в Джелалабаде и в тот роковой день 13 января 1842 года принес весть о бедствии, постигшем армию Элфинстона. К счастью, как впоследствии выяснилось, он оказался не единственным уцелевшим. Помимо заложников, которых удерживал Акбар, также избежали смерти множество сипаев и прочих индийцев, которым удалось укрыться в горных пещерах и подземельях. В течение последующих месяцев они потихоньку разными путями смогли добраться до дома. Окончательно оправившийся от ран Брайдон был изображен на одной из самых знаменитых картин Викторианской эпохи «Остатки армии», которую написала леди Батлер. Доктор с сожалением заметил, что благородный пони, также запечатленный на полотне, пал от ран. «Бедное животное, едва попав в конюшню, упало и больше уже не поднялось», — записал доктор.

Ни Брайдон и никто в гарнизоне не знали тогда о судьбе, постигшей у Гайдамака воинов 44-го пехотного полка. Много ночей подряд разводили большой костер перед Кабульскими воротами

Джелалабада. За ним тщательно следили, постоянно подкладывая дрова и убирая золу, ведь он должен был указать путь тем, кто может попытаться пересечь открытую равнину и добраться до города под покровом темноты. Но никто не пришел...

По этому поводу Терентьев пишет: «Англичане принуждены были бежать из Афганистана зимой и в Хурд-Кабульском ущелье полегли все до единого под ударами мстительных афганцев! Так позорно кончилась английская экспедиция, стоившая до 300 миллионов рублей! Наши уступили стихийным силам природы, англичане же — презираемому неприятелю».

Английский престиж в Средней Азии сильно пошатнулся. Эмир Бухарский, все это время выжидавший, чем закончится конфликт в Афганистане, узнав об этих событиях, немедленно обезглавил Конолли и Стоддарта...

Доктор Яворский почти сорок лет спустя писал об этом событии следующее: «...причиной катастрофы 1841 года, в которой погибла 20-тысячная английская армия, было национальное чувство афган, любовь к свободе, протест туземцев против всепоглощающего захвата „красных мундиров“. Хурд-Кабульское ущелье имеет то же значение для афган, как Саламин для древних греков, то же, что для нас, русских, Москва 1812 года».

4

Страшные новости, принесенные доктором Брайдоном, получившим прозвище «посланец смерти», через две недели дошли и до лорда Окленда, как раз покидавшего пост генерал-губернатора в Калькутте. Удар этот, по словам его сестры Эмили, состарил лорда сразу на десять лет. Мир изменился до неузнаваемости. Еще несколько недель назад послание Уильяма Макнотона из Кабула уверяло, что все находится под надежным контролем, и вот теперь вся азиатская политика оказалась в руинах. Долгосрочная линия на создание в Афганистане дружественной власти с целью избавить Индию от угрозы русских вторжений привела к одному из тяжелейших поражений, когда-либо испытываемых английской армией.

Английской гордости и престижу был нанесен сокрушительный удар. «Орда примитивных дикарей, вооруженных самодельным оружием, перебила представителей величайшей армии мира». Теперь

позор, перенесенный Санкт-Петербургом из-за неудачного похода в Хиву, казался британцам ничтожным по сравнению с позором их бегства из Кабула. Лондон не знал о катастрофе еще целую неделю. Затем в «Таймсе» появилось сообщение, набранное самым крупным шрифтом и гласившее: «С прискорбием объявляем, что полученные нами экстренные сведения... чрезвычайно бедственны и печальны». А несколькими днями позже в передовице появились нападки на Санкт-Петербург, «чьи тайные агенты „изучают с величайшей тщательностью“ пути, ведущие в британскую часть Индии». И на основании этого в статье утверждалось, что именно из-за все возрастающего влияния Санкт-Петербурга на афганские племена англичане и вынуждены были вмешаться.

В статье отчетливо утверждалось также, что восстание было слишком хорошо организовано, чтобы его можно было счесть стихийным, и высказывалось подозрение относительно того, почему первым был убит именно сэр Александр Бернс, «самый ярый противник русских агентов». Вот он, стандартный аргумент, опирающийся на вопрос: «Кому выгодно?». Однако далеко не все были столь уверены в русском вмешательстве, зато все, включая герцога Веллингтона, обвиняли генерала Элфинстона в том, что он не подавил восстание в самом зародыше, и лорда Окленда в том, что он ввязался в столь безумную затею. Новое правительство тори, возглавляемое сэром Робертом Пилем, откровенно умывало руки, недвусмысленно возлагая ответственность за трагедию на вигов и их главу Мельбурна, в свое время одобрявшего план вторжения.

Но Британия не размышляла и не делала выводов, она требовала возмездия, и власти были вынуждены провести расследование и решить, как «наказать афганцев за предательство». Ставленник тори, их давняя опора в Индии и трижды президент контрольного совета лорд Элленборо как раз отправился заменить Окленда на посту генерал-губернатора. Он узнал о катастрофе, только прибыв в Мадрас 21 февраля, и, будучи полон стремления начать наконец проведение новой политики режима строгой экономии, к которой он призывал все последнее время, требуя вывести английские войска из Афганистана, теперь оказался в совершенно непредвиденной ситуации. Той же ночью на пути в Калькутту он написал Пиллю, что намерен

восстановить честь Британии, преподав афганцам урок, который те позабудут не скоро.

В столице Элленборо узнал, что его предшественник, стремясь ослабить натиск на гарнизоны Джелалабада и Кандагара и попытаться освободить английских заложников, удерживаемых Акбаром, уже послал войска в Пешавар. Новый генерал-губернатор принял руководство и начал активные действия. Тридцать первого марта войска под командованием генерал-майора Джорджа Поллока, захватили Хайберский перевал, потеряв при этом всего четырнадцать солдат. Фланговые отряды Поллока захватили высоты, и изумленные афганцы впервые оказались под обстрелом сверху. Через две недели под звуки шотландской песенки «Oh, but ye've bin lang a'coming» (Ох, как ты долго был в пути) в Джелалабад прибыл отряд поддержки. В те же дни подающий большие надежды британский командующий генерал сэр Уильям Нотт ликвидировал угрозу гарнизону со стороны афганцев под Кандагаром. И он, и Поллок с нетерпением ждали приказа ударить по Кабулу, чтобы отомстить за унижительное поражение Элфинстона, не говоря уже о смерти Бернса, Макнотона и прочих многочисленных жертв.

Но тут пыл столь агрессивно настроенного поначалу лорда Элленборо вдруг почему-то пошел на убыль. Ссылаясь на истощение и так уже едва ли не исчерпанной индийской казны, на решительный отказ Лондона участвовать в расходах на карательную экспедицию и на возможность новой катастрофы, генерал-губернатор стал утверждать, что Поллоком и Ноттом афганцам уже преподан достаточный урок. «На этот раз мы победили, и наша военная репутация восстановлена», — писал он Пиллю. Лорд приказал обоим генералам с отрядами вернуться в Индию, оставив заложников в руках Акбара. В конце концов, англичане все еще удерживали Дост-Мухаммеда, а шах Шуджа то ли на самом деле, то ли в представлении Элленборо из-за прочных стен Бала Хиссара продолжал, пусть даже только номинально, управлять Афганистаном. Элленборо доказывал, что вывод из Афганистана британских войск даст возможность вести переговоры по освобождению заложников в более спокойной атмосфере.

Лорд еще не знал, что несчастного Шуджи уже нет в живых: пока войска Поллока отвоевывали Хайберский перевал и путь к

Джелалабаду, шаха выманили из Бала Хиссара якобы для переговоров. Пятого апреля 1842 года шах Шуджа-уль-Мульк покинул Бала Хиссар под конвоем и двинулся в лагерь под Кабулом, где располагались остатки его войска. Когда шах приблизился к лагерю, из засады раздался ружейный залп, и шах был убит. Триумф Акбара, однако, оказался недолгим — вожди племен, все больше опасаясь перспектив правления его самого или Дост-Мухаммеда, развернули жестокую борьбу за власть. Практически в это же время вспыхнул конфликт и между влиятельными группировками в стане англичан. Приказ Элленборо Поллоку и Нотту покинуть Афганистан, не дав, по их мнению, достаточного урока убийцам, был с тревогой и недоверием встречен как офицерами, так и солдатами, требовавшими крови за кровь. Сразу же возникло противостояние между двумя генералами и новым генерал-губернатором, и весь высший офицерский состав Индии и Англии принял сторону первых.

Для отсрочки вывода обоих гарнизонов быстро нашелся целый ряд оправданий: погода, нехватка снаряжения, отсутствие денег и так далее, в то время как давление на Элленборо с целью добиться изменения его позиции с каждым днем становилось все сильнее. Лондонские ястребы нашли ценного союзника в лице герцога Веллингтона, все еще являвшегося членом кабинета, который обратился к Элленборо со следующими словами: «Не думаю, что вопрос о важности восстановления нашей репутации на Востоке является для вас неожиданным». Даже премьер-министр сэр Роберт Пиль, поначалу всячески подталкивавший генерал-губернатора к чрезмерной осторожности, под давлением общественного мнения дрогнул и послал ему письмо, предлагая принять более решительные меры.

Элленборо оказался перед дилеммой: либо признать свою прежнюю неправоту, либо быть обвиненным в отказе от попытки освобождения заложников и спасения чести и репутации британской армии. И в этой обстановке нарастающей изоляции Элленборо наконец нашел выход: он не стал отменять приказ об эвакуации, но разрешил Поллоку и Нотту осуществлять вывод войск, если они сочтут это целесообразным в военном отношении, по пути от Кабула. «Ничуть не изменив своей точки зрения, лорд Элленборо изменил возможность ее понимания», — отметил Кэй. Элленборо критиковали за то, что таким

образом он переложил всю ответственность на плечи Поллока и Нотта, однако ни один из генералов на это не пожаловался. Они получили то, что хотели, и началось состязание за первенство, хотя солдатам Нотта из Кандагара до Кабула предстояло пройти для этого более четырехсот километров, а войскам Поллока менее двухсот.

Пробиваясь тем же путем, каким семь месяцев назад пробивались из Кабула злосчастные колонны Элфинстона, люди Поллока постоянно встречали многочисленные свидетельства страданий и бед. Повсюду валялись скелеты. «Сваливая тела в кучи по пятьдесят и по сто, афганцы проезжали по ним колесами наших орудий, круша черепа наших товарищей, и так едва не на каждом ярде», — записал один офицер. Некоторые даже сумели опознать останки и вещи прежних друзей. Несмотря на распоряжение Элленборо проявлять сдержанность по отношению к местному населению, нараставшая ярость солдат приводила к многочисленным случаям жестокости. Рассказывают, что в одном селении вырезали всех мужчин, достигших половой зрелости, женщин изнасиловали, некоторых убили. «Вопли и мольбы были бессильны, лишь жестокие проклятия слышались в ответ. Поднимались ружья, щелкали курки, и счастлив был тот, кто падал замертво сразу», — рассказывал один молодой офицер. Он же, потрясенный увиденным, написал, что английские солдаты мало чем отличались от «наемных убийц». Капеллан, присутствовавший при взятии одного кишлака, откуда уже после капитуляции открыли по англичанам огонь, говорил, что немногим священнослужителям довелось видеть подобное. Правда, при этом он добавил, что «в таких обстоятельствах» подобные ужасы практически невозможно предотвратить — как ни прискорбно, они сопутствуют всем войнам.

Как бы то ни было, состязание за право войти в афганскую столицу первыми выиграла армия Поллока. Они добивались до Кабула в пять раз дальше, чем тем же самым путем доктор Брайдон, и, подойдя к городу 15 сентября, тут же обнаружили, что врагов, включая самого Акбара, в городе нет. Той ночью англичане разбили лагерь на ипподроме, построенном еще при Элфинстоне три года назад, и на следующее утро без единого выстрела вступили в Бала Хиссар. Через несколько минут над Кабулом вновь взмыл Юнион Джек, но еще очень многое, включая почерневшие руины дома Бернса, напоминало здесь о событиях, за которые они прибыли мстить. «Нам предстало печальное

зрелище. Узкая улица, на которой стоял дом, была испещрена многочисленными оспинами ружейных пуль, несомненно свидетельствующих о ярости бушевавшей здесь схватки», — рассказывал один офицер из отряда Нотта. Этот офицер и его спутники вернулись в лагерь «совсем не расположенными к каким-либо разговорам... и переполненными чувствами горя и досады, вполне естественными после таких сцен».

Со смертью шаха Шуджи-уль-Мулька Кабул остался без правителя, и Поллок, будучи старшим по званию из двух командующих, да еще и наделенный лордом Элленборо политическими полномочиями, немедленно посадил на трон сына Шуджи, Фатту, таким образом сделав его очередной британской марионеткой. Теперь надо было попытаться освободить английских заложников, которых удерживал Акбар. Для этой важнейшей и опасной задачи был избран капитан сэр Ричмонд Шекспир, уже продемонстрировавший свои способности в Хиве двумя годами ранее. Охрану капитана обеспечивал мощный отряд кызылбаши — нерегулярной конницы, представленной заклятыми врагами Акбара. Однако многие все равно опасались, что Шекспир может стать еще одним заложником принца. Путь его лежал в провинцию Бамиан, где, по самым последним данным, находились вражеские отряды численностью до двенадцати тысяч человек. Шекспира это не пугало и, отправив вперед посыльных, которым он поручил попытаться сообщить заложникам о грядущей помощи, капитан выступил в двухсоткилометровый поход, сопровождаемый отрядом из шестисот вооруженных всадников.

К тому времени число британских пленников пополнилось теми, кого афганские племена захватили в пути, и составляло двадцать два офицера, включая Элдреда Поттинджера, тридцать семь нижних чинов, двенадцать офицерских жен и двадцать два ребенка. Несколько месяцев их держали в Кабуле в относительном комфорте и неплохо с ними обращались, но во время движения отрядов Поллока и Нотта к столице всех их вывезли в отдаленную глинобитную крепость, расположенную возле Бамиана. В августе же им сообщили, что вскоре их всех отправят в Бухару, куда не сможет добраться никакая спасательная экспедиция, а если англичане займут Кабул и Акбару придется бежать, то их просто продадут в рабство. Понимая, что времени на раздумья у них нет, несколько офицеров во главе с

Поттинджером попытались при помощи изворотливого Мохан Лала подкупить командира афганской охраны. Тот колебался, но скоро в Бамиан стали поступать сведения о том, что англичане быстро продвигаются к Кабулу и что Акбар готовится бежать. Тогда, проигнорировав указание последнего отправить заложников в Туркестан, охранник согласился освободить их за двадцать тысяч рупий наличными и ежемесячный пенсион в тысячу рупий.

Заручившись его поддержкой, англичане фактически стали хозяевами своей тюрьмы и подготовили ее к обороне, чтобы иметь возможность продержаться в ней до подхода спасательной экспедиции. От имени Соединенного Королевства они сместили афганского губернатора, подняли Юнион Джек, обложили налогами торговые караваны и установили дружественные отношения с вождями местных племен. В то же время они планомерно готовились к осаде. Поскольку многие офицеры и солдаты после ран и болезней были слишком слабы, чтобы держать в руках оружие, англичане пообещали двумстам своим прежним охранникам четырехкратное вознаграждение, если те останутся с ними до освобождения. Именно в этот момент и пришло известие, что Кабул пал, а к ним направляется капитан Шекспир с кызылбаши. Поскольку Акбар бежал, заложники немедленно покинули форт и вышли к ним навстречу.

Встреча эта оказалась чрезвычайно волнующей, многие плакали. Восемь месяцев не имевшие никаких вестей извне, бывшие пленники забросали Шекспира вопросами, а он в свою очередь узнал, что больной и сломленный происшедшим генерал Элфинстон умер еще в апреле, избавившись от позорной участи оказаться перед судом общественности или даже, возможно, как один из виновников катастрофы перед трибуналом. Еще Шекспир узнал, что у заложниц родилось четверо детей, а жена одного сержанта даже сбежала со своим похитителем.

Теперь, когда заложники были освобождены, британцам осталось только свести с афганцами последние счета. Поллок намеревался взорвать Бала Хиссар, главный символ Афганистана, но преданные Британии афганцы умолили его не делать этого, поскольку в этом случае они оставались беззащитными. Тогда вместо этого Поллок решил снести большой крытый рынок Кабула, широко известный по всей Азии, поскольку именно его украшал девять месяцев назад

расчлененный труп Макнотона. Саперы Поллока успешно справились с задачей, но уничтожение столь массивного сооружения продолжалось целых два дня.

Генерал отдал строгий приказ не причинять ущерба никому и не покушаться на имущество жителей старого города. Однако многие «кричали, что Кабул отдан на разграбление», — писал майор Генри Роулинсон, политический советник Нотта, и потому, во избежание грабежей, под охрану взяли основные ворота и районы, примыкавшие к рынку. Но и это не помогло. Солдаты и даже прислуга лагеря ринулись в город, грабя магазины и поджигая здания. Разрушали дома, магазины, лавки, били и правых, и виноватых, пострадали даже дружественные кызылбаши, и целые районы Кабула буквально сровняли с землей. Среди потерявших все оказалось и пятьсот индийских семей, которым теперь пришлось просить разрешения вернуться домой в обозе английских войск. Триумф начинал превращаться в позор, и стало ясно, что британцам пора уходить.

Вот как писал об этом Л. И. Яворский: «Вторая катастрофа 1842 года была делом дикой мести, делом, имевшим громкое название „восстановления“ будто бы народной чести. В этом „восстановлении“ англичане сравнивались с дикарями, которые руководятся в своих действиях единственно необузданными инстинктами. И над кем они производили экзекуцию! Над войсками, которые разбили их в Хурд-Кабульском ущелье? Нет, над безоружным и беззащитным народом! Над опустевшими зданиями и базарами! Город был разрушен, а победители, гордые успешным выполнением восстановления военной чести Англии, поспешили убраться обратно за Инд! Дело, достойное Чингиз-хана, приносит свои плоды. Англичанин, так кичащийся своей цивилизацией, здесь в Афганистане глубоко презирается, даже само слово „инглиз“ составляет здесь бранное слово».

11 октября реявший над Бала Хиссаром Юнион Джек был спущен, и на следующее утро авангард находился уже в пути, далеко от Кабула. Англичане еще раз прошли по дороге скелетов, по *via dolorosa* предыдущей зимы, ведущей к Хайберскому перевалу, и направились домой. Британия, чья честь номинально была восстановлена, решила, что афганскую политику временно — и, возможно, надолго — нужно предоставить самим афганцам. Таким образом закончилась Первая англо-афганская война, как теперь историки называют эти события.

Однако, несмотря на пышное празднование победы, устроенное лордом Элленборо, все понимали, что Британия получила жесточайший урок. И никакое множество розданных медалей, воздвигнутых триумфальных арок, полковых фейерверков и других торжественных представлений не могло скрыть всей горечи и сарказма случившегося. Едва англичане покинули Афганистан, как там снова началось кровопролитие, через три месяца Фатту свергли, и британцы безропотно позволили Дост-Мухаммеду вернуться на трон, отнятый у него такой ужасной ценой. Дост-Мухаммед прибыл в Лахор 20 января 1843 года, где ему устроили триумфальную встречу, а затем через Пешавар — Джелалабад — Гандамак — Джагдалак он приехал в Кабул, где тоже был встречен с триумфом и правил Афганистаном еще двадцать лет. Теперь уже никто не сомневался, что восстановить порядок в Афганистане сможет только Дост-Мухаммед. Круг замкнулся.

Константинопольский кризис

*Мы слышим клеветы, мы знаем
оскорбленья
Тысячеглавой лжи газет,
Измены, зависти и страха порожденья.
Друзей у нашей Руси нет!*

Неизвестный автор

Согласно энциклопедическим изданиям, поводом для начала Первой англо-афганской войны стала командировка в 1837 году поручика Виткевича к шаху Кабула Дост-Мухаммеду, который к тому моменту уже в течение десятка лет воевал со своим родственником Шуджой-уль-Мульком, сидевшим в Индии и поддерживавшимся Британией. Лондон расценил миссию Виткевича как намерение Петербурга укрепиться в Афганистане с перспективой проникновения в Индию и предпринял ответные шаги.

Точно так же начало Второй англо-афганской войны связывается с миссией в Кабул генерала Столетова. Таким образом, получается, что обе англо-афганские войны XIX века были спровоцированы русскими.

Так ли это было на самом деле? С Виткевичем и краткой историей Первой англо-афганской войны мы уже познакомились. Теперь стоит разобраться и со второй вкупе с миссией генерала Столетова, чтобы понять — каким именно образом русский генерал умудрился спровоцировать англичан на вторую афганскую войну после всех ужасов первой.

Николай Григорьевич Столетов, старший брат известного физика, закончив, помимо Академии Генерального штаба, еще и Московский университет, внес значительный вклад в географическое изучение восточного побережья Каспия и Амударьинской территориальной области. Еще летом 1865 года Столетов был переведен Милютиным с Кавказа в Ташкент, где, занимаясь военно-административной работой, хорошо изучил положение дел в Прикаспийском крае и Средней Азии.

Он трижды с дипломатической миссией посетил Персию и Афганистан, одновременно собирая о них разносторонние сведения.

Затем, 12 апреля 1877 года, в день начала русско-турецкой войны, Столетов был назначен командиром болгарского народного ополчения и вскоре оказался в числе руководителей обороны Шипки. Одна из горных вершин Болгарии с тех пор носит его имя. Затем он вновь был откомандирован в Среднюю Азию, где ему пришлось выступить в неожиданной роли российского посланника в Кабуле. Каким же образом этот замечательный человек, георгиевский кавалер, национальный герой Болгарии, смог стать причиной войны, принесшей столько бед афганскому народу и чрезвычайно невыгодной для России?..

Миссия Столетова была послана в Кабул в связи с Константинопольским кризисом. Но, прежде чем этот кризис разразился, в интересующем нас регионе происходили следующие события, растянувшиеся на десятилетие и ставшие трамплином не только для Второй англо-афганской войны, но и для второго раунда противостояния России и Англии в Азии, имеющего более реалистическое название — Схватка на Крыше мира.

1

Русское правительство и русских военных давно уже беспокоила активность британских офицеров, исследователей и путешественников в регионе, который, по их мнению, относился к сфере влияния России. Особенно встревожила наместника Ташкента, генерала Кауфмана, отправленная вице-королем Индии лордом Мейо британская «торговая» миссия, возглавляемая старшим политическим советником сэром Дугласом Форсайтом к Якуб-беку, владыке Кашгара.

Мусульманский владыка к тому времени уже проявил чрезвычайную враждебность к России. Он усилил военные посты на общей границе и запретил въезд русских купцов. Русские военные решили, что Британия наконец отказалась от политики «искусного бездействия» и собирается, взяв Кашгар под свою защиту, монополизировать там торговлю. На самом деле с Кашгаром у англичан тоже возникло немало проблем, неведомых русским. В Яркенде британская миссия сразу же обнаружила, что Якуб-бек находится на востоке своих владений, более чем за тысячу километров,

и неизвестно, когда вернется. Англичане заподозрили, что сделано это из осторожности, дабы приемом британской миссии не навлечь на себя гнева русских. Как бы то ни было, миссии пришлось вернуться в Индию ни с чем.

Такое неуважительное поведение по отношению к посланцам Британии какого-то мелкого азиатского царька высокомерным англичанам показалось неслыханной наглостью. Этот неожиданный «от ворот поворот», независимо от того, явился он преднамеренным или нет, они опять восприняли как серьезный удар по престижу Британии в Азии — и именно в этот момент Санкт-Петербург сделал первый из решающих шагов, значительно усиливших политическое и стратегическое положение России.

Девятнадцатого октября 1870 года министр иностранных дел России князь Горчаков направил в российские посольства для вручения правительствам государств, подписавших Парижский трактат 1856 года, циркуляр о решении России не соблюдать часть статей этого договора. Момент для заявления был выбран исключительно удачно. Главный «гарант» Парижского трактата — Франция — в начале сентября потерпела от Пруссии сокрушительное поражение под Седаном, и Пруссия обещала России поддержку. Австро-Венгрия не рискнула выступить против России из опасения подвергнуться новому нападению Пруссии. Еще совсем недавно, в 1866 году, последняя, разбив австрийскую коалицию, вынудила Австрию согласиться на полное преобразование германского союза и выйти из него совсем, отдать Италии Венецианскую область, уступить Пруссии свои права на Шлезвиг-Голштейн, уплатить двадцать миллионов талеров контрибуции и признать те территориальные изменения в северогерманских областях (за исключением Саксонии), которые признает нужным прусское правительство. Италия, вследствие договора 1865 года, была заодно с Пруссией. Таким образом, оставалась одна Англия, но она всегда избегала единоличных военных действий.

Парижский трактат ставил Россию в несправедливое и опасное положение, так как Турция, Англия и Франция сохраняли право содержать свои военные эскадры в Средиземном море. Появление в военное время с согласия Турции иностранных судов в Черном море «могло явиться посягательством против присвоенного этим водам

полного нейтралитета» и делало Причерноморское побережье России открытым для нападения. В своем циркуляре Россия заявляла, что Парижский трактат неоднократно нарушался державами, подписавшими его. Поэтому, отмечалось в циркуляре, Россия «не может долее считать себя связанной» положениями трактата, которые ограничивают ее суверенные права и безопасность на Черном море. В то же время царское правительство заявляло о намерении соблюдать все остальные пункты Парижского договора.

Циркуляр Горчакова произвел в Европе впечатление «разорвавшейся бомбы». Особенно враждебно встретили его правительства Англии и Австро-Венгрии, ибо последняя тоже была всегда не прочь присоединиться к интригам против России. Однако обеим странам пришлось ограничиться лишь словесными протестами. Английский кабинет, резко возражая против одностороннего пересмотра трактата, выступил с предложением созвать по этому вопросу конференцию держав, участвовавших в его подписании. В свою очередь, венское правительство заявило, что Парижский трактат может быть отменен только с согласия всех подписавших его держав. Против одностороннего решения возразило и итальянское правительство. Франция была занята собственными делами. Что касается Пруссии, то Бисмарк, конечно, был «раздражен» таким выступлением России, но ему оставалось лишь выполнить свое обещание. Он заявил, что поддерживает требование России об отмене «самых неудачных» статей трактата. Неожиданная поддержка была оказана и Соединенными Штатами, которые заявили, что никогда не признавали постановлений Парижского трактата об ограничении прав России на Черном море.

Вот что мы находим по этому поводу у Хопкирка: «Новость вызвала в Лондоне переполох, поскольку цель запретов состояла в том, чтобы держать русский флот подальше от турецких проливов и Средиземноморья, гарантируя Британии безопасность жизненно важных путей сообщения с Индией. Однако, не заручившись поддержкой других европейских держав, англичане ничем не могли помешать России, разве что объявить ей войну, чего британское правительство отнюдь не желало».

В результате этих событий 13 марта в Лондоне после длительных переговоров состоялось подписание соответствующей конвенции. Все

государства, участвовавшие в подписании Парижского договора, отказались от дискриминационных ограничений в отношении свободы судоходства в Черном море и проливах. Было также подтверждено суверенное право России на строительство и содержание здесь военного флота. Это был крупный дипломатический успех России. Ф. И. Тютчев восторженно поздравлял Горчакова:

Да, Вы сдержали Ваше слово —
Не двинув пушки, ни рубля.
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

Следующий шаг России не заставил себя ждать, и весть о нем пришла в Англию летом 1871 года. В результате восстания от власти Китая освободилась и стала независимой мусульманская территория долины Или, с городом Кульджа, называемым также Хой-Юан-Джен, контролировавшая стратегически важные проходы на юг Сибири. Русское командование признало, что в интересах России было бы более всего желательным восстановление законной власти Китая в этой провинции. Если в начале восстания русское невмешательство имело хотя бы какое-то оправдание — существующий между Россией и Китаем договор запрещал переступить китайскую границу даже одиночным казакам и солдатам, — то теперь, когда бессилие китайского правительства перед мятежом стало очевидным, русским властям следовало вмешаться хотя бы даже из соображений собственной безопасности.

Этого требовала также необходимость обеспечения русской торговли и спокойствия пограничного населения. Переговоры, которые в начале 1870 года начал вести Петербург с китайскими посланниками Бюрлинганом, Чжи и Суном, не дали ничего определенного. Послы на предложение русского вмешательства в дело усмирения таранчей и дунган никаких возражений не выставили и смотрели на это как будто безразлично. Министерство иностранных дел России решило, что, на самом деле желая этого, китайцы не говорят об этом открыто, боясь тем самым уронить достоинство великой империи. В результате принятие окончательного решения оставалось за Россией.

Между тем нападения на людей и грабежи в пограничных районах не прекращались. В августе шайка кульджинских киргизов напала с оружием в руках на проезжавшего по почтовому тракту старшего помощника Копальского уездного начальника, майора Здоренко, нанесла ему пятнадцать опасных ран и забрала значительную сумму денег; та же шайка, в тот же день, разграбила почтовую станцию и угнала с нее пятнадцать лошадей. Никакие требования местных русских властей к султану, возглавившему отделившуюся провинцию, ни к чему не приводили. И тогда Кауфман принял решение оккупировать этот район.

И вот в мае 1871 года русские войска под командованием генерала Колпаковского вошли в долину Или и разбили пытавшиеся остановить их более чем вдвое превосходящие силы туземцев. Двадцать девятого июня султан капитулировал, и 4 июля русские войска вступили в столицу долины Или — Кульджу. В Санкт-Петербург полетела шифрованная депеша: «Так как китайское правительство не в состоянии выслать своих войск для принятия от нас занятых провинций, а выслать одних сановников, без поддержки их вооруженною рукою, весьма основательно опасается, то, во исполнение высочайшего повеления, дальнейшие действия наши решено направить не для восстановления маньчжурской власти, а лишь для утверждения спокойствия и порядка на наших границах».

Долина Или после изгнания китайцев из Туркестана оказалась настолько оторванной от китайских застав, что Пекин ничего не знал о русском вторжении в нее до тех пор, пока не получил официального уведомления об этом из Санкт-Петербурга. Китайскому императору сообщили, что царские войска очистили долину Или от мятежников и будут удерживать ее до тех пор, пока он или кто-либо другой не сможет защитить этот район от незаконных посягательств, в том числе и Якуб-бека. Китайцев это не убедило, и они потребовали немедленно восстановить там свою власть. Санкт-Петербург ответил, что непременно сделает это, как только китайский император пришлет в провинцию достаточное количество войск, способных обеспечить в провинции порядок. Китай на тот момент был не в состоянии выполнить этого условия, и провинция Или фактически осталась в руках России.

Британцы и, вероятно, китайцы тоже, конечно же, не поверили в то, что Россия искренне обещает вернуть эти плодородные земли законному владельцу — Китаю. Английские специалисты считали провинцию Или очень важной в стратегическом отношении, приравнивая ее по значению к Хайберскому перевалу для Афганистана. Но долина Или имела не только стратегическое значение: геологи прекрасно знали о богатых залежах в этих местах полезных ископаемых. Одновременно долина служила и главной житницей этого пустынного района — такой факт едва ли мог ускользнуть от внимания военных. Кроме того, Россия теперь оказалась фактически в непосредственном пограничном контакте с владениями Якуб-бека, что, естественно, облегчало русским ведение переговоров с главой Кашгарии.

Весной 1872 года к кашгарскому двору прибыл высокопоставленный чиновник. Он намеревался в обмен на открытие русским купцам кашгарских рынков на особо благоприятных условиях — при одновременном ограничении доступа туда англичан — предложить Беку полное признание его власти. На сей раз переговоры прошли успешно, или, по крайней мере, так казалось. И Россия, воодушевленная своими успехами, в начале следующего года заключила с Англией соглашение об урегулировании давних разногласий по линии северной границы Афганистана, которое касалось суверенитета обширных отдаленных областей Бадахшан и Вахан в верховьях Амударьи, где русские заставы ближе всего подходили к британской части Индии. Лондон постоянно утверждал, что эти области являются неотъемлемой частью Восточного Афганистана, а Санкт-Петербург оспаривал это, указывая на приоритет эмира Бухарского и хана Кокандского.

Пытаясь поставить какой-то предел продвижению русских в Азии, уже в 1869 году Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Азии и создании буферной зоны между владениями Российской империи и Великобритании в этом районе. Предполагалось сделать буферной зоной территорию Афганистана. Эта точка зрения не получила поддержки российской стороны, так как Афганистан претендовал на все территории южнее Амударьи, в то время как Бухара, в свою очередь, считала некоторые из этих районов своими. Поэтому Россия, в сферу влияния которой

входила Бухара, не могла поддержать притязания Афганистана. Имевшиеся тогда у Министерства иностранных дел Великобритании материалы подтверждали российскую позицию, о чем свидетельствуют карты, сохранившиеся в Архиве государственных документов Великобритании. На этих картах территория Бухары показана распространяющейся на весь Памир. По всей видимости, англичане уже просто считали их русскими, не разделяя на Бухарские и Кокандские земли и тем самым предвидя переход последнего в руки русских.

Русских же представителей беспокоила возможность продвижения Афганистана на соседние владения Балха, Кундуза и Бадахшана, в связи с чем от Великобритании требовались гарантии сохранения границ Афганистана в том виде, в каком они существовали на момент проведения переговоров, т. е. в 1869 году. На этом этапе стороны так и не смогли прийти к соглашению. В конце 1869 года в Москву прибыл Дуглас Форсайт, и в качестве рубежа, разделяющего сферы влияния двух империй, Англия вновь предложила России определить северную границу Афганистана. Россия дала принципиальное согласие, и переговоры возобновились. Заметим, что во время переговоров министра иностранных дел Горчакова с Форсайтом последний пытался доказать необходимость официального признания правительством России созданного Якуб-беком государства Йеттишар (Семиградия) и его главы. Но на это Форсайт получил решительный отказ.

И вдруг в январе 1873 года неожиданно для британской стороны Санкт-Петербург отступил, признав, что Вахан и Бадахшан могут быть включены в пределы Афганистана. Более того, русская сторона заявила, что сам Афганистан относится не к российской, а к британской сфере влияния, и договор сразу же был подписан. В 1888 году лорд Керзон писал по поводу этого русско-английского соглашения следующее: «По соглашению Горчакова — Гранвилла 1872–1873 гг., единственному дипломатическому акту между Англией и Россией, касающемуся границы в верхнем течении Окса, было решено, что все территории, подчиненные Дост-Мухаммеду в момент его смерти в 1863 г., а также те из них, которые фактически принадлежали Шер-Али в 1872 г., следует рассматривать как афганскую собственность. По условиям этой договоренности ханаты Бадахшана и Вахана, после небольшой дипломатической борьбы, были

уступлены Шер-Али, причем их северная граница предполагалась проходящей по тому, что тогда считалось северным ответвлением Окса, а именно по реке Пяндж, берущей начало из горного озера, открытого Вудом и известного под названиями озеро Вуда, озера Виктория и озера Сир-и-куль».

Соглашаясь на это разграничение, в России надеялись, что Британия теперь будет препятствовать военным авантюрам афганских правителей за пределами северных границ и подстрекательству единоверцев к военным действиям против русских. Англичане же радовались, считая, что им удалось достичь важной дипломатической победы. Впрочем, граница тогда была всего лишь произвольно проведенной линией на еще более неопределенной карте, а уж относительно неизведанной памирской области Восточного Афганистана никто и вообще ничего не знал, из-за чего обе державы вступят в спор еще не единожды.

Теперь же, успокоив Англию этой неожиданной уступкой, в России на чрезвычайной сессии Государственного совета под председательством самого Александра II было наконец принято решение о третьей военной экспедиции в Хиву. Тайные приготовления к ней шли уже многие месяцы, и вот, после достигнутого соглашения по афганской границе, сложилась наиболее благоприятная ситуация для этого предприятия. Александр II и его советники полагали, что удовлетворение желаний Британии в Афганистане помешает Лондону возражать против захвата Хивы. Однако до Британии дошли определенные слухи о русских приготовлениях, и от Санкт-Петербурга немедленно потребовали гарантий, что в Средней Азии не планируется никаких новых завоеваний. Такие гарантии российское Министерство иностранных дел незамедлительно дало, несмотря на уже готовую к броску на Хиву пятнадцатитысячную армию Кауфмана.

В том, что Министерство иностранных дел России спокойно утверждало отсутствие подобных планов, нет ничего удивительного и неправдоподобного. В это время министром иностранных дел в России был А. М. Горчаков, который, искренне давая такие гарантии, в действительности не обманывал англичан. Дело в том, что в России так же, как и в Англии, были сторонники «наступательной политики» и сторонники политики «мирного сосуществования», что в свою очередь хотя и не совсем адекватно, но соответствовало политике

«искусного бездействия», являясь антитезой активной деятельности. «Ястребами» в России являлись военный министр Д. А. Милютин и посол в Константинополе Н. П. Игнатьев. А министр финансов М. Х. Рейтерн и министр иностранных дел А. М. Горчаков относились как раз к «голубям».

С самого начала своей деятельности российский министр иностранных дел предложил другим государствам «прийти к согласию и предпринять совместные дипломатические действия в целях примирения, успокоения и гуманности». В своей записке императору Горчаков отметил: «Мы даже взяли на себя инициативу провозглашения принципа невмешательства и предложили всем державам принять его».

Однако с начала семидесятых годов, когда речь шла о приведении в действие военных сил России, Горчаков все более оказывался в изоляции. Даже его крупный дипломатический успех по отмене дискриминационных статей Парижского трактата, явившийся ярким проявлением его истинного кредо как политика, резко отрицательно сказался на отношении к нему военного ведомства, руководимого деятельным генералом Милютиным. Поэтому решение о начале военных операций в Средней Азии принималось вопреки упорному сопротивлению Горчакова и буквально через его голову. Наиболее сильным аргументом считался пример колониальных захватов Франции в Африке и той же Англии — в Индии и Китае. Россия не хотела отставать от великих держав, стремившихся поскорее завершить территориальный раздел мира. Военный министр Милютин, по словам П. А. Зайончковского, «по-прежнему продолжал оставаться сторонником активной политики и преодолевал сопротивление князя Горчакова. Часто те или иные вопросы, касавшиеся Средней Азии, ставились Милютиным перед Александром II в обход князя Горчакова. Так, например, вопрос о занятии всего Кокандского ханства был решен царем в 1873 году по настоянию Милютина и Кауфмана, об этом было предложено Милютину лишь довести до сведения канцлера».

Таким образом, если в Лондоне «ястребы» с «голубями» вели дела попеременно, то в Санкт-Петербурге они постоянно соперничали друг с другом, впрочем, оставляя окончательное решение за самодержцем. И Александр II, хотя и весьма уважал князя Горчакова, удовлетворил

ходатайство своего военного ведомства — Россия предприняла третий поход на Хиву.

Помня предыдущие неудачи 1717 и 1839 годов, наши военные старались на этот раз избежать любого риска. Поэтому еще заблаговременно в 1869 году, предвидя неизбежное столкновение с Хивой, туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман решил предпринять возведение у Красноводского залива крепости. Этот свой взгляд на стратегическое и торговое значение таковой крепости Кауфман подробно развил в письме от 22 июня 1869 года на имя военного министра графа Д. А. Милютина. Письмо это было отправлено в Петербург с полковником Столетовым. Получив «добро» в Петербурге, полковник Столетов в том же году высадился с небольшим отрядом на восточном берегу Каспийского моря, у Красноводского залива, в местности Кадд-и-Шах (Царская Стопа), и основал там укрепление Красноводск.

Однако для верности решено было не действовать силами одного лишь красноводского гарнизона. Тем более что проведенная осенью 1872 года полковником Маркозовым военная рекогносцировка Хивы из Красноводска фактически потерпела неудачу. Император Александр III, приняв в декабре 1872 года окончательное решение о походе, повелел двинуть на Хиву войска трех сопредельных округов: Туркестанского, Оренбургского и Кавказского, с таким расчетом, чтобы они могли подойти к Хивинскому оазису, по возможности, одновременно. Это наступление отрядов со стороны Красноводска, Мангышлака, Оренбурга и Туркестана должно было происходить под общим командованием генерал-адъютанта фон Кауфмана.

И вот весной 1873 года отряды общей численностью около пятнадцати тысяч человек выступили в поход. Главнокомандующий фон Кауфман возглавлял Туркестанский отряд, который выступал двумя эшелонами: из Туркестана и из Казалинска. Командование Оренбургским отрядом было возложено генерал-губернатором Крыжановским на генерал-лейтенанта Веревкина. Мангышлакский отряд возглавлял полковник Ломакин, а Красноводский отряд вновь возглавил полковник Маркозов. Однако хан Хивы, зная те огромные расстояния, которые придется преодолеть наступающим, и те трудности, с которыми им придется столкнуться, поначалу чувствовал себя в безопасности. Тем не менее все отряды на этот раз неуклонно

приближались к Хиве, и хан в конце концов заволновался. Пытаясь умиловить противника, он освободил всех русских рабов и пленников, удерживаемых в Хиве, — двадцать одного человека, — но этим шагом уже ничего не добился.

В конце концов до границ ханства не дошла только часть Красноводского отряда, двинувшаяся к Хиве напрямиком, та же часть, что отправилась через Мангышлак, вскоре присоединилась к Оренбургскому отряду и оказалась даже в авангарде движения. Казалинский отряд в свою очередь присоединился к Туркестанскому, и к концу мая, успешно преодолев все трудности похода, русские войска подошли к Хиве с двух направлений. Причем весьма замечателен тот факт, что Оренбургский отряд, которому надлежало преодолеть наибольшее расстояние (около полутора тысяч километров) достиг цели на два перехода ранее Туркестанского. Хотя поначалу глубокие снега, достигавшие порой двадцати градусов морозы, бураны и разбитая обозами дорога, представлявшая цепь ухабов, казалось, вновь объединились, чтобы выручить Хиву из беды. Однако на этот раз Оренбургский отряд прибыл к концу марта на Эмбенский пост только с сорока пятью больными. Сами войска, правда, сознавали, что успешным движением обязаны усердию и заботливости киргизов, которые выставляли на всяком ночлеге даже больше кибиток, чем было назначено, сена накладывали на пол достаточно, а сверху застилали кошмами. И к тому же отказались от платы.

Мало того, в особенно холодные или бурные ночи киргизы размещали эшелон по аулам или в собственных землянках. Волостные и аульные старшины постоянно шли с отрядами и транспортом и, когда сани с тяжестями останавливались в сугробах, от изнурения лошадей и верблюдов, припрягали к ним своих, также не соглашаясь брать за это никакого вознаграждения. Такое поведение людей, еще недавно бунтовавших, свидетельствует о радикальной перемене их отношения к России и должно быть поставлено в заслугу деятелям народного управления.

Едва придя в себя от морозов, войска вскоре стали изнывать от жары и недостатка воды. Тем не менее без особого сопротивления со стороны хивинцев они достигли территории ханства, где сразу попали из безводных пустынь в благодатный хивинский оазис. Местные жители также не проявили никакой враждебности к появившимся

русским войскам. Напротив, заверенные Кауфманом в том, что русские идут лишь для того, чтобы наказать хана, и не причинят никакого вреда мирным жителям, они стали снабжать наших солдат продовольствием, правда, запрашивая втридорога. Воинский дух проявили одни туркмены, конница которых численностью до шести тысяч сабель постоянно сопровождала опередившую всех оренбургскую колонну, не позволяя нашим солдатам терять бдительность.

Туркмены большей частью с дикими воплями, разносившимися далеко по окрестностям, джигитовали чуть далее досягаемости выстрелов наших винтовок, усердно поднимая пыль копытами своих коней. Все их попытки нападения обычно быстро пресекались несколькими гранатами, посланными им навстречу из орудий. Генерал Веревкин то и дело отправлял нашу кавалерию отгонять хивинцев, и те также ускользали от боя. Как ни были воинственны и отважны хивинские туркмены, они со своими саблями и фитильными ружьями, которые наши в шутку прозвали фальконетами, не могли противостоят хорошо обученной и вооруженной армии. Тем не менее для предупреждения засад нашим приходилось постоянно высылать вперед рекогносцировочные партии.

В частности, когда уже при подходе к Хиве Скобелеву и капитану Генерального штаба Иванову поручено было произвести рекогносцировку, подполковник предпринял следующий маневр. Выйдя на избранную поляну, Скобелев увидел несколько групп хивинцев и, чтобы хорошенько проучить их, положил две роты в засаду за валиком арыка при выходе на поляну. Затем надо было послать добровольцев вперед, чтобы они мнимым отступлением заманили хивинцев в засаду. Это вызвался исполнить ротмистр Алиханов с пятью казаками кизляро-гребенской сотни: они подскакали к хивинцам и стали ругать их самыми отборными татарскими словами; хивинцы бросились на них, наши, конечно, наутек и, не доскакав ста шагов до засады, кинулись в сторону, а хивинцы получили в упор два плотных залпа. Это охладило их предприимчивость, и они больше не тревожили авангарда, пока он устраивался на ночлег.

В начале июня, когда авангард генерал-лейтенанта Веревкина стоял уже километрах в десяти от столицы, хан послал к Кауфману, находящемуся километрах в семидесяти от Хивы, письмо, в котором

говорилось, что он давно выслал всех пленных и не понимает, зачем русские нагрянули, и поэтому просит Кауфмана отойти назад и объяснить, чего он хочет. Кауфман ничего не ответил, а велел посланцу на словах передать хану, что все переговоры будет вести только в Хиве. Генерал Веревкин также получил цветистое послание хана, в котором тот заверял его, что ничего, кроме дружбы, к русским не испытывает и просил дать ему четыре дня для подготовки торжественной встречи. На этот раз наши военные только посмеялись над неуклюжей уловкой хивинца и решили не откладывать входа в Хиву даже на день.

Весь день 8 июня главные силы Оренбургского отряда готовили туры, фашины и штурмовые лестницы, но материал был плох, ломок, тяжел (верба и тополь), так что эту затею оставили. Тем временем Веревкин решил провести рекогносцировку города, чтобы выяснить слабые места обороны. Пехота продвигалась по поселку до тех пор, пока от стен Хивы не начала стрелять артиллерия. К счастью, все ядра перелетали через головы солдат и никому не причинили вреда. Однако все это говорило о том, что хивинцы уже успели подготовиться к обороне и не собираются так просто сдаваться.

Далее все произошло непредвиденным образом. Вместо того чтобы сразу же остановиться, апшеронцы с ходу бросились отбивать пушки, стоявшие перед стенами крепости за баррикадой из арб. Поскольку мост через ров неожиданно оказался целым, это им вполне удалось; благодаря скорости их действий хивинцы успели сделать только один выстрел из пушки, после чего убежали под прикрытие стен. Однако оттащить орудия от стен под непрерывным огнем было непросто, и апшеронцы вступили в перестрелку. Остальные наши части стали поддерживать их огнем. Генерал Веревкин тут же распорядился развернуть нашу батарею и открыть огонь по стенам Хивы.

Взять город с высокими семиметровыми стенами без специальных приспособлений было невозможно, и генерал Веревкин сосредоточил огонь нескольких орудий на главных воротах крепости. Пока артиллеристы громили стены и город, а стрелки наши стреляли по амбразурам, апшеронцы одну за другой оттащили три хивинские пушки. Но четвертую не успели. Тем временем наша артиллерия продолжала разрушать стены и город. Хан, не разобравшись в ситуации, покинул город, а к Кауфману, стоявшему биваком у Янги-Арыка, уже в двадцати километрах от Хивы, отправился двоюродный

брат хана, Инак-Иртазали, с заявлением покорности от имени хана, сдаваясь без всяких условий на великодушие Белого Царя и даже готовый принять подданство — лишь бы остановили военные действия и прекратили бомбардирование города.

Тем временем генерал Веревкин, раненный в лицо, прямо над левой бровью, по просьбе хивинских парламентаров остановил бомбардировку города и передал командование полковнику Саранчову. Однако, едва только хивинские парламентары ушли, со стен крепости вновь началась стрельба, и наши артиллеристы возобновили бомбардировку. Как потом выяснилось, туркмены, засевшие в крепости, не подчинились решению ханского окружения сдать город. Вновь стала стрелять хивинская пушка. Ротмистр Алиханов вызвался захватить ее, что и исполнил с группой казаков, правда, сам при этом был ранен в обе ноги. Бомбардировка продолжалась до позднего вечера, пока не была приостановлена по личному распоряжению Кауфмана.

На следующий день, 9 июня 1873 года, Кауфман с триумфом вступил в Хиву.

Однако осуществленное наконец-то Кауфманом покорение Хивы отнюдь не проходило так легко и безоблачно, как это может показаться при столь кратком изложении событий. Отряды выступили на этот раз не зимой, а весной, здраво рассудив, что, хотя Бекович с людьми и пострадал изрядно в пути от жары, однако же до Хивы дошел. Тем не менее русскому солдату пришлось и в этом походе вынести страдания в полной мере. Красноводский отряд, выступивший к Хиве под руководством полковника Маркозова, и вообще вынужден был вернуться. Возглавлявший туркестанскую колонну генерал Кауфман в один из моментов также был близок к тому, чтобы отдать приказ о возвращении. Для иллюстрации можно привести свидетельство прусского офицера, следовавшего с одной из колонн.

Прусский поручик 8-го гусарского полка Штумм, бывший военным наблюдателем, в письмах своих, напечатанных в «Северо-Германской Всеобщей Газете», в частности, писал: «Переход, совершенный войсками... по знойной песчаной пустыне, при совершенном отсутствии воды, представляет собою, быть может, один из замечательнейших подвигов, когда-либо совершенных пехотной колонной с тех пор, как существуют армии. Переход от Алана до

Кунграда навсегда останется в военной истории России одним из славных эпизодов деятельности не только кавказских войск, но и вообще всей русской армии и, в особенности, беспримерно мужественной, выносливой и хорошо дисциплинированной русской пехоты».

В другом письме он писал: «Нужно представить себе, что вода, имевшаяся в ничтожном количестве, была солоня и, вследствие продолжительной перевозки, вонючая, мутная, нередко черная и нагретая почти до степени кипения; нужно принять в соображение, что даже и такой воды было немного, при той невообразимо изнуряющей жаре, от которой изнемогали люди, шедшие под ружьем и в амуниции; надо еще прибавить к этому, совершенное затишье в воздухе и тридцать восемь, а не то и сорок градусов жары. В виду всего этого всякий принял бы за сказку или вымысел тот факт, что при подобных условиях, пехота на второй день перехода еще поделилась своим запасом воды с изнемогавшею от жажды артиллерией! А между тем — это истина!»

Терентьев так комментирует письмо Штумма: «Конечно, приведенные строки делают честь беспристрастию иностранного офицера, но для нас самих тут нет ничего нового, ничего удивительного. Это совершенно обыденный случай в жизни русского солдата, который и всегда поступает одинаково в подобных обстоятельствах. Можно было бы привести тысячи примеров тому, как солдат этот делился последней крошкой хлеба, последним сухарем, последним глотком воды из своей немудреной манерки и делился не только с товарищем, но и с пленным врагом!» Кстати говоря, поручик 8-го гусарского Вестфальского полка Штумм вместе со своим вестовым, ефрейтором того же полка Тебилем, также вели себя и в походе, и в стычках примерным образом. Поручик был награжден орденами Св. Анны 3 ст. и Св. Владимира 4 ст., а ефрейтор — знаком отличия военного ордена.

На этот раз терпение и мужество солдат не пропало втуне. И победа, одержанная русскими в походе, имела и в самом деле огромное психологическое значение. Мало того, что она помогала забыть унижения прошлых неудачных походов на Хиву и горькое поражение в Крымской войне, победа эта значительно поднимала военный престиж России и по всей Азии укрепляла возрастающую репутацию

непобедимости русского оружия. Кроме того, Россия обеспечивала себе контроль над навигацией в низовьях Амударьи со всеми вытекающими отсюда коммерческими и стратегическими выгодами, а также полное владение восточным берегом Каспия. Более того, закрывался огромный промежуток на южном азиатском фланге русской границы. Англичан же больше всего беспокоило то, что теперь торжествующие отряды Кауфмана находились всего в 800 километрах от Герата, древних стратегических ворот Индии.

Вот когда, по их мнению, оправдались мрачные предчувствия полувековой давности, высказывавшиеся Вильсоном. И теперь британский посол в Санкт-Петербурге предупреждал британское Министерство иностранных дел, что с захватом Хивы русские заложили надежную базу, с которой могут «угрожать независимости Персии и Афганистана и, таким образом, являться постоянной опасностью для Британской Индии». Иными словами, вновь англичане увидели в действиях русских не непосредственно происходящее, а то, чего больше всего боялись сами.

Лондон и Санкт-Петербург обменялись краткими нотами, и последний вновь заверил британское правительство во временном характере оккупации. Однако уже в ноябре «Таймс» опубликовала подробности секретного соглашения между русскими и хивинцами, согласно которому хан становился вассалом царя, а Хива — русским протекторатом.

Англичане вновь решили, что их обманули. Россия же настаивала, что ее вынудили отказаться от прежних намерений лишь военная необходимость и изменившиеся обстоятельства — оправдания такого рода обычно верить не принято, поскольку они выглядят слишком стандартными. Однако русский министр иностранных дел князь Горчаков даже счел возможным сделать Британии выговор: «Лондонский кабинет, основываясь на нескольких добровольных и дружеских сообщениях о наших взглядах относительно Средней Азии, особенно о нашем неизменном стремлении не превращать завоевания или аннексии в этом регионе в постоянную политику, видимо, полагает, что мы связаны по отношению к ним какими-то определенными обязательствами». Тем не менее и это никого не охладило в Англии, однако предпринять в ответ было по-прежнему невозможно ничего — за исключением войны.

Это был уже второй случай, когда Англия, хотя и крайне раздраженная действиями России, не решилась все-таки объявить нам войну. Но и Горчаков не решился чрезмерно испытывать британскую сдержанность и изволил дать некоторые гарантии, заявив, что «Его Императорское Величество не имеет никаких намерений распространять границы России за пределы, достигнутые в Средней Азии в настоящее время, как со стороны Бухары, так и со стороны Красноводска». Но нам сегодня известна цена всех этих гарантий.

Как бы то ни было, поочередно соревнуясь друг с другом, русской дипломатии и военным в первые три года 1870-х удалось сделать три очень удачных шага.

2

В Лондоне забили тревогу, и британские политики вновь стали склоняться в сторону активных действий. Первым делом они воспользовались неожиданным приглашением, казалось бы, дружески расположенного к России Якуб-бека. Однако оказалось, что Якуб-бек уже давно хотел свести к минимуму иностранное влияние в Кашгарии и лучшим способом достижения этого считал стравливание соперничающих сторон. Едва русский посланник отбыл, Бек направил своего посланника к англичанам в Индию с наказом передать глубокое сожаление по поводу его вынужденного отсутствия год назад и пригласить в Кашгар для переговоров новую миссию.

Сменивший погибшего год назад лорда Мейо новый вице-король лорд Нортбрук принял приглашение с благодарностью, и летом 1873 года в Кашгар через Каракорум отправилась вторая британская делегация. Она была гораздо больше предыдущей и состояла из политических и военных советников, торговцев, инспекторов и других специалистов. Возглавлял ее все тот же сэр Дуглас Форсайт, которому поручили добиться от Якуб-бека торговых льгот наподобие предоставленных русским, а также собрать как можно больше политических, стратегических, экономических и научных сведений об этом малоизвестном регионе. Делегация насчитывала, включая эскорт из пехоты и конного Корпуса разведчиков, многочисленных переводчиков, секретарей, клерков и слуг, всего триста пятьдесят человек и пятьсот пятьдесят вьючных животных, вновь как минимум в десять раз превышая размах и численность всех наших посольств.

Продержавшись тридцать лет, проводившаяся англичанами политика «искусного бездействия», раскритикованная «ястребами» как малодушное потакание России, наконец закончилась.

Четвертого декабря 1873 года английская миссия была весьма торжественно принята Якуб-беком. Британцы вручили правителю Кашгарии свои богатые подарки; среди них было несколько тысяч ружей, в которых тот так нуждался, и бадаулет^[10] сказал целую речь, заключавшуюся следующими словами: «Королева английская для меня, как солнце, — оно делает счастливыми подобных мне бедняков, когда обращает к ним лицо свое». Богатство англичан, их представительство, дорогие подарки и обещания сделали свое дело, и Якуб-бек вскоре наложил на русскую торговлю те же ограничения, что существовали до заключенного им с Кауфманом договора 1872 года. По-прежнему стали практиковаться захват товаров, аресты купцов и тому подобные безобразия.

В феврале 1874 года Якуб-бек заключил с Форсайтом формальный договор, причем, почти одновременно с этим, Якуб-бек завязал также дружественные сношения с турецким султаном, который присвоил Якуб-беку титул «эмира» и прислал даже особое посольство, результатом чего стало установление протектората Турции над Кашгаром. И вскоре появились в обращении кашгарские монеты, где наряду с именем Якуб-бека стояло имя турецкого султана Абдул-Азиза как суверена Кашгара.

Тем не менее, несмотря на заверения в вечной дружбе между Кашгарией и Британией и на грезы о новом торговом союзе, из этого вновь ничего не вышло, и обширные рынки для европейских товаров, в которые так поверили англичане, — а до них и русские, — оказались иллюзией. Кроме того, скоро обе могучие державы поняли, что Якуб-бек просто стравливает их, используя взаимную ревность обеих для сохранения своих позиций. В конце концов, восточный правитель тоже имел право поиграть в Большую игру. И все же миссия Форсайта, не сумев добиться от коварного правителя ничего, кроме пустых обещаний, преуспела в одном: Якуб-бек позволил подполковнику Томасу Гордону с двумя офицерами и небольшим эскортом конного Корпуса разведчиков открыто проводить работы по картографированию местности. Гордон, воспользовавшись этим разрешением, тут же направил одну группу на северо-запад к русской

границе на Тянь-Шане, а другую на восток, по направлению к Аксу. Цель этих экспедиций заключалась в исследовании и нанесении на карту маршрутов возможного наступления от русской границы на юг, в Кашмир, а также в выяснении, в самом ли деле там может пройти современная, обремененная артиллерией армия.

Подполковник Гордон со своим отрядом двигался, преодолевая снега, в которых низкорослые лошади проваливались по брюхо. Ему приходилось пережидать жестокие бури — и тем не менее он прошел шестьсот километров по горам за три недели. Экспедиция Гордона намеревалась заполнить как можно больше «белых пятен» на британских штабных картах этой малоизученной области, и привезенные ими весной 1874 года сведения оказались для британцев весьма тревожными.

При условии правильно выбранного времени года горные перевалы в этих местах оказались совсем не такими уж и непроходимыми. В действительности очень немногое препятствовало теперь русским войскам из гарнизонов, расположившихся в районе Коканда, связанного с Россией договором 1868 года, форсировать Амударью и устремиться через горные проходы в Дардистан и Кашмир, а оттуда — на север Индии. Наиболее уязвимыми оказались расположенные приблизительно в сотне километров к северо-западу от Гилгита перевалы Барогил и Ишкашим. Хотя они находились почти на равном расстоянии от ближайших британских и русских застав, подходы к ним с севера были гораздо легче, чем с юга. В случае конфликта за обладание ими, Гордон был почти уверен в неременной победе русских. Большую часть года оба перевала преодолевались без особых проблем; по слухам, несколько лет назад один из местных правителей, следуя именно с севера, даже сумел протащить через них пушки.

В своем докладе начальству Гордон указал, что через Барогил и Читрал русские могут достичь индийской границы всего за тринадцать дневных переходов и примерно столько же потребует при движении через Ишкашим и Гилгит. Оба перевала, по мнению и других офицеров, оказались вполне проходимыми. К тому же существовал еще и Каракорумский перевал, также вызывавший у англичан немалые опасения. Гордон был уверен, что возможный захват русскими Кашгара менее опасен, чем уже случившаяся оккупация Коканда, хотя во время войны первый мог служить или важным центром снабжения

пересекающих Памир соединений, или, напротив, плацдармом, с которого англичане смогут нарушать их коммуникации. Таким образом, сохранение дружественных отношений с Якуб-беком становилось теперь для Британской Индии жизненно необходимым.

В дополнение ко всему перечисленному Гордон и его товарищи сделали еще одно тревожное открытие: выяснилось, что граница Афганистана и Кашгарии проходит по крупному горному хребту, в котором имеется разрыв шириной примерно семьдесят километров. Как только это выяснят русские, они заявят, что хребет — владения Коканда, а значит, и их собственные, и тем самым, по словам Форсайта, смогут вбить «узкий клин фактически русской территории» между восточной частью Афганистана и Кашгарией, оказавшись еще ближе к северу Индии. Помимо фактов, экспедиция Гордона насобираала и немало тревожных рассказов о русских агентах и караванах, регулярно навещавших Афганистан, куда английским торговцам доступ по-прежнему был закрыт.

Тем временем в Лондоне произошли изменения. Весной 1874 года пало либеральное правительство Гладстона, и к власти, располагая внушительным большинством, вернулись тори. Возглавил их Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд, истово веривший в великое предназначение Британской империи и рьяный сторонник активной внешней политики. Его убеждения полностью разделяла и королева Виктория. Дизраэли активно критиковал своих предшественников за то, что называл демонстрацией слабости перед русскими, и собирался исправить их ошибки. Теперь вновь пришел черед «наступательной политики» и значительного охлаждения англо-русских отношений. В центре внимания нового Кабинета оказалась, естественно, Индия, причиной чему были очередные впечатляющие достижения Санкт-Петербурга в Средней Азии.

Дизраэли и новый государственный секретарь по делам Индии лорд Солсбери пока боялись не столько неизбежности русского нападения на их сокровище, сколько попыток Санкт-Петербурга вопреки данным в 1873 году Горчаковым заверениям прибрать к рукам Афганистан. В случае подобного успеха России это усугубляло проблемы англичан в Индии, не говоря уже о том, что впоследствии Кабул мог использоваться как плацдарм для вторжения. Поэтому Дизраэли озаботился учреждением постоянной британской миссии в Кабуле, а «ястребы» из его окружения добивались открытия представительств также в Герате и Кандагаре. Таким образом, отчетливое намерение британских политиков прибрать к рукам Кабул — следует обратить на это особое внимание — созрело уже в начале 1874 года, а не в результате миссии Столетова!

«Во всех концах Азии, — писал Форсайт, — только и говорят о том, что Россия наращивает мощь и будет наращивать ее дальше, и что Британия ее боится и не станет ни выступать против ее экспансии, ни помогать тем, кто боится быть поглощенным Россией». В результате этого, заявлял он, некоторые правители начали задаваться вопросом, а не лучше ли стать лояльными по отношению к тем, кого в Азии все признают «грядущей мощью».

Но если Калькутту тревожило присутствие у памирских перевалов русских гарнизонов, то Санкт-Петербург, в свою очередь, беспокоила военная и политическая активность Британии в тех областях, которые он считал входящими в русскую сферу влияния. Начавшись вполне невинно, по всей видимости, с независимых путешественников, эта активность сношений между Кашгарией и Индией обернулась сначала одной, затем другой дипломатической миссией. Мало того, что подобные миссии подрывали успех России при дворе Якуб-бека, английские военные специалисты тем временем еще и энергично картографировали памирские перевалы. Что подготавливали в этих местах Лондон и Калькутта? И вот, в то время как взаимное недоверие усиливалось и отношения между Британией и Россией все ухудшались, Афганистан все больше и больше начинал приковывать внимание участников Большой игры.

Проводя в жизнь новую политику, Дизраэли первым делом вместо ставленника либералов лорда Нортбрука решил назначить вице-королем Индии лорда Литтона.

Барон Эдвард-Роберт Литтон был единственным сыном и наследником известного романиста Эдварда Бульвер-Литтона и не только известным государственным деятелем, но и поэтом, писавшим под псевдонимом Оуэн Мередит. Нортбрук ушел в отставку, резко осудив решение правительства, вновь пожелавшего вмешаться во внутренние дела взрывоопасного Афганистана, и предрек, что отказ от политики искусного бездействия подвергнет Британию риску «новой ненужной и дорогостоящей войны» с коварным соседом. Значит, опять-таки дело пахло войной уже тогда!

Предупреждения Нортбрука, однако, никто не услышал, и лорд Литтон, вооружившись подробными инструкциями относительно предписанной ему новой наступательной политики, энергично взялся за дело с истинно поэтическим темпераментом. Для начала он объявил королеву Викторию императрицей Индии, с одной стороны, в духе Дизраэли угождая властительнице, а с другой — «на языке, который не допускает ошибок», подавая сигнал России о том, что британская привязанность к Индии постоянна и абсолютна. Другими словами — «руки прочь».

Но здесь нужно отметить один любопытный факт. Зимой 1876 года лорд Литтон высказал нашему послу в Лондоне графу Шувалову мысль о полезности прямых, непосредственных сношений вице-короля с туркестанским генерал-губернатором. В то же время Кауфман представил секретную записку военному министру, в которой высказывал соображения об «общности интересов наших в Азии с Англией», о том, что у нас там «общие враги — мусульманство и варварство», что «успех азиатов над англичанами невыгодно отзовется и на нас, а успех азиатов над нами послужил бы гибелью для Англии». Там же говорилось и о вреде снабжения армии азиатских владетелей усовершенствованным оружием и обучении их драться с европейцами, а главное — что «мы должны идти рука об руку с Англией в делах наших в Азии».

Записка эта была тогда же сообщена графу Шувалову для распространения между английскими министрами. Шувалов, этот известный в наших кругах как «друг Англии» дипломат, однако, составил только краткую выписку, и то для одного графа Дерби, тогдашнего министра иностранных дел. В этом сказалась его личная старинная вражда к Кауфману. Таким образом, единственная вполне

здравая мысль, возникшая тогда на обоих концах противостояния, была искажена, затерта и не получила достойного продолжения. Наоборот, оставшись без отклика, эта мысль породила еще более жесткую неприязнь противников.

Кроме того, уверенность Британии в своих силах значительно повысили еще два немаловажных фактора. Главным явился проведенный в обстановке строгой секретности выкуп 40 % акций недавно открытого Суэцкого канала. Он сокращал морскую дорогу между Британией и Индией почти на шесть тысяч километров, и Дизраэли хотел быть абсолютно уверенным, что столь жизненно важному пути никогда не сможет угрожать враг. Под врагом в первую очередь подразумевались, конечно же, русские, которых теперь ни в коем случае нельзя было пускать в Константинополь и турецкие проливы. Выкуп контрольного пакета акций у правителя Египта спас последнего от банкротства и сделал Британию самым крупным акционером компании Суэцкого канала.

Вторым важным фактором было установление в 1870 году прямой подводной кабельной телеграфной связи с Лондоном. К этому времени уже пять лет действовала сухопутная телеграфная линия, но проходила она через Тегеран и, таким образом, в случае военных действий оказывалась весьма уязвимой для прослушивания и уничтожения. Новый подводный кабель был гораздо надежнее. «До тех пор пока Англия является морской державой, кабель будет в безопасности от врагов, — заявляла «Таймс». — Чтобы отыскать и поднять кабель, нужно не только знать его точное расположение, но еще и иметь специально оснащенное судно с надлежащим оборудованием и обученным экипажем, а также гораздо больше времени, чем может потребовать любая тайная операция. Кабельные линии пролегают вне крупных корабельных трасс, и никакое судно, занятое их поиском, не сможет остаться незамеченным». Открытие новой линии связи позволяло Уайтхоллу осуществлять и более строгий контроль за делами Индии: ответы на запросы приходили теперь всего через несколько часов, а не недель или даже месяцев, как прежде.

И теперь полученные новым вице-королем лордом Литтоном от Дизраэли инструкции предусматривали вовлечение в оборонительный союз с Британией не только Афганистана, но и соседнего Белуджистана. Там находился Боланский перевал, ведущий из

Афганистана в Индию, и там полыхала внутренняя борьба, угрожавшая трону правителя, хана Келата. Обеспокоенная беспорядками в регионе и неспособностью хана управлять буйными племенами белуджей, Калькутта даже рассматривала возможность его устранения и замены более лояльным к Британии правителем. Против этого решительно выступали британские политические советники на местах, считавшие, что подобные действия принесут англичанам гораздо больше вреда, чем пользы.

Тогда было решено послать туда обладавшего огромным влиянием на вождей белуджей капитана Роберта Сендмена. Зимой 1875 года Сендмен прибыл в горы к восставшим племенам с одним револьвером в руках и действительно смог уладить их конфликты с ханом. В знак благодарности Калькутте за поддержку его трона и щедрые ежегодные субсидии хан следующей осенью согласился отдать в постоянную аренду Британии район Боланского перевала и расположенный по соседству с ним гарнизонный город Кветту.

Афганистан, как и ожидалось, занял гораздо более жесткую позицию, хотя возникшие проблемы во многом являлись результатом предыдущей политики невмешательства в афганские дела. Под предлогом того, чтобы обезопасить себя от неожиданных нападений России, эмир Шер-Али, сын Дост-Мухаммеда, в 1873 году обратился к лорду Нортбруку с предложением заключить оборонительный союз против угрозы с севера. Но, выполняя инструкции правительства Гладстона, вице-король отверг это предложение и даже сделал Шер-Али выговор по нескольким пунктам. Эмир, разумеется, возмутился отказом тех, кого считал друзьями, — и скоро в Индию стали поступать сообщения о его контактах с генералом Кауфманом в Ташкенте. Задание, которое Дизраэли дал Литтону, состояло в том, чтобы постараться загладить ущерб, нанесенный действиями Нортбрука, то есть предложить эмиру желанный союз, но с дополнительным условием принять в Кабуле или Герате постоянного британского представителя. Это было необходимо для того, чтобы Британия могла пристально следить за деятельностью русских.

Лорд Литтон был более чем готов действовать так, как желал его премьер-министр, и вскоре после своего прибытия в Калькутту оповестил Шер-Али, что направляет «миссию» в Кабул. Как и предупреждали советники Литтона, не являвшиеся «ястребами», для

эмира оказалась совершенно недопустимой сама мысль о присутствии в Афганистане британских чиновников. Эмир не дал Литтону разрешения на вход в свое государство, аргументируя это тем, что тогда у афганцев не будет никаких оснований отказывать в визите и русским, поэтому он потребовал, чтобы переговоры проходили или на границе, или в Калькутте. Вице-король отверг все его контрпредложения, воинственно заявив, что Афганистан — всего лишь ничемная песчинка между двумя металлическими котлами, но никаких действий против эмирата не предпринял.

Разумеется, с точки зрения англичан, все это могло лишь усилить и без того растущее недоверие Литтона и к Шер-Али, и к Санкт-Петербургу, ибо за всем происходящим лорд видел именно пагубное влияние последнего. Англичане, судя по всему, просто искренне не понимали, что у азиатских народов тоже может существовать стремление к независимости и самостоятельности. Нежелание главы государства допустить английских представителей в столицу суверенной страны расценивалось Британией как неуважение и дерзость по отношению к ней и провоцировало заставить непокорных подчиниться силой.

«Перспектива войны с Россией чрезвычайно возбуждает, и меня совершенно не тревожит то, как отнесется к этому Индия, — писал лорд Литтон лорду Солсбери в сентябре 1876 года. — Если этому суждено случиться, то лучше теперь, чем потом. В этой части мира мы вдвое сильнее России и располагаем гораздо лучшими базами для нападения и обороны». В случае войны, с удовольствием добавлял он, вокруг северных границ Индии можно разлить «море огня», подстрекая среднеазиатские ханства бунтовать против своих русских хозяев. В устах человека, подобного Литтону, бывшего либерального дипломата с богемными наклонностями, больше интересовавшегося поэзией, чем политикой, столь агрессивные высказывания могут показаться нехарактерными. Однако он, как и большинство интеллектуалов и творческих людей того времени, «с детства ненавидел деспотичный русский режим». А теперь к этому добавились не только дурные предчувствия относительно намерений Санкт-Петербурга, но и твердая убежденность в том, что прямое выяснение отношений с Россией все равно неизбежно, будь то в Азии — из-за Афганистана, или на Ближнем Востоке — из-за Константинополя.

Усиливала беспокойство англичан и недавно вышедшая книга «Англия и Россия на Востоке», написанная ведущим британским специалистом по этим вопросам, известным ориенталистом сэром Генри Роулинсоном, в последнее время являвшимся членом Совета по Индии — консультативного органа правительства. Роулинсон (1810–1895), как уже говорилось выше, был одним из самых ярких, последовательных и профессиональных представителей «ястребов». Он уже более пятидесяти лет боролся с умеренными политиками, доказывая стремление России к завоеванию Индии сначала как служащий британской администрации в Индии, а затем будучи членом британского парламента.

Такая политика находила горячую поддержку у молодых офицеров армии и чиновников политического департамента в Индии, которым приключения в горах и пустынях Азии сулили свободу от казарменной и бюрократической рутины, быстрое продвижение по службе, награды и славу. Не все, однако, были убеждены, что Россия собирается отобрать Индию у Британской империи. Эти оппоненты агрессивной политики непрерывного расширения британских владений в Индии в северном направлении считали, что наилучшей защитой Индии является ее уникальное географическое положение за грандиозными азиатскими хребтами, могучими реками и воинственными племенами, создающими практически непреодолимые препятствия на пути любого вторжения. Эти люди более трезво смотрели на географические карты, представляя себе их миллиметры в натуральную величину.

Тем не менее этот период развития русско-британских отношений весьма благоприятствовал успеху Роулинсона. И хотя книга мало добавляла к тому, что говорили апологеты наступательной политики со времен Вильсона, однако она серьезно повлияла на образ мыслей не только членов кабинета и правительства Индии, но и нового вице-короля. Как это всегда случалось с литературой, касавшейся Большой игры, все дело было во времени. Других книг и статей, подвергавших позицию Роулинсона сомнению, тоже хватало, но господствовавшая русофобская пресса практически не замечала их.

Даже серьезные британские политики в этот период поддались всеобщему настроению. Лорд Солсбери, например, в то время также являвшийся сторонником наступательной политики, на самом деле вовсе не был поджигателем войны или паникером. Ни на миг не

допуская возможности русского вторжения в Индию, Солсбери все же весьма беспокоился о том, что Россия могла бы спровоцировать афганцев к нападению на Индию в тот момент, когда британские войска будут отчаянно необходимы в другом месте. Как он выразился позднее: «Россия может предложить афганцам грабить Индию — мы же не можем предложить им ничего, поскольку в Туркестане грабить нечего».

Однако на сей раз печатная пропаганда воззрений «ястребов» не ограничилась преобладанием сторонников наступательной политики лишь на британской стороне. Говоря о британских амбициях на Востоке, газета «Санкт-петербургские ведомости» писала: «Они попытаются распространить свое влияние на Кашгар, Персию и все граничащие с нами азиатские государства, и тем самым поставят под угрозу наши интересы в Средней Азии... Нам необходимо бдительно следить и быстро принимать меры к отражению ударов, которые англичане готовят против нас». Русские газеты того времени так и пестрели сообщениями о новых событиях в Средней Азии. Дело дошло даже до того, что большую часть сведений о происходящем в Средней Азии британское посольство получало, хотя и с изрядным опозданием, именно из санкт-петербургской прессы. Именно из газет узнали в Британии, что Россия намерена продолжать свое наступление.

Летом 1875 года в Коканде, чей правитель, начиная с падения Ташкента, был накрепко привязан к России договором, произошло восстание. Это дало Кауфману желанную возможность взять этот неустойчивый и номинально все еще независимый регион под жесткий контроль. К началу следующего года русские войска разбили главные силы мятежников, и в феврале генерал Колпаковский вступил в Коканд, официальное сообщение о чем было опубликовано 19 февраля, в двадцать вторую годовщину вступления на престол Александра II. Следом за Кокандом в том же месяце пали города Андижан и Ош. Переименовав вновь присоединенные владения в Ферганскую область, их объявили частью Российской империи. Таким образом, русские всего за десять лет присоединили к империи территорию размерами в половину Соединенных Штатов и установили в Средней Азии защитный барьер, простирающийся от Кавказа на западе до Коканда и Кульджи на востоке.

Те, кто отвечал за оборону Индии, крайне встревожились. После присоединения Кокандского ханства к Российской империи закаленные в сражениях войска Кауфмана располагались всего в 300 километрах от Кашгара. Захват его русскими теперь казался лишь вопросом времени, а вместе с обладанием Яркендом это давало России контроль над проходами в Ладак и Кашмир. Тогда кольцо вокруг северных границ Индии полностью смыкалось, позволяя нам, по мнению англичан, нанести удар в южном направлении практически из любой точки или точек по нашему выбору. На пути наших войск теперь стояли только крупные горные цепи севера — высокогорный Памир и Каракорум, которые, согласно последним исследованиям военных специалистов той и другой стороны оказались вполне проходимыми для современной армии даже с ее артиллерией и другой тяжелой амуницией.

Неизвестно, как развивался бы далее сценарий на азиатском театре Игры, если бы следом за всеми перечисленными событиями не разразилась Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Быть может, Россия и в самом деле последовала бы «приглашению» своего британского оппонента и продвинулась в Азии еще дальше.

3

Война с Турцией, отвлекшая русское внимание от азиатских просторов, поначалу развивалась для России не очень успешно. В какой-то момент Александр II готов был даже отступить, но Милютин смог убедить своего государя в необходимости поднажать еще. И русские, несмотря на отчаянное сопротивление турок и противодействие англичан, все же победили. В самом начале 1878 года наши войска взяли Адрианополь, а затем продвинулись к Сан-Стефано, городку, расположенному всего в двенадцати километрах от Константинополя. Здесь 3 марта того же года между Россией и Турцией было поспешно заключено перемирие. Согласно Сан-Стефанскому миру создавалось большое независимое государство — «Великая Болгария», простиравшееся от Черного моря до Эгейского. Кроме того, Турция признавала полную независимость Румынии, Черногории и Сербии, а также обязывалась предоставить самоуправление Боснии и Герцеговине. В возмещение военных издержек Турция должна была выплатить России около полутора

миллиардов рублей контрибуции. Также к России отходили Измаильский округ и районы Аккерманского округа Бессарабии, отнятые у нее по Парижскому миру 1856 года. Новый неслыханный успех России тут же поднял в Британии целый шквал возмущения.

Британия тут же стала протестовать, якобы опасаясь, что Болгария сделается простым сателлитом Санкт-Петербурга, что в свою очередь обеспечит русским прямой сухопутный маршрут к Средиземноморью. Это не менее чем оккупация Константинополя, на их взгляд, позволяло России во время возможной войны угрожать индийско-британским коммуникациям. Опять индийско-британские коммуникации! Опять угроза Индии! Однако давайте вспомним слова Наполеона: «Ни в коем случае нельзя пускать русских в Константинополь, иначе они станут властелинами мира». И это говорил Наполеон, готовивший с Россией совместный поход на Индию, всячески искавший дружеских связей с русскими и полагавший главным своим политическим противником Англию. Едва ли не то же самое говорил и Бисмарк: «Если Россия овладеет Турцией, ее силы увеличатся почти вдвое, и она окажется вдвое сильнее всей остальной Европы, вместе взятой». Что же говорить об англичанах.

«Если русские возьмут Константинополь, королева будет настолько унижена, что, скорее всего, тотчас отречется от престола». Так королева Виктория лично писала премьер-министру Дизраэли, побуждая его «быть смелым». Принцу Уэльскому она заявила: «Не думаю, что без битвы с... этими отвратительными русскими... состоятся какие-либо соглашения или что мы когда-либо станем друзьями! Они всегда будут нас ненавидеть, а мы никогда не сможем доверять им». Население Англии полностью поддерживало свою королеву, хотя там мало кто имел ясное представление даже о местонахождении Болгарии или Герцеговины, не говоря уже о каком-либо понимании связанных с этим проблем. Настроение толпы было прекрасно подытожено в следующих словах джингоистской^[11] песенки, делавшей тогда приличные сборы в мюзик-холлах:

Мы не рвемся в бой,
Но если, Боже мой!
Пошлем людей, пошлем суда
И множество монет.
Мы, истинные бритты,
Мы будем пиво пить,
Но русским не дадим Константинополь!

Таким образом, несмотря на окончание военных действий между Россией и Турцией, неожиданно вспыхнула угроза войны между Россией и Британией. Мало того, что в вопросе о статусе Болгарии, чтобы вынудить царя убрать войска из-под Константинополя, Британии удалось привлечь на свою сторону Австро-Венгрию, теперь на Мальту был срочно переброшен семитысячный британский корпус.

Стоявший под Константинополем с войсками Скобелев, свободно владевший всеми европейскими языками и постоянно следивший за современной ему военной мыслью, тут же предложил военному министерству устроить в ответ на это нашу демонстрацию в сторону Индии. Подробную разработку такой диверсии он представил Кауфману, еще будучи губернатором Ферганы в 1876 году. Достигнутые Россией на этот момент позиции в Средней Азии, на его взгляд, давали к тому прекрасную возможность. Подобная демонстрация могла наделать англичанам достаточно хлопот и тем отвлечь их от вмешательства в чужие дела. Тем более ни для кого не было секретом, что во время войны на Балканах англичане помогали Турции и военными специалистами, и деньгами, и боевыми припасами — несколько сот тысяч ружей и миллионы патронов — все иностранные наблюдатели признавали, что вооружены турки были гораздо лучше наших, — купленных на английские деньги, переданы были Турции в долг; несколько броненосцев, построенных в Англии, были сданы Турции также в долг. Поэтому такой ход русских политиков казался тогда вполне закономерным.

Ведущие военные специалисты России высказались в поддержку демонстрации. Правительство также дало добро и — соответствующие указания Кауфману, внимание которого тут же сосредоточилось на столице Афганистана. Кабул являлся идеальным трамплином для подобного нападения. Путь силам вторжения, состоящим из русских и

бухарских отрядов, должны были прокладывать секретные агенты, которых предполагалось обеспечить деньгами и правом на всевозможные лестные посулы. Кауфман был убежден, что индийский народ созрел для восстания и что, едва станет известно о приближении большой русско-афганской армии освободителей, бочонок с порохом взорвется. Если бы план Кауфмана осуществился, этот совместный русско-афганский удар по Индии оказался бы для британцев, по мнению наших военных специалистов, настоящим кошмаром.

«Не может быть сравнения между тем, чем мы рискуем, — писал Скобелев, — решаясь демонстрировать против англичан в Индии, и теми мировыми последствиями, которые будут достоянием в случае успеха нашей демонстрации...

Демонстрация против англичан в Индии, при нынешней комбинации отношений между государствами, а также при тех военных средствах, которыми мы располагаем, представляется практически исполнимой...» И далее предлагал конкретный план подготовки и развертывания этой экспедиции.

«1) Необходимо послать посольство в Кабул в возможно непродолжительном времени, так как крайне желательно, в случае движения отряда, не развлекаться никакими посторонними случайностями и не тратить на них драгоценных средств, следовательно, необходимо постараться втянуть в союз с нами как Шер-Али, так и все владения, которые находятся под его влиянием.

На удачный исход подобных переговоров много указаний: а) неизгладившееся впечатление погрома англичан в 1842 году, б) недоверие к их политике, которое доказывается тем, что Шер-Али не допускает до сих пор у себя официального английского резидента, в) вековые притязания Афганистана на Пейшаур (Пешавар), а, главное, их надежда грабить обетованную Индию... От действий миссии в значительной степени зависит выбор операционных путей, т. е. на Кабул или Герат.

2) Побудить Персию возобновить свои притязания на Герат, чем достигается возможность пользоваться средствами, которые в случае нужды даст нам страна, подвластная шаху, преимущественно Хорасан, а главное — отвлекать внимание и средства тегеранского правительства от нашей границы на Араксе, на что рассчитывают наши враги в случае каких-либо неблагоприятных для нас

обстоятельств на кавказско-турецкой границе и на самом Кавказе. При нашем движении союз с турецкой армией не будет иметь значения военного, но даст нам в руки массу средств перевозочных, так как уже веками выработалось тяготение Персии к Герату и даже к Кандагару...» Далее прилагался расчет необходимых военных сил, продовольствия и прочего.

И вот теперь Кауфман, скорректировав его, вполне приступил к осуществлению плана Скобелева. Он намеревался выступить тремя колоннами по направлению к Кашгару, к Афганистану и к Мерву. Первая колонна должна была двигаться из недавно образованной Ферганской области через Алайский хребет, вторая — со стороны Самарканда через Джам на Келиф и Ширабад (на Аму-Дарье) и третья от Хивы, вверх по Амударье, через Чарджоу на Мерв. Все предварительные сношения между главными распорядителями велись в глубокой тайне. Кашгар был оставлен в покое и Ферганский отряд, собравшись в Маргелане, должен был идти через Каратегин, также на Амударью, в сторону Афганистана.

Двадцать второго апреля Милютин уведомил главнокомандующего Кауфмана о состоявшемся высочайшем повелении насчет формирования и высылки отрядов к Шир-Абаду и Мерву, усиления войск Туркестанского края, заключения договора с Афганистаном и отправления эмиссаров в Афганистан и северную часть Ост-Индии. Сделав тотчас все необходимые секретные распоряжения, 19 мая Кауфман послал начальнику главного штаба телеграмму об усилении войск Туркестанского края Оренбургскими и Сибирскими казачьими полками и 25 мая получил шифрованный ответ, что в случае надобности ему пришлют льготные полки: два Оренбургских и три Сибирских. На другой день был отдан приказ по округу о формировании трех действующих отрядов: главного — в Самарканде, под начальством генерал-майора Троцкого; Ферганского — в Маргелане, под начальством генерал-майора Абрамова и Амударьинского — в Петро-Александровске, под начальством полковника Гротенгельма.

Двадцать седьмого мая Кауфман послал Милютину рапорт, заканчивавшийся следующими словами: «...Я отправил две партии людей в Афганистан, довольно надежных, в том отношении, что они будут знать о движениях и передвижениях войск, о сосредоточении

таковых и о слухах в том крае; затем рассчитываю на наше посольство в Афганистане, которому, быть может, удастся сделать что-либо в требуемом Вашим Высокопревосходительством смысле».

В Кабул для переговоров с Шер-Али-ханом был послан генерал-майор Николай Григорьевич Столетов. Посольство Столетова, прежде всего, должно было подготовить свободный проход наших войск через афганские владения в сторону Индии.

Посольство генерала Столетова

Пойди туда, не знаю куда — принеси то, не знаю что.

Русская народная сказка

1

Пока в мае 1878 года Кауфман готовил Столетова к отправке в Кабул, английские дипломаты уже предприняли ряд шагов, которые, в конце концов, свели на нет все старания России. Четвертого июня Англия подписала секретное соглашение с Турцией, согласно которому Турция передавала ей важный стратегический пункт — остров Кипр, Англия же обязалась защищать турецкие владения в Азии. Но на этом англичане не остановились, и 6 июня подписали Англо-австрийское соглашение, определившее общую линию поведения обеих держав на предстоящем Берлинском конгрессе, целью которого являлся пересмотр Сан-Стефанского мирного соглашения России и Турции.

Русские военные готовились к Берлинскому конгрессу по-своему. Седьмого июня 1878 года генерал фон Кауфман направил Столетову предписание за № 4407, в котором определил цель его посольства в Кабул — «скрепление с афганским эмиром наших дружественных отношений, выяснение ему всех оттого для него происходящих выгод и заключения, если то окажется возможным, с ним союза, на случай вооруженного столкновения нашего с Англией».

При объяснении основных моментов политики Англии в Азиатском регионе Кауфман особенно заострил внимание своего эмиссара на том, что в 1876 году англичане захватили два стратегически важных района с южной стороны Афганистана — Келат и Кветту, что, с одной стороны, никак не могло нравиться афганцам, а с другой — явно свидетельствовало о подготовке англичанами военного вторжения в Афганистан. Далее в данном Столетову предписании следовал такой абзац:

«При таком положении дел, командирование Вашего превосходительства к эмиру афганскому имеет главной целью поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане. Ваше превосходительство можете объяснить Шер-Алихану, что императорское правительство, всегда смотрело на Афганистан, как на оплот против посягательств английской политики на независимость среднеазиатских владетелей, и что оно расположено оказывать со своей стороны поддержку стремлениям эмира, противодействовать таким посягательствам. Само собой разумеется, что в мирное время поддержка эта может состоять в представлениях с нашей стороны лондонскому кабинету, о необходимости сохранения независимости афганистанского владетеля, а в случае вооруженного столкновения нашего с Англией, мы можем оказать поддержку фактически. Вследствие сего эмир не должен смотреть на сосредоточение наших войск на Аму-Дарье, как на демонстрацию, враждебную Афганистану, а как на силу ему дружелюбную, на которую он может смело опереться в том случае, если бы пожелал воспользоваться нынешними, крайне для него благоприятными обстоятельствами и положить предел дальнейшим посягательствам англичан, на вмешательство во внутренние дела Афганистана».

Далее Столетову рекомендовалось разъяснить эмиру разницу между политикой России и Англии: «Мы не подкупаем ни самих владетелей, ни их главных советников, не стремимся поработить соседние страны в политическом и промышленном отношениях, напротив, мы поддерживаем законную власть ханов, вошедших с нами в дружественные отношения, и не обращаем их в пенсионеров. Английской щедрости надобно не только не доверять, но просто бояться ее. Афганистану предстоит сделаться английским резидентством, а если эмир сумеет воспользоваться нашим столкновением с Англией, то может стать главою могущественного мусульманского царства, унаследовать роль и значение турецкого султана, который потерял теперь свое место в мусульманском мире, благодаря подкупу англичанами сановников и советников последних султанов.

Но если мы считаем унижительным для обеих сторон подкуп владетелей, то это не значит, чтобы мы не захотели или бы не были в

состоянии помочь союзнику и денежными средствами, если в том действительно представится ему нужда...»

Кроме того, предлагалось дать понять эмиру, что в случае благоприятного исхода нашего столкновения с Англией он может рассчитывать на восстановление старой восточной границы Афганистана и подчинение ему Белуджистана.

Далее были даны указания по возможности договориться с эмиром о заготовке для наших войск провианта и фуража (на тридцать тысяч человек и пять тысяч лошадей) на случай осуществления диверсии.

И наконец, было сделано неизбежное в таких случаях напоминание о необходимости собирать всевозможную информацию тактически-стратегического характера. К тому же Столетов должен был подыскать людей, «которые были бы способны служить нам эмиссарами для распространения партии враждебной англичанам».

Далее эмиссару предписывалось «по прибытии в Кабул и по разъяснении отношений наших с эмиром... вернуться для личного доклада... затем, по всей вероятности... возвратиться опять в Кабул, чтобы... не только удерживать, но и распространять там наше влияние».

На этот пункт инструкции следует обратить особое внимание, ибо некоторые историки, как, например, генерал Терентьев, предъявляют Столетову обвинение в том, что он якобы немотивированно покинул Кабул, сославшись на необходимость сделать личный доклад генерал-губернатору Кауфману.

Кроме всего вышеизложенного Столетову разрешалось не только подавать советы во вред Англии, но в случае необходимости даже принять на себя командование афганскими войсками! Буквально в предписании сказано об этом так: «...но и принять на себя заведование или командование той частью средств или сил страны, которая Вам, по соглашению с эмиром, покажется более всего важной в оборонительном или наступательном отношении против Англии».

Как видим, инструкции вполне конкретные и довольно решительные.

Для представительности, равно как и для подробного и обстоятельного исполнения поручения, в состав миссии были назначены полковник Разгонов, врач Яворский, классный топограф

Бендерский, переводчики: подпоручик Назиров, Заман-бек, Малевинский, а также фельдшер и двадцать два казака.

Когда Столетов перед отъездом в последний раз представлялся начальству, Кауфман еще раз напомнил ему, что до прибытия миссии в Кабул его самая главная задача — съемка маршрута, поэтому нужно стараться двигаться днем, а не ночью, когда топограф ничего не видит. Кроме того, ночь нужна для отдыха. По прибытии посольства в Кабул Разгонова и Бендерского нужно немедленно выслать назад: они поведут войска по снятой на плане дороге.

Таким образом, в конце мая — начале июня 1878 года в Туркестанском военном округе царило неслыханное оживление. Яворский, тоже мечтавший отправиться в военный поход против Индии, писал: «Спасибо англичанам! Хоть они нас выручили, а то куда ни погляди тишь да гладь, да Божья благодать! Некуда, незачем и шагу сделать: так и сгнили бы в Ташкенте. Теперь же пойдём в Индию — выгонять англичан оттуда!»

Но история творилась не только в Туркестанском округе. Как мы отметили в начале этой главы, решение о созыве Берлинского конгресса уже было принято.

Тринадцатого июня 1878 года, в несчастливый для России день, конгресс этот был открыт. В работе конгресса приняли участие представители России, Англии, Австро-Венгрии, Германии. Присутствовали также делегации Франции, Италии и Турции. На конгресс были приглашены представители Греции, Ирана, Румынии, Черногории, Сербии. Инициаторами конгресса явились Австро-Венгрия и Англия, выступившие против усиления позиций России на Балканах, против национального освобождения славянских народов Балканского полуострова, особенно против образования там крупного славянского государства — Болгарии.

Миссия же Столетова выехала из Самарканда только 15 июня. И выехала она не прямо в Кабул, а на Карши, намереваясь сначала нанести визит эмиру бухарскому. Он уже находился в вассальных отношениях к России, поэтому следовало всего лишь передать ему пожелание русских властей подготовить все необходимое для прохода войск через его владения. Самую сложную часть задания предстояло исполнить в Кабуле, который находился еще очень далеко. Впрочем, в эти дни еще рано было бить тревогу, даже если бы связь работала

исправно. Ведь для того и предпринята была эта миссия, чтобы усилить наши позиции, в том числе и на этом самом злополучном конгрессе.

Итак, посольство отправилось в путь. По свидетельству доктора Яворского, впоследствии издавшего воспоминания в двух томах, в которых среди прочего имеется подробное описание этой миссии, Столетов сразу же повел себя крайне странно. Например, в Гюзаре, в пятидесяти километрах от Карши, он выразил присланному для приема мирахуру неудовольствие свое за то, что местный бек, второй сын эмира, не явился к нему с визитом. Не поверив оправданию, будто бек болен, Столетов послал Назирова проверить это. Бек действительно оказался болен, но решил все-таки приехать к сердитому послу. Столетов принял его весьма сухо и немедленно распек за невнимание и непочтение. Яворский уверяет, будто Столетов сказал ему: «Я уже решился было о вашем поступке написать вашему отцу, эмиру, а ведь он не замедлил бы учинить за это примерное наказание» — и будто при этом употребил слово чубук (палка). Заманбек опровергает эту прибавку, а Бендерский подтверждает, что сам отлично это слышал. Такой грубый тон в обращении с сыном эмира, у которого миссия была в гостях, мог бы положить конец дальнейшей дипломатической деятельности посла. Яворский уверяет, будто при этих словах некоторые из свиты бека схватились за рукоятки кинжалов.

Бек не оправдывался. За него извинился мирахур. Посол смягчился и одарил бека и его свиту почетными халатами. После угощения чаем бек уехал и прислал ответные подарки. Тем дело и кончилось.

Затем, когда посольство вступило уже на афганскую землю, генерал Столетов вдруг резко переменил тактику, обнаружив крайнюю заботливость о неприкосновенности миссии. Топографу Бендерскому он не разрешал делать чересчур явно отметки в его аспидной книжке, которую тот выдавал за молитвенник; также запрещал ему отходить на стоянках в сторону для определения направления пути по компасу, прицепленному Бендерским на одной цепочке с часами; становясь на ночлег засветло, приказывал к ночи снимать палатки казачьего конвоя и укладывал казаков вокруг своей палатки, под открытым небом, что при ночлегах на горных перевалах и на сырой земле весьма вредно отразилось на здоровье казаков; представления по этому поводу

доктора Яворского глава миссии считал нарушением дисциплины. Все, что могло возбудить подозрение в афганцах, было, по его мнению, «опасно»; Столетов боялся уже просто в чем-нибудь перечить афганцам, — «что скажут они — то и хорошо»; посольство имело на вьюках складную мебель, но Столетов не позволял распаковывать ее, боясь задеть самолюбие афганцев, как бы «выставляя на вид их бедность».

В результате, вопреки приказанию Кауфмана идти только днем, Столетов, по настоянию афганцев, нередко выступал в шесть часов вечера и шел ночью, а с ночлега, по афганской трубе, выступал до рассвета. Поэтому многие участки маршрута были нанесены Бендерским совершенно наугад и проверены только при обратном походе миссии, когда Столетова с нею не было и Бендерский делал свои отметки вполне открыто.

Как бы то ни было, миссия медленно, но верно продвигалась к Кабулу. Кауфман тоже не сидел сложа руки. Все три колонны к концу мая оказались уже сформированы, и теперь Гротенгельму было предписано идти правым берегом к Чарджоу, если в Хиве все спокойно, а тяжести везти на пароходах «Самарканд» и «Перовский» с баржами. Отряд его должен был войти в связь с Красноводским отрядом генерал-майора Ломакина, идущего вдоль северной границы Персии к Мерву. Если в Чарджоу станет известно о занятии кавказцами Мерва, то Гротенгельм идет туда же; если кавказцы не дойдут, то Гротенгельм продолжает идти вверх по Аму до Келифа и ждет приказаний там.

Ферганский отряд выступил 28 июня. Абрамов доносил, что снег на перевале Кара-казык не позволяет двигать ночью более шестисот лошадей зараз. Кауфман разрешил такой порядок движения. Для расчистки перевала посланы были туземцы, но вдруг в самом конце июня там повалил густой снег — явление весьма редкое — и за ночь уничтожил всю дневную работу. Погодные условия вновь встали на пути русской армии. Идти было можно только от трех до семи часов утра; за это время переносилось на руках до трехсот вьюков. В результате для перехода всего отряда потребовалось бы десять дней, и то, если не случится вьюга, которая на высоте более четырех тысяч метров могла бы повести к катастрофе. Абрамов лично осмотрел перевал Кара-казык и нашел, что все тяжести придется переносить на

руках с крайним утомлением людей и потерей времени. Воспользовавшись двумя сухими днями, он перевалил только две роты с инженерным парком.

Тем временем Столетов достиг Мазари-Шерифа. Здесь миссия была встречена Фейз-Мухаммед-ханом, командующим войсками в Афганском Туркестане, и Хош-диль-ханом, сыном наместника и его вторым помощником по гражданскому управлению. Для встречи были выстроены четыре батальона афганской пехоты и батарея артиллерии. Пехота взяла на караул, артиллерия произвела салют. Прибывшие генералы извинились, что сам наместник не мог выехать на встречу по болезни.

Шестого июля миссия представлялась Хош-диль-хану, и Столетов заявил ему, что не может долго ожидать выздоровления его отца, который хотел сопровождать посольство в Кабул. Хош-диль-хан немедленно послал курьера в Кабул с вопросом: кому ехать с русским посольством, если болезнь его отца затянется?

Седьмого июля отец его умер. Это было мрачным предзнаменованием для афганцев. Снова семерка, и вновь неблагоприятный оборот событий. Русская миссия застряла, Берлинский конгресс близился к концу, и результаты его уже фактически были predetermined.

Председательствовал на конгрессе германский канцлер Бисмарк. Важнейшие вопросы обычно предварительно решались на частных совещаниях представителей Германии, Англии, Австро-Венгрии и России, делегации которых возглавляли соответственно Бисмарк, премьер-министр Англии лорд Биконсфилд, министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши, русский канцлер Горчаков. Споры шли в основном о Болгарии, территорию которой, определенную Сан-Стефанским договором, Австро-Венгрия и Англия желали урезать до минимума, о Боснии и Герцеговине, на которые претендовала Австро-Венгрия, и о территории в Закавказье, отошедшей от Турции к России, против чего протестовала Англия. Бисмарк объявил себя нейтральным посредником, но на деле поддерживал требования Австро-Венгрии и Англии, вынудив Россию принять большую их часть.

И именно в этот же день Кауфман прислал Абрамову новую телеграмму: «Насиловать перевала нельзя при дурной погоде. Весь

отряд следует тотчас повернуть назад и лошадей распустить. Крайности нет. Еду завтра Самарканд. Будет нужно, притяну отряд к Самарканду. Теперь можно обойтись. Расположитесь ближе к Маргелану лагерем». Отряд повернул назад в город Ош, оставив по пути, в Вуадиле, артиллерийский парк и роту пехоты.

Тринадцатого июля Берлинский конгресс завершился, и сторонами был подписан Берлинский трактат, изменивший условия Сан-Стефанского договора в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Он отодвигал южную границу Болгарии за Балканский хребет. Болгария объявлялась автономным княжеством, выборный глава которого утверждался султаном с согласия великих держав. Временно управление Болгарией до введения в ней конституции сохранялось за русским комиссаром, однако срок пребывания русских войск в Болгарии был ограничен девятью месяцами. Турецкие войска не имели права находиться в княжестве, но оно обязано было платить Турции ежегодную дань. Болгарские области к югу от Балканского хребта составили турецкую провинцию Восточная Румелия, которая оставалась под непосредственной политической и военной властью султана и губернатор которой назначался султаном сроком на пять лет с согласия великих держав.

Турция получала право охранять границы и этой провинции силами только регулярных войск, расположенных в пограничных гарнизонах. Фракия, Македония и Албания оставались за Турцией. В этих провинциях, а также на Крите и в областях, населенных армянами, Турция обязывалась провести реформу местного самоуправления, уравнив в правах христиан с мусульманами. Была признана независимость Черногории, Сербии и Румынии. Однако территория, отходившая по Сан-Стефанскому договору к Черногории, значительно сокращалась. Предоставленный Черногории Сан-Стефанским договором выход к морю (с портом Бар) сохранялся, но без права держать военный флот. Контроль над Черногорским побережьем передавался Австро-Венгрии. Территория Сербии несколько увеличивалась, но не за счет Боснии, а за счет земель, на которые претендовала Болгария. Австро-Венгрия добилась права оккупировать Боснию и Герцеговину, а также держать гарнизоны в Новопазарском санджаке, которые оставались за Турцией. Румыния

получала Северную Добруджу взамен придунайского участка Бессарабии, возвращенного России, и дельту Дуная.

Россия под угрозой войны с Англией и Австро-Венгрией, ослабленная только что завершившейся войной с Турцией и не поддержанная Германией, была вынуждена согласиться со всеми предложенными условиями, даже несмотря на то что новый договор перечеркивал практически все ее достижения в результате победы над Турцией. На этот раз Александр II, сам изрядно утомленный только что закончившейся тяжелой войной на Балканах, к огромному разочарованию «ястребов» обеих сторон, отступил. Теперь Санкт-Петербургу оставалось лишь наблюдать, как плоды победы, доставшейся ему столь дорогой ценой, расхищались другими европейскими державами — с Британией во главе.

Англия открыто демонстрировала готовность в любой момент начать военные действия, усиленно склоняя все европейские государства к созданию новой анти-русской военной коалиции. И, хотя по мнению русских военных Англия явно блефовала, будучи сама не готова к широкомасштабному конфликту на два фронта, в Петербурге ясно осознавали близость и опасность новой войны. Д. А. Милютин записал в те годы в дневнике: «Англия лезет в драку и, несмотря на нашу уступчивость, придумывает все новые предлоги для разрыва». Русские военные смотрели на происходящее со своей стороны; правительство же оценивало ситуацию более реалистично. Вести войну против коалиции европейских государств Россия в тот момент не могла в силу многих причин; например, рубль в 1878 году стал стоить сорок копеек. На этот раз попытки русского Министерства иностранных дел решить дело мирным путем к успеху не привели. Берлинский конгресс явился черной страницей в биографии канцлера Горчакова; его установка на мирное разрешение ситуации на этот раз не сработала, а стукнуть кулаком по столу восьмидесятилетний дипломат, искренне веривший, что мощь государства создается не военными демаршами, а мирной и планомерной работой, уже не мог.

В резюме своего отчета 1867 года за одиннадцать лет внешнеполитической деятельности кабинета Горчаков писал: «В какой области не возьмись мы строить предположения, будь то Европа или Восток, мы приходим к одному выводу — для своей безопасности, равно и ради своего могущества на внешней арене, и в интересах

народов, заботу о которых возложило на нас Провидение, а также в интересах мира и общего равновесия, наипервейший долг России есть завершение внутренних преобразований, от чего зависит будущее России и всех славянских народов. Сие есть основа основ нашей политики».

Итак, все приготовления России к диверсии в сторону Индии вновь оказались не только напрасны, но и чреватые большими проблемами. Однако ни Столетов, ни даже Кауфман пока еще ничего об этом не знали.

Шестнадцатого июля из Кабула пришло повеление: наместником быть сыну покойного, а сопровождать русское посольство — Мухаммед-Хасан-хану. Через пару дней наша миссия двинулась дальше.

Тем временем к Джаму подтянулись остальные отряды, выступившие из Ташкента и Маргелана в середине июня. Таким образом, часть программы по вторжению в Британскую Индию Кауфманом уже была выполнена. Теперь он в полной готовности к броску ожидал окончательной команды сверху.

Двадцатого июля к Кауфману прибыл из Бухары посланец эмира с известием, что пограничным бекам приказано выставить для русских войск провиант и фураж бесплатно. События все еще благополучно развивались по намеченному здесь пути. Но вот 21 июля пришла телеграмма от Милютина следующего содержания: «По изменившимся политическим обстоятельствам, предполагавшееся наступательное движение отрядов Туркестанских и Красноводского, вероятно, будет отменено и вскоре последует высочайшее повеление о роспуске этих отрядов».

Какие чувства могла вызвать у главнокомандующего готового к броску тридцатитысячного корпуса такая телеграмма? Но какими бы они ни были, генерал фон Кауфман, как человек законопослушный, вынужден был приостановить движение и ожидать дальнейших распоряжений.

Второго августа Кауфман получил от Милютина зашифрованную телеграмму следующего содержания: «...о занятии Мерва не может быть теперь и речи. Вообще цель действия отрядов: прикрытие наших пределов и демонстрации... В особенности обратите внимание на сказанное... относительно Афганистана. Установление с ним

дружественных отношений испугает Англию, более чем всякие движения наших отрядов».

То есть — никаких посольств! Никаких обещаний дружбы! Но где теперь находится посольство Столетова?

Третьего августа посольство спустилось в бамианское ущелье и вступило в Бамиан, где отдыхало один день. Иными словами, Столетов находился практически у ворот Кабула, в нескольких днях пути.

Пятого августа, продолжая путь, русское посольство осмотрело знаменитые бамианские пещеры в несколько этажей, вырубленные в отвесных скалах, и еще более знаменитые две статуи будд тридцатисеми- и пятидесятитрехметровой высоты, также высеченные в особых нишах скал. Они были разрушены талибами весной 2001 года.

Восьмого августа миссию встретил министр двора Абдулла-хан, а 9-го — министр иностранных дел визирь Шах-Мухаммед-хан, с тремя слонами, назначенными для миссии. На завтра предстояло торжественное вступление посольства в Кабул, и именно в этот день вечером пришла почта из Ташкента! Кауфман сделал все, что мог, срочно отправив письмо своему эmissару. Он понимал, что вернуть посольство, уже находящееся у стен Кабула, теперь невозможно.

Хопкирк трактует эти события по-своему: «Несмотря на то, что после исчезновения опасности войны с Британией запланированное вторжение Кауфмана в Индию отменили, миссию в Кабул не стали откладывать. Отчасти это объяснялось желанием Кауфмана доставить британцам неприятности, а заодно и его стремлением исследовать места вероятного вторжения — в случае, если когда-либо удастся вновь вернуться к прежнему плану. Весть о том, что русская миссия направляется к афганской столице, шпионы принесли в Индию в то время, когда Берлинский конгресс еще не закончился. Как полагают, Шер-Али попытался убедить русских повернуть обратно, но Кауфман заявил, что слишком поздно отзывать людей назад и что хан будет лично отвечать за их безопасность и за их сердечный прием. На запрос британцев относительно миссии русское Министерство иностранных дел опровергло информацию о ней, упорно утверждая, что такой визит даже не планируется. В очередной раз Санкт-Петербург клялся в одном, в то время как Ташкент делал совершенно противоположное».

Британская сторона даже не думала обращать внимание на то, что посольство в Кабул было снаряжено еще до Берлинского конгресса. Англичанам было гораздо приятнее «увидеть врага насквозь» и с большой долей вероятности предположить, что Кауфман вновь поступил по своей воле и даже пригрозил владыке Афганистана.

Но вернемся к миссии генерала Столетова, в истории которой этот момент является чрезвычайно важным, ибо пришедшая почта должна была кардинально изменить всю линию поведения русского посланника при кабульском дворе! С письмом Кауфмана Столетов получил и пришедшую из Петербурга телеграмму о завершении Берлинского конгресса и его основных результатах. Кауфман писал: «Если только телеграмма верна, то она очень печальна». Телеграмма была не вполне верна, так как умалчивала о присоединении к России таких важных пунктов, как Карс и Батум, а также о возвращении отнятых у нас, после Крымской войны, частей Бессарабии. Однако принципиально это ничего не меняло.

Ввиду мирного исхода конгресса Кауфман советовал Столетову воздержаться в переговорах с афганским правительством от каких-либо решительных обещаний и вообще не заходить так далеко, как предполагалось прежде, на случай войны с Англией.

Иными словами, Столетову предлагалось соображать очень быстро. Поскольку наверху принят курс на мирное разрешение конфликта, демонстрация России в сторону Индии автоматически отменяется. А раз демонстрация отменяется, значит, незачем и готовить на территории Афганистана продовольствие и фураж для тридцатитысячного корпуса, который к этому времени генерал фон Кауфман собрал в Туркестане. Но что же именно должен был теперь говорить Столетов владыке Кабула? Зачем он пришел к нему?

Десятого августа в семь часов утра посольство на слонах двинулось к Кабулу. Пройдя восемь верст, оно было встречено братом эмира, сердарем Хабиб-Улла-ханом на громадном слоне с золочеными клыками и золотым седлом. Его сопровождал полк латников. Столетов пересел к сердарю, и вся миссия разместилась по-новому — по двое на каждом животном, один русский и один афганец. Впереди города выстроены были все войска гарнизона: в центре пехота, по флангам кавалерия, а впереди фронта расставлены орудия для салюта. Сделано было тридцать четыре выстрела. Пехота взяла на караул, знамена

преклонились. Затем раздались звуки персидской военной музыки, и войска прошли церемониальным маршем. Массы народа встречали наше посольство различными приветствиями. Пройдя город, миссия остановилась в Бала Хиссаре, где ей приготовлено было помещение рядом с дворцом эмира. Словом, русскому посольству был оказан прием, вполне достойный представителя российского императора.

Одиннадцатого августа Столетов отправился к эмиру с письмом Кауфмана один, даже без переводчиков. Вероятно, он намеревался сразу же откровенно поговорить с Шер-Али-ханом о сложившейся ситуации и дать понять владыке Афганистана, что визит его носит исключительно мирный характер. Однако эмир повел дело по-своему. Столетову пришлось сразу же вернуться обратно, поскольку эмир пожелал видеть всю миссию в полном составе, даже казаков. На представлении миссии эмир сказал, что весьма рад видеть у себя русских, но опасается, как бы они не принесли с собою огня и меча, как это случилось уже при его деде, Дост-Мухаммеде, когда вслед за Виткевичем явились англичане и разгромили Афганистан.

Иными словами, с первых же шагов эмир начал тонкую дипломатическую игру. Правда, Яворский уверяет, что это было сказано в шутку одному переводчику Малевинскому, но Заман-бек утверждает, будто эта фраза относилась к миссии вообще. И, скорее всего, он прав, поскольку Малевинский был лишь русско-английским переводчиком и не знал местных наречий. Подобное же расхождение в восприятии слов эмира как раз свидетельствует о том, что Шер-Али-хан пустил пробный шар, но... шар этот покатился не в лузу опытного дипломата, а в дырявый карман неподготовленного человека. Что мог ответить на такое не опытный дипломат, а обычный прямодушный человек. Естественно, только одно: «Нет, что вы, совершенно наоборот. Мы пришли сюда как раз помочь вам против англичан и сделать все, чтобы больше у вас уже не было подобных проблем...» — и далее в том же духе. Другими словами, Столетов сразу же проглотил крючок и сделал то, чего в резко изменившейся ситуации делать как раз не следовало — он встал на дорожку обещаний, свернуть с которой уже не так просто. Остальные же члены миссии восприняли все это лишь как обмен ничего не значащими шутками.

Затем, осмотрев казаков, эмир пожелал видеть наши ружейные приемы. Казаки были подобраны молодец к молодцу, рослые и

крепкие. По команде Назирова они проделали разные приемы, приведя эмира в неподдельный восторг. «С такими молодцами, а в России подобных огромное количество, можно было бы решиться на многое!» — должно быть, подумал он, восприняв задумчивое молчание посла как хорошую выдержку многим располагающего хозяина.

Тринадцатого августа, вечером, город был иллюминирован; кабульцы пускали ракеты, жгли бенгальские огни; на окрестных горах горели костры. И среди всего этого праздника эмир попросил Столетова передать Кауфману его просьбу «телеграфировать Государю Императору выражение чувств глубочайшей преданности и признательности». Кауфман вскоре же исполнил эту просьбу и телеграфировал государю в Ливадию следующее: «...Шер-Али-хан просит телеграфировать Вашему Императорскому Величеству выражение чувств глубочайшей его к Вам преданности и признательности. Прием, оказанный Столетову и миссии, весьма торжественный и радушный. Беседы идут, по-видимому, искренние, полные уважения к Вашему могуществу и правдивости». Последнее слово было приписано Кауфманом непосредственно перед подачей телеграммы с эпитетом «русской», однако эпитет генерал-губернатор при передаче велел вычеркнуть.

Четырнадцатого августа, по свидетельству Яворского, или 12-го, по донесению Столетова, эмиру были поднесены подарки, впрочем, весьма странно выбранные: халатов афганцы не носят, папирос не курят, вина и водки гласно не пьют, а им надавали и халатов, и портсигаров, и бокалов, и даже почему-то кабачков. Последние выглядели уже вообще неприличной насмешкой.

Пятнадцатого августа, около четырех часов пополудни, доктор Яворский был потребован для оказания помощи внезапно заболевшему наследнику престола 16-летнему Абдулладжану. Доктор застал юношу в беспамятстве и бреде. Оказалось, что у него воспаление брюшины, и, несмотря на медицинскую помощь, принц скончался около полуночи. Яворский приписывает болезнь и смерть наследника отраве. Эмир с твердостью перенес эту потерю. «Ну, что же? Бог дал — Бог взял», — сказал он.

Двадцатого августа снова была получена почта из Ташкента. Кауфман уведомлял Столетова, что наступательные движения собранных на Алае, в Джаме и Петро-Александровске отрядов

отменены и что ожидается приказ об их расформировании. Узнав об этом, на следующий день, т. е. 21 августа, Столетов предложил эмиру договор из одиннадцати кондиций, в котором среди прочих были следующие статьи:

«5) В случае чего, Боже избави, какое-либо иностранное государство, с вооруженною силою, войдет в Афганистан и завладеет его территорией, тогда, если эмир Афганистана обратится к императорскому правительству за вооруженною помощью, императорское правительство, в случае невозможности, посредством миролюбивых советов и внушений, отклонить вооруженное столкновение, во внимание дружбы между государствами Россиею и Афганистаном, подаст вооруженную помощь. Тогда, если дело дойдет до войны, то с упованием на Всевышнего, Творца вселенной, при дружбе Афганистана и России и при вооруженной помощи императорско-российского правительства, путем побед и меча, могут вернуться под власть эмира афганского старые его территории, еще прежде перешедшие под власть другого государства, путем захвата.

6) В случае, излагаемом в предыдущем параграфе 5, эмир Афганистана, относительно вооруженной помощи от российского императорского правительства во всем, что касается размеров, способов и планов, с подробным всего изложением, относится к туркестанскому генерал-губернатору. Туркестанский генерал-губернатор от российского императорского правительства имеет надлежащие полномочия, касательно приведения в исполнение означенных представлений эмира».

По всей видимости, Столетов решил сыграть именно на мирном разрешении конфликта и предложить эмиру военную помощь в случае нападения на его страну Англии, явно полагая, что теперь уже никакого подобного нападения не предполагается. Разве не логично предположить, что раз мы отступаем и распускаем свои отряды, то успокоится и Англия, а дальше все потечет мирным порядком. А о чем же иначе и было говорить послу России, как не о предполагаемом дружественном союзе с соседом в войне и мире?

Однако генерал Терентьев трактует эту историю иначе: «...среди целого ряда обещаний, щедро рассыпанных в конвенции, есть одно заведомо неосновательное, чтобы не сказать сильнее: это параграф 6-й. Столетов уверяет эмира, что в случае „чего, Боже избави“, как сказано

в предыдущей статье, на которую цитируемый параграф ссылается, — эмир, с требованием о помощи, против своих врагов „относится к туркестанскому генерал-губернатору“, а последний, конечно, и исполнит просьбу эмира, так как „имеет на то надлежащие полномочия“ от императорского правительства.

Это совершенная неправда, которая принесла Кауфману много огорчений и стыда. На самом деле его, так сказать, держали на привязи телеграфной проволокой: и сосредоточие отрядов, и расформирование их — предписывались ему по телеграфу из Петербурга и Ливадии. Понятно, что такой важный вопрос, как война с англо-индийским правительством, которая неминуемо повлекла бы за собой и войну европейскую, не мог быть предоставлен благоусмотрению одного туркестанского генерал-губернатора. Отсюда общее мнение, что Столетов надул несчастного афганского эмира, который, веря ему, „как самому Кауфману“, окончательно рассорился с англичанами и пострадал, тщетно умоляя о присылке обещанной ему, по договору и на словах, вооруженной помощи...»

А вот что пишет Хопкирк: «К тому времени вице-король лорд Литтон уже отлично знал правду и был взбешен очевидным двуличием Шер-Али. Эмир, неоднократно отказывавшийся принимать британскую миссию для обсуждения отношений между двумя странами, теперь тайно приветствовал русских!» Здесь очень важны два момента — *неоднократно отказывавшийся принимать британскую миссию* и *тайно приветствовал!* Неужели, по мнению англичан, эмир Кабула должен был немедленно разослать всем державам телеграммы о том, что он принимает русское посольство? Что же касается «неоднократного отказа», то любопытно, как бы лорд Литтон отреагировал, если б узнал о том, что Шер-Али сказал Столетову: «Англичане иначе не вступают на почву Афганистана, как держа в правой руке меч, а в левой огонь».

Но Хопкирк добавляет здесь следующую чувствительную нотку: «Вице-король не знал не только этого, он совершенно не учитывал степень давления русских на афганского правителя, пребывавшего в состоянии глубокой депрессии после смерти любимого сына. И теперь Кауфман предупредил его, что, если эмир не согласится на договор о дружбе с русскими, Россия активно поддержит его племянника и претендента на трон Абдурахмана, находившегося в то время под

русским покровительством в Самарканде». Да, действительно, «спасаясь бегством в пределы России, Абдуррахман встретил широкое гостеприимство и в течение 11 лет жил со своим двором на щедрых русских хлебах, пользуясь полной свободой передвижения. Все это хорошо известно англичанам...» — писал переводчик автобиографии Абдуррахмана М. Грулев.

У русской стороны, естественно, был запасной ход на случай, если эмир Афганистана откажется пропустить наши войска. Вот что Кауфман писал Милютину еще накануне отправки Столетова в Кабул: «Я полагаю, по приезде сюда генерала Столетова, отправить его в Кабул, поручив ему поставить категорический вопрос кабульскому эмиру о том, какие ему угодно будет установить отношения к нам, выставить все выгоды доброй дружбы с нами и союза и, в то же время полагаю двинуть отряд к Шир-абаду или к Аму-дарье; если же ответ Шер-Али будет нам неблагоприятный, то есть, если он отвергнет нашу дружбу и союз, то тогда мы имеем могучее, по-видимому, средство начать с ним борьбу, в лице Абдуррахман-хана; тогда для нравственной поддержки этого претендента, наше движение вперед к Шир-абаду, а затем, быть может, и далее, получит еще большую важность. Имя Абдурахман-хана очень популярно в Афганистане, в особенности в северной его части...»

Однако, как мы знаем, и здесь предположенное с большой долей вероятности жестокосердие Кауфмана оказалось просто надуманным. Также, как и последующее утверждение, что Шер-Али был вынужден подписать договор с Россией, «гораздо в большей степени опасаясь нажима со стороны России, чем со стороны Британии». На самом деле ситуация выглядела с точностью до наоборот, что дальнейшие события и подтвердили. Прекрасно зная о том, как англичане ведут свои колониальные дела — не останавливаясь при достижении своих целей ни перед какой жестокостью, — эмир опасался их по-настоящему. И я больше чем уверен, что, скорее, этот договор был навязан эмиром Столетову, всячески пытавшемуся ему ничего не обещать.

Но как трудно неопытному дипломату — не стоит забывать о том, что Столетов был отнюдь не дипломатом, — отказать правителю соседнего государства в дружбе и в помощи! Особенно, если он так искренне ее добивается. Вот что писал Столетов Кауфману: «Жадности к деньгам и какой-либо надежды получить их от нас я в

нем не заметил, напротив, по этому он высказывал взгляды совершенно противоположные, тогда как на нашу помощь войсками, т. е. солдатами, надежда у него сквозит на каждом шагу», а в конце письма прибавил: «Не имея смелости рассуждать о высоких интересах государственных, я тем не менее священным долгом считаю доложить мое нижеследующее мнение: в настоящее время в Туркестанском округе нужно иметь значительные отряды войск (не менее, чем Ваше Высокопревосходительство предполагали собрать), на всякий случай наготове, так как мне кажется, что новые отношения налагают на нас новые обязательства».

Но у англичан в этой истории были свои цели.

Лорд Литтон с телеграфного одобрения Лондона решил направить в Кабул свою миссию, заведомо будучи готовым в случае необходимости применить силу. Такой шаг был предпринят в чисто английском духе. Возглавил миссию генерал сэр Невилл Чемберлен, старый пограничник, бывший с эмиром в прекрасных отношениях. Сопровождать его должен был старший политический советник майор Луи Каваньяри. Граф Пьер Луи Каваньяри, сын наполеоновского генерала, получил образование в Англии, закончив Аддискомбское военное училище. Впоследствии Каваньяри поступил на службу в Ост-Индскую компанию, участвовал в подавлении восстания сипаев, за что получил командорский знак ордена «Индийская звезда». Теперь же его направили в Кабул, якобы желая восстановить пошатнувшееся равновесие в этом регионе. С ними следовал эскорт в двести пятьдесят солдат Корпуса разведчиков, по мнению англичан, точно таким же количеством людей, как у генерала Столетова, а на самом деле — ровно в десять раз больше; это, по мнению британцев, и было истинным равновесием.

Четырнадцатого августа вице-король послал эмиру письмо, сообщая о своем намерении направить в Кабул делегацию и испрашивая охранное свидетельство на путь от границы. Эмир, по свидетельству Яворского, прежде чем ответить на письмо англо-индийского правительства, обратился за советом к генералу Столетову, спрашивая, как ему поступить в данном случае. Генерал Столетов посоветовал эмиру не принимать в Кабуле английского посольства! И этот совет стал еще одним роковым шагом для России. Правда, с другой стороны, Столетов вполне мог полагать, что, кроме отмены

нашей диверсии в сторону Индии, все остальные инструкции должны были остаться неизменными. А инструкции, как мы помним, были вполне однозначные — всячески препятствовать влиянию англичан в Афганистане.

У эмира же афганского имелись свои резоны для того, чтобы отказать английской миссии. Еще в 1877 году в Пешаваре шли переговоры между первым министром эмира Сеид-Нур-Мухамед-шахом и представителями индо-британского правительства о том, чтобы за увеличенную субсидию эмир согласился: 1) отказаться от непосредственных сношений и переписки с другими государствами; 2) принять постоянного английского резидента в Кабуле и консулов в Герате и Кандагаре; 3) уступить какой-либо пункт, по выбору англичан, на Амударье, где они собирались завести свою флотилию для поддержания своего будущего резидента в Бухаре и для распространения своего влияния на Бухару и Хиву. Это был ответный шаг Британии на присоединение Кокандского ханства к России.

Однако афганский министр умер, не доведя переговоров до конца, а русско-турецкая война заставила англичан отложить на время свои планы насчет Афганистана, хотя войска уже тогда собирались поддержать эти английские требования оружием.

Совершенно ясно, что, когда пришли первые известия о намерении англичан снарядить посольство в Кабул, эмир отлично знал, какие предложения привезет с собою генерал Чемберлен. Знал он также и то, что англичане явятся не просить, а приказывать; что войска у них наготове и уже сосредоточиваются для вторжения в Афганистан. Из всех английских требований более всего эмир боялся требования о принятии английского резидента, так как отлично знал, что именно с него обыкновенно и начиналось порабощение всех индийских независимых государств. С резидентства Александра Бернса началась и Первая англо-афганская война. Кроме того, немаловажным представлялся и сам размер миссии, размещение которой представляло для эмира Афганистана определенные проблемы.

И Столетов, к которому эмир обратился за советом, разумеется, всецело поддержал эмира в его опасениях. Или он должен был сказать Шер-Али-хану, что на этот раз англичане будут вести себя иначе — не причинят ни вреда стране, ни ущерба авторитету властителя и не потребуют ничего, кроме изъявления дружбы? Но даже если бы

русский посол сам был уверен в этом, то таким обещаниям эмир все равно не поверил бы.

Но вот 24 августа, пробыв в Кабуле двенадцать дней и выполнив, как он полагал, свою основную задачу, Столетов оставил за себя полковника Разгонова и срочно отбыл в Ташкент для личного доклада обстоятельств дела непосредственному начальнику Кауфману. Со Столетовым эмир отправил «проводящих» — Мухамед-Хасан-хана и своего адъютанта Гулям-Хайдер-хана с двумя штаб-офицерами. Столетов также забрал с собой доктора Яворского и половину казаков для охраны на обратном пути.

Тридцать первого августа Столетов прибыл в Самарканд, где в честь «проводящих» афганцев устроена была пышная встреча: выстроенные на бульваре войска приветствовали их дружным «ура», а артиллерия салютовала тридцатью выстрелами.

Пятого сентября афганцы прибыли со Столетовым в Ташкент и 6-го представились Кауфману.

Согласно личному докладу Столетова, сам эмир пожелал удержать при себе русское посольство в видах увеличения своего престижа, и Кауфман после разговора со Столетовым оставил миссию в Кабуле на неопределенное время. Относительно же заключенного Столетовым соглашения с эмиром, для нас сейчас, наиболее и прежде всего, важна первая реакция его непосредственного начальника.

Кауфман ухватился за мысль о протекторате над Афганистаном и в письме от 9 сентября просил военного министра «передвинуть в округ не менее двух пехотных дивизий и четыре полка казаков, начав это передвижение настоящею же зимою».

«Вот к чему, — продолжает Кауфман, — нас обязывает протекторат над Афганистаном. С другой стороны — уклониться от этого протектората значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению. Нельзя не сознаться, что такой оборот дела повредит нашему положению на востоке. Отказ наш от протектората над Афганистаном на весьма долгое время сделает невозможными какие-либо сношения с этой страной, так как в свою очередь англичане сумеют обеспечить себе исполнение тех обещаний, которые вынужден будет дать им эмир Шер-Али-хан.

Все это покажет населению Афганистана и Индии английскую силу и могущество и наше сравнительное бессилие. Мы сами себе закроем в этом случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией, а этот театр действий, по моему убеждению, для нанесения решительного удара Англии возможен только при условии союза с Афганистаном. Едва ли мы можем быть опасны для Англии — иначе, как при условии мирного пути от р. Аму до границ Индии; при этом условии среднеазиатский театр действий приобретает важность первостепенную. Обеспечить себе возможность действовать на этом театре нам необходимо в виду будущего окончательного решения восточного вопроса. Не имея возможности нанести Англии решительный удар в Азии, мы рискуем, что восточный вопрос, когда настанет время продолжать его решение, или опять затормозится, или при новой какой-либо комбинации европейской политики, решится не в нашу, а в английскую пользу».

К письму от 9 сентября на имя военного министра Кауфманом была приложена копия с соглашения, предложенного Столетовым эмиру, — значит, на этот момент действия Столетова не получили осуждения Кауфмана. Кстати говоря, следует обратить внимание и на следующий факт: поскольку на чистовом бланке договора, привезенного Столетовым Кауфману, нет никаких подписей и печатей афганской стороны, то и договор этот, соответственно, не является договором в полном смысле слова, а представляет собой лишь проект договора. Это также доказывается всем дальнейшим ходом дела.

На следующий день в Кабул было отправлено письмо, полученное там в конце сентября, следующего содержания: «Высочайше повелено до окончательного решения дел о сношениях наших с Афганистаном, вам с прочими членами миссии оставаться в Кабуле, чтобы удержать занятую нами позицию». Одиннадцатого сентября оставленному Столетовым в Кабуле в качестве главы посольства полковнику Разгонову для представительности было присвоено звание генерал-майора — и это опять свидетельствует о полной поддержке Кауфманом действий Столетова.

Тем временем лорд Литтон, не дождавшись никакого ответа от Шер-Али, дал приказ Чемберлену двигаться ко входу в Хайберское ущелье. Оттуда майор Каваньяри с небольшим эскортом выехал вперед и направился к ближайшему афганскому посту, где попросил выдать разрешение на въезд в страну. Однако возглавлявший пост офицер заявил, что получил приказ препятствовать движению миссии, при необходимости даже силой оружия, и не будь Каваньяри давним его знакомым, он бы уже открыл огонь по нему и его отряду как по нарушителям границы.

Однако 3 сентября по ошибке пограничного постового начальника в Кабул пробрался индеец Невад-Гулан-Гасан, принятый по совету Разгонова. Этот посланец, прибывший только с 9 нукерами, привез эмиру дружеское письмо от вице-короля и генерал-губернатора Индии. Он был принят 10 сентября, а 24 сентября уже отправлен назад. Эмир отвечал, что у него траур по случаю смерти наследника и потому посольства принять не может, тем более с таким огромным конвоем и свитой. Такой ответ он дал по совету нового главы русской миссии генерала Разгонова.

Лорд Литтон, возмущенный отказом эмира, стал убеждать кабинет министров не тратить времени даром и санкционировать немедленное объявление войны!

Восемнадцатого сентября Кауфман получил от Милютина телеграмму с высочайшим повелением командировать Столетова в Ливадию и, до разрешения всех вопросов, удержать афганское посольство у нас, а наше в Кабуле.

Шестнадцатого и семнадцатого октября Разгонов написал Кауфману два письма, которые генерал-губернатор получил только 6 ноября. Судя по всему, новоиспеченный генерал к этому времени уже достаточно хорошо разобрался в сложившейся ситуации. Возражая против мнения, будто миссия должна оставаться в Кабуле для удержания за собой позиции, Разгонов доказывал, что для пользы дела миссию, наоборот, следует отозвать как можно скорее. Наша позиция, говорил он, «останется за нами, но только до тех пор, пока власть эмира не пошатнется. Она наверное пошатнется, если только англичане разовьют свои действия с достаточной энергией. Я всего менее боюсь английских войск, но крепко боюсь их золота, я боюсь внутренних смут, которые они поднимут. Разделяй и властвуй — их

неизменный девиз, и конечно никто в мире не умеет лучше их применять его к делу, особенно в Азии, когда им нужно посеять и раздуть внутреннюю смуту. Следовательно, удержать позицию — значит, по моему мнению, сделать все возможное для поддержания прочности власти эмира, устранить, избегнуть по возможности всего того, что могло повредить ей.

На этот раз самое нужное — ослабить настойчивость и энергию действий англичан, ибо помощь наша еще далека. Наше же пребывание в Кабуле есть один из сильнейших стимулов, двигающих англичанами... Дня три назад визирь повторил мне снова то, что говорил уже много раз: англичане прямо говорят нам: удалите русских из Кабула — и мы успокоимся...

Таким образом, полезную деятельность миссии в Кабуле можно считать совершенно законченной. Дальнейшее пребывание наше здесь в настоящую минуту только вредит делу, вызывая настойчивую, раздражительную деятельность англичан и ускоряя их военные и другие операции, что вовсе не желательно».

До какой степени Разгонов верно понимал дело и предсказывал события, выяснилось не далее, как через месяц, но тогда Кауфман ему не поверил. А может быть, просто не захотел действовать, руководствуясь «боязнью англичан».

Рисуя участь злополучной миссии, сидящей в заточении без всякого дела, Разгонов говорил: «Дома здесь совершенно не приспособлены для зимнего времени года: печей нет вовсе, да они были бы бесполезны, потому что вся четвертая стена каждой комнаты есть деревянный, сложенный из кусочков, ажурный ставень, отодвигаемый по частям кверху. Это очень удобно летом, но зимовать удобнее в порядочной юрте, чем в таких комнатах, где поэтому проводят целые дни, закутавшись в шубе, над жаровней с углями.

И вот, среди такой обстановки придется провести зиму людям больным, истомленным до последней крайности злокачественной болотной лихорадкой и тифом, без всяких удобств для жизни, без доктора, без лекарств, почти без денег и даже без возможности моциона и движения на свободном воздухе... Что же касается возможной пользы, которую могла бы принести миссия своим присутствием здесь, то для этого необходимы деньги и влияние, которых нет, и главное войска. Англичане для начала деятельности

посольской миссии ассигновали 300.000 рублей, имеют здесь давно подготовленную почву и войска на самой границе, всего в 300-х верстах от Кабула».

Двадцать первого октября комендант афганской крепостцы Али-мечеть в Хайберском ущелье (в семи километрах от границы) получил от английского поверенного майора Каваньяри, из города Пешавара, сообщение, что «в скором времени победоносные английские войска двинутся к крепости Али-мечиту, для удаления оттуда офицеров и войск эмир-сагиба. Поэтому прошу вас, Фейз-Мамед-хан, по получении этого письма, очистить крепость Али-мечеть от офицеров и афганских войск во избежание столкновения их с английскими войсками и племенем хейберских афродитов, сопровождающих английское войско...»

Комендант, однако, ответил торопливому майору, требовавшему сдачи крепости ранее объявления войны, следующее: «Желая пройти в Кабул, вы предлагаете мне сдать вам крепость Али-мечеть, прибавляя при этом, что войска ваши двигаются туда; на все это я сообщаю вам, что крепость Али-мечеть имеет своего хозяина, и если вы решаетесь прийти, то идите». Майор не решился.

Эта странная выходка Каваньяри, должно быть, была навеяна многочисленными историями о взлетах наполеоновских маршалов, среди которых вращался его отец. Ему и в самом деле в скором времени суждено было взлететь высоко...

Двадцать третьего октября генерал Разгонов получил от Кауфмана письмо от 29 сентября, в котором было сказано, что «эмиру следовало бы принять английское посольство, если этим можно избежать войны, тем более, что по заявлению англичан, они посылали посольство для укрепления дружбы, и что пока эмир еще не знает, что от него потребуют. Не следует только заключать с англичанами никаких обязательств». В письме также говорилось, что в случае начала войны русская миссия должна испросить разрешения на отъезд у эмира...

Двадцать девятого октября Разгонов получил очередное послание Кауфмана от 13 октября с приказанием из Ливадии все-таки сидеть в Кабуле вплоть до особого приказания. Получая то и дело столь разноречивые приказания, для успешных действий при дворе иностранного государства, несомненно, должно было иметь особую

дипломатическую закалку, каковой ни у Разгонова, да и у Столетова совсем не было.

Тридцатого октября в Ливадии в высочайшем присутствии состоялось особое совещание, для которого был вызван из Лондона и русский посол граф Шувалов. Ему поставили задачу всеми возможными способами смягчить позицию Англии по отношению к Афганистану и склонить ее к мирному решению разногласий.

В этот же день Кауфман получил телеграмму, в которой говорилось, что предложенный нам эмиром союз, как вовсе не соответствующий интересам России и направлению нашей политики, «Его Величеству угодно было отклонить» и что для обсуждения вопроса о дипломатическом воздействии на английское правительство и ограждения Шер-Али-хана был вызван из Лондона граф Шувалов.

Первого ноября Кауфман по ходатайству Разгонова отправил с курьером в Ливадию письмо эмира. Письмо эмира приведено Яворским. Вот текст этого письма:

«Так как согласно потребностям дружбы и расположения, необходимо уведомить Ваше Императорское Величество о стечении некоторых обстоятельств и происшествий, то и прошу Вас позволить написать Вам, что с тех пор, как двери дружеских сношений открылись между могущественным правительством Вашего Величества и здешним, покровительствуемым Богом правительством и произошли дружеские сообщения, — сердца чиновников британского правительства почувствовали себя оскорбленными. Давно уже они надоедали и беспокоили служащих богоданного правительства и проявили много неприятных поступков, которые не согласуются с условиями соседства. Огонь их зложелательства и лукавства еще не погас, когда миссия Вашего Величества прибыла в мою столицу Кабул и стала нанизывать перлы дружеских чувств на нить государства. Это событие увеличило их (англичан) оппозицию и вражду: по прибытии миссии Вашего Величества, они выказали враждебное настроение публично и частным образом, поступали бесчестно и заявляли свою вражду множеством разных способов. Прежде всего они пришли к Джамруду, местности на моей границе, со множеством спутников, которых они называли своими провожатыми, — по-видимому с каким-то поручением, а на самом деле, чтобы причинить зло богоданному правительству, и хотели без позволения пройти в столицу и

удовлетворить своему желанию оскорбить миссию Вашего Величества.

Когда же начальники передовых постов и чиновники, покровительствуемого Богом правительства поразили сердца их желаний рукою отказа, говоря, что завязывать дружеские сношения силой и посылать миссию с такой толпой и бунтом противно обычаям каждой нации, — они возвратились в Пешавар и теперь заняты организацией похода в Афганистан, разослали прокламации о войне по всем углам и закоулкам и прилагают все свои старания к тому, чтобы подрывать основания Афганского государства.

Несмотря на все это, чиновники нашего богоданного правительства ничего еще не сделали им недружелюбного или враждебного и смотрят на первый их враждебный акт, как на неосмотрительный и неблагоразумный. Но это факт, что чем более мы уступаем, тем враждебнее они делаются.

Британское правительство, в настоящее время, стоит в таком же положении к Афганистану, как 40 лет тому назад, когда посланник славного русского правительства и агент британского правительства приезжали в Афганистан. Покойный эмир, руководимый здравым смыслом, предпочел дружбу Вашего Императорского Величества дружбе британского правительства, вследствие чего Афганистан и выстрадал то, что выстрадал.

Но англичане решились на войну, и подданные богоданного правительства будут защищать свои границы, жизнь и имущество, как только позволят их силы. Посмотрим, чем закончит Провидение эту войну и что оно даст, чтобы ее избежать.

Вышеприведенное есть откровенное изложение положения вещей, от начала до конца, что я и пишу для извещения Вашего Императорского Величества. Я надеюсь, что Ваше Величество будете столь любезны, пошлете мне дружескую помощь, соответственную величю Вашего Императорского Величества, для поддержания спокойствия в Афганистане».

Содержание письма было вкратце сообщено Кауфманом в Ливадию телеграммой, а когда известное совещание по афганскому вопросу уже решило вопрос о помощи отрицательно, само письмо было послано туда же с курьером.

Третьего ноября Кауфман отправил Разгонову письмо, в котором передавал приказание дать эмиру совет помириться с англичанами, пока еще не поздно. Однако было уже поздно, 6 ноября эмир получил ультиматум.

«Его высочеству эмиру Шер-Али-хану, наместнику Кабула и зависящих от него стран.

Уважаемый и дорогой друг. Я получил и прочитал письма, которые Ваше Высочество послали мне через посредство моего Наваба-Гулям Хассан-хана.

Вероятно, Ваше Высочество сохранили в памяти, что тотчас по прибытии моем в Индию, я предполагал послать к Вам дружественное посольство с целью убедить Вас в добрых намерениях британского правительства и устранить прежние недоразумения, на которые Ваше Высочество часто указывали.

Оставив это предложение долгое время без ответа, Вы, наконец, отвергли его на том основании, что не можете отвечать за безопасность какого бы то ни было европейского посольства в своей стране, и что принятие британской миссии могло бы дать повод России принудить вас принять и русскую миссию.

Хотя такой отказ принять дружественную миссию и противен практике союзных государств, но британское правительство, не желая стеснять Ваше Высочество, приняло Ваши извинения.

Однако же Ваше Высочество приняли теперь в своей столице русское посольство, и в такое время, когда считали неизбежною войну, в которой Англия и Россия принадлежали бы к противным сторонам. Таким образом, Ваши действия не только противоречили причинам, указанным Вашим Высочеством, относительно непринятия британской миссии, но и придавали Вашему поведению такой вид, будто бы оно побуждалось неприязненными мотивами, по отношению к британскому правительству.

При таких обстоятельствах, помня прежнюю свою дружбу с отцом Вашего Высочества и все-таки желая сохранить с Вашим Высочеством дружественные отношения, британское правительство решило, по миновании времени, требуемого постигшим Ваше Высочество семейным горем, послать к Вашему Высочеству миссию под начальством сэра Невилля Чамберлейна, доверенного и отличного

офицера правительства, лично известного Вашему Высочеству. Конвой, приданный его посольству, не превосходя 200 человек, уступал численностью тому, который сопровождал Ваше Высочество на британскую территорию и не превышал потребности, обусловленной достоинством моего посла. Такие посольства обыкновенны между соседними дружественными государствами и никогда им не отказывают, за исключением случая, когда имеются враждебные намерения. Я послал чрез доверенного посланца письмо, уведомлявшее Ваше Высочество, что миссия, аккредитованная с этой целью, имела дружественный характер, что дела ее были спешные и что она должна двинуться безотлагательно.

Не смотря на это, Ваше Высочество, получив мое письмо, не задумались приказать своим пограничным властям отбросить посольство силою...

На этот враждебный поступок и оскорбление, нанесенное Императрице Индии, в лице ее посланника, Ваши письма не представляют ни оправданий, ни объяснений; нет в них и ответа на мое предложение полного и откровенного соглашения между обоими нашими правительствами.

Вследствие этого враждебного поступка Вашего Высочества я стянул силы Ее Величества на вашей границе.

Но я хочу дать Вашему Высочеству последний случай предотвратить действия войны. Для этого необходимо, чтобы Вами было представлено письменное полное и соответствующее оправдание, и чтобы оно было доставлено на британскую территорию офицером достаточно высокого чина. Далее, так как оказалось невозможным сохранить удовлетворительные отношения между обоими государствами иначе, как если британское правительство будет представлено в Афганистане одинаково (разуметь надо: с русскими), то Вашему Высочеству необходимо будет согласиться принять в Ваши владения постоянную британскую миссию.

Далее существенно, чтобы Вы распорядились о том, чтобы никакой обиды не было причинено тем племенам, которые служили проводниками моей миссии, и чтобы они получили вознаграждение за убытки, причиненные им Вашим Высочеством, и если Ваше Высочество причините им какое бы то ни было оскорбление, то британское правительство немедленно примет меры для их охраны.

Если эти условия не будут приняты Вашим Высочеством окончательно и полностью, и если уведомление о принятии их Вами не будет получено мною до 20 ноября 1878 г. включительно, то в таком случае, я вынужден буду смотреть на намерения Вашего Высочества, как на враждебные, и поступать с Вашим Высочеством, как с отъявленным врагом британского правительства.

Приношу выражение высокого уважения, которое я питаю к Вашему Высочеству и подписуюсь,

Вашего Высочества искренний друг

Литтон,

вице-король и генерал-губернатор Индии.

Симла.

29 октября 1878 года».

Теперь у афганского владыки оставалось только 14 дней на то, чтобы составить ответ и успеть доставить его.

В письме от 6 ноября Разгонов пишет: «Эмир не мог не обратить внимания, что англичане, именуясь его друзьями, уже не называют его эмиром Афганистана, а каким-то „вали“; что он, эмир, мог быть другом Императрицы Индии, но никак не вице-короля, и что наместник индо-британский теперь уже говорит с ним языком властелина своему вассалу».

Итак, ультиматум Литтона был неприятен эмиру не только своим внутренним содержанием, но и внешней формой.

Настала критическая минута в истории Афганистана: английские войска стояли у ворот и ждали сигнала, а перед ними виднелось многочисленное «дружественное» посольство с богатыми подарками, которых эмир не только не хотел, но по мудрому правилу «Бойся англичан, дары приносящих» откровенно боялся. Со стороны же отдаленных границ России не было видно ни войск, ни подарков. Но прежний русский посол обещал вооруженную помощь, даже составил договор об этом и вручил экземпляр эмиру. К кому же обратиться за советом в таком крайнем и решительном случае? И эмир опять обратился за советом к Разгонову.

Сначала Разгонов хотел было посоветовать эмиру принять английскую миссию, «но, ознакомившись ближе с положением дела, я

убедился в необходимости отклонить прибытие английской миссии в Кабул. Причины этому следующие:

1) Уже 10 лет эмир упорно отказывал англичанам в приеме их посланцев, и это не повело к войне.

2) Условия, которые посольство должно было предложить эмиру, были уже известны. Эти условия были отредактированы в Пешаваре еще в начале 1877 года, и тогда же была снаряжена военная экспедиция, дабы, в случае надобности, силою оружия заставить эмира принять эти условия, которыми Афганистан превращался в вассальную территорию индо-британского правительства.

3) Наше присутствие в Кабуле едва ли могло изменить редакцию этих условий в выгодную сторону, как для Афганистана, так и для нас.

4) Раз приехав в Кабул, англичане не уехали бы отсюда, не доведя дело до конца. А так как эмир не принял бы, в чем я уверен, ни одного пункта этих условий, то разрыв последовал бы чрезвычайно быстро.

5) Явившись в Кабул с запасом золота, имея здесь много агентов и, при существовании недовольных людей в самом Кабуле, англичане непременно подняли бы весьма серьезные внутренние беспорядки и одновременно с этим двинули бы войска в пределы Афганистана. Таким образом, с прибытием английской миссии в Кабул, разрыв делался бы еще неизбежнее, и кризис наступил бы еще скорее. Только полным, безусловным принятием условий и немедленным удалением нашей миссии из Кабула эмир мог сохранить мирные отношения с англичанами».

Таким образом, новоиспеченным генералом Разгоновым было принято неожиданно парадоксальное решение. Насколько обоснованно он поступил, каждый решит по-своему, но, как бы то ни было, главное заключалось в том, что окончательное слово все равно оставалось за эмиром.

Разгонов в письме от 8 ноября сам сетовал, что, не имея инструкций и ничего не зная о переговорах и обещаниях Столетова, он был поставлен в крайне тяжелое положение. «Мне оставалось одно: действовать на свой страх, по своему усмотрению. Я старался поддерживать и развивать ненависть и недоверие к англичанам; я постарался укоренить незыблемое убеждение в неборимом могуществе России, в величии духа ее Императора, в прямоте и крепости его слова. Затем я постарался не связать себя никаким

словом, никаким определенным ответом или обещанием... Выдерживать с честью такое положение олимпийского оракула, среди таких серьезных критических обстоятельств возможно только короткое время, а не 15 недель...»

И вот 18 ноября в Кабул пришло письмо Кауфмана с приказанием Разгонову подать совет эмиру помириться с англичанами.

Кауфман уведомлял, что письмо эмира к государю он послал в Ливадию с курьером, а для эмира писал так: «Считаю нужным затем уведомить Ваше Высочество, что англичане, как мне точно известно, намерены сделать новую попытку примириться с вами. Со своей стороны я, как друг Ваш, думая о будущем, советую Вашему Высочеству, если англичане, как я уверен, сделают шаг к примирению, дать им ветвь мира».

По всей видимости, Кауфман рассчитывал на успех Шувалова, говоря о еще одной попытке. Посылая это письмо, он еще не знал, что русскому послу было рекомендовано не заводить разговоров на эту тему самому, а только замолвить словечко при случае. Случай же графу представился далеко не сразу, а тогда, когда уже было совсем поздно.

Разгонову Кауфман писал в общем то же самое, что и эмиру. Просил советовать эмиру примириться с англичанами, прибавляя, что помочь эмиру войсками не может, за неполучением на то повеления от государя, а кроме того, приказывал предложить Шер-Али-хану освободить из тюрьмы своего сына Якуб-хана, чтобы привлечь на свою сторону его многочисленных приверженцев.

Разгонов составил выписку из этого письма и с переводом на персидский язык передал ее визирю для доклада эмиру. Нота эта мало походила на категорический слог Кауфмана, который Разгонов счел нужным изменить, как он сам говорит, ради смягчения впечатления. Вот эта выписка.

«По положительным сведениям, Англия намерена сделать примирительную попытку; следует, во избежание несвоевременного столкновения с англичанами, пойти на примирение.

Если бы англичане пожелали, чтобы было принято их временное посольство, то, быть может, можно и не отказать им в этом, если посольство будет иметь конвой в 20–25 человек. И главное, чтобы

эмир-сагиб не связал себя какими-нибудь такими обязательствами, которые бы ослабили его независимость, его самостоятельность.

Если англичане решатся на то, чтобы сделать новый шаг к примирению, то, значит, они войны не хотят. Но если они не сделают этот шаг, снизойдя к нему и сделав возможные любезности, нет основания идти на дальнейшие уступки.

Следовательно, надо сделать так, чтобы эмир-сагиб избежал несвоевременного столкновения с англичанами, но так, однако, чтобы не связать себя какими-нибудь договорами, например, приемом постоянного резидента или поставлением английского гарнизона в каком-либо афганском городе или что-либо подобное.

Пусть помнит эмир-сагиб, что он есть и должен быть независимым государем Афганистана.

Пусть помнит, что если англичанам дать палец, они руку откусят».

К этому времени ответ на английский ультиматум был уже написан и содержал в себе отказ в резкой форме. Теперь приходилось переделывать его и смягчать выражения. Это задержало ответ.

На другой день, еще до восхода солнца, визирь разбудил Разгонова и затем целый день ему не давали покоя всевозможные сановники эмира, требовавшие разъяснения загадок в письме Кауфмана. Оказалось, что его персидский перевод был им совершенно непонятен. Афганцы указали Разгонову, что его «нота» с пресловутым «быть может, можно» не похожа на слова кауфманского письма и «что этого условного выражения не чувствуется в письме к эмиру». Тем самым они фактически обвиняли Разгонова в недобросовестности. Разгонов писал Кауфману, что они потребовали, и весьма настоятельно, дать им его письменное заявление, что слова его высокопревосходительства ими верно поняты и что английское посольство будет принято ими во исполнение категорически выраженного желания его высокопревосходительства. Он отказал в этом.

Разгонов объяснил свой отказ тем, что, в случае беды от английского посольства, афганцы будут иметь в руках «оправдательный документ» и свалят всю вину на русских.

Далее он написал Кауфману: «...эмир Шер-Али крайне озабочен и глубоко опечален сухостью и категоричностью Вашего письма... Он говорит: „Это письмо разбило мое сердце... хотя бы одно слово утешения и одобрения, хоть бы мне сказали — надейтесь, мы

озабочены этим делом, мы сделаем, что можем... Я целую жизнь борюсь с англичанами за независимость своего народа и до вашего прихода знал, что мне делать. Я всегда был вашим заочным другом, хотя и не искал вашей дружбы, не звал вас, но великий Император могущественной державы сам предложил мне дружбу, которую я поспешил принять с сердечной радостью, и с гордостью возвестил своему народу, что имею великого, вполне надежного союзника. Быть после этого опозоренным в глазах моего народа, стать посмешищем врагов — вот чего я боюсь!

— А как вы думаете, — спросил он меня, — этот позор падет также на Россию или нет? Как смотрит на это русский Император?»

Эту же фразу эмир употребил впоследствии и в письме к Кауфману, написанном примерно 20 ноября: «Дай Бог, чтобы не случилось никакого несчастья с государством моим; если же случится, то не без того, чтобы пыль этого несчастья не села на полы государства Его Императорского Величества».

Вследствие бесплодных споров с Разгоновым ответ на ультиматум Литтона был составлен только к утру 20 ноября. Имеются два перевода этого ответа: один сделан Назировым, а другой Ибрагимовым. Вот этот текст:

«Мы рассмотрели ответ на письмо, отправленное мною с посланцем Вашим Навабом-Гулям-Хасан-ханом. Содержание его мы подробно поняли. В начале письма сказано о дружеском посольстве Британии и о добрых намерениях англичан.

Вы раб Бога, пред Вашим блистательным умом и правдивостью преклоняются все. Обращаюсь к Вам: будьте Вы сами судьей и согласитесь, что верить и полагаться на слова друзей, которые о своих добрых намерениях только говорят, — нельзя; если же нужны доказательства на деле, то можно сказать следующее: в течение многих последних лет, Вы предъявляли так много требований и разнообразных желаний, что решительно не было никакой возможности исполнить их. Укажите, прошу Вас, хоть на один пример, который бы служил доказательством ваших добрых намерений... Сколько ни рассыпали Вы различных цветов, но от них не слышно хорошего запаха, которым бы можно было дышать; поэтому и добрых намерений подразумевать тут не приходится. Всеми своими

стараниями Вы только возбуждаете подозрения и опасения в государстве, дарованном нам свыше.

Далее в Вашем письме значится: „несогласие принять посольство Британии докажет, что Вы желаете начать войну“.

Да будет известно Вам, милостивейший друг, что, отказываясь принять британское посольство, Афганистан нисколько не думал быть Вашим врагом и начинать с Вами войну; мы нисколько не желаем ни враждовать с правителями Британии, ни оскорблять или унижать ее представителей. Мы только опасались, чтобы прибытие британского посольства не ослабило власти правителя страны, который до сих пор был полновластным государем своего народа; мы боялись разрушить здание мира, существующего много лет.

Настоящие же намерения англичан мы узнали только из Вашего письма. Боязнь и опасения народа, вкоренившиеся с давних времен, относительно приездов британских послов, ныне возросли еще до прибытия вашего посольства.

Далее у Вас сказано: „на нашей обязанности лежит охранять тех людей, которые поедут при посольстве, и если им будет причинен какой-нибудь вред, то мы сами будем защищать их“^[12].

Если бы опасность была не велика, если бы отправка посольства не была обусловлена такими требованиями и таким шумом, то, конечно, мы не вправе были бы отказать в его приеме и приняли бы его, согласно обыкновению других государств.

Откровенно говорю Вам, милостивейший друг, и чистосердечно пишу Вам, что Афганистан не питает к Британии решительно никакой вражды, нисколько не думает заводить спора, отворачивать голову и выказывать сопротивление, а до сих пор держится прежних дружеских отношений. Мне кажется, что и представителям Британии, знающим могущество своего государства, также следовало бы избегать причинения зла и огорчения своему преданному соседу и не предъявлять тяжелых требований преданному другу, а держаться прежних дружеских отношений с богоданным нам государством. Это послужит к укреплению прежних хороших отношений.

Если, по существующим международным порядкам, британское правительство захочет послать ко мне дружеское посольство^[13] с конвоем в 20–30 человек, по примеру русского посольства, то оно будет принято нами, и ему отказа не будет^[14]

Кроме дружбы ничего не питаем.
25. Зулькаде 1295 года».

К своему переводу Назиров прибавил, как видно, от себя, примечание, будто «эмир согласен иметь у себя представителя интересов Англии только из мусульман Индии».

И уже в этот же день, т. е. в последний день срока ультиматума, Разгонов записал: «Что английское посольство есть замаскированная война (троянский конь), в этом нет ни малейшего сомнения...»

Однако британцы настаивают на своей версии. Хопкирк пишет: «Сумятица еще более усилилась благодаря вмешательству русского Министерства иностранных дел, прежде отрицавшего всякие сведения о миссии Столетова, а теперь заявившего, что миссия Столетова — всего лишь визит вежливости, никоим образом не противоречащий прежним гарантиям по Афганистану, лежащему вне сферы влияния России. Это немного смягчило опасения Литтона, однако к истечению срока ультиматума 20 ноября никакого ответа от Шер Али не последовало, и вице-король 21 ноября 1878 года начал Вторую Афганскую войну британским наступлением через высокогорные проходы...

Литтон был настроен преподать эмиру жестокий урок и совершенно отчетливо продемонстрировать Санкт-Петербургу, что Британия не потерпит никаких конкурентов в Афганистане».

Однако здесь следует заметить, что Шувалов, выжидая удобного момента, смог заговорить об афганских делах с лордом Солсбери только 10 декабря, когда война давно уже полыхала. И таким образом, вмешательство русского Министерства иностранных дел никакой сумятицы не вносило. Более того, даже по самим английским источникам получается, скорее, что вся вина в развязывании этой войны падает на лорда Литтона и других британских «ястребов», решивших сокрушить соседнюю песчинку, а уж никак не на генерала Столетова.

Даже генерал Терентьев, несмотря на все свое явно отрицательное отношение к Столетову в этой истории, все же не удерживается от вполне резонных замечаний, к которым обязывают факты. Он пишет: «Англичане, очевидно, старались вызвать войну, но как афганцы не подавали к тому никаких поводов, то и придумано было ловкое

средство: снарядить такое дружеское посольство, чтобы его отнюдь принять не могли, хотя бы из-за того, что прокормить целый отряд, по посольскому положению, небогатая страна прямо не в состоянии. Отказ же в принятии посольства будет объявлен обидой Императрице Индии, а затем — война».

Русский военный агент в Лондоне, свиты Его Величества генерал-майор Горлов, в письме к военному министру от 28 сентября 1878 года за № 29, между прочим, говорит: «В Memorial Diplomatique, от 23 сентября (5 октября), подтверждено представленное мною в письме за № 27 сведение, что английское правительство знало заранее, что его миссию не примут в Афганистане».

В № 43 английской газеты «Индийская Трибуна» 19 октября того же года появилась статья «Предстоящая война», где, между прочим, было сказано: «Война эта началась бы 18 месяцев назад, тотчас после неудачи пешаварской конференции, если бы тогда в Европе не разразилась война между Россией и Турцией. Военным силам, сосредоточенным в Кохате весной 1877 г., для принуждения Шер-Али-хана к принятию договора, привезенного сэром Левисом Пелли, не было приказано двинуться на Кабул только потому, что русские напали на своего родового врага — турка.

Люди, знавшие настоящую причину назначения вице-королем Индии именно Литтона, были убеждены, что выполнением политики, продиктованной пешаварской конференцией, займутся серьезно тотчас по водворении мира в Европе. И едва был окончен Берлинский конгресс, Министерство иностранных дел объявило об отправлении посольства к кабульскому двору.

Объявление это ясно показывало, что правительство считало совершенно безразличным, — согласен ли эмир или нет принять посольство. Его не спрашивали, примет ли он миссию, к нему только послали эмиссара с уведомлением о ее приближении и просьбой сделать надлежащие распоряжения о безопасном проходе ее чрез его территорию.

Не ожидая ответов эмира на письма вице-короля, миссии дано было приказание перейти границу; вследствие чего, конечно, ей не дозволено было продолжать свой путь. Правительство получило ожидаемое им оскорбление, которого оно добивалось, и согласно этому, война Афганистану будет объявлена, как только все

приготовления будут окончены». К тому же как приятно было свалить вину за начало войны на русских, а с их стороны — перенести ее на несчастного генерала Столетова...

Вторая англо-афганская война

*Хороший сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший сагиб у Сами и умный,
Только не считает Сами человеком...*

Н. Тихонов

1

Двадцать первого ноября, так и не дождавшись ответа от эмира, британские войска пересекли границу Афганистана.

Вторжение осуществлялось тремя колоннами. Первая, Пешаварская, в десять тысяч человек при тридцати орудиях под командованием генерал-лейтенанта сэра Самюэля Брауна, выступила 21 ноября соответственно из Пешавара и двинулась через Хайберский перевал на Джелалабад и Кабул. Вторая, Куррамская, насчитывала пять с половиной тысяч солдат и офицеров при двадцати четырех орудиях под командованием генерал-майора Фредерика Робертса и должна была выступить 30 ноября из Кохата (местечко примерно в сорока километрах от Пешавара) и двигаться через Пейварский, затем через Шутургарданский перевалы, левее первой колонны, также на Кабул. Третья, Южная, или Кандагарская, состояла из тринадцати тысяч пятисот пятидесяти солдат и офицеров (с обслугой — не менее шестидесяти тысяч человек) под командованием генерал-лейтенанта Дональда Стюарта и должна была начать движение из Кветты на Кандагар 1 января 1879 года. Всего армия вторжения насчитывала около тридцати тысяч человек, а с сопровождением — более ста двадцати тысяч. Кроме того, в тылу каждой группы был сформирован пяти-, шеститысячный резерв, оснащенный артиллерией.

С началом войны через своих тайных агентов англичане разослали во все города Афганистана прокламацию, напечатанную на персидском языке. В ней говорилось, что десять лет назад эмир Шер-Али-хан после долгих стараний и войн утвердился на престоле при

денежной помощи англичан. Власть его была не прочна, границы с соседями не определены. Он просил свидания с вице-королем, который сердечно принял его в Амбале, щедро одарил его и без всяких условий наделил его золотом и оружием. Упрочив тем его власть, вице-король позаботился о границах и настоял на признании Россией новых границ с Бухарой и Кокандом. Прислав еще раз оружие, английское правительство, несмотря на противодействие России, присоединило к Афганистану Вахан и Бадахшан. Афганские подданные свободно торговали в Индии, пользуясь покровительством британских законов.

«За все это эмир отплатил черною неблагодарностью: 1) он отказался пропустить через Бадахшан, полученный им из рук Англии, ее высокопоставленного офицера, возвращавшегося во главе посольства из соседнего ханства (речь идет о Форсайте); 2) запретил въезд в Афганистан английским подданным; 3) отнимал у купцов, британских подданных, товары; 4) казнил смертью трех из своих подданных, которые подверглись только подозрению в сношениях с британским правительством; 5) старался всеми силами возбудить в Индии ненависть против англичан и вызвать восстание; 6) выслал из Афганистана британских офицеров и резидента; 7) отказался принять британское посольство; 8) не отвечал на дружеские письма вице-короля; 9) отклонил все старания англичан восстановить добрые с ним отношения; 10) принял в Кабуле с торжеством и почестями русское посольство, зная, что между Россией и Англией отношения были натянуты и что Афганистан изъят из-под влияния России; 11) отказал во второй раз принять британское посольство, не смотря на то, что русская миссия пользовалась уже его гостеприимством; 12) не отвечал, наконец, и на последнее письмо вице-короля, с предложением условий миролюбивого соглашения.

Эмир Шер-Али принял долготерпение Англии за признак ее слабости и сам напросился на заслуженное наказание. Остальной народ ни в чем не провинился, и потому ему предлагается оставаться мирным, если не хочет также подвергнуться беде».

Далее следовал и только слегка завуалированный выпад в сторону России: «Британское правительство не позволит также никакому другому государству вмешиваться во внутренние дела Афганистана», а в заключение было прибавлено: «Выбор вражды вместо дружбы с Англией лежит на шее эмира Шер-Али-хана».

Перед самым выступлением англичане подкупили хайберских афганцев племени афродит, чтобы те не только не мешали им, как в 1841 году, но и помогли бы пройти знаменитое ущелье. И этой своей цели англичане добились вполне, храбрые горцы опустили свои булатные сабли перед английским золотом... Хейберцы указали англичанам четыре горные тропинки, по которым те обошли крепость Али-мечеть.

Нарочный, посланный 20 ноября с ответом эмира на ультиматум, подъехал к Али-мечети только 22-го и застал бой в полном разгаре. Не догадавшись выставить белый парламентский флаг, какой-нибудь белый платок, а может быть, и просто боясь попасть под пули, нарочный возвратился с письмом в Кабул. Однако, по настоянию Разгонова, он был послан снова и передал письмо, но это случилось уже лишь 3 декабря, то есть через одиннадцать дней после срока истечения ультиматума.

Как только англичане начали боевые действия, эмир, естественно, потребовал от Разгонова, как представителя миссии, исполнения обещаний Столетова. Яворский писал по этому поводу следующее: «Миссии не было известно, что обещал и чего не обещал генерал Столетов эмиру. А между тем эмир утверждал, что генерал Столетов обещал вернуться в Кабул во главе тридцатитысячного войска».

Положение Разгонова, которому Столетов не передал даже своей инструкции и не знавшего, в какой мере можно говорить эмиру правду, чтобы не разойтись с правдой Столетова и не краснеть за него и за себя, — было критическое. На его ответы «не знаю» эмир возражал: «Кто же будет знать? Ведь вы — посол России, вам именно и нужно это знать».

А когда ответ противоречил сказанному прежде Столетовым, эмир спрашивал:

— Так кто же из вас говорит правду?

Двадцать девятого ноября эмир объявил в стране священную войну — джихад, велел на базаре выдавать жителям оружие, освободил множество арестованных за разные провинности, раздал немало пособий бедным, приказал жителям городов отправить свои семейства в горы, а свою семью на девяти слонах и двух тысячах лошадей под конвоем батальона пехоты и двух полков кавалерии при четырех орудиях отправил в Мазари-Шериф.

Первого декабря генерал Робертс, намеревавшийся с ходу взять Пейварский перевал, потерпел неудачу. Страшно разгневавшись на поражение и еще на то, что афганцы развернули против тылов его колонны партизанскую войну, причем беззастенчиво грабили многочисленные обозы британцев даже купленные британцами хайберцы (которые в других местах называются мумынами), генерал решил наказать племена долины Хост, лежащей влево от его пути, и сжег там одиннадцать деревень. Затем он велел истребить девяносто человек связанных пленных и до четырехсот женщин и детей. Когда впоследствии корреспонденты воззвали к общественному мнению и притянули его к ответу, то генерал откровенно сознался во всем содеянном, только уменьшил количество жертв на порядок. Он оправдывал свои действия военной необходимостью... и оправдания его были приняты британским командованием.

На следующий день генералу Робертсу все же удалось взять перевал, и он двинулся в сторону Кабула.

Седьмого декабря эмир, получив известие о том, что колонна генерала Робертса перевалила через хребет, освободил, согласно совету Кауфмана, своего сына Якуб-хана, содержавшегося под домашним арестом, назначил его регентом и поручил вести борьбу с англичанами, а сам решил отправиться на север.

Девятого декабря визирь секретно сообщил Разгонову, что на днях эмир уходит с войсками в Афганский Туркестан, оставляя Кабул англичанам. Наше посольство стало готовиться к отъезду. Лошадей ковали ночью, приводя их для этого «в помещение миссии», как уверяет Яворский. Это делалось ради соблюдения тайны от афганцев, так как в народе заметно было сильное неудовольствие против посольства, и неудовольствие это было, скорее всего, вызвано обманутыми ожиданиями. Русские, вероятно, выглядели в глазах афганцев предателями.

Впрочем, сегодня нам легко выносить суждения о том, как следовало бы себя вести оказавшемуся в полной изоляции русскому посольству. На самом же деле ситуация оставалась довольно неоднозначной. Вот что писал доктор Яворский о начале войны, заставшей русскую миссию в Кабуле: «Известно, что западноевропейская пресса раздула тогда так называемый афганский вопрос до невероятной степени. На Афганистан обратили внимание

даже и те люди, которые до сих пор, может быть, не имели ни малейшего понятия об этой стране. Некоторые из них, желали пособить эмиру афганскому или помочь делом — и посылали из Европы к эмиру и к нашей миссии советы о том, как лучше поступить при данных обстоятельствах. Предлагались разные планы ведения войны с Англией. Один гарибальдийский капитан, например, выказывал готовность стать руководящим офицером в армии эмира... предлагались и всевозможные партизанские методы».

Значит, предложения помочь эмиру делом все же были. Но, к величайшему нашему сожалению, приходится признать, что поступали они не от России и не от русских, а от «некого гарибальдийского офицера». В этом смысле британские офицеры в подобных ситуациях вели себя куда более достойно. Стоит вспомнить хотя бы поведение субалтерна Поттинджера — героя Герата! Получается, что Терентьев, утверждая тезис о крайне неудачном выборе послов, прав. Однако, на мой взгляд, в данной ситуации крайне неудачно был сделан не выбор послов, а совершенно неудовлетворительно определена задача миссии. Одно дело — послать опытного боевого генерала договориться о пропуске войск через территорию государства, и совсем другое — отправить к восточному правителю человека, который должен держать лицо при аморфной позиции; для этого и в самом деле нужны были другие послы.

Из письма Разгонова от 9 декабря: «Пленных из регулярных войск англичане отпустили, дав каждому по 5 рупий. Жителям объявили, что теперь они принадлежат Англии и освобождаются от податей на 3 года... Под Кабулом еще имеются 14 батальонов пехоты; эмир намерен дать последний бой; я употребляю все усилия отклонить эмира от этого губительного намерения; не скрою, что имею мало надежды на успех». Скорее всего, как профессиональный военный Разгонов правильно оценивал ситуацию. Но в эту его оценку, естественно, не входило условие, что при грамотном руководстве профессионального европейского военного, которое он исключал здесь в принципе, сопротивление могло оказаться вполне успешным.

В том же письме Разгонов написал следующее: «По поводу начавшейся войны мне остается только прибавить, что эмир более чем кто-либо, желал избежать столкновения. На мои представления о крайней необходимости сохранить мирные отношения с англичанами,

по крайней мере, до весны, он сказал: „Да я совсем не хочу воевать с ними — ни теперь, ни после! Но что же я буду делать, когда англичане сами врываются ко мне? Не могу же я согласиться добровольно, чтобы они надели мне петлю рабства на шею“».

На все настойчивые требования об отпуске посольства визирь отвечал Разгонову, что «до начала войны нас легко можно было отправить обратно, но теперь советники эмира и не позволят этого сделать; они говорят, что русские, накликав несчастье на край, сами хотят уйти». Вероятно, находя мало утешения в словах визиря, что русскому посольству нечего бояться, пока эмир жив, и опасаясь, как бы эмир не убежал из Кабула, покинув посольство на произвол судьбы, недовольного народа и еще более недовольных англичан, Разгонов поддержал эмира в его намерении отступить в Афганский Туркестан и затем ехать в Россию для свидания с нашим государем. Таким образом, миссия наша, не разлучаясь с эмиром, могла бы вполне безопасно покинуть Кабул.

Десятого декабря эмир объявил народу, что едет в Петербург к русскому императору, а регентом Афганистана оставляет своего сына Мамед-Якуб-хана, которому и передает один миллион восемьсот тысяч рупий. Об отъезде своем он уведомил и английских генералов. Это был, в сущности, хороший ход: англичане объявили, что ведут войну только с эмиром Шер-Али, теперь же Шер-Али устранился от управления и уезжает в Россию — значит, воевать англичанам не с кем, и если они будут все-таки продолжать войну, то этим только докажут, что все насчитанные ими провинности эмира — сущий вздор.

С другой стороны, эмир, по всей видимости, все еще надеялся, что, если он обратится непосредственно к Кауфману, которого по всей Средней Азии называли «ярым-падша» — полуцарь, ситуация еще может перемениться в его пользу. Впрочем, стремление правителя в случае войны обратиться к сильному соседу за помощью вполне естественно. А сильному соседу в такой ситуации трудно ответить: «Нет». Ни Столетов, ни Разгонов не смогли этого сделать.

Афганский народ передал эмиру адрес, подписанный разными сердарами, представителями племен и колен, выборными и депутатами от разных обществ и различными военными начальниками. К адресу было приложено множество печатей, в том числе Магомед-Якуб-хана. Подписавшие адрес также просили эмира отправиться в Россию,

чтобы лично ходатайствовать перед царем о защите афганской земли от притеснений Англии.

Русскую миссию афганцы выпроводили в ночь на 12 декабря. В три часа утра, по возможности без шума, тайком, под конвоем двух рот пехоты и эскадрона кавалерии, миссия покинула свою дворцовую «тюрьму» и боковыми улицами осторожно выбралась из спящего города. «Выступление миссии из Кабула, — писал Яворский, — имело вид настоящего бегства; невольно при этом вспоминалось торжественное вступление в Кабул той же миссии в июле месяце того же года».

Эмир выступил в тот же день, но после полудня, с небольшим конвоем из пехоты, и соединился с миссией на первом же ночлеге. Однако Разгонов все время пути держался отдельно, далеко позади эмира, чтобы отделаться от вопросов, на которые не умел отвечать быстро и впопад...

Четвертого января Кауфман получил от Разгонова известие, что эмир едет к нему добиваться встречи с русским царем. Кауфман тотчас телеграфировал военному министру и канцлеру.

На другой день туркестанским генерал-губернатором была получена от Горчакова следующая телеграмма: «Поездка эмира в Петербург была бы бесполезна. Государю Императору угодно, чтобы вы постарались отклонить ее, подтвердив содержание моей телеграммы от 14 декабря. Если Шер-Алиуже переехал границу Афганистана, предложите ему выждать в каком-либо более удобном пункте по вашему усмотрению. Уведомьте, где находится Разгонов. Конец депеши. Горчаков».

Вновь, надо полагать, генерал фон Кауфман испытал горькое чувство досады. И вот 6 января «ястреб» Кауфман пишет «голубю» Горчакову весьма любопытное письмо:

«Эмир, видимо, ищет посредничества его императорского величества. Какой может быть исход его ходатайства, я не берусь судить, но то обстоятельство, что Шер-Али-хан видит единственное спасение для себя в участии к нему нашего державного монарха, становится Государя Императора в глазах всего мира, а в особенности в понятиях всей Средней Азии решителем судеб одного из сильнейших государств Средней Азии, и есть, конечно, факт первостепенной важности... Если Шер-Али-хану будет отказано в почетном

гостеприимстве и в выслушании его доводов против английских деяний, то мы потеряем возможность угрожать Англии с этой стороны, ибо угроза эта возможна исключительно тогда, когда Афганистан на нашей стороне, а отказом этим мы навсегда испортим наши с ним отношения.

Все зло, какое сделано нам в Европе, а в особенности в последнюю, великую и трудную эпоху жизни России, есть плод английских происков...

Имя наше здесь в Азии стоит высоко, чисто от всяких нареканий, тогда как англичане далеки от того уважения, коим они желали бы пользоваться, но которое им пока не далось. Вашей светлости, конечно, известно, что мы стоим теперь на той высоте здесь, с которой больно сходить после таких долгих трудов, всегда правдивых, всегда честных, без уклонений. А между тем, отказав афганскому правительству в той нравственной поддержке, которой оно ждет от нас, мы рискуем в конец уронить себя в глазах всей Азии. Мы потеряем то обаяние, то уважение, которое составляет главную нашу силу.

Появление в Петербурге Шер-Али-хана на суд государев есть такой случай, который, как мне сдается, дает нам возможность, не вдаваясь в ту или другую сторону, т. е. не становя Англию к стене, поддержать наши добрые отношения к афганскому правительству... Кажется, что англичанам очень хотелось бы скорее кончить борьбу с афганцами; они будут торговаться донельзя, но в конце концов они уступят, в особенности, если правда, что в Индии не все ладно.

Шер-Али-хан, выездом своим из Кабула, поставил их в большое затруднение, из которого им нелегко выбраться. Жаль, если мы им не затрудним еще более то положение дел, в котором они находятся, хотя бы за то зло, которое они делали, делают и будут делать...»

Одновременно с этим письмом Кауфман написал примерно то же самое и военному министру, но без вразумлений. В этом послании характерна следующая фраза: «...представляя при сем копии с писем ко мне Шер-Али-хана и генерала Разгонова, я возлагаю все мои надежды на мудрость монарха».

Очевидно, что афганское дело Кауфман принимал так близко к сердцу, что даже не отделял себя от Шер-Али-хана: одинаково с ним он возлагал все надежды на мудрость монарха, не упоминая о

мудрости его ближайших советников. Но позиция русского монарха оказалась непоколебимой; император, в отличие от своих подданных, смог, скрепя сердце, сказать «нет».

Само собою разумеется, что Кауфман тогда же написал письмо и к Шер-Али-хану, которому вновь советовал, сколь возможно скорее, заключить мир с англичанами и не оставлять своего государства. Кауфман пояснял также: «Приезд вашего высочества в русские владения может только усложнить дело».

Но останавливать Шер-Али-хана было уже поздно. 17 января он прибыл в Мазари-Шериф, а через три часа после прибытия эмира туда же прибыло и афганское посольство из Ташкента. Эмиру передали сразу два разных письма Кауфмана. В одном говорилось: «Ваше высоко-степенство просите выслать войск, сколько есть у меня готовых... Имея положительное повеление великого хазрета, Государя Императора, я не могу выслать В. высоко-степенству войска наши. Будем надеяться на лучшие времена в будущем. Это в руках Божиих». Миссию нашу предлагалось теперь же отпустить.

В другом письме говорилось о том, что поездка в Петербург признана неудобной.

Эмир обратился к Разгонову с вопросом:

— Как понимать все, что здесь написано? Означает ли это решительный и окончательный отказ, или нужно еще ожидать чего-либо?

Разгонов отвечал, что, по его мнению, поездка эмира в Россию признана неудобною только в настоящее время и что в Петербург послан курьер, значит, надо подождать еще...

— Судя по содержанию обоих писем, — продолжал эмир, — нужно думать, что сношения России с Афганистаном прекращаются, так как мне отказано не только в военной помощи, но даже и в проезде чрез Россию в Петербург... Теперь генерал Кауфман отпустил мое посольство ни с чем, а вас тоже отзывает. Что же все это может означать, как не полный отказ?

Не слушая ответа Разгонова, эмир продолжал:

— Видно, что Россия в настоящее время не может вести войны с Англией и потому оставляет Афганистан на полнейший произвол ее... Генерал Кауфман советует мне заключить с Англией мир. Да ведь если бы я хотел заключить с нею мир, то сделал бы это и без чьего-либо

совета... Но вы вспомните, что говорил мне генерал Столетов. Он советовал мне не принимать английского посла и в случае войны обещал мне военную помощь. В том же духе он писал мне и из Ливадии. Теперь же, когда настало время исполнить свои обещания, вы мне говорите совершенно противное. Где же правда? Кому же верить?

Восемнадцатого января эмир велел принести и прочесть адрес, полученный им от его сына Мамед-Якуба, сардарей, сеидов, духовенства, офицеров и купечества. В адресе одобряется намерение эмира ехать в Петербург и составить конгресс для переговоров с англичанами и дается торжественное обещание сохранить границы и государственный порядок в том виде, как их оставил эмир, до его возвращения.

— Вот видите, — сказал эмир, — я по желанию народа поехал в Мазари-Шериф с тем, чтобы отсюда проехать в Петербург. И вдруг я получил отказ! Ведь мне незачем было бы и ехать сюда, незачем и пересылать свое семейство, если бы я не решился ехать в Россию. Что же теперь я должен сказать моему народу, давшему свое согласие на эту поездку?

Разгонов не нашелся, что ответить на это, и молчал. Эмир заговорил снова:

— Когда генерал Столетов приехал в Кабул, то я подал ему правую руку и спросил, не принес ли он опять в Афганистан огня, как некогда Виткевич. На это мне генерал Столетов ответил, что он пришел затем, чтобы защитить Афганистан от обид Англии. И что же вышло? Вышло то, что вот уже во второй раз Афганистан подвергается разорению из-за обещаний русских послов... Я имел двадцать миллионов дохода, государство имело для своей защиты шестьдесят тысяч войска, и мы жили мирно, не желая ничего больше. Но вот пришел русский посол, надавал кучу обещаний... Я со своей стороны отдал ключи от ворот Индии в руку России и подверг, вследствие этого, свое государство разорению. А вы... вы сами отказываетесь теперь от обладания этими ключами!

Разгонов опять затвердил свое обычное: теперь не время, надо подождать...

Но эмир продолжал, волнуясь все более и более:

— Теперь я обещен... Мне стыдно будет глядеть в глаза своих друзей, в глаза своего народа, в глаза своих врагов-англичан... «Что? — скажут они мне. — Что, помогли тебе русские? А ведь ты на них так надеялся! Ты стремился к ним всем сердцем! И ты все это делал, несмотря на то что мы тебя предупреждали, мы тебе говорили, что Россия бессильна, что никакой помощи тебе дать не может, а напротив, узнает все наше могущество, если только войска ее осмелятся переступить Аму!...» Вот теперь я и убедился на самом деле, что англичане были правы... Вы перед ними — просто школьники!

До сих пор русскому человеку горько читать эти строки. Вот к каким последствиям могут привести туманные намеки и неотчетливо высказанные намерения. Конечно, не будь у эмира Шер-Али собственного стремления заручиться нашей помощью, он не обманулся бы. Здесь же он был «сам обманываться рад». Однако даже это обстоятельство ничуть не красит занятую тогда Россией позицию. Да и, судя по всему, конкретные обещания с русской стороны все же были даны. В письме Кауфмана к эмиру, которое должен был доставить Столетов, говорилось следующее: «Настоящие наши отношения к Англии имеют такой большой интерес для Вашей страны, что, не имея возможности видеться с Вами, я посылаю к Вам доверенное лицо, генерал-майора Столетова. Генерал Столетов, издавна мне отлично известный, особенно отличившийся в последнюю турецкую войну, лично известный нашему августейшему Государю Императору, передаст Вашему Высочеству все мои соображения; прошу Вас сообразить все, им Вам сказанное, верить всем его словам, как моим собственным, и дать мне с ним же по всему этому обязательный ответ. Здесь могу сказать Вашему Высочеству только одно, что если искренний и дружественный союз с Вами будет полезен для нас, то такой союз много раз был бы полезнее для Вас».

Формально здесь нет ни слова лжи. Фактически Кауфман и в самом деле был готов в любой момент двинуть войска в Кабул. Но не Кауфман определял политику России, и в этом случае личная инициатива военных на местах, судящих о происходящем со своей колокольни, сыграла с нами опасную и нехорошую шутку.

На следующий день, то есть 19 января, около полудня в помещение миссии пришли визирь, казий^[15] и первый секретарь эмира и передали

Разгонову распечатанный пакет. Оказалось, что это новое письмо Кауфмана с приглашением эмира в Ташкент. Генерал-губернатор все же в последний момент решился на свой страх и риск, послав сначала письмо с отказом, пригласить потом эмира хотя бы к себе в Ташкент, не зная, что, по иронии судьбы, именно в этот день Горчаков показал последнее письмо Кауфмана государю императору, и они вместе обсудили сложившееся положение.

Приглашение в Ташкент сначала обрадовало афганцев, но такая быстрота перемены решений, все эти метания из крайности в крайность навели их на какие-то подозрения. Они усомнились в подлинности письма. Секретарь даже спросил визиря по-афгански: нет ли у русской миссии печати генерала Кауфмана? Один из наших переводчиков понимал уже несколько по-афгански. Оскорбительное предположение тотчас разнеслось по нашей миссии. Последовало срочное выяснение. Разбор дела показал, что недоразумение это произошло из-за самовольства первого курьера, отказавшегося взять отправленное ему вдогонку новое послание генерал-губернатора. В результате послание с приглашением в Ташкент пришло позже отказа принять миссию. Эта, мягко говоря, ошибка, тем не менее как нельзя более отчетливо демонстрирует бесхребетность тогдашней русской политики в этом вопросе.

Двадцать первого января Кауфман получил от Горчакова шифрованную телеграмму следующего содержания:

«...Получил письмо Ваше... Из предыдущих сообщений вам известна воля Государя, чтобы в англо-афганском деле мы действовали примирительно, дабы избежать столкновения с Англией из-за Афганистана. В последнее время между графом Шуваловым и лордом Салисбюри, произошел обмен официальных писем, заключающих взаимное обязательство обратиться к прежним соглашениям.

В силу этих соглашений, мы устранили себя, как вам известно, от всякого вмешательства в дела Афганистана. Поэтому даже и приезд эмира в Петербург не мог бы иметь последствием предоставление нам роли посредника между ним и великобританским правительством. Примите его с почетом, но... задерживайте его в Ташкенте впредь до получения указаний. Подробности с курьером».

Таким образом, Кауфман все же не ошибся, пригласив эмира в Ташкент. Однако время было упущено.

Двадцать восьмого января эмир пригласил миссию к себе и принял ее в предбаннике, так как только что принимал ванну, жалуясь на сильную боль в левой ноге. Он заявил Разгонову, что, ввиду приведенных уже соображений и того, что англичане даже не думают исполнять своих обещаний сохранить независимость Афганистана и забирают города один за другим, в Ташкент он не поедет.

Несмотря на все красноречие Разгонова, эмир остался при своем и 20-го окончательно объявил, что не едет из-за ноги и отпускает миссию, кроме доктора, а вместо себя посылает в Ташкент четверых высших сановников.

Хопкирк пишет, что «брошенный русскими эмир впал в отчаяние, дух и здоровье его надломилась и, отказавшись от пищи и лекарств, он умер в Балхе». На самом деле эмир умер 21 февраля 1879 года в городе Мазари-шариф от артериального тромбоза, повлекшего за собой гангрену левой ноги и общее заражение крови. Доктор Яворский пытался помочь эмиру до последней минуты, но из-за дикого лечения — обливания ледяной водой, обмазываний кровью козла и т. д. — предпринятого придворными афганскими врачами, время было упущено.

Как только в Кабуле было получено известие о смерти Шер-Али, новый эмир, Якуб-хан, заняв трон, дал обеим сторонам шанс пересмотреть ситуацию. Он послал британцам сообщение, что его «достойный и высокопоставленный отец повиновался зову предвечного и, сбросив одежду существования, поспешил в область божественной благодати». Бритты поняли, что новый эмир не пользуется большой поддержкой племенных вождей и потому готов к переговорам, от которых его отец столь непреклонно отказался.

Каваньяри в ответном послании вслед за выражением соболезнований по поводу кончины Шер-Али-хана изложил новому эмиру условия окончания войны и вывода британских войск из эмирата. Условия были довольно жесткими и включали передачу эмиром Лондону контроля над афганской внешней политикой, его согласие на размещение британских миссий в Кабуле и в других городах и уступку Британии некоторых территорий, примыкающих к индийской границе, включая Хайберский перевал. Якуб-хан выехал на свидание с лордом Литтоном в Гандамак (примерно на полпути от Кабула к Джелалабаду) и подписал все предъявленные ему условия.

Впрочем, вторжение было приостановлено еще до подписания эмиром выдвинутых условий, ибо из-за жестокого сопротивления местных племен, суровой зимы, болезней и плохого транспорта военная кампания складывалась совсем не так, как предполагали англичане. Начался падеж верблюдов; за четыре месяца их пало до шестидесяти тысяч. В войсках появились признаки голода, поскольку партизаны постоянно разграбляли обозы и транспорты. Случалось, что люди ничего не ели по сорок восемь часов. Приходилось добывать провиант у местных жителей, естественно, применяя силу. Поэтому из южной колонны около семи тысяч человек были возвращены в Индию.

Словом, британское командование уже полагало дальнейшее продвижение весьма нежелательным. С другой стороны, новый эмир прекрасно понимал, что с началом весны взятие англичанами Кабула при поддержке из Индии окажется только вопросом времени, и после бурных и долгих споров согласился на большинство британских требований. Взамен он получил гарантию защиты от нападения русских и не менее жадных соседей-персов. Статья 3 договора предусматривала, что Афганистан должен «вести свои сношения с иностранными государствами в соответствии с советами и пожеланиями английского правительства». Кроме того, в этой же статье указывалось, что оказание помощи эмиру деньгами, оружием и войсками оказывается «таким образом, какой британское правительство признает наиболее полезным для этой цели». Статья 9 отдавала обратно Якуб-хану Кандагар и Желалабад, но за англичанами оставались округа Куррам, Пишин и Сиби, а также Хайберский и Мичнийский перевалы. Наконец, статья 10 предусматривала выплату эмиру и его наследникам шестисот тысяч рупий в год (шестьдесят тысяч фунтов стерлингов).

Двадцать шестого мая, к возмущению большинства афганцев, это соглашение было подписано в селении Гандамак, где почти сорок лет назад остатки злополучного кабульского гарнизона дали афганцам последний доблестный бой и куда Якуб-хан и его главнокомандующий довольно бестактно прибыли в русских мундирах. Согласно Гандамакскому соглашению, Каваньяри, в награду за успешное ведение переговоров посвященный в рыцари и таким образом получивший необходимый статус для своей новой роли при дворе Якуб-хана, отправлялся в Кабул как первый британский резидент

после трагического убийства Александра Бернса и Уильяма Макнотона зимой 1841 года.

Лорд Литтон был восхищен итогами кампании. Жесткие меры дали ожидаемые результаты, включая демонстрацию афганцам подлинной цены обещаний Кауфмана. Теперь русские представители должны были покинуть Кабул. Лондон и Калькутта не скупилась на взаимные поздравления, и особенно довольной оказалась королева Виктория, весьма внимательно следившая за среднеазиатскими и индийскими делами; она откровенно радовалась победе над русским царем.

В юности между королевой Викторией и Александром, тогда еще русским наследником, во время визита цесаревича в Лондон, вспыхнула неожиданная симпатия. Им обоим было около двадцати лет, и лишь политические соображения обеих стран помешали Виктории и Александру стать мужем и женой; в конце 1830-х годов противостояние Англии и России как раз набирало полную силу, и уже тогда Британия, спрятав свою юную королеву от русского принца, предпочла дружбе вражду.

После отъезда Александра Николаевича из Лондона королеве Виктории остались на память о нем альбом гравюр с портретами наследника русского престола и овчарка Казбек, считавшаяся вплоть до своей смерти любимицей королевы. Однако все нараставшее противостояние брало свое. Во время восточного кризиса второй половины 1870-х годов Александр отзывался о своем предмете давней любви совершенно непочтительно: «Ах, эта упрямая старая карга!» или: «Ах, опять эта старая английская дура!» Быть может, и в пылу этих событий у Александра II вырвалось что-нибудь подобное.

Впрочем, и в самой Англии соглашения с пользующимися дурной славой вероломными афганцами одобряли далеко не все, многие считали, что эмир подозрительно легко принял британские требования. В Британии еще не забыли предательств и бедствий, которыми «после происков русских» закончилось первое вмешательство британцев в афганские дела. «Они всех убьют», — заявил, услышав о назначении Каваньяри, бывший вице-король Лоуренс. Впрочем, как обычно, такого рода предупреждений среди всеобщей эйфории никто не слышал.

Кавалер креста Виктории генерал Фредерик Робертс, также получивший дворянский титул за успешную кампанию, накануне

отъезда миссии в Кабул пригласил сэра Луи Каваньяри на ужин. Впоследствии Робертс рассказывал, что, в отличие от своего гостя, имел тогда серьезные сомнения относительно нынешней миссии в афганской столице. Из суеверных соображений он даже не стал поднимать тост за Каваньяри и его отряд.

«Сердце мое сжалось, когда мы прощались с Каванья-ри, — писал он. — Мы уже совсем было направились в разные стороны, но вдруг одновременно обернулись, еще раз обменялись рукопожатиями и разошлись уже навсегда».

Несмотря на тревогу друзей и коллег, Каваньяри был уверен в своих силах и по собственному почину ограничился скромным эскортом в пятьдесят пехотинцев и двадцать пять кавалеристов из Корпуса разведчиков. Миссия Каваньяри состояла из секретаря Уильяма Дженкинса, военного атташе Уолтера Гамильтона, получившего Крест Виктории за недавнее сражение у одного из перевалов, и врача Амбруаза Келли из Бенгальского медицинского департамента. Кроме того, миссию сопровождало более сотни человек обслуги.

Двадцать четвертого июля 1879 года после нелегкого перехода миссия достигла афганской столицы, где, несмотря на непростую атмосферу, была принята вполне достойно. Прозвучал артиллерийский салют, афганский военный оркестр попытался исполнить «Боже, храни королеву», а Каваньяри проехал по городу на слоне. Затем его вместе со свитой проводили в резиденцию, подготовленную для них в Бала Хиссаре, где еще недавно находилось русское посольство.

В последующие несколько недель все по-прежнему шло неплохо, но потом Каваньяри сообщили, что в Кабул прибыло крупное афганское соединение, закончившее службу в Герате. Солдаты этого соединения, и так уже обозленные трехмесячной задержкой жалованья, обнаружив присутствие в столице британской миссии, пришли в еще большее негодование. Афганские чиновники всерьез советовали Каваньяри и его людям не рисковать и не выходить за стены Бала Хиссара. В столице ждали беспорядков. Несмотря на это, 2 сентября Каваньяри послал сообщение, заканчивавшееся словами: «В Кабульской миссии все в полном порядке».

Пятого сентября новоиспеченный дворянин, кавалер Креста Виктории генерал Фредерик Робертс находился в городе Симле, где, как писал Киплинг, «куртизанки обсуждают вопросы, которые считаются глубочайшими тайнами Индийского Совета, и... собираются все помощники помощников агентов половины туземных княжеств». Ранним утром генерала разбудила жена, сообщив, что прибыл посыльный с какой-то срочной телеграммой и не знает, кому можно было бы ее вручить. Робертс разорвал конверт, и бумага чуть не выпала у него из рук. Туземный агент, посланный Каваньяри из Кабула, добрался до границы едва живой и сообщил, что Бала Хиссар атаковали три мятежных афганских полка. Когда гонец покидал Кабул, британцы еще держались. Случилось то, чего боялся Робертс и о чем предупреждал Лоуренс.

Сильно огорчив этим сообщением вице-короля, столь рьяно поддерживавшего отправку Каваньяри, Робертс телеграфировал на ближайший к Кабулу пограничный пост и приказал, не жалея сил и денег, выяснить, что происходит в афганской столице. Долго ждать ему не пришлось. В этот же вечер Робертс узнал, что резиденция взята мятежниками штурмом и все находившиеся там люди после отчаянного, но безнадежного сопротивления перебиты. Спаслись только двадцать два человека, ходивших за фуражом, да одиннадцать человек туземной прислуги.

Беда эта случилась, конечно же, не только из-за солдат, которым задерживали выдачу крупных сумм, обещанных англичанами. Город был и без того наводнен недовольными. В результате творившихся в стране беспорядков большая часть населения Афганистана искала спасения от англичан в Кабуле, и город оказался переполнен. Цены дико поднялись, начались голод и эпидемии, особенно свирепствовал брюшной тиф, процветала дешевая работорговля. И вот, подстрекаемые муллами, недовольные афганские солдаты направились к Бала Хиссару требовать от эмира давно обещанного им жалованья. Там они стали смеяться над отрядами кабульского гарнизона за их поражения от «неверных британцев» в ходе недавней кампании.

Чтобы успокоить войска, эмир приказал выдать плату за месяц, но это никого уже не удовлетворило. Тогда кто-то предложил получить остальное с Каваньяри, чьи деньги, как известно, хранились в английской резиденции, до которой было немногим более двухсот

шагов. Каваньяри отказался давать какие-либо суммы, в здание полетели камни, но тех, кто попытался пробиться вперед силой, охрана встретила огнем. Поклявшись отомстить за погибших товарищей, расвирепевшие афганские солдаты бросились к казармам и вернулись уже с оружием. Резиденция, представлявшая собой лишь несколько огражденных забором одноэтажных деревянных зданий, была со всех сторон окружена домами, с которых можно было вести огонь по защитникам миссии почти в упор. В такой ситуации долго держать осаду невозможно. В результате произошло примерно то же самое, что случилось сорока годами ранее, когда погиб Бернс.

Большую часть дня отряд под командой лейтенанта Гамильтона сдерживал нападавших афганцев. Дворец эмира находился совсем рядом, и там не могли не слышать стрельбу и шум, более того, туда отправили троих посыльных с просьбой о немедленной помощи. И хотя первых двух убили, третий все же добрался до Якуб-хана, который, однако, даже не попытался ни полностью расплатиться со своими отрядами, ни вмешаться в ситуацию любым другим способом. Правда, Якуб-хан послал к осажденной миссии в сопровождении муллы своего одиннадцатилетнего сына Мусахана с Кораном в руках, а затем сипахсалара Дауд-Шаха с адъютантом. Но оба посланца не имели никакого успеха.

Каваньяри не послушал совета, который ему давали накануне, перейти в каменный дом. Там он был бы гарантирован от поджога и мог продержаться дольше. Теперь же, поняв наконец всю невыгодность своей позиции и попытавшись пробиться в каменный дом, он погиб. Все, кто пошел за ним, были перебиты. Вскоре после этого афганцы открыли огонь из двух подвезенных полевых пушек. Согласно английским источникам, Гамильтон немедленно атаковал их и, хотя из-за сильного огня и не смог воспользоваться пушками сам, все же не позволил этого сделать и нападающим. В этой второй вылазке был смертельно ранен врач миссии.

Лейтенант Гамильтон с последними остатками солдат продолжал сопротивляться еще несколько часов, хотя к тому времени уже горели надворные постройки. Наконец нескольким афганцам удалось вскарабкаться на крышу главного здания, которое защитники готовились превратить в свой последний оплот, и после бешеной рукопашной Гамильтон и секретарь миссии были убиты. Осталась

лишь дюжина сипаев из Корпуса разведчиков. Афганцы, заявив сипаям, что не хотят причинять им вреда, ибо вся их ярость направлена только против англичан, предложили им сложить оружие и сдаться. Но индийские солдаты, проигнорировав это предложение, во главе с одним из своих офицеров бросились в последнюю отчаянную атаку и погибли все до единого. Надо заметить, что выбора у англичан практически не было: если бы они не сделали этого, потом их расстреляло бы британское правительство.

Как было установлено позднее, за двенадцать часов боя из нападавших погибли не менее шестисот человек. «Анналы какой армии и какого полка могут явить более яркий образец храбрости, чем тот, который явила эта маленькая группа разведчиков, — говорилось в официальном заключении следствия. — Своим подвигом они снискали вечную славу не только в полку, но и во всей британской армии...»

Вечером того же дня, еще не зная о гибели Каванья-ри, эмир послал в Джелалабад к англичанам известие о нападении солдат на миссию. На другой день он послал туда же уведомление, что народ держит его в осаде, и просил помощи.

Седьмого сентября вице-король написал эмиру, что посылает к нему на выручку сильную армию и потому просит оказать ей содействие. Эмир отвечал, что едва уцелел сам с семьей и надеется доказать свою искреннюю дружбу к Англии, примерно наказав убийц Каванья-ри, но на этот раз он ни словом не обмолвился о том, что приглашает для этого в Кабул англичан. Между тем 5 сентября и также за невыплату жалованья взбунтовались три полка в Кандагаре. При этом был убит губернатор. Узнав о новом бунте, в Симле поняли, что от еще сидящего там Стюарта помощи ждать нечего.

Генерал Робертс выехал к войскам, добившись, чтобы в его распоряжении оказались Генри Дюран (политический советник), Томас Бекер (командир передовой колонны) и Чарльз Мак-Грегор (начальник штаба Кабульского полевого отряда). Полученный им приказ требовал скорейшего достижения афганской столицы. Одновременно другим частям было приказано двигаться на Джелалабад и Кандагар, согласно Гандамакскому соглашению, только что возвращенные афганцам. Тем временем эмир поспешно отправил вице-королю депешу с глубочайшими сожалениями по поводу случившегося, а узнав о британском наступлении на столицу, послал главу правительства

остановить Робертса и упросить его не продвигаться дальше, гарантируя, что лично покарает ответственных за нападение на миссию и гибель ее членов.

Но британский генерал посчитал, что эмир просто пытается дотянуть до начала зимы и дать афганцам время организовать сопротивление. Поблагодарив эмира за предложение, Робертс ответил: «Уверен, что после недавнего происшествия великий британский народ не захочет лишиться британскую армию удовольствия прийти в Кабул и помочь Вашему Величеству назначить такое наказание, какого заслуживает столь ужасное и трусливое деяние». Также он заявил, что по приказу вице-короля британцы обязаны гарантировать личную безопасность его величества и помочь его величеству восстановить мир и порядок в столице.

Двадцать второго сентября генерал Робертс, заключив договор с местными племенами гильзаев о поставке вьючных животных за перевалом, оставил в Курумской долине для обеспечения сообщений Гордона с четырьмя тысячами человек и двинулся без обоза и без провианта, кроме розданного на руки, через Шутургарденский перевал к Кабулу.

Двадцать седьмого сентября вечером к передовой части летучего отряда, стоявшего уже в Куши, первом селении за перевалом, прибыл эмир Якуб-хан с сыном и конвоем в двести пятьдесят человек. Это было весьма неосторожно с его стороны. Двадцать девятого ему устроили дурбар, т. е. торжественный прием с королевским салютом, а затем дали почетный караул, практически тут же превратившийся в стражу. Когда эмир вдруг вздумал воротиться в Кабул, его уже не пустили.

Тем временем базу Гордона окружили «новые английские подданные» и прекратили всякие сообщения и подвоз провианта к Робертсу, у которого уже был съеден последний сухарь! От Куши до Кабула около восьмидесяти километров. Чиновники эмира были разосланы по деревням доставать англичанам продовольствие. Но летучая колонна едва ползла: гильзаи обманули, получив деньги вперед, они не доставили вьючных животных в требуемом количестве. Однако английский «мститель» оказался человеком решительным: он отказался от своей базы и упорно продвигался вперед, к Кабулу, чтобы оттуда связаться с Пешаварским отрядом и получить провиант от него.

Шестого октября, будучи уже километрах в пятнадцати от Кабула, у Чар-азиба, англичане наконец встретились с афганскими войсками, действовавшими, очевидно, независимо от своего эмира, сдавшегося англичанам. Афганцы были разбиты, потеряв два знамени и двенадцать орудий. После этого Робертс выпустил прокламации, в которых требовал, чтобы мирные жители, с женами и детьми, либо уходили подальше, либо явились в английский лагерь, а немирным и захваченным с оружием грозил наказанием.

Восьмого октября Робертс занял без боя Ширпурский лагерь, находящийся, как мы помним, всего в пяти километрах к северу от Кабула. Тут нашли семьдесят восемь пушек, в числе которых оказались и подаренные англичанами Шер-Али-хану семнадцать орудий Армстронга. Афганцы отступили в Газни. Всех взятых в плен афганцев, как «захваченных с оружием», Робертс велел расстрелять.

Двенадцатого октября британцы вошли в цитадель Бала Хиссар. Предполагалось сделать это торжественно, однако Якуб-хан отказался украшать собою триумф Робертса и не поехал. Это немедленно было поставлено ему в вину. С балкона дворца прочитали речь, в которой объявлялось военное положение на десять миль (около пятнадцати километров) в округности; на жителей налагалась контрибуция, а кроме того, было приказано сдать все оружие на пять миль (около восьми километров) в округности в течение одной недели; не сдавшим грозила смерть. Стремясь воздать убийцам заслуженное наказание, Робертс назначил награду за любую информацию о преступниках. За выдачу каждого солдата или горожанина, участвовавшего в нападении на миссию, обещали пятьдесят рупий, за офицера среднего ранга — семьдесят пять, а за офицера высшего ранга — сто двадцать.

Некоторые воспользовались этим, чтобы отыграться за старые обиды, и в результате на основании весьма сомнительных доказательств было осуждено немало невинных людей. Однако в их числе оказались и действительно виновные, например, городской старшина Кабула, который с триумфом нес через город голову Каваньяри. На том самом месте внутри Бала Хиссара, где Каваньяри и его товарищи безуспешно боролись за свои жизни, саперы Робертса установили виселицы. На них было повешено около сотни афганцев.

На 14 октября было назначено торжественное вступление англичан в Кабул. Якуб-хан опять не поехал, но в городе народ толпился на улицах, лавки были открыты, фруктовщики угощали солдат даром.

Однако в этот же день афганцы напали на отряд, занимавший Шутургарденский перевал, и, хотя были отбиты, отряд все же вынужден был отойти к Кабулу. Шестнадцатого октября афганцы взорвали в цитадели два пороховых магазина (около шести тонн пороха) и до восьми миллионов патронов. При этом, однако, погибли только один офицер и двадцать один солдат. Однако в Бала Хиссаре имелось еще до тридцати тонн пороха и легко могло найтись еще несколько патриотов, готовых пожертвовать собой, чтобы взорвать ненавистных им «инглизов», — поэтому Робертс велел вывести войска из цитадели.

После этого началось мщение: 20 октября, по приговору английского суда, были повешены пять человек, в числе их старший мулла и два афганских генерала. Все министры эмира были арестованы и преданы суду. Обвинения возбуждались и против эмира, хотя он не только не содействовал и не сочувствовал жестокой расправе с английской миссией, но даже предупреждал ее накануне об опасности, а потом сам же звал англичан на помощь. Вопрос о роли Якуб-хана окончательно решен так и не был. Версия, что он был не в силах управлять разъяренными войсками и боялся в случае вмешательства сам стать жертвой их ярости, не выдерживала критики, и его обвинили в «преступном безразличии».

Якуб-хан в ответ заявил о своем отречении от престола в пользу сына, сказав, что предпочтет косить траву в британском лагере, чем управлять Афганистаном. Британцы тут же арестовали сына эмира. Чтобы смягчить своих палачей и защитить память отца от нареканий англичан, будто он увез всю свою казну, Якуб-хан открыл им место, где были зарыты миллион восемьсот рупий золотом. Англичане отрыли клад, забрали себе и стали рыть землю повсюду. Нашли еще и разные ценные вещи. Робертс доносил, что в казне эмира найдено до тридцати тысяч русских полуимпериалов и что русского золота здесь много в обращении на базаре и у сердарей. В конце концов Якуб-хана со всей семьей отправили на полный пенсион в Индию.

Казни шли своим чередом, для усиления страха тела казненных сжигали, ввиду суеверия народа, считавшего, что сожженный не

попадет в рай за неимением тела. Таков был английский способ создания дружелюбного и независимого государства! Надо заметить, что действиям Робертса весьма способствовала английская пресса, открыто требовавшая жестоких наказаний. Так, газета «Стандард» восклицала: «Кабул должен быть разрушен. Его стены и цитадель надлежит срыть до основания!» «Ивнинг Стар» требовала «жечь и убивать, невзирая на просьбы и мольбы», «Дейли Телеграф» рекомендовала переименовать город Кабул в город Вероломство (Treachery), а «Таймс» просила «наказания, которое заставило бы содрогнуться весь Азиатский материк»!

Перед казнью огромная толпа с окружающих стен и крыш в грозном молчании смотрела вниз, туда, где британские солдаты караулили осужденных, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками. «Прямо перед развалинами резиденции тянулась длинная мрачная шеренга виселиц. Под ними со связанными руками и ногами и под усиленной охраной стояли приговоренные, — писал один офицер Корпуса разведчиков. — Но вот раздался сигнал, и в петлях повисли те, кто еще недавно были людьми. Это — главари... их повесили на месте их позора».

Однако после этого в Англии разгорелась горячая полемика относительно жестоких методов мести Робертса, и сам он стал объектом широкой критики. Здесь следует дать некое пояснение. Простая казнь на виселице не вызвала бы столь чудовищного возмущения, которое обрушилось на Робертса. Советский историк Н. А. Халфин пишет о том, что на виселицах в Бала Хиссаре тогда висели не петли, а железные цепи. Одежду казнимых обмазывали колесной мазью, затем подвешивали на цепях и разжигали под ними костер. Человек быстро превращался в пылающий факел. Работу эту выполняли, правда, не англичане, а ачхуты — индийцы из касты неприкасаемых. Однако таким образом было сожжено более двухсот человек. Всего же англичане казнили около пятисот человек.

В оправдание Робертса заявляли, что фактически его беспощадность была спровоцирована лордом Литтоном, давшим ему перед отъездом следующий совет: «Есть вещи, которых генерал-губернатор приказать не может, но, будучи сделанными, они могут рассчитывать на одобрение и защиту вице-короля». Литтон рассматривал даже возможность сжечь Кабул дотла. Но все-таки

взорвана и сровнена с землей оказалась только сама цитадель Бала Хиссар, о сохранении которой, как мы помним, афганцы умоляли англичан еще в 1842 году.

Но, к чести англичан, надо сказать, что у Робертса имелось немало противников и на его родине. Одной из первых раскритиковала его газета «Таймс оф Индия», заявившая: «Очень жаль, что в результате единолично определяемой степени вины было осуждено на смерть много добрых и невинных людей». А не менее уважаемая газета «Френд оф Индия» написала четырьмя днями позже: «Мы боимся, что генерал Робертс нанес серьезный ущерб Британии, уронив в глазах всей Европы репутацию нашего правосудия». Другие газеты предупреждали, что Робертс «посеял семена ненависти», а журнал «Фортнайтли ревью» в 1881 году поместил статью Фредерика Гаррисона, которая утверждала: «Наши офицеры, как и солдаты, почти всегда частью палачи, частью полицейские. Они редко ведут войну без хладнокровного избиения пленных после прекращения всякого сопротивления. Они расстреливают их из пушек целыми толпами, вешают на первом попавшемся дереве, истребляют ружейными залпами целые отряды, секут их сотнями, жгут дотла селения, режут раненых, производят барабанный военный суд над священниками и старостами, провозглашая по своему произволу царство военного права».

Как бы ни оправдывали европейцы свои действия тем, что с восточными людьми надо обращаться по-восточному, многочисленные казни, однако, не способствовали смягчению ненависти афганцев. Начались избиения англичан везде, где только их заставали врасплох. Воспламененные ненавистью к британцам, а возможно, и вдохновляемые слухами о двадцати тысячах русских, спешащих к ним помощь, многочисленные племена туземцев начали стекаться к Кабулу с севера, юга и запада. Их возглавил девяностолетний Мушки Аллам, который был индийским мусульманином и муллой, известным своим благочестием. Он объявил священную войну против неверных. Узнав об этой угрозе, Робертс решил опередить афганцев, рассеяв их прежде, чем они объединятся для нападения на Кабул. В отличие от старого генерала Элфинстона, чья профессиональная некомпетентность и промедление привели в 1842 году к катастрофе, Робертс был боевым офицером выдающихся способностей, едва ли не лучшим со времен

Веллингтона. Он не зря имел крест Виктории за подавление восстания сипаев.

Тем не менее даже он с самого начала серьезно недооценил численность надвигавшегося врага и в результате не смог ни разгромить его, ни рассеять. Британский гарнизон, насчитывавший шесть с половиной тысяч человек, вновь разместился в том самом Ширпурском лагере, который был построен еще при Шуджа-шахе. Именно там в декабре 1879 года британцы и собирались с духом для отчаянного сражения с объединенными афганскими войсками, численность которых к началу столкновений была приблизительно три тысячи человек и только через пару месяцев достигла примерно пятидесяти тысяч.

Во время одной из вылазок англичан из лагеря 14 декабря, когда британцы решили прорвать афганские позиции на ближней горе Кох-и-Асмай и выйти из блокады, они потерпели от афганцев страшное поражение, потеряв до тысячи человек и три орудия. Афганцами в этом бою руководил опытный артиллерийский офицер Мухаммед-Джан.

После неудачной вылазки британцев афганцы, имея подавляющий численный перевес, решили взять Шир-пурский лагерь штурмом и разом покончить со своими новыми господами. Тем не менее, несмотря на явное численное превосходство афганцев, Робертс имел немало козырей. Его солдаты были отлично обучены, обстреляны в боях и, главное, вооружены новейшими винтовками, заряжаемыми с казенной части, а также двумя картечницами Гатлинга, которые могли вести убийственный огонь по любому, кто приближался к британским позициям. Кроме того, у него были дюжина девятифунтовых полевых пушек и восемь семифунтовых горных, в то время как у афганцев артиллерии не было вообще. Достаточный запас боеприпасов также позволял продержаться не менее четырех месяцев, а собранное продовольствие и топливо давало возможность пережить долгую афганскую зиму. Имелись даже эффективные осветительные артиллерийские снаряды, лишавшие врага преимущества, которое давала темнота. И наконец, благодаря одному из шпионов Робертс точно знал, когда и как афганцы собираются напасть — ранним утром 23 декабря.

И вот 23 декабря за час до рассвета на британские позиции волна за волной стали с криками накатываться афганцы во главе со всегда готовыми на смерть фанатиками, известными в Афганистане как гхазис. Всего, по оценке Робертса, их было около шестидесяти тысяч. Но тут, к изумлению афганцев, над полем боя вспыхнули осветительные артиллерийские снаряды, сделав белые одеяния и тюрбаны нападавших удобными целями для британской пехоты и стрелков.

Однако натиск был настолько силен, что поначалу, благодаря своей огромной численности, афганцы едва не прорвали оборону британцев. После четырех часов жестокой и безжалостной схватки, когда вокруг британских позиций скопились груды трупов афганцев, азарт атакующих начал спадать. Поняв, что надежды на победу потеряны, некоторые из вождей со своими воинами обратились в бегство. Наконец, преследуемые разъяренной конницей Робертса, остатки сводной афганской армии тоже повернули и отступили к холмам. К полудню сражение было закончено. Афганцы потеряли не менее трех тысяч человек.

Схватку за столицу британцы выиграли, но о конце войны говорить было еще рано. Пока англичане находились в Афганистане, а страна оставалась без руководства, всякая надежда на восстановление мира казалась бесконечно далекой. Не менее далекой была и надежда Британии на использование Афганистана в качестве оплота против русского вторжения в Индию. Вследствие такого странного поведения подданных «дружелюбного государства» англичане притянули к Кабулу отряды, охранявшие дорогу на Пешавар, отказались от занятия Герата и предписали Стюарту бросить Кандагар и тоже идти к Кабулу. Но зимой, когда все долины оказались заметены снегом, исполнить приказ было нелегко, да и афганцы не могли долго оставаться на биваках и понемногу рассеялись. Так прошла зима, и наступил 1880 год. Вместо двух недель англичане завязли в Афганистане на два года, а Литтон добился лишь того, что восстановил против Британии всех афганцев. Но пока вице-король отчаянно искал выход, спасение пришло к англичанам с совершенно неожиданной стороны.

На содержании России в Самарканде, как мы уже говорили, более десяти лет жил внук великого Дост-Мухаммеда и племянник теперь уже покойного Шер-Алихана Абдуррахман. Афганистан он оставил после того, как Шер-Али захватил по закону принадлежавший Абдуррахману после смерти деда трон. Неожиданная смерть Шер-Али и новая агрессивная политика Британии относительно Афганистана, а главное — неспособность нового владыки Якуб-хана противостоять британской агрессии, создали ситуацию, когда Абдуррахман наконец-то мог попытаться и предъявить свои права на кабульский трон. Однако русская сторона и в этой ситуации толком так ничего и не придумала.

Еще 31 марта 1879 года, то есть вскоре после смерти Шер-Алихана, Кауфман в ответ на свой запрос относительно выписки очередных сумм содержания Абдуррахману получил следующую телеграмму: «Производство содержания трем братьям Абдуррахмана по три тысячи рублей в год каждому Высочайше разрешено... Не полагаете ли Вы выдачей единовременного пособия в пять тысяч рублей Абдуррахману, заменить это ежегодное содержание? При настоящих обстоятельствах в Афганистане, не признаете ли полезным, чтобы Абдуррахман, со своими братьями, отправился туда?»

На это 3 апреля Кауфман ответил следующее: «Мне непонятно, какие обстоятельства в Афганистане могут побуждать желать, чтобы Абдуррахман с братьями отправился туда. Мне пока известно, что Якуб-хан желает продолжать борьбу и что народ ему сочувствует. Казалось бы, Абдуррахмана надо не пускать туда и холить до могущей быть в нем надобности».

Однако 6 апреля пришла из Петербурга шифрованная телеграмма такого содержания:

«Предложение отправить Абдуррахмана в Афганистан, кажется, внушено другом Англии. Англичане приостановились движением на Кабул, вследствие нападения на их тыл, хотя отбитого, но с уроном». На этой телеграмме Кауфман надписал: «Я так и думал». Под «другом Англии» имелся в виду русский посол в Лондоне граф Шувалов.

Россия раздумывала долго, и Кауфман, судя по всему, решил-таки попытаться судьбу и «отпустить» Абдуррахмана. Ни в чем как следует и точно не определившись, русские вновь стали действовать на авось. И вот что из этого получилось.

В ночь на 27 декабря Абдуррахман-хан, получив берданки на свою свиту в двести пятьдесят человек и накупив револьверов в ташкентских магазинах, покинул Ташкент. В официальном донесении об этом было сказано, что Абдуррахман отпросился в Фергану для свидания с родственниками и бежал оттуда. Однако бывший шахрисябзский бек, а в 1896 году полковник нашей службы Джура-бий свидетельствует, что Абдуррахман жил в Ташкенте по соседству с ним и перед отъездом заходил прощаться. Ничего тайного в его уходе не было, берданки были выданы ему из арсенала. Что касается берданок, то немногочисленные сторонники Абдуррахмана были и в самом деле вооружены новейшими русскими винтовками. Эти винтовки американского производства, переделанные в 1870 году русскими инженерами Горловым и Гунниусом, заряжались с казенной части, были легкими, простыми и отличались значительной скорострельностью; их считали тогда лучшим стрелковым оружием. Афганцы говорили, что двенадцать русских берданок заменяют двести сорок их ружей, так как берданка делает двадцать выстрелов, в то время как афганское ружье только один.

Покинув Ташкент, Абдуррахман перевалил через горы в Пенджикенте, через бухарские владения вышел на Амударью и в феврале 1880 года уже занял Бадахшан, затем Кундуз, где захватил индийский караван и взял с него выкуп в сто двадцать тысяч рупий. В марте он уже подчинил себе весь Афганский Туркестан, и 7 апреля генерал Робертс получил от него письмо, в котором Абдуррахман объявлял, что готов покориться англичанам и решительно отрицал слухи о том, будто он получил от русских помощь деньгами и людьми. К этому времени к Кабулу подтянулся с большей частью своих войск и Стюарт, который, как только сошел снег и дороги стали проходимыми, выступил из Кандагара. По пути он дважды разбил афганцев.

Внезапное появление на сцене нового претендента на трон потребовало от Лондона и Калькутты принятия быстрых решений. Начали срочно обсуждаться планы по поводу будущего Афганистана. Постоянная дислокация оккупационной армии, неминуемо означавшая огромные жертвы и затраты, исключалась теперь категорически, что свидетельствовало все же о здравом смысле англичан. Тем не менее принятое ими поначалу решение также весьма характерно и знаменательно. Бритты решили разорить страну, тем самым создав

известные трудности для русских или любого другого потенциального врага, желавшего завладеть Афганистаном.

Однако такое решение делало для них будущие отношения с этой страной окончательно проблематичными. Тем более что Кауфман, по их мнению, явно ставил на Абдуррахмана, которого считал способным получить поддержку масс и в конечном итоге собрать достаточно сил для изгнания британцев. Таким образом, если бы тайные надежды русских политиков осуществились, это стало бы поворотным моментом в судьбе Афганистана, или, во всяком случае, как полагали они, осуществление их должно было поставить страну в зависимость от России. Но англичане на этот раз проявили необычайную находчивость. Предположив даже всего лишь с большой степенью вероятности, что Абдуррахман является ставленником России, английские политики догадались, что в глубине души он все же, скорее всего, настроен не столько прорусски или антибритански, сколько проафгански. И, если теперь вместо того, чтобы сопротивляться его притязаниям на трон, трон этот ему подарить, можно ловко переиграть Россию одним ходом.

Англичане также, как и Кауфман, считали Абдуррахмана вполне способным завоевать признание народа. По их мнению, он был единственным афганским лидером, обладающим достаточной харизмой и прочими личными качествами, необходимыми для объединения афганцев. Кроме того, зная о неоднократных предыдущих обманах русских, он вполне мог предпочесть британскую, а не русскую помощь, несмотря на возможные заманчивые обещания последних. И на этот раз решение англичан предложить Абдуррахману трон быстро привело все заинтересованные стороны к взаимному соглашению. Англичане обязывались покинуть Кабул, оставив своим единственным представителем агента-мусульманина. Абдуррахман обязывался не поддерживать никаких отношений с любой иностранной державой, кроме Британии, а она, в свою очередь, — не вмешиваться в дела Афганистана на всей его территории.

И вот 20 апреля британцы отправили к Абдуррахману посольство, предлагая ему принять титул эмира Афганистана. Абдуррахман, однако, не торопился и отказался прибыть на встречу в английский лагерь. Этим в сложившейся ситуации он обретал сразу как минимум

два преимущества: избегал возможности, подобно Якуб Беку, оказаться в плену у англичан и, что гораздо более важно, не должен был спешить в чем-то стать обязанным «неверным». Он ответил просто констатацией того факта, что должен владеть всеми теми землями, какими владел его дед Дост-Мухамед. Очевидно, он не признавал уступок, сделанных Якуб-ханом, особенно последнего отделения Кандагара в отдельное владение. Также он не преминул объявить англичанам, что эмиром его избрали все афганские племена. Англичане ответили на это согласием.

И вот 22 июля 1880 года сорокалетний Абдуррахман был публично провозглашен эмиром. Правда, церемониальный въезд в свою столицу он отложил на более позднее время, вновь намереваясь продемонстрировать, что он не лакей англичан, а всего лишь их надежный сосед и вполне самостоятельный и уверенный в себе правитель.

Таким образом, англичане неожиданно ловко вывернулись из сложившейся затруднительной ситуации и смогли уйти восвояси, не роняя достоинства. Наш историк Соболев, в своем подробном исследовании Второй англо-афганской войны пишет: «Россия, при помощи Абдуррахман-хана, оказала великую услугу Великобритании». И это действительно так. Не зря Кауфман так долго не решался исполнить рекомендации Петербурга.

Однако вскоре после кабульских торжеств британцы получили печальное известие, что их оставшиеся в Кандагаре войска наголову разбиты двадцатичетырехлетним Аюб-ханом, братом Якуб-хана. Аюб, действовавший при жизни отца заодно с братом, тогда бежал в Персию, а с воцарением Якуб-хана переехал в Герат. Когда Стюарт выступил из Кандагара, Аюб-хан немедленно двинулся из Герата, чтобы изгнать оттуда ставленника англичан — кандагарского вали. Англичане выступили ему навстречу и сошлись с ним километрах в семидесяти от Кандагара, у Кушк-и-Нахуда, или Мейванда. Войска их состояли из бригады генерала Берроуза и армии кандагарского вали в пять с половиной тысяч человек. Еще не дойдя до места встречи с противником, войска вали вдруг заявили, что не хотят драться с Любом, и англичане решили обезоружить их. Тогда вся армия вали, с артиллерией, подаренной ему англичанами, демонстративно двинулась мимо английского лагеря к стороне неприятеля. Англичане бросились

преследовать изменников, но успели отбить только одну батарею в шесть орудий.

Двадцать седьмого июля произошел бой у Мейванда. Командующий британскими силами бригадный генерал Джордж Берроуз имел приказ вступать в сражение с войсками Аюб-хана только в том случае, «если сочтет себя для этого достаточно сильным». Будучи уверенным, что британские части с помощью лучшей тактики и превосходства вооружения всегда способны разгромить практически любую афганскую армию, он решился атаковать, даже не выясняя реальных сил врага. Генерал понял свою ошибку слишком поздно, Аюб-хан оказался талантливым военачальником, достаточно сведущим в современной войне. В отличие от Берроуза, он был закален в многочисленных сражениях и прекрасно использовал этот опыт, еще до начала боя заняв господствующие высоты. Его артиллеристы работали так слаженно, что впоследствии британцы даже утверждали, будто среди них были русские.

После долгого изнурительного боя, измученные жарой и жаждой, под прикрытием темноты британцы в полном беспорядке отошли к Кандагару. К тому времени, когда разрозненные остатки войск добрались до Кандагара и гарнизон крепости узнал о поражении, войска Берроуза были разбиты наголову, потеряв два знамени, восемь орудий и весь обоз. Англичане свалили всю беду на густой туман и преимущества неприятеля в артиллерии. У них было только двенадцать орудий, а неприятель имел тридцать шесть, которые выставил в одну батарею (как Наполеон под Ваграмом) и расстрелял англичан; 66-й полк, состоявший из двадцати офицеров и пятисот солдат, потерял убитыми тринадцать офицеров и двести шестьдесят два рядовых, а ранеными двух офицеров и тридцать рядовых; кроме того, из этого же полка пропали без вести сто человек. Словом, от полка годных остались только сто восемь человек. В официальной телеграмме вся убыль показана в тысячу двести двадцать одного человека убитыми; сказано также, что все патроны и заряды брошены, оставлено также сто ружей.

Англичане сравнительно с афганцами ставили себя столь высоко, что никак не могли примириться с мыслью, будто эти самые афганцы разбили их. И поэтому тотчас же был пущен слух, будто... афганцами руководили русские офицеры! Значит, потерпеть поражение от русских

штыков англичанам все-таки казалось, если не легче, то хотя бы менее обидно. Однако, к сожалению, мы уже видели, как вели себя русские в период всего конфликта. Русские против англичан не воевали.

Следом за беглецами афганцы двинулись к Кандагару и осадили его. Аюб-хан начал срочно собирать данные о кандагарских укреплениях. Гарнизон, в свою очередь, сразу же стал готовиться к осаде. Для начала во избежание риска предательства британцы самым решительным образом выслали из города всех афганских мужчин, способных держать в руках оружие. Всего покинули город более двенадцати тысяч человек, многие — под угрозой оружия трехтысячного гарнизона.

Шестнадцатого августа англичане сделали вылазку и успели занять одну возвышенность, но удержать ее за собою не смогли и отступили, потеряв напрасно убитыми генерала Брука, семь офицеров и сто восемьдесят солдат; кроме того, были тяжело ранены три офицера и легко два.

В Кабуле же, как раз 27 июля, то есть в день поражения Берроуза, началась эвакуация английских войск в Индию. Весть о разгроме кандагарского гарнизона дошла до Кабула 6 августа, а 7-го генерал Робертс уже выступил с девятитысячным войском в Кандагар. Оставшиеся в Кабуле последние эшелоны отправлялись в Индию 11 августа. И только в этот день в первый раз новый эмир Афганистана Абдуррахман-хан прибыл в английский лагерь пожелать им счастливого пути! Вместе с тем он как бы принял из рук англичан свою столицу.

Таким образом, Абдуррахман проявил себя как очень тонкий и самостоятельный политик, своим ходом вновь получив как минимум два преимущества: явись он раньше, столица увидела бы его впервые в унижительном для владыки положении второстепенного лица. Кроме того, и это очень важный момент, он вынужден был бы встречаться с «палачом» Робертсом и подавать ему руку. «Я не мог открыто выказывать свою дружбу, потому что мой народ невежествен и фанатичен, — писал он несколько лет спустя. — Если бы я выказал тогда хотя бы малейшую склонность к англичанам, мои люди назвали бы меня неверным, связавшимся с неверными».

Теперь же, прибыв в английский лагерь тогда, когда там оставалась лишь небольшая горстка англичан, Абдуррахман уже не опасался за

свою свободу и даже обращался к Стюарту покровительственным тоном, обещая ему всякое содействие относительно продовольствия в пути и доставки вьючных животных. Теперь у него был козырь — уход британцев произошел именно благодаря его появлению, и он не стеснялся демонстрировать это всем.

Впрочем, англичане и сами с немалым облегчением передали Абдуррахману контроль над Кабулом, чему, надо все же признать, в немалой степени способствовали и ужасы Первой англо-афганской войны. Кроме того, произошло еще одно событие, ускорившее необходимость поспешной эвакуации — смена правительства в Британии. Тори потерпели полное фиаско, причем в значительной мере из-за своей позиции в афганском вопросе, и к власти после шести лет оппозиции вновь вернулись либералы Гладстона. Лорд Литтон, которого назначил лично Дизраэли, теперь, сопровождаемый уничижительной критикой Гладстона, ушел в отставку и был заменен бывшим лордом-президентом Совета по Индии Рипоном. Поскольку решение эвакуировать войска было принято еще до отставки тори, либералы пошли еще дальше; они торжественно пообещали полностью отказаться от «наступательной политики» Дизраэли. Гладстон, конечно же, тоже верил в русскую угрозу Индии, но считал «наступательную политику» России простой провокацией русских, «которые сами паникуют ничуть не меньше». Отказался он и от публикации секретной переписки Кауфмана с Шер-Али и подписанного ими соглашения, чтобы не создавать излишних проблем именно в то время, когда англо-русские отношения более-менее начали стабилизироваться. Когда годом позже их наконец все же опубликовали в либеральной газете «Стандарт», большую часть своей взрывной силы они уже утратили.

Тем временем генерал Робертс, вновь возглавив карательную экспедицию, спешил взять реванш под Кандагаром. По первоначальным расчетам, этот почти 500-километровый марш должен был занять месяц, поскольку все запасы надо было нести с собой через суровую и враждебную территорию, однако фактически этот переход стал одним из самых быстрых маршей в военной истории. Пехота, кавалерия, снабженная осветительными снарядами артиллерия, полевые госпитали, боеприпасы и даже отара овец — вся эта огромная армия добралась до осажденного города всего за двадцать дней.

После соединения с кандагарским гарнизоном у Робертса образовались четырнадцать тысяч сто восемнадцать солдат и двенадцать тысяч прислуги. С этими силами 1 сентября он двинулся против Аюба. Услышав о приближении ужасного Робертса, Аюб-хан отошел от Кандагара, бросив артиллерию. Англичане подобрали тридцать два орудия. Аюб-хан послал британскому командующему письмо, уверяя, что в Мейванде британцы сами вынудили его к атаке и что дело может быть решено полюбовно, поскольку с британцами он всегда желал жить в дружбе. Но Робертс не обратил на письмо никакого внимания и, в несколько часов проведя разведку занимаемых афганцами позиций на холмах к западу от города, на следующее утро атаковал их. На этот раз, как свидетельствуют цифры, силы обеих сторон были приблизительно равными, не считая значительного превосходства афганцев в артиллерии. Сначала отряды Аюб-хана яростно сопротивлялись, поливая сверху ураганным огнем атакующих британцев. Но скоро штыки 72-го шотландского полка и 2-го полка гуркхских стрелков начали делать свое дело. К середине дня вся афганская артиллерия перешла в руки Робертса. С темнотой сражение прекратилось само собой.

Британские данные потрясают лестностью для них соотношения павших с обеих сторон. Потери англичан составили всего тридцать пять человек убитыми, в то время как афганцы оставили на поле битвы более шестисот трупов; многих взяли в плен, основная же масса просто разбежалась. Робертс, ослабленный болезнью, командовал сражением, сидя в седле, изредка поддерживая силы глотком шампанского. Две эти победы генерала Робертса восстановили британский военный престиж в Азии, и на афганском троне остался сильный и дружественный Британии правитель.

О том, как высоко оценило правительство Англии успехи своего железного генерала, свидетельствует то, что помимо уже имевшейся медали за афганские кампании 1879–1880 годов, на этот раз была учреждена особая медаль «От Кабула до Кандагара. 1880 год», которую окрестили «Звездой Робертса». Этой медалью были награждены даже лошадь Робертса Вонолель и его дог Бобби.

Теперь выполнению решения правительства об эвакуации войск из Афганистана препятствовало лишь одно: спорный вопрос о гарнизоне Кандагара. Поскольку дорога от Герата до Боланского перевала была

доступна для кавалерии, многие считали, что эвакуировать его не следует, потому что сразу по выходе британского гарнизона там появятся русские агенты. Впрочем, единого мнения по этому вопросу не было даже у военных. Положение нового эмира Афганистана все еще оставалось шатким. Он овладел лишь окрестностями Кабула и некоторыми северными районами, на большей же части Афганистана все еще царил смута, и, в отличие от высокомерного заявления нового эмира, далеко не все признавали его восшествие на престол.

Кроме того, в то время как Лондон решительно отказался от наступательной политики в Азии, Санкт-Петербург и не собирался этого делать; через несколько недель после выхода последнего британского солдата из Кабула русские «ястребы» вновь двинулись вперед на юго-восток и в январе 1881 года взяли реванш под Геок-Тепе. Среди англичан разнесся слух, что далее Скобелев двинется к Герату. Поэтому британские военные специалисты сходились в том мнении, что, если русские, воспользовавшись неразберихой, захватят Герат, Кандагар придется брать снова.

В конце концов английское правительство решило просто передать Абдуррахману власть в Кандагаре, объясняя это желанием как можно меньше вмешиваться в дела Афганистана и еще более враждебно настраивать к себе афганцев. Однако Абдуррахман вновь поступил как самостоятельный владыка, не приняв из рук англичан даже этого подарка. Тем не менее к весне 1881 года англичане все-таки оставили Кандагар. Постоянные болезни в войсках, расквартированных в новоприобретенном Хайберском ущелье, заставили англичан очистить и ущелье. Они заключили договор с афродитами, сдали им на охрану все свои форты, казармы и магазины, обязались платить за охрану изрядную дань, а те, со своей стороны, пообещали не грабить проезжающих англичан и их купеческие караваны. В результате в руках англичан осталась только Курумская долина.

Едва британцы покинули Кандагар, его сразу же занял Аюб-хан. Впрочем, ненадолго. Абдуррахман пошел на Кандагар во главе своих войск и отнял у конкурента сначала Кандагар, а потом и Герат. Аюб-хан бежал в Персию. Эти победы окончательно сделали Абдуррахмана настоящим хозяином Афганистана. Таким образом, успешно нейтрализовав русское влияние в Кабуле, британцы наконец смогли

превратить Афганистан в нормальное буферное государство,
объединенное под дружественным правлением.

Даешь Кушку!

Не мытьем — так катаньем.

Русское народное присловье

В предисловии к военному сообщению «Бой на р. Кушке у Таш-Кепри. 18 марта 1885 года» полковник генерального штаба А. Д. Шеманский пишет следующее: «Да не посетуют читатели, что мы слишком налегли на обрисовку событий, предшествовавших бою, — это совершенно необходимо для уразумения смысла события на р. Кушке 18 марта 1885 г., одного из весьма громких эпизодов нашей истории в XIX веке и в истории нашей работы в Средней Азии. Наши задачи там остаются неизменными с XVI века: открытие прямой, свободной и безопасной от соседей торговли с Индией, с „богатой Индией“ наших былин. На почве улажения добрососедских отношений в Средней Азии, „не мытьем — так катаньем“, и случались все наши боевые столкновения в Средней Азии, до Кушкинского боя, включительно. Они возможны и впредь, если Англия и Афганистан не пойдут навстречу нашим историческим стремлениям и потребностям в этих краях».

Это предисловие как нельзя больше подходит не только к этой главе, но и ко всей книге, поэтому я и начинаю с него изложение предпоследнего эпизода столкновений России и Англии в Афганистане в XIX веке.

1

Гегель как-то сказал в сердцах: «История никого ничему не учит»! Глядя на то, как развивались события вокруг Афганистана дальше, невольно начинаешь ему верить.

Еще не совсем утихли страсти после окончания Второй англо-афганской войны, а англичане едва не развязали третью. На этот раз горячей точкой стал отдаленный и малоизвестный оазис Пендэ, расположенный между Мервом и Гератом. Англичане и афганцы всегда расценивали его как собственность Афганистана, однако Россия

смотрела на этот вопрос иначе, полагая, что оазис принадлежит тем, кто владеет Мервом.

Но... по порядку.

Вскоре после того, как англичане в очередной раз покинули Кабул, Скобелев, как мы уже отметили в конце предыдущей главы, проведя в январе 1881 года образцовую военную операцию, взял текинскую крепость Геок-Тепе, загладив тем самым позорную неудачу генерала Ломакина 1879 года. Разгром Скобелевым Ахал-теке окончательно решил участь и всей остальной Туркмении, простиравшейся на север от наших Ахальских и Хивинских владений, на восток до Амударьи, на юг до Афганистана и на запад до Персии. Но англичане тогда еще не могли выражать активных протестов, хотя новый успех России тайно вызывал у них сильное раздражение.

Вскоре после этого 1(13) марта 1881 года от рук террористов погиб Александр II, а 7 апреля в Ташкенте апоплексический удар неожиданно разбил генерал-адъютанта Кауфмана, на которого, по общему отзыву знавших его старых туркестанцев, произвела потрясающее впечатление весть о мученической кончине императора. На место тяжелобольного Кауфмана был назначен военный губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский. Приезд его в Ташкент и начало временного исправления должности генерал-губернатора совпали с передачей китайцам русским правительством Кульджи.

Вероятно, судя по себе, англичане были уверены, что, несмотря на все свои обещания, Россия не захочет расставаться с такой благодатной территорией, как Кульджинская провинция, и поэтому втайне радовались воинственному настрою китайцев в этом вопросе. Китай еще в 1877 году, когда умер кашгарский владыка Якуб-бек, воспользовавшись беспорядками в Кашгаре, оккупировал его бывшие владения и с этого момента стал относиться к России враждебно, обвиняя ее в том, что она признавала Якуб-бека независимым владельцем, обменивалась с ним посольствами и заключала договоры. Не признавая русских договоров с узурпатором Якуб-беком насчет границы Ферганы, китайцы требовали очищения Иркештама и, в виде понудительной меры, арестовывали русских купцов.

Китайцы настолько уже оправились, уладив свои внутренние дела и покончив с мятежами, что теперь могли выставить к границам своих отпавших западных провинций достаточное количество войск. И

Китай вдруг переменял тон, настойчиво потребовав очищения Кульджи и доказывая, что главное условие последнего договора им выполнено, то есть для принятия этой провинции под власть богдыхана и для поддержания в ней порядка на границу выслано достаточное количество регулярных войск.

У русской стороны, однако, на этот счет вдруг появились некоторые возражения. Во-первых, тон, принятый Китаем, показался русским властям не соответствующим понятию уважительности. Во-вторых, по прошествии десяти лет Россия и в самом деле уже не собирались покинуть эти края просто так. Тогда, в 1871 году, Кауфман предписал Колпаковскому не требовать от китайского уполномоченного Жуна денежного вознаграждения за военные издержки, ограничившись льготными условиями для русской торговли. Теперь же ситуация изменилась — за время пребывания России в этом крае расходы по его содержанию возросли до порядочной цифры и дарить эти земли китайцам, да еще и в резкой форме потребовавшим их у нас назад, Русское государство не хотело. Поэтому правительство решило предъявить китайской стороне следующий счет:

- на отвод войск из Кульджи в Семиречье — 300 000 р.
- на возведение укрепления в Борохудзире — 130 000 р.
- на укрепление в Бактах — 120 000 р.
- на укрепление в Музарте — 130 000 р.
- на укрепление в Ат-Баше — 220 000 р.
- на казармы в Верном — 300 000 р.
- на мост через р. Или — 80 000 р.
- на мост через р. Нарын — 60 000 р.
- на мост через р. Текес — 60 000 р.
- на 15 ночлежных пунктов по пути к укреплениям — 105 000 р.
- на водворение китайских переселенцев между реками Борохудзир, Хоргос, Текес и Нарын — 80 000 р.
- на суточные этим переселенцам, в течение двух лет, считая по 10 копеек в сутки — всего 430 000 р.
- на пособие офицерам, в размере годового жалованья — 250 000 р.

Таким образом, за военные издержки ничего не требовалось; за содержание русских войск в течение всего времени занятия края — так

же ничего; сверх того, китайцы получали прекрасные выстроенные для русских солдат казармы. Этим и объясняется, почему постройка новых казарм для Кульджинского отряда в Верном и других городах была отнесена на счет китайцев. Общая сумма, таким образом, дошла до двух миллионов двухсот шестидесяти пяти тысяч четырехсот рублей. Кроме этого русская сторона потребовала исправления границы, уже намеченной точками будущих укреплений. Для охраны же русского консула, статского советника Шишмарева, и фактории предложено было оставить в Кульдже казачью сотню.

Переговоры велись русским послом сначала в Пекине, а затем в Петербурге, куда за ним прибыл и китайский. На совещании 27 февраля 1880 года, после возможных уступок со стороны России, был наконец подписан трактат. Однако богдыхан не одобрил и не утвердил трактата, китайский посол был предан суду, а Кульджу было решено отнять у русских силой.

Россия тотчас стала готовиться к отпору. В Семиречье по распоряжению Кауфмана уже были собраны отряды из разных родов оружия, в любой момент готовые двинуться к китайской границе. Считая, что одна русская рота побьет тысячу китайцев, решили приготовить двадцать три роты, семнадцать сотен, двадцать шесть орудий (из них восемь скорострельных, т. е. картечных) и восемь ракетных станков.

Россия знала, что китайцы, восстанавливая свою власть в Кашгарии, поневоле должны были разбросать свои войска по городам в виде гарнизонов и потому против русского отряда не могли выделить ничего. Жестокие казни и неслыханные поборы с местного населения, конечно же, возбуждали в покоренных, но еще не покорных мусульманах глухое неудовольствие китайцами. Но, рассчитывая, вероятно, на поддержку англичан, которые в последнее время постоянно ставили России палки в колеса, они вели себя весьма решительно.

России предстояло действовать на двух военных театрах: в Кульдже и Кашгаре. Против Кашгара считалось достаточным пятнадцать рот, девять сотен, шесть конных и шесть горных орудий и восемь ракетных станков. Отряд должен был наступать со стороны Ферганы, из города Ош, откуда к Иркештаму шел удобный Талдынский перевал. Таким образом, на обоих предполагаемых

театрах военных действий китайцы встретили бы тридцать восемь рот, двадцать шесть сотен, тридцать восемь орудий и шестнадцать ракетных станков.

Но так как со стороны Семиречья горные перевалы открывались только в конце мая, то Кауфман посчитал нужным привлечь к участию в военных действиях еще и войска Западно-Сибирского округа, для которых переход через китайскую границу не представлял никаких затруднений. Седьмого апреля 1880 года туркестанский генерал-губернатор обратился к тогдашнему генерал-губернатору этого округа генералу Казнакову с просьбой двинуть от Зайсанского поста в тыл китайцам для захвата их обозов и транспортов конный партизанский отряд из двенадцати сотен при четырех орудиях и восьми ракетных станках.

Пройти им следовало четыреста километров до Кур-Кара-Усу, для чего достаточно было трех недель. Поэтому выступить предполагалось в середине мая. Начинать раньше было нельзя, так как семиреченские войска могли перевалить через горы только к началу июня, и в этом случае китайцы насели бы на сибирский отряд, не опасаясь семиреченцев. Выступление позже этого срока также было нецелесообразно, потому что отступающие перед семиреченцами китайцы могли обрушиться на сибирцев.

Кроме того, Кауфман просил выставить к концу мая на границе, у перевалов Сай-Асу, шесть рот и шесть сотен, при двух пеших и двух горных орудиях для действия во фланг китайцам, занимавшим Чугучак. Так как перевалы эти находятся в четырехстах километрах от Семипалатинска и в двухстах от Зайсана, то на передвижение отряда понадобилось бы двадцать восемь дней из первого пункта и четырнадцать — из второго.

План был обдуман обстоятельно, и не подлежит сомнению, что китайцам пришлось бы плохо. Всех войск, считая с сибирскими, у России стояло наготове сорок четыре роты, сорок четыре сотни, сорок шесть орудий и двадцать четыре ракетных станка. Китайцам против таких сил следовало бы иметь, по крайней мере, сорок тысяч свободного войска, а этого количества они никоим образом выставить не могли. Для усиления войск Семиречья двинуты были из Ташкента: в Верное — пять рот, в Каракол — четыре роты и две сотни, в Кульджу — восемь рот, четыре сотни и конная батарея в шесть орудий; к

проходам — четыре сотни, а также джигиты и созванная милиция из киргизов, на которых возлагалась разведывательная служба.

Пятнадцатого апреля первый эшелон выступил из Ташкента. В Кульдже еще с прошлого года стояли пять рот 10-го линейного батальона, две сотни и шесть орудий; в Суйдуне — две роты и одна сотня; в Борохудзире — одна сотня. Дорога в Кульджу была уже хорошо изучена, и потому расчет маршрутов не представлял никаких затруднений. Продовольствия с собой требовалось только на время марша до границы, остальное заготовливалось и стоило значительно дешевле в Кульджинском районе.

Для первоначальных переговоров с китайским уполномоченным Дзо-дзу-таном из Ташкента с точными инструкциями был послан капитан Быков, с двадцатью джигитами и десятью казаками. Китайцы, узнав о количестве выставленных Россией войск, были серьезно напуганы, сразу переменили тон и пошли на уступки. Для новых переговоров в Петербург вместе с нашим чрезвычайным посланником в Пекине, действительным статским советником Бюцовым, прибыл китайский чрезвычайный посол Цзэн, имевший титул ни-юн-хау — вице-председателя кассационной судебной палаты.

На этот раз китайцам было предъявлено требование уплаты военных издержек, содержания войск, убытков наших подданных, вознаграждения семействам убитых и, сверх того, исправление границ. А также признание русского договора с покойным Якуб-беком об уступке России части территории со стороны Ферганы, в чем до тех пор китайцы упорно отказывали. Контрибуция была исчислена, за всеми уступками, в 9 миллионов металлических рублей (около тринадцати миллионов кредитных по тогдашнему курсу).

Сорок четыре роты и сорок четыре сотни, как видно, действовали магически даже на значительном расстоянии, и 24 февраля 1881 года в Петербурге был подписан договор из двадцати статей — с нашей стороны управляющим Министерства иностранных дел, статс-секретарем, действительным тайным советником Гирсом и Бюцовым, а с китайской — Цзэном, согласившимся на все требования. Посланный к богдыхану, этот договор был ратифицирован им 15 мая, затем по возвращении в Петербург 16 августа ратифицирован и императором Александром III.

Девятнадцатого августа Цзэн прибыл в Министерство иностранных дел и обменялся с Гирсом ратификациями, о чем составили протокол, подписанный обеими сторонами.

Распространившиеся в среде кульджинского населения слухи об условиях передачи китайцам Кульджи породили в народе панику, повлекшую за собой прекращение посевов, продажу за бесценок всего имущества и стремление массами эмигрировать в русские пределы. Ввиду этого Колпаковский распорядился немедленно командировать в Кульджу в качестве комиссара (таковой был предусмотрен пятой статьей договора) помощника командующего войсками Сыр-Дарьинской области, генерал-майора Фриде, которому вверил командование нашими войсками в Кульдже и подчинил местную гражданскую администрацию. «Дабы, — как доносил Колпаковский министрам военному и иностранных дел, — чрез сосредоточение властей гражданской и военной в одних руках гарантировать успешную подготовку к передаче и самую передачу».

До прибытия Фриде в Кульджу Колпаковским была послана в город Верный гражданскому губернатору камергеру Щербинскому депеша, предписывающая ему выехать в Кульджу и успокоить население, передав, что жителям не возбраняется переходить в русские пределы, но после уборки хлеба и приведения в порядок всех своих дел. Тем более что спешить ни к чему, ибо передача Кульджи Китаю состоится не раньше осени. Поездка Щербинского по Кульдже и повсеместное объявление этих условий действительно успокоили население.

Вскоре по ратификации договора богдыхан объявил полную амнистию кульджинскому населению за все его прежние возмущения против китайского правительства. Эта амнистия, опубликованная в многочисленных прокламациях, усердно расклеивавшихся китайцами по всем кульджинским селениям, хотя и была встречена населением с недоверием, тем не менее сыграла свою роль. С 25 августа началось выступление русских войск из Кульджи, и к концу 1881 года Кульджа стала принадлежать китайцам, как это и было обещано десять лет назад.

Терентьев: «Передача эта была нами обещана... и потому была обязательна. Сверх того, Китай, за все время соседства с нами, т. е. со времени присоединения Сибири, всегда старался сохранить с нами мирные отношения, уступал нередко не только в мелочах, но и в

серьезных вопросах. Такого соседа следовало ценить, поэтому удержание за собой Кульджи было бы не только несправедливостью по отношению к дружественному соседу, не только нарушением данного обещания, но противоречило бы и нашим собственным выгодам.

Да, Илийская провинция хорошо обработана, плодородна, может прокормить войска, ее занимающие, но все это капля в море расходов, какие нам пришлось бы нести из-за испорченных отношений с Китаем на всем протяжении границ, а не в одном только Туркестане. Кроме того, с водворением китайцев на своих старых местах устранялись опасения наши относительно предприимчивости мусульманских подданных Китая. Строгость и жестокость китайцев все-таки служит для них хорошей уздой. Наученные горьким опытом китайцы держали здесь достаточно войск и справедливо рассчитывали в этом на наше содействие, так как и мы были заинтересованы в охране законного порядка в этих краях».

Конечно же, англичанам такой прямой ход не был понятен; они видели за отходом России из Кульджи все что угодно, только не акт доброй воли. Вот что пишет по этому поводу Хопкирк: «Весной 1880 года китайцы пригрозили вернуть Кульджу силой и направили для этого туда свою армию. Русские в тот момент не имели ни желаний, ни возможностей затевать войну с Китаем и в соответствии со своей старой политикой максимального приобретения при минимальном риске уступили, заодно обвиняя британцев в том, что те стали причиной неожиданной воинственности Пекина». Согласно договору, который Санкт-Петербург подписал на следующий год, русские согласились вернуть Кульджу при условии сохранения контроля над небольшой территорией к западу от города и получения от китайцев значительных компенсаций «оккупационных затрат» на охрану этой территории. «Для русских отступление под угрозой азиатской силы было беспрецедентным. Китай, — заявил лорд Дафферин, — заставил Россию сделать то, чего она никогда не сделала бы прежде, — извергнуть территорию, которую однажды поглотила».

Впрочем, что бы ни думали по этому поводу англичане, событие все-таки поразило их воображение и на какое-то время выбило из-под ног русофобов всякую почву. Воспользовавшись спокойной внешнеполитической обстановкой, Россия продвинулась еще дальше. В Мерв на переговоры был послан ротмистр Алиханов. Переговоры с

туркменскими старейшинами завершились успешно, и 5 марта 1884 года после долгого колебания и междоусобной борьбы партий Мерв также стал русским.

На этот раз англичане не выдержали и тотчас заговорили об условиях договора 1873 года, согласно которому независимые туркмены предоставлены были «сфере влияния России», а Герат, принадлежавший Афганистану, из этой сферы изъят. И вот теперь встал вопрос: какие, собственно, земли надо считать принадлежащими туркменам? Англичане настаивали, что туркмены-сарыки, в сущности, кочуют по афганской земле. Русское правительство ответило, что наша пограничная линия с Афганистаном идет по реке Герируд до города Зюльфагара и южнее него поворачивает к востоку до реки Кушки, отсюда вниз, по этой реке, то есть к северо-востоку, до высоты города Пендэ; здесь граница перебрасывается через реку, проходит в нескольких верстах южнее Пендэ, не захватывая развалин Бала-Мургаба, а затем прямо тянется кверху на северо-восток до Ходжа-Сале на Амударье.

Таким образом, русская сторона определила границу на сто километров южнее Серакса и, соответственно, на столько же ближе к Герату. Этого никак не ожидали англичане, и лондонская печать забила тревогу. Как всегда, англичане стали торговаться: сначала согласились на границу от Серакса до Иолотана, потом уступили пятьдесят километров к югу по линии Пули-Хатун (Женский мост, построенный будто бы дочерью Тамерлана, через реку Герируд) до Сары-Язы на Мургабе; однако русское правительство на такие условия не согласилось. Тогдашний вице-король Индии, лорд Дафферин, опасаясь за спокойствие в Индии ввиду слухов о дипломатической неудаче англичан, настаивал на скорейшем разграничении, лишь бы покончить вопрос. Англия предложила обсудить спорную полосу на месте, через делегатов смешанной пограничной комиссии.

И вот в декабре 1884 года под видом английского отдела пограничной комиссии из Индии прибыл целый вооруженный отряд в тысячу девятнадцать человек. Этот конвой сопровождал двадцать восемь топографов и других специалистов. Главой экспедиции был назначен генерал-майор Ламсен, его заместителями — секретарь посольства в Тегеране Стивен, полковник Стюарт, подполковник Риджуэй, а также майор Гольдич. Риджуэй командовал конвоем и

обозом из тысячи двухсот семидесяти шести верблюдов и семисот семидесяти четырех лошадей.

При этом любопытно отметить, что английская печать горячо обсуждала вопрос, каким именно путем следует отправить этот конвой пограничной комиссии из Индии на север Афганистана. Эмир «подчиненного им» Афганистана снимал с себя всякую ответственность за безопасность конвоя на территории его страны и требовал, чтобы конвой не показывался в Герате. Можно было послать экспедицию вкруговую: через Суэцкий канал и затем через Россию, но британская гордость не позволила им пойти на это. В результате англичане, обходя Герат, пробирались от Кветты почти по самой границе Персии, через Сеистан.

С стороны России главой комиссии назначен был генерал-майор Зеленый, бывший перед тем военным агентом в Константинополе, а его заместителями — инженер Лессар, геодезист полковник Кульберг и генеральный консул в Тавризе Петров. Входили в нее также топографы и специалисты по ботанике, зоологии и другим отраслям. Конечно, Россия была недовольна поднявшейся вокруг дела возней, которая могла изрядно повредить репутации русских в глазах местного населения. Восточные племена могли истолковать прибытие англичан по-своему: дескать, русские без одобрения Англии не могут сделать и шагу даже у себя дома. Под благовидным предлогом, будто бы делегаты еще не достаточно выработали свою позицию относительно главных пунктов границы, русский отдел остался дома. На самом же деле русская сторона прекрасно осознавала, что с членами английской комиссии бесполезно даже пытаться договориться. Если уж британский парламент не смог уступить ни пяди в своей стране, то кто из англичан решится на малейшую уступку вдали от дома?

Ламсден прибыл 23 ноября, и англичане сразу же приступили к работе, к 13 декабря закончили ее и ушли на зимние квартиры. Русская же делегация так и не приступала ни к каким обмерам. Терентьев пишет по этому поводу, что «разграничение это, в сущности, затеяно было англичанами для поднятия своего престижа в глазах афганцев и тех кочевников, которые случайно могли бы им встретиться в степи. Нам не было ни малейшего расчета плясать по их дудке и способствовать их блеску. Итак, пусть себе они работают, пусть пекутся на жаре и дрожат на холоде, а мы преспокойно проведем

именно ту границу, какая давно уже нами намечена! Самые начала, положенные в основу соображений о границе, были у нас различны: мы требовали этнографической границы, т. е. всю землю, где кочуют туркмены, англичане же цеплялись за местные предметы, урочища и т. д., не обращая внимания на то, кто тут живет или сюда наезжает периодически».

Прекрасно понимал ситуацию и командующий войсками Закаспийского отдела генерал Комаров. У него к этому времени уже был богатый военно-политический опыт. По окончании в 1855 году Академии генерального штаба он до 1883 года служил на Кавказе, занимая, между прочим, должности военного начальника Южного Дагестана и начальника Кавказского военно-народного управления. Комаров гораздо больше соответствовал идеалу участника Большой игры. Не теряя на Кавказе времени даром, он собирал материалы по археологии, этнографии и другим отраслям знания и передал обширную палеонтологическую коллекцию из Дагестана в кавказский музей; около трех тысяч наиболее редких восточных монет были уступлены им Императорскому Эрмитажу. Часть монет описана бароном В. Тизенгаузенем в «Записках Восточного Отдела Императорского Русского Археологического Общества». Часть археологической коллекции, собранной Комаровым на Кавказе (предметы начала железного века), описана в известном издании Эрнеста Шантра: „Recherches anthropologiques dans le Caucase“ («Антропологические изыскания на Кавказе». Париж; Лион, 1885, с превосходными таблицами). На V Археологическом съезде в Тифлисе (1881 г.) Комаров был избран председателем.

В Закаспийскую область Комарова перевели в 1883 году, назначив начальником отдела и, соответственно, командующим войсками. Александр Виссарионович вполне понимал, что затеянная в таких обширных размерах комиссия была бесполезной тратой времени и денег; а многочисленный конвой, мало похожий на мирное предприятие, очевидно, имел целью произвести впечатление еще и на население Герата. Видя отношение русского гарнизона к комиссии, Ламсен прекрасно понял, что русское правительство и не собирается признавать выводы англичан и что здесь, скорее всего, так просто дело не кончится. Считая столкновение с русскими неизбежным, он послал майора Николсона и капитана Дея в Герат с заданием изучить

городские укрепления и решить, как лучше оборонять город. По пути офицеры принялись картографировать маршрут возможного продвижения русской армии на случай ее вторжения. Капитана Йета с несколькими офицерами Ламсен отправил в лагерь афганского сердаря для руководства предстоявшими военными действиями.

Британцы стали готовиться к военному столкновению не на шутку; два индийских армейских корпуса, один из которых возглавлял генерал Робертс, в случае необходимости были готовы пересечь Афганистан и быстрым маршем направиться к Герату. Афганцы, по совету английских военных, рекомендовавших им пока не поздно занять район, который Россия намеревается сделать своей территорией, послали в Пендэ войска для усиления его контингента. 21 марта 1885 года близ Пешавара произошло свидание между вице-королем Индии и афганским эмиром. Эмир согласился мобилизовать свои войска и пропустить английский корпус к Герату; за это ему преподнесли почетную саблю, бриллиантовую звезду, горную батарею, пять тысяч снайдеровских ружей, миллион двести пятьдесят тысяч патронов и, конечно же, достаточно денег.

В то же время в английском парламенте в полную силу шли дебаты о необходимости осадить Россию; газеты наполнены были самыми резкими высказываниями. Русского министра иностранных дел на публичных собраниях ругали последними словами. Тринадцатого марта под нажимом Британии Санкт-Петербург клятвенно пообещал, что, если афганцы воздержатся от военных действий, русские войска не станут атаковать Пендэ. Через три дня это повторил и министр иностранных дел России Николай Гире, добавив, что обязательство дано с полного одобрения царя. А накануне королева Виктория лично телеграфировала Александру о своем желании предотвратить «бедствие» войны. Однако, несмотря на такие шаги, оба государства вновь оказались на весьма шаткой грани полномасштабного военного конфликта из-за Афганистана. Внимание всех теперь было приковано к этой маленькой приграничной провинции, где командовал генерал Комаров.

2

Генерал Комаров, прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, тем не менее совсем не испугался легшей на его плечи гигантской

ответственности. Он спокойно двинул свою небольшую двухтысячную армию к Пендэ, намереваясь во что бы то ни стало добиться того, что, по его понятиям, являлось в его владениях неотъемлемым правом России. С одной стороны, у него были четкие инструкции всеми силами избегать военного конфликта. Но с другой — знал он и следующие слова Александра III: «Ни в чем им не уступать, наметить самим желательную для нас границу, занять ее войсками и подготовить все на случай разрыва нашего с Афганистаном и Англией». Комаров старался исполнить и то и другое в точности. Ламсден, постоянно следивший за развитием ситуации из афганского лагеря, срочно телеграфировал в Лондон о начале движения русских войск по направлению к Пендэ.

Двадцать седьмого марта королева Виктория обратилась к парламенту с посланием о созыве семидесяти тысяч резервистов I и II разрядов. Началось быстрое вооружение флота. Комаров же в этот день подошел практически вплотную к Ак-Тепе (Таш-Кепри), близ впадения реки Кушка в Мургаб. У него было восемь рот, четыре сотни и четыре орудия, всего около двух тысяч человек. Кавалерией командовал Алиханов, к этому времени ставший уже майором. Афганский же отряд в Пендэ насчитывал до четырех тысяч человек.

Афганцы немедленно перешли Мургаб и Кушку и тоже стали у Ак-Тепе, на левом, то есть на нашем, берегу Кушки, затем заняли окружавшие русскую стоянку высоты и стали возводить укрепления.

Двадцать девятого марта утром Комаров через парламентаря направил афганскому командующему Наиб-Салару письмо следующего содержания: «Требую, чтобы сегодня до вечера все подчиненные вам военные чины до одного возвратились в прежние стоянки свои, на правый берег Кушки и чтобы посты ваши на правом берегу Мургаба не спускались ниже соединения этих рек. Переговоров и объяснений по этому вопросу не будет. Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам».

Наиб Салар ответил, титулуя Комарова, как зовут старших начальников в Индии: «Его превосходительству Генералу Бехадур, храброму и отважному». Он уверял, что не может исполнить русского требования вопреки приказаниям эмира и советам английского капитана Йета, для него обязательным. В то же время Наиб обещал,

если нужно, исправить то или другое маловажное расположение своих постов.

До этого момента Ламсен внимательно контролировал события и сообщал обо всем в Лондон. Однако теперь, сделав все, что было в его силах для предотвращения столкновения, он решил все-таки отодвинуть свой лагерь подальше, чтобы не оказаться втянутым в сражение. В результате о том, что произошло далее, в Британии известно лишь по русским отчетам.

В тот же день, в десять часов вечера, отдавая приказ о бое на 30 марта, генерал Комаров послал еще одно, более мягкое письмо «уважаемому, отважному и благодарному» Наиб Салару, в котором говорил, что самой маловажной из перемен в афганских силах, по его мнению, будет являться полное очищение левого берега Кушки и правого берега Мургаба ниже Кушки и что если афганцы этого не исполнят, то ничего хорошего их не ожидает и вина за все, что произойдет далее, полностью ляжет на афганцев, которых он еще раз предупреждает в видах охранения дружественно-соседских отношений отойти, не слушая дурных советов. Он уверял, что советники афганцев, англичане, видимо, стараются разорвать дружественные отношения России и Афганистана. Заканчивалось же письмо следующими словами: «Да поможет вам Господь! в разрешении этого дела и установлении вместо вражды — дружественных соседских отношений, дабы не пришлось раскаиваться в том, что вы слушались бесполезных советов посторонних лиц... Выбор между дружбой и враждой зависит от вас самих!»

Затем Комаров, прекрасно зная, что все его требования останутся без внимания, отдал своему отряду следующее приказание: «Истошив все средства мирно уладить это дело... я решил удалить афганцев из этого урочища силой. Для чего предписываю: завтра в 4 часа утра Мургабскому отряду выступить... Во время движения, до рассвета соблюдать полную тишину, не курить, не разговаривать, приказания отдавать вполголоса. Особенное внимание обращаю на то, чтобы не было допускомо ни малейшей суеты, спокойствие чтобы было полнейшее... строгое запрещение первым начинать действовать оружием», даже больше того — «не отвечать на неприятельский огонь без приказания, в надежде на мирный исход удалением афганцев за Кушку одним маневрированием».

И вот 30 марта в четыре часа утра, еще в темноте, в густом тумане и легкой измороси, русские войска выступили из лагеря. В начале шестого часа кавалерия стала выходить на плато Ташкепринского бугра и, развернувшись, остановилась шагах в четырехстах-пятистах от вдвое превосходящей русскую афганской конницы, которая была построена глубокой массой, до двух тысяч коней против Алиханова и около двухсот против пехоты Туркестанского линейного батальона. На левом фланге конной массы тотчас вышло и залегло около роты пехоты. Туркестанцы же к этому моменту еще не подошли, а Закаспийские стрелки, развернувшись, уже наступали. Вскоре подошли и туркестанцы, и генерал Комаров направил к ним полубатарею.

В это время к афганской коннице, составлявшей основную силу и надежду отряда, подъехал Наиб-Саляр и обратился к ней со словами: «Подвизайтесь во славу Божию!» Ему отвечали троекратным «Алла!» и обещанием сражаться во имя Господне. По всем сведениям, настроенные весьма воинственно афганцы и в самом деле собирались драться с неверными русскими всерьез.

Алиханов, полагая, что афганская конница тотчас ринется в атаку, быстро спешил казачьи сотни и тех туркмен, у которых (двадцать человек) были ружья. На правом фланге на коне осталась только сотня Мервской милиции, на левом — туркмены конвоя и свита Комарова. Огня все еще никто не открывал. Афганцы, видимо, по-прежнему не решались сделать это первыми. Но вот в их рядах кто-то все же не выдержал, и раздалось четыре ружейных выстрела по русской коннице, одним из которых была ранена казачья лошадь. Казаки тут же дали ответный залп, после чего начался частый непрерывный огонь.

Афганцы сразу же начали поливать огнем всю позицию из ружей и из пушек, и после этого ответный огонь открыли уже все русские колонны. Афганская кавалерия заколебалась, отхлынула, но тут же стала опять строиться к атаке и бросилась с бугра в равнину, охватывая конную колонну русских с левого и правого флангов и с тыла. Однако после пятого залпа казаков афганцы дрогнули и обратились в бегство вместе с ротой, выдвинувшейся на левый фланг их конницы.

Вся афганская кавалерия бросилась за реку Кушка в полной панике, прыгая с обрывов бугра, скапливаясь плотными массами у брода и у моста и неся под русским огнем большие потери. Афганская

же пехота под частым огнем противника вообще попряталась в траншеи с бойницами; все их пушки действовали через амбразуры и, будучи хорошо прикрыты окопами, начали приносить русской стороне заметный урон.

По свидетельству туркестанцев, огонь афганских траншей на бугре был силен, особенно против казаков. Трупы людей и лошадей валялись по обоим берегам реки, темнели в русле и уносились быстринами.

Тогда спешенные части Алиханова, к которым присоединились и Мервские милиционеры, вместе с туркестанцами двинулись на афганские траншеи, прикрывавшие расположенную на бугре батарею, а Сводный Закаспийский стрелковый батальон атаковал в штыки равнинный участок Кушкинской позиции афганцев.

Афганцы, мужественно отстреливаясь, подпустили атакующих к своим траншеям шагов на сто и, хотя в отдельных группах дрались геройски, русской штыковой атаки все же не выдержали.

Русская артиллерия в этот период боя помогала пехоте своим огнем и сообщением дистанций. Выехав на позиции тотчас по завязке боя, она стреляла во фланг и тыл афганцам, потом по переправам, где скопился противник, затем по его толпам, строившимся на высотах другого берега, и по орудию, действовавшему с Ак-Тепе.

С начала боя неприятельская артиллерия, в количестве не меньше шести орудий, вела частый огонь по Закаспийскому стрелковому батальону, по цепи и резервам, с бугра, с долины и с Ак-Тепе. Но закаспийские стрелки обратили свой огонь на афганские батареи и быстро заставили замолчать два афганских орудия. Затем, подойдя перебежками на близкое расстояние к траншеям, цепь пехоты и резервы бросились одновременно на афганцев, которые тут же бежали к мосту, оставив три орудия.

Теперь, продолжая оборонять правый берег Кушки, афганцы стали строиться на южном краю лагеря, конница южнее пехоты. Но теперь у них оставалось уже лишь одно орудие в Ак-Тепе. И все-таки около восьми часов утра, после еще одного натиска русской пехоты, лагерь афганцев был занят, а еще через два часа перебиты или переловлены и все укрывшиеся в складках местности афганцы.

Генерал Комаров не позволил преследовать афганцев и даже вернул сотню, бросившуюся было к Пендэ. Отказавшись преследовать разбитого неприятеля, Комаров хотел дать всем понять умеренность

наших требований; мы сделали только то, чего просили, и не более, освободили левый берег реки. А дальше — посмотрим.

Однако паника афганцев была столь велика, что в этот же день они преодолели более сорока километров до Меручака, и только там основная масса беглецов остановилась на первый ночлег. Защитники оазиса бежали, оставив на поле боя более восьмисот трупов, также многие утонули, в поисках спасения пытаясь одолеть разлившуюся реку. Потери Комарова составили только сорок человек убитыми и ранеными.

Итак, дело было сделано. На этот раз Россия, не испугавшись войны с Англией, сделала то, что считала нужным. Теперь интересно проследить, кто и как повел себя в пиковой ситуации столкновения интересов трех стран — России, Англии и Афганистана.

3

Наиб-Саляр, выслушав доклад о причинах, ходе и последствиях боя, пришел в ярость и приказал отрезать нос и уши начальнику конницы и кавалерийским офицерам за то, что конница первая подала пример к бегству. Но тут к нему прибыл русский гонец с письмом от генерала Комарова. Афганцы были уверены, что письмо наполнено издевательствами над позорно бежавшим с поля боя противником; в Азии это является обычным делом. Но вот что они прочли: «Высокостепенному, славному и благородному Наиб-Салару-Тимуршаху. После добрых пожеланий, считаю необходимым уведомить Вас, что люди, попавшие в плен, из состава вверенных Вам войск, освобождены и отправлены домой, снабженные продовольствием и деньгами на путевые расходы. Семнадцать человек раненых лечатся в госпитале и по мере выздоровления будут точно также возвращены Вам. Все убитые похоронены мусульманами и по-мусульманскому обряду. Вы можете быть спокойным, я добился только того, чего желал, и даже не переносу своего лагеря через Кушку. Остаюсь с афганскими войсками и подданными в добрых и дружественных отношениях, без всякой враждебной цели.

Командующий войсками генерал-лейтенант Комаров».

Афганцы были поражены. «Так может поступать только великий народ!» — вырвалось у одного из них.

Теперь взглянем на то, как реагировала на эти события Англия.

Новость о захвате русскими Пендэ дошла до Лондона через неделю и была встречена с такой яростью и тревогой, что даже правительство признало «чрезвычайную опасность» ситуации. Большинство наблюдателей, включая иностранных дипломатов, считали, что теперь война между двумя державами неизбежна. Гладстон, которого Гире, не говоря уже о самом царе, всегда выставял дураком, осудил устроенную над афганцами резню как акт ничем не спровоцированной агрессии и обвинил русских в захвате территории, бесспорно принадлежащей Афганистану. В Палате общин он заявил, что ситуация серьезна, но не безнадежна, и, хотя на фондовой бирже уже наметились признаки надвигающейся паники, он получил от взволнованных парламентариев обеих партий кредит в одиннадцать миллионов фунтов. Таких огромных сумм не давали со времен Крымской войны.

Министерство иностранных дел подготовило официальные заявления относительно начала военных действий. Королевский флот был переведен в состояние боевой готовности и получил приказ наблюдать за передвижениями всех русских военных кораблей. На Дальнем Востоке флоту следовало занять порт Гамильтон в Корее с тем, чтобы использовать его как плацдарм для проведения операций против крупной русской военно-морской базы во Владивостоке и других объектов северной части Тихого океана. В то же время рассматривалась возможность нанесения удара по русским на Кавказе, желательно при поддержке Турции.

На этот раз намерения правительства были непоколебимы, и британский посол в Санкт-Петербурге получил инструкции предупредить министра иностранных дел Гирса, что любое дальнейшее продвижение русских в направлении Герата будет означать войну. На тот случай, если это не сработает, вице-король подготовил и отправку двадцатипяти тысячного корпуса в Кветту, где ему надлежало ожидать согласия Абдуррахмана на марш-бросок в направлении Герата. Персидский шах, изрядно встревоженный агрессивными действиями России в непосредственной близости от его собственной границы с Афганистаном, убеждал Британию войти в Герат прежде, чем это сделает Санкт-Петербург, и в случае войны между могущественными соседями подтвердил свой нейтралитет.

Плодовитый писатель-русофоб Марвин издал книгу, озаглавленную «Русские у ворот Герата». Книга эта была написана и издана всего за одну неделю и сразу же стала бестселлером — мгновенно разошлось шестьдесят пять тысяч экземпляров. Прежде всего Марвин заявлял, что все проблемы в отношениях с Санкт-Петербургом создаются в основном из-за бесхребетных и нерешительных действий последовательно сменяющих друг друга британских правительств, особенно либеральных.

Отзвуки кризиса мгновенно разнеслись по всему миру. В Америке, где от новостей содрогнулась даже Уоллстрит, только и говорили что о ссоре между двумя гигантскими империями, а в обычно трезвомыслящей газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья под заголовком, набранным огромными буквами: «БИТВАРОССИИ С АНГЛИЕЙ», которая начиналась словами: «Это — война». И это вполне могло стать реальностью, если бы среди всеобщего безумия не сохранил здравый рассудок один человек.

И кто, вы думаете, был тот единственный человек, сохранивший в этой истории здравый рассудок?

А именно тот, кто, по мнению англичан, немедленно должен был «потребовать смыть оскорбление русской кровью и в соответствии с англо-афганскими соглашениями попросить британской помощи».

Все газеты и государственные деятели мира предсказывали скорую драку между двумя крупнейшими державами из-за отдаленного среднеазиатского селения. Находясь в ежедневном ожидании войны, британские газеты требовали преподать русским урок, а газеты Санкт-Петербурга и Москвы настойчиво домогались от своего правительства разрешения на аннексию Герата и предостерегали Британию, предлагая ей держаться подальше. И только один «безжалостный», по определению Хопкирка, эмир Афганистана Абдуррахман спокойно сказал: «Ну и что, что там погибло двести человек. Хотя бы и две тысячи». Но за этим спокойным ответом стояло не безразличие восточного деспота, а холодная мудрость опытного правителя. Абдуррахман прекрасно понимал, что это будет не его война. Эмир просто не имел ни малейшего желания еще раз увидеть свою страну превращенной в поле битвы между конфликтующими соседями.

Кроме спокойной позиции Абдуррахмана имелись здесь и другие сдерживающие факторы, исподволь оказывавшие влияние на

ситуацию. Фактически ни одна из сторон не хотела начинать войну из-за Пендэ, другое дело — Герат. В России отлично понимали — продвинься они еще хотя бы немного, британцы, даже возглавляемые либеральным правительством, ринутся в битву. И на протяжении всего кризиса между министрами иностранных дел обеих стран, лордом Гренвиллем и Бирсом, поддерживалась постоянная связь. Постепенно спокойствие восстановилось. Стороны в конце концов пришли к соглашению о том, что Пендэ останется нейтральным до тех пор, пока его будущее не решат три заинтересованные страны; русские войска должны отойти от селения на небольшое расстояние. Переговоры относительно границы следовало начать как можно скорее, а пока, по мере постепенного угасания непосредственной угрозы, королевский флот и индийский контингент британских войск должны были вернуться на исходные позиции...

Войну удалось предотвратить, но англичане все же отчетливо дали понять всем, что при любом дальнейшем продвижении русских к Герату она неминуема. Тем не менее, даже учитывая это, далеко не все обозреватели были убеждены, что этим можно надолго остановить продвижение русских.

Здесь относительно этих событий очень уместно привести слова генерала Терентьева: «Теперь англичане стали уже вопить о неприкосновенности Герата. Это ворота в Индию, это ключ к Индии! Мы знаем, однако же, что Герат ни то, ни другое: воротами в Индию служит собственно река Герируд; это ворота и коридор. Герат, как крепость, — ничтожество и надолго задержать европейские войска не может, а в случае недосуга его просто можно оставить в покое, под наблюдением небольшого отряда. Важен он только, как склад, но складом этим можно пользоваться, несмотря на гарнизон цитадели. Это всегда и делали даже персияне. Герат от нашей границы всего в 130 верстах. Лучший путь к нему от Серакса через Ах-Рабат, по родникам на Меймезек.

Захватывая все главные горные проходы, ведущие к Индии, навешивая на эти ворота крепкие замки, в виде фортов, англичане думают держать свою Индию, как сказочную принцессу за тридевять земель.

Но все проходы имеют еще обходы. Боланский имеет их 15, причем некоторые весьма удобны для движения войск. Убереечь свою

принцессу им не удастся запорами да воплями против России. Только честным и справедливым отношением к нам и в Европе, и в Азии они могут застраховать свою дорогую колонию от всяких случайностей; а тогда им не нужны будут никакие крепости. Этого секрета они пока не знают...»

Да, именно этого англичане никак не могли, да и не хотели понять. Непонимание их весьма характеризует поведение Ламсдена и его коллег после победы Комарова. Поначалу англичанин попытался сохранить лицо и прислал Комарову записку с вопросом, не нуждаются ли русские в связи с произошедшими событиями в помощи еще одного врача. Однако когда русский офицер с несколькими казаками направился к нему, чтобы передать ответ генерала Комарова и пригласить британцев в лагерь, те при виде приближающихся всадников вдруг поспешно собрались и умчались прочь.

Комаров: «В сущности, при Кушке разбиты были англичане, распорядившиеся афганцами. Заячий вид улепетывающих английских офицеров, конечно, не мог вселить в афганцев особого к ним уважения, и престиж пострадал; без сомнения, они сделали бы лучше, сдавшись русским: ведь они были членами смешанной комиссии и, значит, шли бы только на соединение с русским отделом ее, как товарищи... Нет, они сами сознавали, что поступали, как враги! Поэтому они и боялись попасть к нам в руки...»

«Полная победа еще раз покрыла громкой славой войска Государя Императора в Средней Азии. Нахальство афганцев вынудило меня, для поддержания чести и достоинства России, атаковать 18 марта сильно-укрепленные позиции на обоих берегах р. Кушки... Афганский отряд регулярных войск, силою в 4 т. человек при 8-ми орудиях разбит и рассеян, потерял более 500 человек убитыми, всю артиллерию, два знамени, весь лагерь, обоз, запасы... Английские офицеры, руководившие действиями афганцев, просили нашего покровительства; к сожалению посланный мною конвой не догнал их. Они были, вероятно, увлечены бежавшей афганской конницей».

Так доносил военному министру, для доклада государю Александру III, генерал-лейтенант Александр Виссарионович Комаров.

Фактическое присоединение им к русской территории, без кровопролития и сверхсметных ассигнований со стороны казны знаменитого Мервского оазиса и оазисов Тедженского, Серахского и Иолатанского было уже признано его крупнейшей заслугой перед отечеством. Эти присоединения были окончательно закреплены за Россией боем при Кушке с добавлением Пендинского оазиса. Площадь присоединенной территории составляет сто девяносто шесть тысяч триста двадцать семь квадратных верст (около двухсот тысяч квадратных километров). За Кушку Комарову была пожалована шпага, украшенная бриллиантами, и с производством, в 1890 году, в генералы от инфантерии Комаров был отчислен в запас. Алиханов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Однако англичане еще долго пытались что-то изменить в этой истории, и лишь летом 1887 года были наконец подписаны окончательные протоколы, касающиеся всех поселений, за исключением расположенных вдоль восточной границы. При этом Россия сохраняла за собой Пендэ, который «разменяли» с Абдуррахманом, уступив афганской стороне находящийся западнее стратегический перевал, который ему и его британским советникам непременно хотелось взять под свой контроль. Более того, в качестве компенсации нашими была присоединена к территории России значительная часть правого берега Кушки вплоть до Мургаба. Таким образом, труды английской комиссии не только пропали даром, но русская граница теперь пролегла даже еще южнее, чем Россия требовала вначале, и теперь от Кушкинского поста до Герата оставалось всего около ста километров.

Впоследствии Г. В. Чичерин писал: «Вопрос о мире и войне висел на волоске, и потребовалось все искусство традиционной дипломатии, умевшей в потоке слов притуплять политические обострения и отсрочивать столкновения, в лице одного из последних виртуозов этого традиционного искусства русского посла в Лондоне Сталя, чтобы превратить вопрос о войне между Россией и Англией в чисто канцелярский вопрос об афганском разграничении, переданный технической разграничительной комиссии на местах».

Хопкирк: «Вновь русские показали себя мастерами *fait accompli*^[16], фактически получив то, что хотели, хотя генералы и остались недовольны в конце концов согласованной границей, проходившей в

основном по первоначальной линии, определенной еще в 1873 году. Единственным отклонением являлся изгиб на юг в районе Пендэ, заметно приближавший русских к Герату».

Как бы хотелось на этом победном результате поставить точку. Однако то, что легко сделать в книге, оказывается не так-то просто в действительности.

Правда, на какое-то время и Британия, и Россия, наказанные за свои дорогостоящие среднеазиатские авантюры, успокоились, якобы усвоив уроки и научившись осмотрительности. Начался период разрядки, который, несмотря на взаимные опасения и подозрения, продлился целых десять лет. Однако обе державы использовали этот период отнюдь не для мирного сближения, и в конце концов получилось так, что в борьбе за господство над Азией эта передышка стала лишь короткой интермедией.

Разграничения на Памирах

*Мы вечно то, чем быть нам суждено;
Гони природу в дверь, она влетит в окно.
Лафонтен*

1

Договорившись относительно Афганистана и определив его северную границу, Россия и Англия должны были наконец успокоиться и дальше действовать в пределах установленных границ, не опасаясь никакого соперничества. Однако не тут-то было. Восточная граница Афганистана все еще не была описана, и потому англичанам казалось, что безопасность своей жемчужины они обеспечили недостаточно. Дело в том, что на Памирском плато неожиданно обнаружился огромный «никому не принадлежащий» участок, простиравшийся далеко на юг, вплоть до Каракорума и Гиндукуша, и в наиболее широких местах раскинувшийся между границами Китая и Афганистана на расстояние около полутора тысяч километров. Британия определила этот район как «беспокойное окно», через которое русские могут проникнуть в Индию, и начала подстрекать китайцев и афганцев сомкнуть свои границы, дабы продвинуть сферу своего влияния еще дальше на север и не позволить России владеть теми территориями на Памире, на которые, даже по их сведениям, вполне могло претендовать уже вошедшее в состав Российской империи Кокандское ханство.

Памир представляет собой нагорную плоскость, со средней высотой около четырех тысяч метров над уровнем моря, пересеченную горными хребтами, включающими в себя Гиндукуш и Каракорум. Между высокими горными хребтами лежат горные долины, изобильно орошаемые множеством ручьев и рек; немало здесь и озер. Именно отсюда вытекает и Оке, ныне в верховьях называемый Пянджем, а после слияния последнего с Вахшем в районе Балха — Амударьей. Ныне большая часть этой горной страны расположена в пределах

Таджикистана, но отдельные его районы принадлежат Афганистану, Пакистану, Китаю и Кыргызстану.

Ввиду того, что с Памира идут, как с крыши, четыре ската: в Туркестан, Китай, Индию и Афганистан, явилось предположение, что само это название означает «Крыша мира» и что отсюда, собственно, и началось расселение человечества на четыре страны. Но «крыша мира» по-персидски было бы «бам-и-дунья», а «мир» в переводе с персидского — князь; то есть «бам-и-мир» — ‘княжеская крыша’. Ни по смыслу, ни по произношению не годится. Таким образом, легендарное происхождение названия выглядит сомнительно. На местном же тюркском диалекте слово «памир» означает высокогорные холмистые степи, как раз весьма типичные для восточной части этих гор, особенно в районах, примыкающих к Афганистану и Китаю. Высокогорья Таджикистана с высочайшими вершинами в Горно-Бадахшанском районе составляют ядро Памира. Именно вокруг этого ядра и разгорелся новый спор между Россией и Англией.

Терентьев: «Надобно заметить, что ради своего престижа, который не дает им спать спокойно, англичане на каждое завоевание наше отвечали захватом какого-нибудь ханства. Если не сами захватят, то руками афганцев и кашмирцев, на которых возложена благородная миссия защищать британские владения с севера и северо-востока. За Хиву и Коканд они взяли Келат и Кветту, предоставив афганцам Вахан, никогда им не принадлежавший, и Бадахшан. За Геок-Тепе они отхватили часть Афганистана. За Мерв выдвинули афганские посты в Рошан и Шугнан. За Памир — выдвинули кашмирцев в Канжут, подчинили своему влиянию все независимые ханства к югу от Памира: Читрал и Ясин, а когда русские добились очищения афганцами Рошана и Шугнана, англичане предоставили им Кяфиристан, а сами заняли Читрал и Сват».

Памирский кризис начал назревать практически сразу же после заключения соглашения Горчакова — Гренвилла 1872–1873 годов. Согласившись тогда на уступку и отдав Афганистану по требованию Англии Вахан и Бадахшан, русские политики преследовали откровенно корыстную цель: устранить этой уступкой вмешательство Англии в дальнейшее продвижение России по Средней Азии. В результате в ближайшие годы русским военным и в самом деле

удалось присоединить к Российской империи обширные Хивинское и Кокандское ханства, на что Англия фактически посмотрела сквозь пальцы.

Сквозь пальцы смотрело и царское правительство на то, что ни Вахан, ни Бадахшан — эти высокогорные памирские области — никогда не принадлежали Афганистану, а их народы отчаянно сопротивлялись афганскому порабощению. Более того, правительство России сквозь пальцы посмотрело даже на дальнейшее распространение афганской экспансии, охватившее Шугнан и Рошан, захваченные афганцами в 1883 году. Все эти действия афганского владыки, вне всяких сомнений, направлялись Англией, что фактически являлось прямым нарушением договора Горчакова — Гренвилла и давало русскому правительству полное право заявить протест. Однако Россия молчала. Но к концу восьмидесятых годов, когда масса недовольных афганским господством жителей присоединенных областей подняла восстание, ситуация накалилась.

Восстание эмир Афганистана Абдуррахман подавил с величайшей жестокостью. Замечательный русский участник Большой игры Б. Л. Громбчевский, занимавшийся в конце восьмидесятых годов исследовательскими работами в Горном Бадахшане, оказался свидетелем происходивших там событий и оставил их подробные описания. В частности, он писал, что не только многострадальное население Горного Бадахшана, но и другие народы припамирских стран с симпатией отзывались о русских и выражали желание отдаться лучше России, чем англичанам. Так, в сентябре 1888 года, радостно принимая русского путешественника, правитель входящей в состав Канжута Хунзы Сафдаралихан просил передать императору просьбу о принятии его страны в состав России. Показывая письмо вице-короля Индии, он сказал Громбчевскому: «Вот его письмо, в котором он обещает сделать мою страну арсеналом и казнохранилищем Индии... Я ненавижу англичан и прогнал посланцев».

Получив благодаря собранным Громбчевским материалам подробные и достоверные сведения о Памире, Горном Бадахшане и других припамирских странах, а также вняв просьбам многочисленных беженцев из захваченных афганцами областей, Россия из тактики невмешательства и выжидания перешла наконец к активным действиям. Туркестанский генерал-губернатор генерал-

лейтенант А. Б. Вревский летом 1891 года отправил на Памир военный отряд из пяти охотничьих команд линейных батальонов Ферганской области и команды казаков под общим начальством полковника М. Е. Ионова. Кроме того, генерал-губернатор и сам решил отправиться вслед за отрядом вместе с командующим войсками Ферганской области генерал-майором Н. И. Корольковым и подполковником Громбчевским. Англичане тут же прознали об этом и особенно сильно встревожились присутствием в свите генерал-губернатора Громбчевского, все последние годы занимавшегося тщательным изучением Памирского региона и прекрасно осведомленного об английском плане раздела Памира между Китаем и Афганистаном. Англия тут же принялась укреплять свою пограничную линию на Гиндукуше, а для рекогносцировки местности и наблюдения за действиями русских послали на Памир своего агента Янгхасбенда.

Капитан 1-го гвардейского полка королевских драгун Френсис Эдуард Янгхасбенд обладал всеми достоинствами, которые требовались от романтических героев тех времен.

Он родился в мае 1863 года в семье военного, в Мюррее, горном поселке в северо-западной приграничной территории Британской Индии, и в 1881 году был принят в Королевский военный колледж, готовивший офицеров кавалерии и пехоты. Уже на следующий год, получив звание младшего лейтенанта, Янгхасбенд был направлен в Первый гвардейский полк Королевских драгун, расквартированный вблизи Дели. Уже в начале карьеры командиры разглядели в нем способности к разведывательной работе, и к двадцати годам Френсис Эдуард уже осуществил множество успешных разведывательных операций, как на границе, так и по другую ее сторону. Похоже, склонность к подобным занятиям была у него в крови: Янгхасбенд был племянником давнего участника Большой игры Роберта Шоу, чьей карьере с детства мечтал подражать. В конечном счете ему было суждено превзойти своего героя. К двадцати восьми годам он стал уже ветераном игры, пользующимся доверием высокопоставленных лиц, с которыми вряд ли случалось вступать в контакт его подчиненным. Секретная работа открыла ему доступ к последним разведанным, касающимся реакции Индии на продвижение русских на Дальнем Севере; предметом его гордости было знание наизусть труда генерала

Макгрегора «Оборона Индии», являвшегося библией сторонников «наступательной школы».

Чарльз Макгрегор обладал уникальными познаниями для того, чтобы всесторонне исследовать российскую угрозу Индии. Как генерал-квартирмейстер индийской армии, он был также главой ее недавно организованного разведывательного департамента. Мало того, что он был ветераном многочисленных кампаний на границе, он еще и много путешествовал по Афганистану и Северо-Восточной Персии, даже посетил Саракс. Ясно, что по работе он имел доступ к самым последним относящимся к Индии разведывательным данным, как военным, так и политическим.

Незадолго до этих событий, весной 1887 года, возвращаясь после путешествия через Манчжурию, — а в действительности после сбора развединформации, — Янгхасбенд на обратном пути оказался в Пекине одновременно с полковником Марком Беллом, вице-консулом и своим непосредственным начальником. Белл собирался самостоятельно отправиться в длительную поездку через Китай. Целью поездки было установить, смогут ли маньчжурские правители противостоять российскому вторжению. Янгхасбенд сразу спросил полковника, нельзя ли сопровождать его в путешествии. Белл отказался, заявив, что это станет пустой тратой времени. Гораздо лучше вернуться в Индию через территорию Китая другим маршрутом. Во-первых, это не будет простым дублированием, а во-вторых, даст возможность получить более полную картину военных возможностей страны. Кроме того, после возвращения Янгхасбенд сможет представить отдельный доклад с собственными результатами и выводами.

Янгхасбенд тут же согласился и 4 апреля 1887 года отбыл из Пекина, начав первую часть своего долгого маршрута на запад через пустыни и горы Китая. Большое азиатское путешествие, из которого Янгхасбенд едва вышел живым, представляло собой маршрут более чем в тысячу километров, пересекавший Китай с востока на запад. На этот путь, которым европейцы еще не ходили, Френсису понадобилось семь месяцев. Он с большим трудом преодолел неизведанный тогда перевал Музтаг и пересек Каракорум — огромное достижение для человека, не располагавшего альпинистским опытом.

Привезенная им ценнейшая информация привела руководство в восхищение. Главнокомандующий силами Британской Индии генерал Робертс предоставил Френсису трехмесячный отпуск для поездки в Лондон. Там в августе того же года Янгхасбенд прочитал лекции по научным результатам своей поездки в Королевском Географическом обществе и в двадцать четыре года стал самым молодым его членом за всю историю, а вскоре был отмечен вождеденной почетной золотой медалью. В отличие от сверстников — младших офицеров, с которыми высокопоставленные чиновники общались с плохо скрываемым презрением, — Френсис Янгхасбенд уже был принят теми, кто имел статус элитного участника Большой игры.

Летом 1889 года Янгхасбенд получил из штаба отдела разведки в Симле телеграмму с приказом, подписанную лично министром иностранных дел сэром Мортимером Дарендом, отправиться в Хунзу, якобы для обеспечения безопасности торговли. Янгхасбенда сопровождал эскорт из шести гуркхских стрелков и взвод кашмирских солдат из Леха. Кроме того, в задачу британского агента входило требование убедить китайцев обозначить свои территориальные претензии — послать отряды на Памир и занять расположенный к западу от их застав регион без четко обозначенных границ, а также противостоять влиянию на туземцев работавшего в это же время в этих местах русского исследователя Громбчевского. Последний, узнав о прибытии на Памир британского конкурента, послал ему письмо с приглашением отобедать у него в лагере. Янгхасбенд не нуждался в долгих уговорах и на следующее утро отправился туда, где русский разбил свои палатки.

Родившийся в январе 1855 года Бронислав Людвигович Громбчевский был человеком вполне под стать своему сопернику. Сын польского шляхтича Людвиг Громбчевского, сосланного за участие в Польском восстании 1863 года в Сибирь, он закончил Четвертую русскую классическую гимназию в Варшаве, после чего был принят в Петербургский горный институт. В 1873 году, не завершив полного курса, молодой человек поступил на военную службу в Кексгольмский Гренадерский Императора Австрийского полк, откуда был откомандирован для обучения в Варшавское пехотное юнкерское училище, где в 1875 году был произведен в офицеры. По неимению средств Громбчевский не смог содержать себя в войсках гвардейского

корпуса, и 21 марта 1876 года по собственной просьбе был переведен на службу в Российский Туркестан. Там он состоял ординарцем при Скобелеве, а затем при князе Витгенштейне. Вся дальнейшая служба Бронислава Людвиговича связана со Средней Азией, в завоевании которой он принимал непосредственное участие во время Алайского похода 1876 года.

В 1880 году Громбчевский перешел на службу по Военно-народному управлению и был назначен помощником начальника Маргеланского уезда. В это время он занялся изучением местных наречий и культуры, в результате чего в совершенстве овладел узбекским, таджикским и персидским языками. В 1885 году в качестве старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области Громбчевский был командирован в Кашгар и на Тянь-Шань для обследования границы с Китаем. За представленный отчет по этой поездке, во время которой он выполнил маршрутную съемку общей протяженностью около тысячи километров, Громбчевский был награжден серебряной медалью Императорского русского географического общества. В 1886 году Бронислав Людвигович исследовал верховья Сырдарьи, Нарына и Сусамыра, а также Ферганский и Александровский хребты, после чего отправился в Петербургский университет для углубления своих знаний в области теории и практики астрономо-геодезических работ и наблюдений.

После завершения теоретического курса и практики в Пулковской обсерватории в 1888 году Громбчевский начал свои исследования на Памире, в ходе которых он открыл мощный, ранее не известный хребет, названный им Юрункашским (с Русским перевалом). Также благодаря его съемкам определились очертания сложной системы реки Верхний Яркенд и были найдены ее истоки. За эти исследования Громбчевский был награжден уже золотой медалью Императорского русского географического общества. За Памирскую экспедицию 1889–1890 годов Бронислав Людвигович был произведен в подполковники, и как раз в этом его путешествии и произошла первая встреча двух выдающихся участников Большой игры — двадцатисемилетнего Янгхасбенда и тридцатипятилетнего Громбчевского.

Из путевого дневника Янгхасбенда: «Как только я приехал, мне навстречу вышел высокий, прекрасно выглядящий бородатый человек в российской военной форме». Громбчевский, у которого был эскорт из

семи казаков, тепло поприветствовал гостя, и тем же вечером, после того как британский офицер разбил поблизости свой собственный лагерь, они устроили совместный обед. «Обед был очень плотным, — сообщал Янгхасбенд, — и русские от души накачали меня водкой». Поскольку последняя текла рекой и еды все время подбавляли, оба молодых человека постепенно перешли к весьма откровенным разговорам.

Янгхасбенд, в отличие от своего оппонента, был среднего роста, но тоже с четкой военной выправкой. Черты лица его отличались правильностью, а верхнюю губу прикрывали густые усы, из под которых выступали квадратный британский подбородок и сильные челюсти. Когда он принимался говорить, то весь его несколько суровый облик преображался, глаза начинали сиять под тяжелыми бровями, а голос, наполненный «сдержанностью силы», становился мягок. Британец признался, что в Яркенде хан Канжута на приглашение посетить Индию ответил ему приблизительно следующее: «Я и мой великий покровитель Император Александр Третий — мы в Индию не ездим...»

Беседа молодых людей естественным образом завертелась вокруг соперничества между двумя их нациями в Азии. И Громбчевский вдруг заявил Янгхасбенду, что вся российская армия, начиная от генералов и до последнего рядового, ни о чем больше не думает, как только о предстоящем походе на Индию. Для подтверждения он подозвал казаков и спросил их, хотели бы они наступать на Индию. Казаки с воодушевлением поклялись, что ни о чем большем и не мечтают. Похоже, наш агент, в очередной раз дразня британца русскими притязаниями на английскую жемчужину, не прочь был хорошенько поразвлечься.

Янгхасбенд обратил внимание, что на карте Громбчевского изображение «беспокойного памирского окна» окаймлено красным. Это, на его взгляд, явно доказывало, что русские прекрасно знают о существовании тех безлюдных земель, где в едином узле сошлись Россия, Китай, Афганистан и Британская Индия.

Громбчевский и тут, вероятно развивая некую тонкую, не совсем понятую даже современными российскими исследователями, интригу, действуя явно наперекор всем российским интересам, вдруг опять

заявил британцу, что здешние киргизы считают себя китайскими подданными.

— Они вполне довольны тем, что китайцы не берут с них никаких налогов, а афганцы и русские непременно будут брать...

— Так где же тогда проходит русская граница? — попытался выяснить русскую точку зрения британец.

— Она в настоящее время не определена, — ответил ему русский исследователь и прибавил: — Я лично проинформировал амбана^[17] о том, что киргизы Памира — китайские подданные.

Все это как нельзя более соответствовало интересам Британии. «Эта информация Громбчевского имеет определенную цену, — писал Янгхасбенд лорду Канингему, — так как он лучший русский специалист по этому вопросу. И путешествовал через Памиры, как в этом, так и в прошлом году. Он дал мне великолепную карту Памирского района...»

Бронислав Людвигович и в самом деле подарил Янгхасбенду карту, которая своими качествами превзошла все имеющиеся на тот момент в распоряжении британских спецслужб и сразу же была принята англичанами за основу. В ответ на это британский офицер также вынужден был подарить коллеге собственную карту, которая, хотя и значительно уступала русской, но все же имела определенный интерес.

Итак, возникшая при личной встрече двух противников симпатия начинала перерастать в откровенную дружбу. Но что-то все-таки еще разделяло оппонентов.

— Британцы, — между тем продолжал вразумлять коллегу Громбчевский, — вызвали российскую враждебность по отношению к себе в Азии, потому что упорно вмешивались в события на Черном море и в Балканском регионе, пытаясь мешать тому, что Санкт-Петербург считал там своими законными интересами. Когда Россия нападет на Индию, — сказал он, — а это только вопрос времени, то в поход отправится не ограниченный контингент, как, похоже, полагают британские стратеги, а тысяч четыреста регулярных войск.

Янгхасбенд прекрасно знал, что в подобной местности можно развернуть максимум сто тысяч, и поинтересовался у Громбчевского, как же снабжать столь многочисленную армию, если, оставив позади железную дорогу, они и в самом деле одолеют горные преграды, защищающие Северную Индию? Тот ответил, что неприхотливый

российский солдат идет, куда приказано, и не слишком беспокоится о транспорте и снабжении. Он смотрит на командира, как на отца родного, и если в конце изнурительного дневного марша или сражения не находит ни воды, ни продовольствия, то спокойно обходится без них.

— Тянет бодро, пока не упадет...

Затем они заспорили об Афганистане, форпосте защиты Индии, стране, которая непременно будет затронута, если вспыхнет война за Индию.

— Англичанам, — заявил Громбчевский, — в интересах обеспечения собственной безопасности давно уже следовало аннексировать Афганистан вместе с прочими мелкими княжествами региона. Методика использования субсидий и соглашений, — утверждал он, — не дает никаких гарантий против предательства. Эмир Абдуррахман никогда не был и не будет вам настоящим другом. В случае же войны обещание доли индийских сокровищ перевесит все, и он кинется в наши объятия, среди которых долго жил до восшествия на престол. Кроме того, если помощь окажется рядом, туземные общины Индии тоже поднимутся против британских угнетателей.

— Но этот фактор обоюдоострый, — парировал Янгхасбенд. — А что, если британцы натравят афганцев и прочие народы на среднеазиатские владения России? Мы посулим им в награду легендарные сокровища Бухары и Самарканда. Обширные владения царя к востоку от Каспия очень уязвимы, а в Индии даже самые слабые точки хорошо укреплены...

Такая полемика под водку и блины продолжалась далеко за полночь. Проходила она, возможно, эмоциональнее, чем в академических кругах, но зато с отменным чувством юмора. Это был незабываемый вечер: впервые поглощенные Большой игрой соперники сидели на границе лицом к лицу и вели открытый спор...

Через два дня, распив напоследок содержимое припасенной Янгхасбендом бутылки бренди, офицеры приготовились отправиться каждый в свою сторону. На прощание гуркхские стрелки приветствовали Громбчевского, взяв «на караул». «Русский, — сообщил Янгхасбенд, — был ошеломлен точностью их движений по сравнению с казаками, как один крепкими ребятами, но совсем без регулярной выучки. Русский капитан поздравил гуркхов с отличной

выправкой, а малорослый гуркхский хавильдар (сержант) драматическим шепотом попросил Янгхасбенда обязательно втолковать высоченному Громбчевскому, что большинство гуркхских стрелков гораздо выше их». Русский был немало удивлен, когда Янгхасбенд рассказал ему про столь бесхитростную попытку обмануть его.

Приказав своим казакам: «Шашки наголо!», Громбчевский сказал Янгхасбенду сердечное «прощай!», высказав надежду, что однажды они встретятся снова: если будет мир — в Санкт-Петербурге, если война — на границе. «Он добавил, — вспоминал Янгхасбенд, — что в любом случае я могу рассчитывать на горячий прием».

В то время как его британский соперник продолжал исследовать регион перед встречей с правителем Хунзы, Громбчевский со своими казаками двинулся на юг к Ладаку и Кашмиру. Он надеялся получить от британского резидента, который ведал подобными вопросами, разрешение там перезимовать. Янгхасбенд предупредил, что британцы никогда не позволят войти в Ладак российскому офицеру в полной форме и конвою из семи вооруженных казаков. Но это не остановило Громбчевского, который сам привык выбирать свой путь. Однако, несмотря на то что оба расстались весьма расположенными друг к другу, Янгхасбенд, будучи офицером британской колониальной армии, ради обеспечения интересов своей империи считал возможным не останавливаться ни перед чем.

В результате на следующий же день, 11 октября 1889 года, британский офицер посоветовал киргизам показать Громбчевскому «прямой путь» из Шахидулы в Полу, таким образом направив своего «приятеля» по «пути, не имеющему никакого значения, ведущему из никуда в никуда через очень высокие плато и горы, лишённые травы и топлива». На этом пути «в зимнее время ему придется испытать крайние трудности и потери». Это путешествие и в самом деле едва не привело Громбчевского к гибели. Отряд потерял всех своих лошадей и поклажу, а обмороженные и голодные казаки так ослабели, что даже не могли нести винтовки. Им посчастливилось вернуться в Шахидулу живыми, но, как говорили, даже через несколько месяцев Громбчевский все еще ходил на костылях. Сам Громбчевский обвинял в своих неудачах англичан, не давших ему разрешения пройти в Ладак, ничуть не подозревая предательства коллеги.

И вот теперь этот самый Янгхасбенд был послан на Памир наблюдать за действиями русских, где 13 августа 1891 года в пустынной ложине высоко в горах Памира он и встретил, якобы совершенно случайно, другого нашего замечательного игрока — полковника Михаила Ефремовича Ионова.

«Когда я выглянул из палатки, — писал впоследствии Янгхасбенд, — то увидел примерно двадцать казаков с шестью офицерами, которые везли с собой российский флаг». Помимо вновь прибывших и его собственного небольшого отряда, в этом безлюдном месте, расположенном в двухстах километрах к югу от находящейся, по британским представлениям, российской границы и известном местным кочевникам как Боза-и-Гумбез (Могила Бозы, по утверждению местных киргизов — кокандского сборщика податей), никого не было, и англичане подговаривали афганцев занять эти места. Янгхасбенд сразу же послал одного из сопровождавших туда, где в километре от него русские разбили свой лагерь, и пригласил офицеров на завтрак. Те не раздумывая приняли приглашение, поскольку явно хотели узнать цель его прибытия сюда. Вскоре несколько офицеров во главе с усталым полковником Ионовым, кавалером ордена Св. Георгия, подъехали верхами к лагерю Янгхасбенда. Полковник еще издали заметил красные мундиры; оказалось, что это гуркхи из конвоя Янгхасбенда. Конвой состоял из восемнадцати человек.

Встреча была дружественная, даже праздничная. У англичанина не было водки, чтобы угостить русских, а только привезенное из Кашгара российское же вино. Ионов и не подумал требовать от гостя предъявления пропуска, вполне удовлетворившись его уверением, будто он едет из Кашгара назад в Индию через Вахан.

Янгхасбенд, однако, был удивлен, когда на его простой вопрос: «А вы откуда идете?» — Ионов так же просто ответил:

— А мы ходили за Гиндукуш.

— Разве тут есть дорога? — спросил британец, полагавший хребет фактической границей Британской Индии.

— Есть, и даже две, — ответил Ионов, а затем добавил: — Вы знаете, мы аннексировали Памир.

— Да, я слышал об этом от киргизов, — ответил британец. — Но я был бы вам очень обязан, если бы вы показали мне точно на карте, где, по вашему мнению, должна проходить линия границы, —

окончательно осмелев, открыто спросил Янгхасбенд, надеясь сразу же из первых уст узнать то, ради чего его сюда послали.

Ответ русского был предельно ясен. «Он взял карту, — рассказывал Янгхасбенд, — и показал мне отмеченную зеленым обширную область, которая протянулась вплоть до нашего индийского водораздела». Она захватывала многие территории из тех, которые англичане все последнее время предлагали занять Китаю или Афганистану.

«Русские слишком широко раскрыли рот», — подумал британский офицер, а вслух осторожно заметил:

— По-моему, вы хотите слишком многого.

На что полковник рассмеялся и добавил, что это лишь «только начало».

Вот здесь-то с британским капитаном и сыграла злую шутку интрига, тонко разыгранная Громбчевским, уверявшим коллегу, что Британия имеет полное право требовать занятия Памиров китайцами. «Вдалбливая», согласно его же собственным словам, китайским чиновникам мысль, что Памиры принадлежат Китаю, русский исследователь прекрасно знал, что китайцы не выступят против России, как знал и то, что китайцы имеют на эту территорию столько же прав, сколько и киргизы с таджиками. Скорее всего, этим он надеялся сдержать экспансию афганцев и спровоцировать англичан на откровенные действия. И, судя по всему, ему настолько же удалось достигнуть последнего, насколько не удалось достичь первого ввиду полной невоинственности памирских китайцев.

Вот что британец написал отцу после первой встречи с Ионовым: «Я уверен, они делают вид, что являются сильнее, чем есть в действительности... Единственное, на что я искренне надеюсь, так это на то, что наше Правительство не пойдет на создание Пограничной Комиссии. Пусть сколько угодно разглагольствуют в Лондоне, предоставив нам здесь возможность сражаться. Ошибка, совершенная нами на другом отрезке афганской границы, состояла в том, что мы послали на переговоры с русскими джентльменов, ожидая, что и они со своей стороны также направят джентльменов. Но дело в том, что у них нет джентльменов на политической службе, и если мы проявим на этот раз мудрость, мы не дадим нас снова оскорбить, но ответим на их

привычку использовать силу, силой. И я уверен, они отступят, если убедятся в серьезности наших намерений...»

Как неожиданно звучит в русле всех изложенных нами событий это сокровенное признание британского офицера — «джентльмена на политической службе». И как замечательно это признание показывает всю надуманность отношений России и Англии в этом столетнем противостоянии. Оказывается, и те, и другие, желая быть джентльменами, на самом деле не оказывались таковыми, но — и вот это является самым главным — лишь до тех пор, пока не встречались друг с другом лицом к лицу...

Русские пробыли в лагере Янгхасбенда не больше часа и уехали, сославшись на то, что им следует заняться обустройством собственного. Однако перед отъездом полковник Ионов пригласил Янгхасбенда пожаловать к ним на обед.

На этот раз англичанину вновь оказали радушный прием, во время которого семь офицеров расселись по-восточному вокруг скатерти, постеленной в центре одной из невысоких русских палаток. Янгхасбенд с удовлетворением отметил, что его собственная палатка, с кроватью, столом и стулом, гораздо больше и удобнее, чем у соперников, но зато признал, что русские не скупятся, когда дело касалось еды.

«Последовал обед, — писал он, — который своим великолепием удивил меня не меньше, чем устройство моего лагеря удивило русских». Были супы и тушеное мясо, «приготовленные так, как это никогда не удастся местным индийским слугам», с приправами, соусами и свежими овощами. Последнее казалось Янгхасбенду, находящемуся вдали от своих баз снабжения, невероятной роскошью. Помимо неизбежной водки, были различные вина и даже бренди.

Янгхасбенд вскоре понял, почему его хозяева находятся в таком хорошем настроении. Они только что «вернулись из рейда на территорию Читрала, лежащего по ту сторону индийского водораздела». Легко проникнув туда и оставив там часть людей для картографирования местности, затем они двинулись осваивать Памир дальше, и это в то время, когда весь этот регион руководители обороны Индии расценивали как расположенный непосредственно в сфере их влияния. Ионов даже удивился, что у англичан, учитывая стратегическую важность для них Индии, нет ни единого

представителя в Читрале. Русские же были вполне удовлетворены соглашением с его правителем.

Полковник Ионов на карте показал гостю путь, которым они проследовали. И британец понял, что они прошли через важнейший перевал Даркот и осмотрели с высоты долину Ясин, которая вела прямо к Гилгиту. Янгхасбенд знал, что уже одного этого будет достаточно, чтобы у британских генералов кровь застыла в жилах. Но это было еще не все. Вскоре Янгхасбенду предстояло обнаружить кое-что поинтереснее.

Встреча закончилась в полночь после тостов в честь королевы Виктории и царя Александра. Российские офицеры, включая полковника Ионова, проводили молодого британского капитана назад, в его лагерь, где после обмена приветствиями и изъявлений дружбы они расстались. Рано утром русские снялись со стоянки и направились на север, где соединились с основными силами и доложили о встрече в столь пустынном месте с офицером британской разведки. Сам же Янгхасбенд остался, чего не знали русские, ждать скорой встречи здесь, в Боза-и-Гумбезе, с коллегой. Им был лейтенант Девисон, предприимчивый субалтерн из Лейнстерса, которого Янгхасбенд встретил в Кашгаре и привлек к сотрудничеству, поручив ему наблюдать за продвижением русских дальше к западу.

Тем временем наш кашгарский консул, статский советник Петровский, сообщил генералу Королькову, что следить за рекогносцировкой полковника Ионова из Кашгара выехал капитан Янгхасбенд, а за остальным памирским отрядом к реке Аличур, где стояла рота охотников, — лейтенант Девисон. Корольков послал Ионову предписание, что если у этих англичан нет надлежащего разрешения от нашего правительства на посещение Памира, то следует удалить их за китайскую границу. Ионов вернулся назад, несмотря на снежный буран, и поздно вечером 29 августа добрался до Буза-и-Гумбеза, где нашел палатки Янгхасбенда на прежнем месте.

На четвертую ночь, с удивлением услышав вдалеке цокот множества копыт и выглянув из палатки, Янгхасбенд увидел в ярком лунном свете строй примерно из тридцати казаков. Наскоро набросив одежду, он послал одного из своих людей выяснить, что привело казаков сюда в такой час; было около одиннадцати вечера. Вскоре посыльный вернулся и сказал, что с ним срочно хочет поговорить

полковник Ионов. Янгхасбенд пригласил полковника вместе с адъютантом в свою палатку. Однако полковник не принял дружеского приглашения и сказал, что явился по службе.

Янгхасбенд оделся, приготовился к приему, и тогда Ионов вошел и сообщил о неприятном поручении, на него возложенном: получен приказ выпроводить британского офицера из района, который отныне является российской территорией.

— Но я не на российской территории, — возразил Янгхасбенд и добавил, что Боза-и-Гумбез принадлежит Афганистану.

— Вы можете сколько угодно считать, что это афганская территория, — мрачно буркнул Ионов, — но мы считаем ее русской.

— Что, если я откажусь подчиниться? — спросил Янгхасбенд.

— Тогда мы будем вынуждены применить силу, — ответил явно огорченный Ионов. — У вас восемнадцать, у меня двадцать шесть... вы бы на моем месте поступили со мной точно так же...

— Ладно, вас много, а я — один, — сказал англичанин, — так что я вынужден подчиниться.

Затем он вновь выразил самый категорический протест и пообещал немедленно сообщить о таком произволе своему правительству, которое не замедлит предпринять соответствующие шаги.

Полковник поблагодарил Янгхасбенда за то, что он облегчил выполнение его неприятной задачи, и выразил глубокое личное сожаление по поводу необходимости выполнить приказ, особенно ввиду установившихся сердечных отношений. Янгхасбенд заверил русского, что его претензии относятся не лично к нему, а к тем, кто дал этот незаконный приказ, и спросил, не желает ли Ионов с адъютантом после дальней дороги немного перекусить. Он с удовольствием даст повару команду приготовить небольшую трапезу. Донельзя растроганный, российский полковник обнял Янгхасбенда, выражая благодарность эмоционально.

— Самое неприятное для боевого офицера, — объявил Ионов, — поступать по отношению к другому боевому офицеру так, как больше подобает полицейскому, — и добавил: — С удовольствием повидался бы с вами еще раз.

Подчеркивая свое высокое мнение о Янгхасбенде, Ионов предложил англичанину, если тот желает, уйти за границу самостоятельно, без сопровождения.

— Я, пожалуй, не буду выселять вас силой, если вы дадите честное слово гвардейского драгуна, что перейдете границу в сутки через перевал Ваджир, по дороге на Ташкурган китайский, и не вернетесь назад через перевалы Михман-юл, Вейк, Сары-корум... — Он перечислил двенадцать перевалов. — Так строго-настрого приказало российское командование.

Причина этих требований была не совсем ясна, хотя, возможно, все делалось для того, чтобы как можно дольше задержать распространение информации относительно российских шагов, не говоря уже об изгнании с «ничейной» земли британского офицера. «Может быть, это сделано в отместку за предыдущий отказ британцев на просьбу капитана Громбчевского о проходе в Ладак, — подумал Янгхасбенд. — Или русские узнали о моей роли в бедствии, которое его постигло?»

Как бы то ни было, следовало подчиниться. Британский офицер был уверен, что сможет найти перевалы, неизвестные русским и потому отсутствующие в их списке, и взял на себя обязательство соблюдать их условия, даже подписал об этом официальное заявление на французском языке такого содержания: «Я (такой-то) обязуюсь завтра, 30 августа, перейти на китайскую территорию, согласно предписанию, данному полковнику Ионову русским правительством, и не возвращаться в русские пределы через перевалы (такие-то, числом до 12), в чем и даю это вынужденное удостоверение и протестую против подобного распоряжения».

Русские, с благодарностью принявшие предложение Янгхасбенда о совместной трапезе, все же задержались ненадолго, должно быть, из-за несколько щекотливого положения. Наутро, когда Янгхасбенд уже собирался отправиться на китайскую границу, Ионов послал британцу олений окорок и, лично приехав в его лагерь, еще раз просил извинить его за свои действия.

— Я испытываю к вам одни лишь дружеские чувства, — ответил британец, — и надеюсь, что когда-нибудь буду иметь удовольствие встретить вас при более благоприятных обстоятельствах...

Терентьев: «Без сомнения, капитан исполнил в точности данное, хотя и не добровольно, слово. В этом у нас никто не сомневался, так как он производил впечатление человека вполне порядочного».

Но если начальство полковника надеялось задержать новости насчет изгнания Янгхасбенда, заставив его возвращаться окольным путем, ему предстояло пережить разочарование. За час до прощания с русскими британский офицер поспешно отправил в Гилгит гонца с детальным рапортом как о случившемся, так и об этих последних шагах Санкт-Петербурга на «Крыше мира». Теперь он ехал на восток, к китайской границе, предполагая найти путь через один из перевалов, отсутствовавших в списке полковника Ионова. Он не спешил и задержался на китайской границе к северу от Хунзы, надеясь встретиться с лейтенантом Девисоном, а тем временем понаблюдать за дальнейшими действиями русских. Именно это и было той самой Большой игрой, что так увлекала многих британцев, и двадцативосьмилетний Янгхасбэнд исключением не являлся.

Совсем не таков оказался его товарищ Девисон, которого Ионов застал на Аличуре возле наших охотников, вместе с китайским пикетом. Этот плохо одетый и потертый господин уверял, будто он, с провожавшими его китайцами, заблудился и попал на русскую территорию по недоразумению, по неопределенности границы, не подозревая, что тут русская земля. Выпроваживать этого оборванца, похожего на денщика, с конвоем до китайской границы казалось не соответствующим ему почетом, да и было затруднительно, ввиду усталости казачьих лошадей, а верить ему на слово, как Янгхасбенду, казалось рискованным; поэтому Ионов просто задержал его при отряде и повез с собой в Фергану... Китайцам же строго приказано было немедленно убираться восвояси, что те, с извинениями и поклонами, тотчас исполнили.

В Фергане Девисона допросили и по ходатайству гостившего как раз в это время у Вревского третьего секретаря посольства Великобритании в России Элиота тут же отпустили. Поскольку британский офицер и в самом деле изрядно пообтрепался в своем путешествии, полковник Ионов выдал ему обмундирование и даже дал немного денег. «Прошло несколько дней, и вдали, — записал Янгхасбэнд, — я увидел приближающегося всадника в фуражке и высоких русских сапогах и сначала подумал, что какой-то русский собрался удостоить меня своим посещением. Это, однако, оказался Девисон. С ним обошлись еще более бесцеремонно, чем со мной: он подвергся аресту. Там его лично допросил российский губернатор.

Затем лейтенанта проводили к китайской границе и отпустили. Однако его арест и задержка послужили одной полезной цели. Захваченного Девисона везли на север по маршруту, которым прежде не ходил ни один британский офицер или исследователь». Девисону и в самом деле предоставили на обратном пути полную свободу; он даже смог детально закартографировать свой маршрут.

Далее оба британца двинулись назад к Гилгиту через перевал, о существовании которого им рассказали благожелательно настроенные пастухи. Они в последний раз путешествовали вместе: во время следующей разведки Девисон умер от брюшного тифа.

Тем временем полковник Ионов, обойдя со своим отрядом весь Памир, всячески стремился показать англичанам, китайцам и афганцам, что Россия фактически владеет этой территорией и ни в коем случае не намерена уступать ее кому-либо. С этой целью на всех перевалах он поставил пирамиды из камней с надписью числа и месяца прохода русского отряда. Попутно полковник старался оградить местных жителей от своеволий и насилий афганцев и китайцев. И заодно вывез два обломка плоских камней с манчжурскими, таджикскими и китайскими надписями, свидетельствовавшими о пребывании здесь в 1739 году китайцев. Тем самым Ионов фактически убрал с Сома-Таша (Черный Камень) единственное свидетельство, которое можно было использовать как аргумент в пользу принадлежности этих земель Китаю. Камни эти сначала попали в ташкентский музей, а вскоре исчезли вовсе. Сома-Таш был обнаружен случайно лишь в 1984 году в основании памятника Ленину в городе Хороге...

Тем временем Янгхасбенд, сразу же после ухода Ионова вернувшийся в эти края, щедро используя деньги, вновь склонял китайцев и афганцев к захвату территорий, обозначенных русскими как принадлежащие России. Афганцев он пугал китайцами и русскими, а китайцев, соответственно, афганцами и русскими. Афганцы усилили свои войска в Шугнани, Рошани, Вахани и Сархаде, а начальник пограничных китайских постов Чжандарин разделил свою лянзу на три части и разместил отряды на озерах Яшилькуль, Рангкуль и на Ак-Таше. Кроме этого китайцы выставили посты к Гиджилю и озеру Булункуль. А чтобы доказать давнюю принадлежность Памира китайцам, в определенных пунктах они зарыли медные деньги и

медные доски с надписями на китайском языке. В этих перемещениях прошла зима 1891–1892 годов.

Новости относительно инцидента в База-и-Гумбезе быстро достигли Лондона, и Уайтхолл приложил невероятные усилия, чтобы его замалчивать, пока правительство решало, как лучше всего реагировать на новое продвижение русских. Вскоре, однако, через Индию слухи проникли на Флит-стрит; и в «Таймс» появилось сообщение, что Янгхасбенд убит в столкновении с захватчиками. Это заявление сразу же опровергли, но публикация подробностей о «произволе русских по отношению к британским офицерам на афганской территории» уже более не позволяла сохранять спокойствие. Пресса, парламент и публика возмутились, прокатилась еще одна волна антирусских настроений. Лорд Росбери, либеральный пэр, который вскоре станет министром иностранных дел, пошел еще дальше, назвав Боза-и-Гумбез, бесплодную долину, где Янгхасбенда перехватили русские, Гибралтаром Гиндукуша. В Индии главнокомандующий генерал Робертс заявил Янгхасбенду, что, по его мнению, настал момент нанести русским удар. «Мы готовы, — сказал он, — а они — нет» — и приказал мобилизовать войска на случай, если российский захват Памира приведет к войне.

Другие ястребы также готовы были ввязаться в драку. «Русские безнаказанно нарушили все соглашения, — писал специальный корреспондент «Таймс» Е. Ф. Найт, путешествовавший по Кашмиру и Ладаку. — Вступление их войск на территорию Читрала, государства, находящегося под нашей защитой и субсидируемого индийским правительством, — преднамеренный шаг, который надо рассматривать как равнозначный объявлению войны». Если британцы игнорируют подобные вторжения в государства, которым даны гарантии от иностранной агрессии, предупреждал он, то «аборигены не смогут не перестать в нас верить». Они решат, что Россия куда более могучая сила, «против которой мы боимся выступить». И они неизбежно повернутся к русским. «Нам придется, — заканчивал он, — столкнуться с происками против нас, а возможно и с открытой враждебностью, и это явится закономерным результатом нашей бесчувственности». Его предчувствия, похоже, подтверждались секретными сведениями из Читрала. Сообщалось, что изгнание из Афганистана Янгхасбенда серьезно подорвало британский престиж

среди аборигенов, они утрачивают доверие к Британии — а это в точности отвечает российским интересам.

В распоряжениях лорда Солсбери британскому послу в Санкт-Петербурге, прямолинейному сэру Роберту Мориеру, было предложено выразить решительный протест по поводу агрессивных шагов России на Памире.

Разгорелась дипломатическая война, в которой, однако, козыри оказались в руках русских дипломатов.

Из секретной британской переписки: «Янгхазбенд зашел слишком далеко, он написал письмо афганскому наместнику Шигнана, что китайцы, услышав о занятии его войсками Соматаша, желают, чтобы он ушел оттуда. По поводу этого письма Правительству Индии пришлось объясняться с афганским правительством...»

Сэр Моризр сообщил в письме 30 декабря 1891 года маркизу Солсбери: «В ходе разговора М. де Гире, объясняя непозволительное обращение полковника Ионова с капитаном Янгхазбендом, заметил, что где бы ни появлялся этот офицер (Янгхасбенд), он оставлял следы своей деятельности по возбуждению Китая против России. То, что сообщил господин Дэвисон господину Элиоту в Маргелане, по видимому, в определенной мере подтверждает это суждение... Его превосходительство [М. де Гире] затем сказал, что император был очень раздражен действиями Янгхасбенда и „другого англичанина“...»

Затем российский министр иностранных дел еще более осложнил задачу британских дипломатов, заявив им о наличии в русском ведомстве книги генерала Мак-грегора «Оборона Индии», в которой совершенно откровенно излагается план английской стороны по разделу Памиров между Афганистаном и Китаем в ущерб России. В Британии начался переполох. Никто не знал, каким именно путем секретная книга начальника разведки, выдававшаяся только особенно доверенным лицам и членам парламента, оказалась в России. Книги этой не читал даже сам сэр Мориер, что ему пришлось в срочном порядке сделать. Только прочитав ее, он впервые ясно представил себе истинные замыслы своего правительства.

Однако благодаря частному воздействию на лиц, приближенных к русскому императору, британцам удалось добиться от русского ведомства формальных извинений за высылку британского офицера. Но в обмен на это британцы заговорили о том, что теперь не обойтись без официальных переговоров по урегулированию границ. Янгхасбенд проиграл: речь все-таки пошла не о военной кампании, а о пограничной комиссии. Именно в разговоре по поводу инцидента между Ионовым и Янгхасбендом русский посол в Лондоне Стааль, объясняясь с английским министром иностранных дел лордом Солсбери, предложил учредить для исследования памирских границ смешанную комиссию технического характера. И Солсбери на это согласился, а когда Стааль заявил, что всякое появление английских войск к северу от Гиндукуша будет сочтено за враждебную нам демонстрацию, то Солсбери ответил, что границей своей Англия считает Гиндукуш и посылать свои войска к северу от Гиндукуша не думает...

2

Так завершился 1891 год, и, казалось бы, Памирский кризис был по сути дела исчерпан. Однако на деле все происходит обычно не так гладко, как хотелось бы. После ухода Ионова англичане вновь усилили свою активность в Памирском узле.

Еще в 1890 году России стало известно, что англичане разрабатывают двухсоткилометровую горную дорогу от Сринагара до Гилгита, примыкающего к северному углу Кашмира. Было очевидно, что они подбирались к Канжуту. Это маленькое независимое владение вплотную примыкало к русским владениям на Памире с юга, и на его захват Россия имела такое же право, как и англичане, то есть в сущности и по справедливости — никакого.

Когда барон Вревский 7 сентября 1891 году вернулся из своей инспекторской поездки по Памирам в Маргелан, к нему явились канжутские послы, просившие помощи против англичан деньгами и оружием. Для первого раза им казались достаточными сто берданок и две горных пушки. Туркестанский губернатор в просьбе отказал, заявив послам, что Россия и Англия владеют почти половиной земного шара и столкновение между ними повлечет неисчислимыя бедствия

для многих миллионов людей, а потому Россия предпочитает поддерживать с Англией дружбу и мир.

Тем не менее послов по обычаю щедро одарили, показали им маневры войск и устроили парадный обед. Когда барон Вревский провозгласил здравицу за государя, дружное «ура» нескольких батальонов до того ошеломило канжутцев, что они пали ниц! Один из них, вообще отличавшийся толковостью, высказал затем следующее сравнение: «Английское войско — денежное, наемное; в батальоне человека четыре настоящих англичан, остальное сброд, купленный на деньги; англичане, как только займут новое место, сейчас строят крепости, запрутся и ходят взад и вперед, звеня оружием; у вас войско все из русских, и сколько мы по вашей земле ни шли, а крепостей не видали: значит, вы народ сильный и землю свою защищаете грудью!» Послам дали шесть карабинов-берданок и несколько патронов на случай нападения каких-нибудь бродяг на обратном пути.

Британцы же тем временем не сидели сложа руки. Определенный рост решимости официальных действий британского правительства и нежелание Санкт-Петербурга идти на военный конфликт, конечно же, успокаивали их. Однако появление Ионова и его казаков в местах, лежавших в нескольких часах марша от Гилгита, вызвало у руководителей обороны Индии настоящий переполох. В Калькутте Памир считался наиболее вероятным путем вторжения в Индию, а потому присутствие в этих местах вражеских агентов или небольших воинских подразделений могло причинить «в случае войны между двумя странами немалый вред». «Выход, — писал Найт в «Таймс», — заключается в том, чтобы „закрывать дверь с нашей стороны“». Именно это и намеревались теперь сделать британцы, причем начав с Хунзы, признанной наиболее уязвимой из всех небольших государств на севере. Таким образом, судьба этого маленького ханства и его правителя Сафдара Али была предрешена.

В ноябре 1891 года в Гилгите под началом полковника из команды Даренда против входящих в Канжут Хунзы и Нагара было скрытно собрано для похода на север небольшое количество гуркхских стрелков и солдат кашмирского Корпуса имперской службы. Как раз в это время кашмирцы захватили шпиона Хунзы, которого Саф-дар Али послал разведать численность британских войск в Кашмире. Допрошенный шпион выдал остроумный секретный план

неожиданного нападения на гарнизон в Чалте. Отряд воинов из Хунзы, навьюченных грузом, чтобы выглядеть похожими на кули из Гилгита, — кого они очень напоминали, — но со спрятанным под одеждой оружием, попросит в крепости приюта на ночь. Там они нападут на ничего не подозревающих защитников и, заставив отвлечься, позволят скрытым поблизости отрядам Сафдара Али ворваться следом.

Британцы решили больше не ждать. Силы, собранные по приказу Даренда, состояли из едва ли не тысячи гуркхов и кашмирцев в регулярных войсках и нескольких сотен пуштунов в отрядах дорожных. Их сопровождали батарея горной артиллерии, семь инженеров и шестнадцать британских офицеров. Путь был так труден, что понадобилось больше недели, чтобы достичь передовой базы для операций в Хунзе и Нагаре — крепости Чалт, расположенной в двадцати пяти километрах к северу от Гилгита. Здесь Даренд получил эксцентричное послание от Сафдара Али, который к тому времени узнал о британском наступлении на его границы. Объявив, что Чалт «драгоценнее для нас, чем завязка халата нашей жены», он потребовал, чтобы крепость передали ему. А кроме того, предупредил Даренда, что если британцы войдут в Хунзу, то сражаться будут с тремя державами — «Хунзой, Россией и Китаем». Он утверждал, что «мужественные русские» обещали прибыть к нему на помощь против «женственных британцев». Завершало послание извещение о приказе: если полковник с войском осмелится войти в Хунзу, голову Даренда принесут к правителю на большом блюде. В то же самое время Джордж Макартни в Кашгаре узнал, что Сафдар Али направил посланников к российскому консулу в Китае Петровскому, напоминая об обещанной Громбчевским помощи. Такие же просьбы насчет оружия и денег были направлены и китайскому губернатору.

Первого декабря британские войска пересекли реку Хунза по построенному инженерами Даренда импровизированному мосту и двинулись в восточном направлении к горной столице Сафдара Али Хунзе (ныне Балтит). Продвижение было медленным, колоннам приходилось то подниматься, то спускаться по крутым склонам непрерывной череды глубоких ущелий. На вершинах вражеские снайперы поджидали в сангарах или скальных укреплениях, каждое из которых, чтобы получить возможность безопасно продолжать

наступление, предстояло взять. Однако первым серьезным препятствием на пути была огромная каменная крепость в Нилте, принадлежащая правителю Нагара. Массивные стены и крошечные бойницы, характерные для многих азиатских твердынь, делали ее неприступной. Огонь семифунтовых горных пушек не произвел видимого эффекта. Гуркхские стрелки не могли поразить защитников, стреляющих из узких щелей-амбразур. Ко всем прочим трудностям начало заедать единственный имевшийся в отряде пулемет. Сам Даренд был ранен и вынужден передать командование. Но перед началом штурма он отдал важнейшее распоряжение: взорвать главные ворота крепости. Осуществили это саперы во главе с капитаном Фентоном Ольмером. Это было чрезвычайно опасное предприятие, очень похожее на подрыв ворот Газни, совершенный за шестьдесят лет до того отцом Даренда. «То, что произошло, — записал сопровождавший экспедицию Е. Ф. Найт, — долго будут помнить как одну из наиболее блистательных акций индийских войск».

Прикрываемые яростным огнем всего отряда, предназначенным отогнать защитников от амбразур, капитан Ольмер, его пуштуны и два младших офицера без потерь достигли стены крепости. Чуть позади них расположились сто гуркхских стрелков, готовых ворваться внутрь в тот момент, когда ворота рухнут. Приблизившись, младшие офицеры и Ольмер разрядили револьверы в нижние амбразуры, и капитан с ординарцем подтащили взрывчатку к основанию главных ворот, проскочив через зону сильного огня. У ворот они заложили пироксилиновые шашки, тщательно завалив их камнями, чтобы сконцентрировать эффект взрыва. Наконец они подожгли запал и поспешно отбежали вдоль стены на безопасное расстояние, ожидая взрыва. Но детонатор не сработал.

В тот момент Ольмера сильно ударило по ноге — выстрел был с такого близкого расстояния, что штанину и ногу обожгло порохом. Раненный, он пополз назад к воротам, чтобы попытаться снова поджечь запал. Подрезав шнур, он чиркнул спичкой и после нескольких попыток сумел снова его зажечь. Защитники, поняв, что он делает, обрушили на него сверху град тяжелых камней, один из которых раздробил руку капитана. Но Ольмер пополз назад вдоль стены, ожидая взрыва, и на этот раз запал не подвел. «Мы услышали мощный взрыв, перекрывающий выстрелы пушек и мушкетов, и

увидели клубы дыма, поднимающиеся высоко в воздух», — записал Найт. Еще не улеглось огромное облако пыли и щебня, а гуркхские стрелки во главе с раненым Ольмером и двумя младшими офицерами ворвались через пролом в крепость, где завязалась жестокая рукопашная. Штурмующие оказались в значительном меньшинстве, хотя из-за дыма и суматохи после взрыва основные силы не сразу поняли, что гуркхи уже внутри, и продолжали вести яростный огонь со стен и амбразур. Понимая, что передовой отряд вырежут, если остальные задержатся, один из младших офицеров, лейтенант Бойсридж, под двойным огнем — и своих, и противника — кинулся, рискуя собой, к разрушенным воротам, вызывая подмогу. Его действия спасли положение, через миг остальные силы уже ворвались в крепость.

Найт хорошо видел происходящее. При звуке взрыва он вскарабкался на вершину скалы, откуда заполненная дымом внутренность крепости «была как на ладони». Он подробно рассказывал об этом в своей книге «Там, где встречаются три империи»: «В узких улочках видны были мелькающие люди едва различимые от пыли и дыма; но через мгновение мы поняли, что сражение идет уже в пределах крепости». Правда, то, что было ясно журналисту, еще не понимало большинство осаждающих. Но вот раздались радостные крики, и со своего наблюдательного пункта они увидели, что основная часть войска вливается через ворота, вынуждая защитников прыгать со стен или выскакивать из крепости через известные только им узкие секретные проходы. «И лишь после этого мы перевели дух, будто завершили длинное восхождение».

За взятие неприступного Нилта пришлось заплатить жизнями шестерых англичан против восьмидесяти или более мертвых врагов. Немного позднее Найт столкнулся с Ольмером. Залитого кровью капитана поддерживал кто-то из его людей. Репортер «Таймс» нашел его «веселым, как всегда», несмотря на то что капитан был вторично ранен уже внутри крепости. «Когда он бросался в пролом, — записал Найт, — то, должно быть, знал, что идет на верную смерть». Его храбрость произвела глубокое впечатление на обе стороны. Дружественный британцам вождь одного из местных племен, ставший свидетелем штурма ворот, заявил Найту впоследствии: «Это была борьба гигантов, а не людей». Примерно так же отреагировали и

лондонские власти, и капитан Ольмер и лейтенант Бойсридж были позднее представлены к Кресту Виктории. Несмотря на неожиданную потерю Нилта, враг продолжил сопротивление англичанам на всем пути к столице Хунзы. В середине декабря путь наступающих войск блокировало препятствие более серьезное, чем крепость в Нилте.

На сей раз врагом был превращен в цитадель целый склон горы, возвышающейся над долиной, по которой проходила единственная дорога. Скала возвышалась на триста шестьдесят метров, и в ее многочисленных сангарах притаились примерно четыре тысячи стрелков. Попытка пройти по долине под обстрелом с высоты невидимыми врагами была близка к самоубийству. Тщательная разведка не смогла обнаружить подходов, позволяющих скрытно приблизиться к вражеским позициям. Как и в Нилте, потребовалось нечто радикальное, ведь отказаться от кампании и отступить было абсолютно невозможно. Решение пришло с неожиданной стороны. Однажды ночью, серьезно рискуя жизнью, кашмирский сипай, будучи квалифицированным альпинистом, скрытно взобрался по отвесной скальной стене к вражеским позициям. Вернувшись, он рассказал доверенным офицерам, что некоторое количество гуркхов и других опытных альпинистов по этому маршруту сможет добраться до врага. «Скала эта практически вертикальна, — сообщил он, — поэтому защитникам будет трудно и увидеть отряд, и стрелять по нему». Скалу тщательно изучили в бинокли, после чего решено было осуществить этот смелый план — при условии, что ему нет альтернативы.

Даже в самом британском лагере требовалось соблюдение строжайшей тайны: командиры обоснованно полагали, что часть местных носильщиков шпионит на врага. Был распущен слух о предстоящем отступлении, а двумстам пуштунам, которых использовали преимущественно на дорожных работах и не привлекали к операциям, приказали начать упаковываться. Тем временем штурм был намечен в ночь на 19 декабря. Возглавлять группу поручили лейтенанту Джону Меннерсу Смиту, двадцатисемилетнему квалифицированному альпинисту, который был прикомандирован к войскам от политического департамента. О рискованной миссии, которую им предстояло вскоре предпринять, проинформировали только сопровождающих его специально подобранных пятьдесят гуркхов и пятьдесят кашмирцев. В ночь нападения, еще до восхода

луны, лучшие стрелки из отрядов охранения были, насколько возможно, бесшумно выдвинуты на сравнительно выгодные позиции на небольших возвышенностях примерно в полукилометре от вражеских позиций. Там же под покровом темноты расположили две семифунтовые горные пушки. Группа альпинистов бесшумно пересекла долину и вышла к мертвой точке у основания отвесной скалы, на которую предстояло подняться. По счастливому совпадению, враг выбрал эту ночь для какого-то из очередных своих праздников. Шум гулянья надежно заглушал звуки действий отряда.

Как только рассвело, стрелки и пушки открыли через долину яростный огонь по вражеским сангарам. Обстрел сконцентрировали на позициях, ниже которых, скорее всего, располагались альпинисты. В тот момент, когда они с риском будут карабкаться по скале, цепляясь за крошечные уступы, нельзя было позволить врагу обнаружить их приближение, иначе у Меннерса Смита и его ста бойцов осталось бы слишком мало шансов. Через тридцать минут после начала обстрела группа начала свой длинный и опасный подъем. «С нашего склона горы, — записал Найт, — мы видели небольшой ручеек людей, который изгибался, поворачивая то вправо, то влево, то даже немного опускаясь, чтобы обойти какое-то непреодолимое препятствие, и снова, уже в другом месте, устремлялся вверх. Они были, — добавлял он, — очень похожи на цепочку муравьев, прокладывающих путь по неровной стене». Впереди он мог разглядеть только Меннерса Смита, «по-кошачьи ловко и энергично» карабкавшегося впереди своих людей. Но на высоте около двух с половиной сотен метров над долиной встретилось серьезное препятствие. Меннерс Смит остановился. «Для него, — записал Найт, — и еще больше для нас, которые могли видеть ситуацию в целом, стало очевидно, что навес над ним абсолютно неприступен». Маршрут был выбран неправильно. Не оставалось ничего иного, как возвращаться назад. Два часа были потрачены впустую. Удивительно, но враг их еще не обнаружил.

В конце концов, Меннерс Смит установил, где они пошли не тем путем, и вскоре, невидимый защитникам, дал знать на другую сторону долины, что собирается сделать новую попытку. Затаив дыхание, Найт и остальная часть войск наблюдали, как отряд еще раз медленно начал свой путь наверх. На сей раз, приняв вправо, альпинисты продвигались без остановок. Всем, кто смотрел с другого края долины,

казалось, что прошла вечность, пока Меннерс Смит и горстка лучших альпинистов не подошли к самым близким сангарам метров на пятьдесят. Именно в этот момент была поднята тревога, и начался крошечный ад.

Кто-то из сочувствующих защитникам увидел, что происходило на той стороне долины, и предупреждающе закричал. Враги поняли опасность и, преодолевая лавину огня, выскочили из ближайших сангаров и обрушили на группу альпинистов град тяжелых камней. Несколько людей попали под удары и получили серьезные ранения, хотя, как ни удивительно, никто не сорвался со стены. К счастью, большинство альпинистов уже прошли самые опасные места, и валуны без вреда пролетали над их головами. Теперь Меннерс Смит шел в связке с другим младшим офицером. «Эти офицеры, — записал Найт, — превосходно вели своих людей, наблюдая за их возможностями, хладнокровно прокладывая им путь между камнепадами, и фут за футом неуклонно приближались к вершине. И вот мы увидели, как лейтенант Меннерс Смит делает стремительный бросок вперед, к первому сангару, карабкается, обходит его справа и достигает ровной площадки рядом с ним». Секундой позже поднимаются первые гуркхи и кашмирцы, их кривые ножи и штыки сверкают в свете зимнего солнца. И вот, сгруппировавшись в небольшие отряды, они начали перебегать от сангара к сангару, врываться в них с тыла и уничтожать их обитателей. Сначала защитники пытались отважно сражаться, но, когда поняли, что сопротивление хорошо обученным воинам бесполезно, по одному и по двое принялись отступать с позиций. Скоро это превратилось в паническое бегство. Многим уйти не удалось — кто-то напоролся на группу альпинистов, кто-то угодил под огонь стрелков и канониров. Склон горы усыпали убитые и раненые...

Падение второй цитадели и осознание, что ни русские, ни китайцы не пришли на помощь, оказали на канжутцев деморализующее воздействие. Все, кто должен был оборонять последние двадцать пять километров дороги в столицу, сдались или разбежались по домам. За большой вклад в победу лейтенант Меннерс Смит стал третьим британским офицером, за трехнедельную кампанию представленным к Кресту Виктории. Множество сипаев получили индийский орден «За заслуги», самую высокую в то время награду за храбрость, доступную

туземным войскам. Когда британский авангард, чье продвижение замедлялось гористым ландшафтом, приблизился к столице, правитель бежал на север, на пути бегства поджигая деревню за деревней. «Победители, — по словам Найта, — ожидали захватить дворец, полный добычи из сотен разграбленных караванов». Но их ждало разочарование. В сопровождении жен, детей и части оставшихся лояльными ему придворных Сафдар Али бежал, прихватив с собой едва ли не все ценное, нагрузив, как говорят, спины четырехсот кули. При тщательном обыске дворца был обнаружен скрытый за ложной стеной секретный арсенал — винтовки российского производства. Во дворце оказались еще и российские товары, включая самовары, печатные издания и портрет царя Александра III. Среди массы корреспонденции (часть которой оказалась нераспечатанной) были российские и китайские правительственные послания, нашли и переписку между Янгхасбендом и Гилгитом, которую агенты Сафдара Али перехватили во время Памирского кризиса 1891 года.

Опасаясь, как бы Сафдар Али не попытался восстановить власть над Хунзой или еще как-то навредить им, англичане спешно отправили конный отряд, надеясь перехватить беглеца прежде, чем он пересечет границу с Китаем или с Россией. Но где-то на занесенных снегом перевалах, чьи тайны Сафдар Али знал лучше своих преследователей, он сумел обмануть их и выйти в Синьцзян, о чем сообщил Макартни китайский губернатор Кашгара. Водрузив на трон более сговорчивого брата Сафдара Али, британцы должны были решить, что делать теперь: остаться или уходить. Опасаясь, что отход может быть расценен скорее как слабость, чем великодушие, они решили остаться. В распоряжении постоянного политического советника, назначенного в помощь новому правителю, оставался небольшой гарнизон Корпуса имперской службы. Заодно это делало невозможными и нежелательные вторжения, вроде визитов Громбчевского и Ионова. Таким образом, Хунза и Нагар (там пожилому правителю позволили остаться на троне) стали частью Британской Индии...

Узнав об этом шаге англичан, генерал-губернатор барон Вревский написал военному министру России С. П. Ивановскому, что пускать англичан на Памир не следует, и запросил разрешения: 1) выставить в База-и-Гумбезе одну сотню под начальством подполковника Б. Л. Громбчевского; 2) послать на Памир охотничьи команды по

восемьдесят человек от каждого батальона 3-й Туркестанской линейной бригады; всего пятьсот человек при шести конно-горных орудиях.

Двадцать четвертого января 1892 года в Петербурге было созвано особое совещание с участием министра иностранных дел, военного министра, начальника генштаба, директора Азиатского департамента и других ответственных чинов, присутствовал также и полковник Ионов. На совещании было решено, не посылая на Памир отряды зимой и ограничившись лишь отправкой разведчиков, начать дипломатические переговоры.

И вот в конце февраля в этот спорный район был опрaвлен разъезд из двенадцати казаков и двадцати джигитов под начальством поручика Бжезицкого, который быстро обнаружил, что большая часть выделенной памирской территории занята китайцами и афганцами. К поручику стали являться депутаты, жаловавшиеся на афганцев, которые забирают у местных жителей девушек, женщин и мальчиков и высылают их в Афганистан. Местные жители просили помощи, однако поручик не имел никаких полномочий на вмешательство в местные дела. Афганцы же продолжали свою экспансию. В конце апреля они появились на озере Яшилкуль, прогнали китайцев и разрушили их укрепления близ урочища Сома-Таш...

Исходя из всего этого, летом 1892 года из батальона пехоты, трех сотен казаков и двух взводов конно-горной батареи был сформирован новый отряд под начальством полковника Ионова. Отряд этот выступил из Нового Маргелана 14 июня и направился через Исфайрамский перевал. В официальной инструкции, данной военным министром туркестанскому генерал-губернатору, было сказано, что цель посылки отряда — «охранение наших киргизских кочевников и вообще наших интересов в Памирском крае и обеспечение спокойствия и безопасности на юго-восточных пределах Ферганской области».

По требованию Ионова китайские посты сразу же очистили территорию, а построенные ими укрепления были срыты. Однако капитан афганского поста у Сома-Таша заявил, что оставит пост только вместе с жизнью, и 24 июля произошла «Яшилкульская схватка на Памире».

Вот как описывает эту схватку Терентьев: «24-го числа, в 6 часов утра, Ионов подошел скрытно к афганскому посту, спокойно спавшему на левом берегу р. Аличура. Разделив сотню повзводно, Ионов послал взводы вправо и влево, а сам с 18 спешенными казаками стал на холме в 80 шагах перед юртами афганцев. Переводчик пошел будить афганцев и звать их капитана Хайдер-хана, без оружия, для переговоров. Хайдер-хан, видя перед собой небольшую горсть русских и не заметив вдали казацкие взводы, отрезавшие ему пути отступления, пошел к Ионову не один, а с командой в 14 человек, которые на ходу зарядили ружья. Афганцы, держа ружья на изготовке, со взведенными курками, остановились в 4-х шагах от казаков, так что между враждебными линиями едва поместился сам Ионов верхом на коне. Хайдер-хан дерзко потребовал удаления Иопова... Переводчик заявил, что отказывается переводить ругательства афганца... Ионов велел казакам отнять у афганцев ружья...

Казаки схватились за дула направленных против них ружей и подняли их кверху... афганцы дали залп, попавший в небо... произошла схватка... афганцы потеряли тут своего капитана и 5 человек убитыми, у нас было ранено три казака. Остальные афганцы сбежали вниз, спрятались в юртах и открыли огонь; но вскоре потеряли еще 9 человек убитыми, да один раненый бросился в воду и утонул; сдалось в плен 5 человек, да пятеро шугнанцев передались к нам еще до схватки. Наши подобрали 16 ружей, а 10 августа вернулись на Мургаб. После этого все афганские отряды очистили Памир и отступили за р. Пяндж».

Я намеренно привел здесь такую развернутую цитату, поскольку историю этой схватки разные источники передают по-разному. Бжезицкий дополняет рассказ тем, что сам Ионов был вооружен только одной плеткой и прибыл к Сома-Ташу с небольшим разъездом, состоящим всего из девятнадцати казаков. Некий же киргиз рассказал англичанину, что триста русских казаков окружили пятнадцать афганцев и командир афганцев успел зарубить пятерых русских, прежде чем погиб сам. На основании этого англичанин, а именно лорд Данмор, даже сочинил прочувствованный «In Memoriam», приведенный А. В. Постниковым в его книге «Схватка на „Крыше мира“». В этом стихотворении он повествует о том, как «лихие рубаки афганцы с кабульских равнин» пали в неравной схватке, оставив «горы

трупов под небом летним», и в кратком эпилоге поминает о безутешных вдовах на Дону и на равнинах Кабула; лорд предлагает им спросить «у власть предержащих, достойна ли граница таких человеческих жертв».

В Приложении я даю еще одно художественное описание этого события, принадлежащее непосредственному участнику схватки Борису Леонидовичу Тагееву (1871–1938). Пусть читатель сам составит себе представление о происходившем...

Так как ввиду подготавливаемого русской стороной переговорного процесса пришло распоряжение из Петербурга избегать усложнений и вооруженных столкновений, то барон Вревский не без тревожного чувства послал в Петербург телеграмму о таком чрезвычайном происшествии. Однако 9 августа получен был следующий ответ от Обручева: «На всеподданнейшем докладе, по телеграмме 476, Государем Императором написано: „не мешает иногда и проучить их“». При всем миролюбии император Александр III не мог допускать унижительного обращения со своими верными слугами.

Однако вслед за тем благодаря вмешательству беспокойного министра иностранных дел Ионов получил приказание: далее озера Яшилькуль не ходить, к оружию не прибегать и в случае встречи с английскими офицерами о политике с ними не говорить. В результате вместо того, чтобы отправиться в Шугнан и очистить его от афганцев, прогнав их за Пяндж, как намеревался сделать после этой стычки Ионов, ему велено было вернуться в Маргелан. Полковник Ионов собирался уже выполнить приказ, но разведчики сообщили ему, что китайцы подвигают войска к Памиру и даже принялись строить крепость на Ак-Таше. Ионов не стал ждать разрешения от беспокойного министерства и 31 августа выступил далеко за Яшилькуль к Ак-Ташу с одной сотней при четырех орудиях, а в виде резерва велел выступить следом двум ротам пехоты. Китайцы, в числе ста кавалеристов, проведав о движении к ним Ионова, бросили недоконченное укрепление и ушли. Укрепление было скрыто командой, присланной с Мургаба.

После этого Ионов покинул «беспокойное окно», оставив там русскую администрацию во главе с подполковником Громбчевским и с сотней казаков. Однако ситуация в регионе спокойнее и проще не стала. Китайцы и особенно афганцы заявили протест по поводу

уничтожения их постов, и весь следующий год происходили постоянные приграничные стычки.

Забеспокоился даже вернувшийся в Лондоне к власти Гладстон. «Вопросы сейчас достигли такой переломной точки, — предупреждал лорд Росбери, министр иностранных дел и будущий преемник, — что правительство Ее Величества не может оставаться пассивным». Гладстон решил... согласиться на совместную с Россией пограничную комиссию. Однако, как предупредил его Росбери, военные, несомненно, будут пытаться задержать любое урегулирование вопроса о границе. Он намекал на возможность повторения истории с захватом Пендэ. Его предупреждение подтверждалось сообщением, что русские вновь заняли Боза-и-Гумбез, детонатор предыдущего Памирского кризиса. Но это было еще не все. Серьезные проблемы возникли в Читрале, а многие стратеги считали его гораздо более уязвимым для российского проникновения, чем Хунзу. Тем более что после смерти престарелого правителя в стране вспыхнула борьба за трон между многочисленными членами правящего семейства. За три года в Читрале последовательно сменилось пять правителей.

В России «ястребы» во главе с военным министром призывали царя занять агрессивную позицию, но «голуби» во главе с Гирсом все же убедили Александра отдать приоритет дипломатическим решениям. В Англии, с тревогой наблюдая за тем, что в Читрале борьба за трон становится на каждом повороте все более кровавой, ничего этого не знали... или не хотели знать. Сначала британцы, надеясь предоставить покровительство возможному победителю, оставались нейтральными. Но в конце концов не выдержали и отправились «наводить порядок» в Читрале, где завязли надолго, претерпев немало драматических эпизодов, напоминавших об афганских вторжениях.

Тем временем Россия, хотя в целом и выдерживала свою принципиальную позицию, продолжала осуществлять практику какого-то неопределенного «топтания на месте». Следующим летом туркестанский генерал-губернатор вновь снарядил экспедицию полковника Ионова на Памир. Однако из-за начавшихся наконец в 1892 году русско-английских переговоров по урегулированию памирских границ вообще запретил ему применять оружие. А к осени вновь отозвал, во избежание возможных провокаций из этих краев. Покинув, согласно срочному предписанию, одно из таджикских

селений в октябре 1893 года, Ионов записал: «Оставляя селение... тяжело было слышать мольбы собравшегося сюда населения не покидать их на жертву афганской мстительности, и больно было выслушивать справедливые упреки этого населения, что мы за симпатии к нам и их услуги так жестоко бросили на произвол всяких случайностей и голодное существование».

В марте 1894 года нашим властям стало известно о намерении англичан утвердиться в долинах рек Кара-Чукура и Тагдумбаша. Этим сведениям русское правительство не могло не придать серьезного значения, поскольку Таш-Курган составлял узел дорог из Кашгара, Гилгита и Кабула через Бадахшан. Это превращало его в британский аванпост, позволяющий наблюдать за всем, что делается на Памире и в Фергане. Поэтому в конце июня 1894 года вновь были сформированы и посланы в «беспокойное памирское окно» отряды под общим командованием теперь уже генерал-майора Иопова.

Ионов сразу же, спеша предупредить афганские транспорты по сбору податей и рекрутскому набору, распорядился послать в Шутнан и Рошан два рекогносцировочных отряда — капитанов Юденича и Скерского. Обоим была поставлена задача освободить эти районы от афганцев. Одновременно с этим он послал уведомление губернатору Бадахшана с предупреждением о посылке отрядов и просьбой во избежание кровопролития не препятствовать им и предупредить афганцев, дабы они не пересекали Пянджа.

Местные жители везде с радостью встречали русских, выходили им навстречу, следовали за отрядами, оказывая всяческую помощь и поддержку. Однако 4 августа, когда рекогносцировочные отряды уже вошли в указанные им области, Ионов вновь вдруг получил предписание командующего войсками Ферганской области о соблюдении инструкции, данной ему еще в 1893 году, в которой было воспрещено вступление в пределы Шугнана и Рошана. Генерал Ионов, прекрасно зная, что население Шугнана и Рошана и так уже чересчур поплатилось за свои симпатии к русским, посчитал невозможным и несправедливым опять бросать его. Поэтому, не приостанавливая акции, он тотчас обратился с ходатайством непосредственно в Главный штаб Туркестанского военного округа, откуда, к счастью, получил «добро».

В результате решительных действий русских отрядов с личным вмешательством Ионова к сентябрю 1894 года все афганцы были вытеснены из Рошана, Шугнана и Вахана на левый берег Пянджа без кровопролития, в полном соответствии с соглашением Горчакова — Гренвилла. После этого Ионов назначил начальником всех русских войск в этом регионе ставшего уже подполковником Юденича. Таджики воспрянули духом: наконец-то они избавились от ненавистного афганского ига. Так же думали и русские солдаты, уверявшие местное население, что теперь афганцы никогда больше сюда не придут, и жители начали заниматься устройством местного самоуправления.

Однако эти радостные дни оказались недолгими, как для жителей правого берега Пянджа, так и для русских солдат. После трехнедельного пребывания русских в Хороге было получено категорическое предписание барона А. Б. Вревского всем войскам покинуть Горный Бадахшан и вернуться в Маргелан. Тридцатого сентября 1894 года «с тяжелым чувством выступили войска из Шугнана, — писал Ионов. — Грустно было нашим солдатам бросать землю, которую с большим трудом и лишениями им удалось наконец занять и где покоятся уже кости русского солдата... При обратном движении войск край будто вымер... Особенно тяжелое впечатление производило то обстоятельство, что уборка полей еще не окончена...»

Вскоре после этого, в самом начале ноября 1894 года, умер практически весь этот последний год тяжело болевший император России Александр III, и его место занял двадцатилетний сын Николай. Возможно, потому, что новый русский царь Николай II был настроен более миролюбиво, чем его отец, четвертый год тянувшиеся между Россией и Англией переговоры об урегулировании памирских границ неожиданно пришли к завершению. Немаловажное значение для успеха этих переговоров имели и четыре успешных похода Михаила Ефремовича Ионова. Видя достигнутые русскими успехи в Горном Бадахшане, симпатию к русским не только жителей Горного Бадахшана и Памира, но также и припамирских областей, английское правительство во избежание непосредственных военных столкновений в этом регионе решило все же урегулировать с Россией вопрос о разделе сфер влияния переговорным путем. И вот 11 марта 1895 года

между Англией и Россией наконец было подписано соглашение о разграничении на Памире и в Горном Бадахшане.

3

Практическое проведение разграничения сфер влияния непосредственно на местах было возложено на смешанную англо-русскую комиссию. Английскую ее часть возглавлял генерал-майор М. Дж. Жерард. В его команду входили офицеры-топографы: полковник Холдич и майор Вахаб, офицер разведки капитан МакСунней, хирурги натуралист Алкок. Помимо этого для проведения съемок в комиссии находились и пандиты: Хан Сахиб Абдул Джафар, Асматулла Хан и Дан Синг с двадцатью девятью носильщиками. Сопровождал комиссию военный конвой из десяти офицеров-туземцев и сипаев, которые вместе с солдатами-топографами составляли отряд из девятнадцати человек. Пожалуй, впервые английская сторона не пыталась ни на кого произвести впечатление своей раздутой численностью, ограничившись лишь действительно необходимым числом людей.

С российской стороны 19 июня 1895 года комиссаром был назначен военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Повало-Швейковский с двумя помощниками: чиновником Министерства иностранных дел России статским советником Панафидиным и полковником Генерального штаба Галкиным. Кроме того, были: врач Вельман, геодезист полковник Залесский, руководитель топографического отряда классный топограф Бендерский, топограф капитан Александрович, переводчик лейтенант Оракулов и французский профессор Стейфель. Сопровождал комиссию эскорт из шестнадцати оренбургских казаков под командой капитана Круторожина и капитана конной артиллерии Катотинского. Сверх того, в состав комиссии входил начальник Памирского поста капитан Скерский.

В секретной инструкции, которую получил Повало-Швейковский, было сказано, что фактическое соглашение о границе уже состоялось, и поэтому смешанная комиссия будет иметь чисто технический характер. Русские должны были прибыть к озеру Зоркуль к 22 июля, одновременно с англичанами и афганцами. Повало-Швейковский, как старый гусар, оказался на высоте положения — он привел с

Памирского поста целый оркестр, заведенный там в 1894 году для развлечения бедных отшельников.

Двадцатого июля русская комиссия прибыла к Зоркулю, но не застала здесь никого. Генерал послал разъезд к База-и-Гумбезу, где и были найдены англичане. Жерар, Алькок и МакСунней тотчас же двинулись с нашим разъездом к озеру и прибыли 22 июля вечером, а Хольдич и Вехаб остались в Лангаре, откуда повели триангуляцию к Зоркулю. Так как обоз Жерара отстал, то Повало-Швейковский пригласил англичан в свою юрту к обеду в общей столовой, а навстречу обозу выслал несколько вьючных лошадей. Когда те прибыли, он велел для конвоя и прислуги, явившейся со вьюками только ночью, приготовить горячую пищу, к полному удовольствию проголодавшихся после форсированного марша. Прекрасный обед, роскошная сервировка и музыка в пустыне, а главное — тост за здоровье гостей, когда музыка грянула «Правь, Британия, морями...», сильно тронули англичан. Место для английского лагеря было выбрано на другой стороне речки в ста шагах от русского.

Так как об афганских комиссарах не было никакого слуха, а Хольдич с Вахабом могли прибыть не ранее 27-го, то, чтобы не задерживать дела, решили начать работы русской партией, не ожидая прибытия остальных членов смешанной комиссии. Русские на частном заседании постановили:

- 1) принять для всех название «Комиссия по разграничению русско афганских Памиров»;
- 2) предоставить афганскому представителю только право присутствовать (молча) и подписывать протоколы;
- 3) масштаб для съемок принять наш пятиверстный, подходящий к английскому в $4\frac{3}{4}$ и тотчас начать работы;
- 4) первый основной пограничный столб поставить, однако, по прибытии афганского комиссара.

Жерар согласился со всеми этими пунктами. Кроме этого было решено все технические трудности и препятствия сводить к минимуму или и вовсе пренебрегать ими ради скорейшей демаркации границы в соответствии с соглашением двух правительств.

Наконец, 27 июля прибыли два афганца из Бадахшана: Гулям-Мухамед-дин-хан и муфтий Ашун-Мухамед-хан. Произошел обмен полномочий. Оказалось, что афганцы имеют полномочие не от самого

эмира, а лишь предписание от командующего войсками в Бадахшане отправиться к озеру Зоркулю. Повало-Швейковский и Жерар признали это недостаточным, но ввиду предстоявшей афганцам пассивной роли согласились допустить их к участию в заседаниях. Затем в полномочии Жерара оказалось, что афганцы не должны подписывать протоколов, а в русском — наоборот. После нескольких возражений Жерар уступил. Действительно, было бы нелепо: разграничение между Россией и Афганистаном, а закреплять его подписями будут только русские и англичане, оставив афганцев в стороне, словно недееспособных юнцов!

Панафидин предложил первый, ближайший к озеру пик назвать «пиком Согласия», в память первых соглашений. Жерар и на это согласился, но предложил, со своей стороны, весь горный хребет назвать именем Императора Николая II, находя, что кряж Николая II с его пиком Согласия, столь близким к озеру Виктория, будет служить эмблемой добрых отношений между двумя великими державами. Это было принято.

В тот же день 27 июля — день св. Владимира — был поставлен первый столб у озера, после чего русская сторона затеяла целый праздник. Были устроены джигитовка и скачки, затем завтрак, приглашены были и афганцы. Тост за королеву Викторию, предложенный Швейковским, сопровождался гимном «God, save the Queen». Жерар поднял бокал за императора Николая II; раздались звуки «Боже, царя храни»; потом пили за эмира афганского и друг за друга. Угощены были также конвой и прислуга англичан.

Третьего августа, в день тезоименитства императрицы, русская сторона вновь устроила парадный обед. На другой день были особо званы афганцы. Затем отвечали англичане, но по тесноте индийской палатки обстановка у них вышла хуже: они могли приглашать не всех, а поочередно; кроме того, постеснялись попросить у русских оркестр.

Пятого августа был установлен третий столб на перевале Бендерского. Ближайшие к нему два пика были названы: один — именем нового министра иностранных дел России князя Лобанова-Ростовского, другой — маркиза Солсбери. За перевалом пошли пики: лорда Эльджина, Монтегю Жерара и Повало-Швейковского. Седьмого августа к британской комиссии присоединился помощник резидента в Кашмире по китайским делам Дж. Макартни. Оказалось, что его

задержал на перевале Баяк русский пикет, где британцу заявили, что у гарнизона есть распоряжение задерживать всех англичан и китайцев. Макартни пропустили только по распоряжению Повало-Швейковского, который принес британцу свои извинения, и работа комиссии продолжилась с прежним усердием.

Однако примерное согласие расстроилось 28 августа у столба № 7 на реке Аксу: Жерар хотел вести отсюда границу прямой чертой по воздуху на восток, не отыскивая живых урочищ, чтобы ни в коем случае не удалиться к югу от параллели озера Виктории, а Повало-Швейковский находил, что такая граница поведет к бесчисленным недоразумениям, так как нужен пересчет пяти речек и пяти долин, а потому кочевнику трудно будет втолковать, что вот эта половина русская, а эта афганская. Он предложил повернуть границу к юго-востоку по речке Гунджибай, затем по хребту Мустаи, т. е. по урочищам видимым. Жерар сослался на секретную телеграмму, им полученную, и не взял на себя смелость решить этот вопрос. Вообще с приходом Макартни он стал упрямее... и ни за что не хотел вести границу к перевалу Байк, где задержали Макартни, точно в виде возмездия за это... Повало-Швейковский ссылался на соглашение 11 марта, между Стаалем и гр. Кимберли в Лондоне, в котором хотя и решено принципиально вести границу по параллели озера Виктория, но не к Сарыколу, а к Мустагу. К тому же Кизил-рабат оказался севернее этой черты, значит, во всяком случае, границу следовало вести южнее.

Повало-Швейковский предупредил англичан, что скоро перевалы закроются и потому надо спешить, иначе он вынужден будет принять меры к возвращению своего отряда, не докончив работы, и первым делом отошлет на Памирский пост оркестр. В этом смысле он и послал телеграмму к министру иностранных дел, прося отозвать комиссию. Жерар был огорчен и послал нарочного в Канжут до первой телеграфной станции, прося новой инструкции. Во время перерыва обеда, скачки, призовая стрельба шли своим чередом, и под видом призов Повало-Швейковский делал подарки английским офицерам и конвою.

Тем временем Залесский к 24 августа определил девять астрономических пунктов и поехал в Шугнан по рекам Шах-дар и

Гунт, сделав в восемнадцать дней семьсот пятьдесят километров и определив еще одиннадцать пунктов.

Седьмого сентября Жерар получил новую секретную телеграмму: вице-король согласился с русским предложением, и на следующий день, после взаимных поздравлений и любезностей по поводу восстановления добрых отношений, границу повели на Мустаг; 8-го было последнее заседание и врыт последний столб № 12.

— Здесь конец памирскому вопросу, — сказал Жерар, когда работа была кончена.

Итоги работ русских топографов, кроме указанных выше, заключаются также в гипсометрическом определении пятидесяти высот и съемке пяти тысяч квадратных километров в течение двадцати девяти дней! Чистота и верность работ приводила англичан в удивление. Вычерчено было два экземпляра карт на ватманской бумаге и снято шесть копий на восковке.

Десятого сентября, в свои именины, Повало-Швейковский устроил прощальный обед. Утром его поздравляли все англичане и индусы. За обедом после официальных тостов пили за русскую и английскую армии, а Жерар благодарил за сердечный прием. Вечером афганцы отправились в Бадахшан. На другой день англичане ответили также прощальным обедом, а вечером устроили пляску индийских племен вокруг костров с обнаженными саблями; казаки плясали камаринскую под гармонь — словом, расставались друзьями. Во время общей стоянки русские часто получали фрукты из Маргелана и делились с англичанами, чьи запасы весьма оскудели. В первый раз русские затмили англичан в роскоши!

Военным министром Жерару было разрешено ехать в Петербург через Туркестанский край, но он просил взять до Памирского поста и поручика Майлса, только что прибывшего на стоянку. И это было ему разрешено.

Тринадцатого сентября комиссии начали покидать Памир: русские с Жераром — на запад, остальные англичане — на восток. От Памирского поста русских преследовали морозы, снег и бураны. Переходы удвоили; 23 сентября сделали дневку в Алайской долине, а в Гульче пробыли несколько дней, чтобы поправить лошадей. Здесь для Жерара устроена была охота. Седьмого октября прибыли в городок Ош, где Жерару воздали воинские почести; девятого выехали на

почтовых в Маргелан и по дороге попали на пикник с дамами, устроенный офицерами маргеланского гарнизона в селе Кочкарчи.

Десятого в губернаторском доме был парадный обед, а 13 октября Жерар с Панафидиным отбыли в Ташкент.

Таким образом, происки Англии о разделе Памира между Китаем и Афганистаном потерпели крушение: китайцы были удалены за Сарыкол, а афганцы — за Пяндж. Но зато и Англия добилась осуществления научной границы Биконсфилда, суть которой заключалась в том, чтобы захватить все перевалы и проходы в Гиндукуш и, пройдя их, оставить их позади своих передовых отрядов. Северные проходы Гиндукуша остались за Афганистаном, то есть, в сущности, в британских руках.

Теперь сферы влияния России и Англии обозначились следующим образом: правобережные части Горного Бадахшана (восточной части Рошана, Шугнана и северная часть Вахана) вошли в сферу влияния России, а левобережные части Рошана, Шугнана и южная часть Вахана — в сферу влияния Англии.

Терентьев: «Разграничения Памиров с Китаем еще не производили, но здесь по соглашению 1893 года наша восточная граница идет по такому крупному живому урочищу, как Сарыкольский хребет, и потому недоразумений не предвидится и никакой надобности в постановке еще и столбов не встречается.

Таким образом, памирский вопрос замолк надолго, а совместная работа русских и англичан указала им симпатичные черты обеих национальностей, доказала, что при ближайшем соседстве мы еще можем поладить друг с другом, а потому бояться такого соседства не следует. В Азии для всех достанет места». В который уже раз англичане и русские при личных встречах даже в рамках Большой игры проникались взаимной симпатией друг к другу. Быть может, надо просто почаще встречаться?..

Верхи, как Англии, так и России, и в самом деле были вполне удовлетворены достигнутыми успехами. Однако совсем иначе оценили значение англо-русских соглашений на Памире и в Горном Бадахшане те, кто принимал непосредственное участие в военных походах и научных экспедициях по этим краям.

Вот что писал наш исследователь Б. В. Станкевич, близко ознакомившись с демаркационной линией, установленной русско-английским соглашением 1895 года: «Нам русским людям приходится сказать правду, что наши представители в русско-английском разграничении сделали уступку Англии... Мы отдали Афганистану могучий горный хребет, лежащий между рекой Памиром и озером Зоркулом с одной стороны, и Вахан- Дарьей с другой стороны, горный хребет, получивший наименование хребет императора Николая II...»

Но особенно бессмысленной выглядело проведение границы не по горным хребтам, а по реке Пяндж, что разрезало исторически сложившиеся области Шугнан, Рошан и Вахан на две неравные части. Известный русский этнограф А. А. Бобринский, летом 1900 года путешествуя по Горной Бухаре и особенно всесторонне изучивший Вахан в историческом и этнографическом отношениях, отметил, что от Вахана отошла к России только четвертая его часть. «Эта новая граница, которая разделила это общество на две части, — писал он, — создала для них такое неуклюжее положение, какое получилось бы, если кто вздумал поделить русскую деревню вдоль по улице между двумя государствами».

Таким образом, получается, что обе великие державы, найдя наконец общий язык к концу столетнего противостояния, совсем уже забыли о тех, чьи судьбы они решали в Большой игре. Не поэтому ли и до сего дня политики все совершают одни и те же ошибки?..

Приложение

I

Из книги: Бларамберг И. Воспоминания. М.: Наука, 1978

После двухмесячного пребывания в Петербурге и после получения инструкций я готовился покинуть столицу, но прежде познакомился с моим спутником Виткевичем, который также получил назначение в Персию. Передо мной предстал обаятельный, молодой поляк 28 лет, с выразительным лицом, хорошо образованный, обладавший энергичным характером. Поскольку этот молодой человек в 1837–1839 годы сыграл определенную роль в тогдашних политических отношениях между Персией и Афганистаном, поскольку он так много пережил и так печально закончил свою жизнь, позволю себе привести здесь его краткую биографию.

Иван Викторович Виткевич родился в Гродненской губернии. Воспитание получил в кадетском корпусе в Варшаве. 17-летним юношей из-за необдуманных поступков, совершенных по молодости, был сослан тогдашним наместником Великим Князем Константином в солдаты в Орск (Оренбургская губерния). Здесь, на границе с Азией, он прозябал бы, если бы тогдашний комендант Орской крепости, превосходный человек полковник Исаев, не позаботился о нем. Не имея возможности сразу освободить молодого человека от службы в действующей армии, он все же ввел его в свой дом. Из чувства благодарности Виткевич занимался с его детьми французским языком, географией и другими науками, так как в 20-е годы в этом отдаленном крае очень трудно было найти для детей учителя. В свободное время он изучал татарский язык, знакомился с кочевавшими в окрестностях Орска киргизскими старейшинами (аксакалами), часто приглашал их к себе, угощал чаем, пловом и бараниной и привык к их обычаям, нравам и языку, на котором мог читать и писать. Так проходили годы

тяжелых испытаний для молодого образованного человека со средствами.

В 1830 году Александр Гумбольдт с профессором Розе, совершая свое широко известное путешествие на Алтай, проезжали через Орск. Они остановились в доме коменданта Исаева. Здесь Гумбольдт с изумлением увидел на столе свою книгу „Tableaux de la nature“, т. е. описание путешествия по Центральной Америке, Перу и т. д. На вопрос, чья это книга, ему ответили, что она принадлежит молодому поляку, который служит солдатом в Орском гарнизоне. Из любопытства Гумбольдт попросил позвать его, поговорил с ним. Приятная внешность молодого человека в грубой солдатской шинели, его скромный нрав и образованность так заинтересовали этого большого ученого и замечательного человека, что он выпросил у Виткевича его адрес, чтобы быть полезным ему.

Вернувшись из своего путешествия по Сибири в Оренбург, он сразу же поговорил с замечательным, но, увы, слишком рано скончавшимся Оренбургским генерал-губернатором графом Павлом Сухтеленом о печальном положении Виткевича и просил графа позаботиться о молодом человеке и облегчить его судьбу. Граф вызвал Виткевича в Оренбург, произвел в унтер-офицеры, назначил своим ординарцем, перевел к оренбургским казакам и позднее предоставил ему работу в канцелярии киргизского управления, которым тогда руководил ученый — генерал фон Генц. К сожалению, граф Сухтелен умер уже в 1832 году. Однако его преемник, генерал и позднее граф Василий Перовский, после того как узнал Виткевича поближе, произвел его в офицеры, сделал своим адъютантом и посылал несколько раз с поручениями в киргизские степи и даже два раза в Бухару. Первый раз, зимой, в киргизской одежде, сопровождаемый двумя преданными киргизами, он совершил за 17 дней переход в Бухару верхом, по глубокому снегу, через замерзшую Сыр-Дарью. В одетом по-киргизски, прекрасно усвоившем обычаи, привычки и язык киргизов человеке никто не признал европейца и христианина, даже фанатичные бухарцы; более того, красивые темные глаза, черная борода, обстриженная макушка и смуглое лицо делали его похожим на азиата и мусульманина.

Когда Виткевич во второй раз приехал в Бухару по поручению генерал-губернатора Перовского, чтобы потребовать от эмира выдачи

нескольких русских купцов, незаконно задержанных там, он случайно познакомился в Караван-Сарае, где остановился, с Мирзой-Али — афганским посланником Дост Мухаммед-хана, тогдашнего правителя Кабула. Мирза-Али доверился ему, сказав, что имеет письменное поручение своего господина к нашему вице-канцлеру графу Нессельроде, и попросил взять его в Оренбург под своей защитой. Поскольку миссия Виткевича в Бухаре затянулась, он научился читать, писать и говорить по-персидски. В этом ему помогло ежедневное пребывание в обществе Мирзы-Али.

Преодолев многочисленные затруднения и даже опасности, они покинули Бухару и благополучно добрались до Оренбурга, откуда генерал Перовский направил обоих в Петербург.

Так как послание от Дост Мухаммед-хана графу Нессельроде содержало уверения в дружбе и желание установить торговые связи с Россией, Виткевичу, произведенному к тому времени в поручики, было приказано сопровождать в Кабул полномочного представителя Мирзу-Али с ответным письмом Азиатского департамента. Это и явилось причиной того, что я должен был встретиться с Виткевичем в Москве или Тифлисе и отправиться в его обществе в Тегеран...

В апреле мы получили печально известие о самоубийстве нашего друга Виткевича. Об этом мне сообщил в письме князь Салтыков. Перед смертью Виткевич сжег все свои бумаги. Это был печальный конец молодого человека, который мог бы принести нашему правительству еще много пользы, потому что обладал энергией, предприимчивостью... Во время нашего с ним путешествия в Персию и пребывания там он часто бывал меланхолически настроен, говорил, что ему надоела жизнь, указав на пистолет системы Бертран... И он сдержал слово, так как застрелился именно из этого пистолета в минуту глубокой меланхолии. Его смерть произвела тогда сенсацию, и английские газеты много иронизировали по этому поводу.

II

Секретные документы русского посольства в Хиву

Вице-Канцлер Капитану Никифорову; 19 февраля 1841 г. № 448
(Секретно; секретная инструкция)

В течение прошлого 1840 года Хива была посещаемая двумя английскими офицерами Ост-Индской службы, а именно: капитанами Абботом и Шекспиром. Заведенные таким образом прямые сношения между Ост-Индским правительством и владельцем Хивинским могут легко подать повод к появлению вновь великобританского агента в Хиве во время вашего там пребывания. А потому мы считаем необходимым снабдить Вас некоторыми наставлениями касательно образа действий ваших в отношении к английскому агенту, на случай, если бы таковой действительно прибыл в Хиву в одно время с Вами.

Сведения, которые будут Вам сообщены по распоряжению Министерства Иностранных Дел, ознакомят Вас с последними событиями в Афганистане, а также с опасениями и действиями Ост-Индского правительства. Опасения сии в минувшем году сильно возбуждены были предпринятою нами воинскою экспедициею противу Хивы. Хотя экспедиция наша отнюдь не имела целью поколебать владычество англичан в Ост-Индии, не менее того слух о движении отряда российских войск, придавал смелость разным средне-азиатским племенам присоединяться к бежавшему из Кабула Дост-Магомед Хану, который, распространяя ложные толкования на счет намерений России, старался составить себе значительную партию, для нанесения решительного удара не упрочившемуся еще владычеству Суджа-Уль-Мулька, возведенного англичанами на афганский престол с столь значительными пожертвованиями. Сии то самые опасения служили поводом к отправлению из Герата в Хиву сперва капитана Аббота, а потом капитана Шекспира. Первый из них предложил Хану Алла-Кулу свое посредничество для примирения с Россиею и с этою целью прибыл на Оренбургскую линию, но посредничество его было

нами решительно отвергнуто и ему предоставлено было следовать в Англию чрез Петербург.

Что же касается до капитана Шекспира, то он прибыл в Хиву в то время, когда поручик Айтов успел уже объяснить Хану справедливость и умеренность требований Российского правительства и предстоявшие для Хивы последствия от неисполнения оных. Вскоре известие об отражении горстью русских воинов значительных полчищ хивинских близь Акбулака, убедило еще более Алла-Кула в необходимости отпустить российских пленников и издать фирман, состоявшийся в июле 1840 года. Но, следуя столь обыкновенным между всеми азиятцами правилам двуличных действий, Алла-Кул, по-видимому, и в настоящем случае не отступил от оных. С этою целию, назначив нарочитого посланника (Атанияз-Ходжа-Реиз-Муфтия) для сопровождения пленных и для передачи их российскому начальству, он отпустил с ними и капитана Шекспира, который, таким образом, прибыл в Россию в одно время с отпущенными пленниками; однако же, по примеру Аббота, отнюдь не был также признаваем нами посредником между Россиею и Хивою. К тому же и в самом письме, присланном от хивинского Мяхтера (1-го министра), об нем вовсе не упоминается, а поручику Айтову лично объявлено было Ханом, что Шекспир никакого поручения к Высочайшему Двору не имеет.

Вышеизложенные подробности на счет помянутых двух офицеров, необходимы для Вас в том отношении, что бы Вы имели верное понятие о настоящей цели и последствиях приезда их в Россию. Как подданные Державы, которая находится с Высочайшим Двором в дружбе и союзе, они оба пользовались у нас благосклонным приемом наравне с другими английскими офицерами и путешественниками, посещающими Империю. Но ни тот, ни другой, не был вовсе допущен ни к каким переговорам по делам нашим с Хивою. Даже и подарки, по азиятскому обычаю присланные Государю Императору от Хана Хивинского чрез капитана Аббота, не были от него приняты, как по случаю продолжавшегося еще тогда разрыва с Хивою, так и потому, что Аббот не мог быть признаваем нами уполномоченным от Хана Алла-Кула. Впоследствии эти подарки, оставленные Абботом в С. Петербурге, были, по распоряжению его, переданы здесь хивинскому посланцу, который удостоился поднести оные его Величеству, вместе с подарками, самим им привезенными от имени Хана.

Из вышеприведенного явствует, что и в отношении к Хиве Государю Императору благоугодно соблюдать принятое его Величеством правило не допускать вмешательства каких бы то ни было иностранных Держав в дело России с соседственными с нею областями. Сим правилом должны Вы руководствоваться в случае появления английского агента в Хиве во время вашего там пребывания. Но, имея в виду отклонять вмешательство его в переговоры ваши с хивинским владельцем, Вы должны, в объяснениях Ваших с сим последним, не подавать ему ни малейшего повода полагать, что мы опасаемся англичан, или что между Россиею и Англиею существует по азиатским делам какое-то соперничество.

Ложные понятия азиятцев вообще на счет такового соперничества служат только к возбуждению неосознательных подозрений и к порождению разных обстоятельств, столь же невыгодных для России, как и для великобританских владений.

Добросовестность и справедливость составляют отличительную черту российской политики; величие России требует, чтобы принимаемые нами меры были ответственны ее достоинству и наша система действий должна быть чужда мелочных происков, не имеющих, впрочем, никогда надежных последствий. Эта самая добросовестность Российской Державы приобрела ей общее доверие в странах Азии, наиболее отдаленных. А потому и ваши собственные действия в Хиве должны сообразоваться с сими правилами.

Из сего явствует что, стараясь избегать вышеобъясненных двух крайностей Вы будете обходиться с английским агентом как с офицером дружественной с нами Державы, не будете обнаруживать неудовольствий по поводу пребывания его в Хиве, но должны быть крайне осторожны в ваших с ним сношениях.

Не имея вида скрытности, Вы не должны быть к нему и слишком доверчивы и откровенны, и вместе с тем Вы должны незаметным образом наблюдать за его там действиями; ибо на опыте уже доказано, что агенты сии большею частию выходят из пределов данных им наставлений и тем вовлекают лишь свое правительство в большие затруднения.

Действуя на основании начертанных здесь общих правил, Вы принесете отечеству Вашему гораздо большую пользу, нежели если станете увлекаться завистью к иностранцу.

Сие, однако же, отнюдь не должно препятствовать Вам настаивать с надлежащею твердостью, чтобы ни английский, ни другой какой бы то ни было иностранный агент отнюдь не вмешивался в переговоры Ваши с Ханом, так как предметы этих переговоров исключительно относятся до взаимных сношений Российской Империи с Хивинским Ханством.

Министерство надеется, что благоразумными поступками Вы в полной мере оправдаете лестное для Вас доверие, которым Вы удостоены от его Императорского Величества.

Подпись: *Граф Нессельроде*

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ПЕРЕГОВОРАХ КАП. НИКИФОРОВА С ХАНОМ АЛЛА-КУЛОМ, ВЕДЕННЫХ В 1841 г.; 15 АВГУСТА. 1841 г.

11-го августа 1841 года агент Российско-Императорской миссии, посланный в Хиву, представлялся к его высокому Степенству, хану Алла-Кулу, с прочими членами. Прием был сделан на аудиенц-дворе, где присутствовали в почтительном отдалении Мяхтер, Куш-Беги, Диван Беги, Ходжа Мехрем Атанияз, и еще два сановника.

После приветствия по обычаю мусульман, агент произнес краткую речь и представил Высочайшую грамоту и три письма. Хан Алла-Кул принял оныя с особенным удовольствием и, не читая, положил близь себя на ковре; после некоторого молчания хан расспрашивал о здоровье Государя Императора и какое имеет агент поручение от Его Величества. В ответ агент объявил, что Государь Император искренно желать изволит независимого существования и благоденствия хивинскому владельцу и его народу, что его Величество изволит обещать Высокое покровительство Свое его Высокому Степенству и всему ханству, если Хан Алла-Кул вступит в дружественный союз с Российской Державой и будет сохранять правила доброго соседа, то этим упрочится торговля и взаимные пользы.

Хан, положа руку на сердце, сказал: благодарение Богу, я ничего более не желаю.

После некоторого молчания агент просил дозволения внести подарки, оставшиеся на первом дворе; и когда они были внесены и разложены пред ханом, его Высокое Степенство обратился к поручику Айтову для показания, какие эти были подарки. Поручик Айтов,

раскрыв все вещи, объяснил употребление их и хан, рассматривая их с особенным любопытством, казался очень довольным.

Сделав несколько вопросов о пройденном миссией пути, о перенесенных трудностях от реки Сыра, хан отпустил агента, прибавив что после трудного пути нужен отдых.

13 августа хан изъявил желание видеть агента. Во время продолжительного свидания хан выказал похвальное любопытство о делах европейских держав, но вместе с тем проявлялось полное незнание всего, что относится до политических событий Европы. Вопросы его были бесконечны. Хан желал знать о сношениях Англии с Российской Империею, о силе обоих государств, о взаимных расстояниях между державами в Европе, о почтах, о родстве Царствующего Двора, о правительственных лицах России, о делах в Турции, о причинах войны Англии с Китаем и о других предметах.

Для лучшего понятия не излишне привести некоторые части разговора:

Хан: За что Англия воюет с Китаем?

Агент: Ваше Высочество слышали, что есть Индия, которой овладели англичане; завоевание Индии не было сначала преднамерением английского правительства, но есть следствие распространения власти общества купцов, которые для собственных выгод, именем правительства своего, поработили всю Индию. Купцы эти за это дозволение от своего короля обязывались уплатить ежегодно, вроде податей, часть своих доходов; эта подать по мере распространения Англичан в Индии увеличивалась до того, что составляет теперь едва ли не 1/2 всех королевских доходов в Англии. Купцы не могли платить звонкою монетою, а платили всегда товарами и преимущественно чаем, которые выменивали в Китае на опиум. Китайский Богдыхан, видя пагубное распространение опиума между его подданными, запретил ввоз оногo; а как опиум был важнейший товар английских купцов, которые не знали, куда его сбыть, то они и требовали отмены положенного запрещения, всячески старались сбывать китайцам опиум, отчего правительство Китая вынуждено было кончить тем, что конфисковало опиум Англичан и бросило его в море, ценою более 175 миллионов.

Хан: Английские купцы виноваты?

Агент: Конечно, но как чрез потерю купцами товара, Англия лишается подати, которая составляет значительную часть доходов ее, то и правительство приняло неправую сторону купцов для вынуждения китайцев к вознаграждению.

Хан: Слухи есть, что англичане готовятся занять Бальк?

Агент: Я не слыхал; но если они намереваются это сделать, то сделают.

Хан: Нам нельзя позволять: это наш город.

Агент: Бальк когда-то принадлежал Бухаре, а теперь, со смертью владетеля Кунадзы, никому не принадлежит.

Хан: Я пойду с войском защищать мусульманский город.

Агент: Ваше Высокое Степенство этого не учините. Англичане народ европейский, они сильны; лучше не подавайте им причины враждовать на Вас.

Хан: Вы мне советуете быть в мире с ними, а друзья мои Аббот и Шекспир говорили мне не мириться с русскими.

Агент: Я опять повторяю Вам, и дружба и вражда с англичанами опасна для Вас; этот народ ищет забирать страны, он в течение последних 75 лет покорил в Индии до 150 миллионов народа и от Мадраса до Калькуты за 3500 верст от Хивы, овладел Кабулом и приблизился до Герата почти на 700 верст. Этот народ опасен для Хивы.

Хан: Но я буду защищать Бальк.

Агент: Вы в этом не успеете, а лучше защитите себя и народ свой от власти Англии, заключив прочный союз с Россией, которая 100 лет не переставала прощать неприязненные поступки ханов хивинских; отдайте себя под Высокое покровительство Государя Императора, оно оградит Вас от всякого иноплеменного покушения и упрочит независимость Хивинского ханства.

Хан: Государь пришлет войско для моей защиты?

Агент: Для этого довольно одного слова и в грамоте его Величество объявить, что Вы союзник России и это оградит Вас и народ ваш...

III

Договор, составленный Столетовым для Шер-Али-хана

1) Российское императорское правительство считает государство Шер-али-хана, эмира Афганистана, государством независимым и желает, как с другими независимыми государствами, иметь с ним дружественные отношения, по старой дружбе.

2) Считая Афганистан государством, в котором водворился настолько порядок и власть, что владетель страны имеет достаточно силы, в случае надобности справиться с внутренними врагами, российское императорское правительство во внутренние дела страны вмешиваться не будет. Только в случае, если бы государство эмира или его наследника (когда он будет эмиром) от какого-либо внутреннего или внешнего врага подвергалось опасности, то тогда, по просьбе эмира или наследника его (когда он будет эмиром) российское императорское правительство может вмешаться во внутренние дела даже поданием соответствующей помощи.

3) Российское императорское правительство, по примеру, существующему в других государствах, охотно признало избранного эмиром наследника афганского престола, сына его Сердар-Абдулла-хана, о чем эмир торжественно сообщил туркестанскому генерал-губернатору, в лице которого это торжественное извещение радостно было принято российским императорским правительством.

Таким образом, во внимание дружественных отношений между Афганистаном и Россией, императорским правительством избранный наследник был признан, равно как и его наследники, из рода в род, из наследия в наследие.

А так как в настоящее время, волею Божией, означенный наследник престола скончался, то императорское российское правительство, по примеру прошлому, дает по установленной форме признание наследником престола того, кого найдет достойным эмир Афганистана.

4) В случае возникновения каких-либо осложнений между Афганистаном и другим иностранным государством, российское императорское правительство, если о том последует просьба эмира,

употребляет к устранению несогласий и столкновений те меры и способы, какие вследствие просьбы эмира Афганистана, признает нужными, или своим непосредственным влиянием на угрожающее Афганистану иностранное государство или чрез посредство других государств.

5) В случае, чего Боже избави, какое-либо иностранное государство, с вооруженною силою, войдет в Афганистан и завладеет его территорией, тогда, если эмир Афганистана обратится к императорскому правительству за вооруженною помощью, императорское правительство, в случае невозможности, посредством миролюбивых советов и внушений, отклонить вооруженное столкновение, во внимание дружбы между государствами Россиею и Афганистаном, подаст вооруженную помощь. Тогда, если дело дойдет до войны, то с упованием на Всевышнего, Творца вселенной, при дружбе Афганистана и России и при вооруженной помощи императорско-российского правительства, путем побед и меча, могут вернуться под власть эмира афганского старые его территории, еще прежде перешедшие под власть другого государства, путем захвата.

6) В случае, излагаемом в предыдущем параграфе 5, эмир Афганистана, относительно вооруженной помощи от российского императорского правительства во всем, что касается размеров, способов и планов, с подробным всего изложением, относится к туркестанскому генерал-губернатору. Туркестанский генерал-губернатор от российского императорского правительства имеет надлежащие полномочия, касательно приведения в исполнение означенных представлений эмира.

7) В виду дружественных отношений между Афганистаном и российским императорским правительством, владельцу Афганистана предоставляется посылать в Россию избранных им лиц, для изучения различных специальностей, в том числе и военной. Каждый раз о командировании таковых лиц эмир Афганистана сносится с туркестанским генерал-губернатором.

8) Посылаемые, согласно предыдущему параграфу 7 из Афганистана в Россию лица, вследствие даваемых на то каждый раз российским императорским правительством повелений, будут пользоваться содействием подлежащих военных и гражданских

властей и везде будут принимаемы и чествуемы, как лица, избранные владетелем дружественного государства.

9) Если бы владетелю Афганистана потребовались лица для разных специальностей, в том числе и военной, то императорское правительство по этому окажет всякое содействие.

10) В виду дружественных отношений между Россией и Афганистаном, российское императорское правительство, в лице туркестанского генерал-губернатора, и правительство афганского государства, употребляют, с согласия обеих сторон, зависящие меры к поощрению, облегчению и обезопасению взаимных торговых сношений.

11) Так как, вследствие дружбы между двумя государствами, взаимные всякого рода сношения возрастут, то необходимо, чтобы между этими государствами было возможно частое друг другу сообщение всех, могущих интересоваться обе стороны, сведений и новостей.

Друг Шер-Али-хана эмира Афганистана должен считаться другом императорского российского правительства и враг государства Шер-Али-хана эмира Афганистана должен считаться врагом императорского российского правительства, равно и наоборот.

А потому, на основании всего вышеизложенного, отныне навсегда российское императорское правительство считает необходимым всеми, по своим соображениям способами, и явными и не явными, и внешними и внутренними, признанными обоими государствами полезными и целесообразными, оказывать эмиру государства Афганского помощь, содействие и поддержку. Изложенные в 11 предыдущих параграфах основания дружественных отношений между российским императорским правительством, в лице туркестанского генерал-губернатора, и Шер-Али-ханом, эмиром Афганистана, как о том имел сведения, подробно написал и с русского языка на персидский язык, при помощи состоящего в распоряжении туркестанского генерал-губернатора титулярного советника Заман-бека Ших-алинского, перевел и с приложением своей печати подписал службы его императорского величества генерал-майор Николай Столетов.

Августа 9-го дня 1878 гг.

Кабул

IV

Из книги: Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана: В 2 т. СПб., 1901

Афганистан представляет собою государство, находящееся лишь в периоде развития, которое может приобрести весьма важное значение; так что с ним должны будут считаться как Англия, так и Россия в своих взаимных посягательствах друг на друга. Для обоих великих могущественных соседей дружба или вражда Афганистана представляется более важной, чем дружба или вражда какой бы то ни было другой великой державы в мире; причина этого заключается в том, что Афганистан имеет в своем распоряжении храбрую армию, состоящую из сотен тысяч храбрых мусульманских героев, прирожденных воинов, — будь то солдаты, или простые хлебопашцы. Все они до последнего человека готовы пожертвовать каждою каплею крови в борьбе за своего Бога, своего пророка, свою религию, свои дома, семьи, народ свой, за государя, а также за свою свободу и независимость...

Политика Афганистана в отношении его двух сильных соседей должна заключаться в том, что он должен относиться дружественно к тому из них, который проявляет менее наступательный характер, и враждебно к тому, который стремится пройти через его страну или посягает на его независимость. Но Афганистан в свою очередь не должен действовать вызывающим образом по отношению к своим соседям, а также не должен позволять ни той, ни другой державе вступать в его страну под каким бы то ни было предлогом, невзирая ни на какие договоры и обещания, которые будут предложены.

Политика русских государственных людей, которые направляют поступательное движение России в Азии, заслуживает полного удивления...

Русские оставляют вне своего внимания и вне своих расчетов все... что приготовилось для обороны или может проявить какое-либо противодействие, а избирают лишь то, что по своей слабости или небрежности не в состоянии устоять против русских завоеваний.

Я мог бы дать здесь весьма много указаний относительно средств, которые могли бы служить к тому, чтобы положить конец русской наступательной политике по направлению к Индии и Афганистану; но я ограничусь здесь лишь указанием нескольких необходимых советов.

Первое, наиболее важное, заключается в том... чтобы Англия и Афганистан были крепкими союзниками: пока этот союз существует, Россия никогда не атакует ни одного из них. Некоторые англичане говорят так: «почему мы должны вступать в войну с Россией за безопасность Герата или какой-нибудь другой части Афганистана»; но они не знают, что сражаться за Герат, представляющий собой в действительности «ключ Индии», значит сражаться за самую Индию. Если России удастся овладеть Гератом и Афганистаном, то нападение на Индию для нее не будет сопряжено с большими затруднениями, потому что Англии будет очень трудно управлять Индией при условии соприкосновения русских границ с границами Индии; явится необходимость содержать здесь очень обширную армию, столь многочисленную, что это окажется не по силам ни казне Индии, ни ее плательщикам податей.

Для Англии возникнут еще многие другие осложнения и затруднения в Индии в случае очень близкого соседства России: если наступит время, когда храбрые афганские и туркменские племена станут под знамена русские для борьбы против Англии, то этой последней потребуются неисчислимые силы, чтобы защищаться самой в Индии и в то же время оборонять свои владения...

Второй совет заключается в следующем: Россия сама никогда не приостановит свое движение вперед до тех пор, пока не будет вынуждена Англией. Если же Англия желает приостановить завоевательную политику России, то она сама должна отказаться от применения своей слабой, апатичной и индифферентной политики по отношению к завоевательной политике России, как этого держались английские политики. Если бы англичане когда-нибудь дали понять России, что дальнейшее движение ее вперед вызвало бы собою войну, то нетрудно было бы заставить Россию отступить посредством одного этого сильного протеста...

Если Россия овладеет, или подчинит своему влиянию одну из трех стран — Афганистан, Турцию и Персию, — то она этим сделает вызов остальным двум, а вместе с тем это будет посягательство на Индию.

Ввиду этого Россия должна встретить отпор, если она направит свое завоевание на одно из упомянутых государств...

Третий путь для Англии приостановить завоевательное движение России по направлению к Индии заключается в том, чтобы сделать Афганистан сильным, наделяя его деньгами, оружием и военными материалами; вместе с тем необходимо показать России откровенными словами, не могущими оставить никакого сомнения, что как при моей жизни, так и после моей смерти, всякое вмешательство со стороны России в дела афганские, или выставление вперед каких-нибудь претендентов на престол Афганистана, будет обозначать собой войну между Россией и Англией.

Афганистан и не желает и не нуждается в том, чтобы английская армия когда-нибудь вступала в его пределы под предлогом борьбы против России или под каким-нибудь иным предлогом в этом роде до тех пор, пока в Афганистане имеются оружие и деньги. Естественно, когда афганцы добровольно пожелали бы вступление английских войск в их владения: это лишь в том случае, если бы они окончательно и официально были разбиты Россией и никаким средствами не могли бы удержать страну от захватов России.

Но до тех пор, пока афганцы могут сражаться собственными силами, им не требуется и нежелательно, чтобы хотя один солдат английский, или русский, поставил и ногу свою на территорию афганскую под предлогом изгнать врага, потому что афганцам невозможно было бы отделаться от такой армии, которую они сами пригласили к себе на помощь. Эта армия находила бы для себя предлог остаться, утверждая, что она должна поддерживать мир в стране. Если при этом население будет умиротворено и довольно под новым управлением, эти войска из-за этого одного обстоятельства уже останутся в стране; если же население восстанет против них, то войска опять-таки останутся, ибо они скажут: «так как вы восстали против нас и нарушили мир, то теряет силу наше обещание, в силу которого мы должны возвратить вам страну»...

Было бы весьма большой ошибкой со стороны английских государственных людей питать какие-нибудь подозрения относительно дружбы эмира; если англичане находят, что эмир афганский силен и ведет себя достаточно благоразумно и лояльно, то их обязанность и интерес прямой поддерживать его; если же эмир будет слаб, неопытен

и незаслуживающий доверия, то он будет одинаково опасен как для Индии, так и для Афганистана.

Четвертое указание мое заключается в следующем: Англия не должна пренебрегать Персией и Турцией, как она это делала в прежнее время; она должна предотвратить возможность захвата этих стран Россией или подчинение их ее влиянию. Англия должна сделать все с ее стороны возможное, чтобы усилить Турцию и Персию и чтобы заручиться их дружбой... должна принять меры также к тому, чтобы помочь Турции, Персии и Афганистану вступить между собою в тройственный союз. Этот союз образовал бы собою сильную преграду против завоеваний России, прикрывая весь мир мусульманский. Результатом этого был бы повсеместный и общий мир во всей Азии, где только проникает завоевательное движение России, угрожающее в будущем весьма серьезной войной. Вполне очевидно, что если бы три эти мусульманские державы, связанные между собою узами религии и стремлением найти во взаимной дружбе общую безопасность, были в то время дружественны к Англии, то весь мир мусульманский был бы связан тем, чтобы оберегать интересы Англии.

Пятый совет мой: необходимо как Афганистану, так и Англии поддерживать их силы. Оба они должны стремиться к тому, чтобы сделать своих подданных богатыми и чтобы содержать в готовности свои войска... Благополучие Афганистана может быть достигнуто поощрением промышленности и улучшением условий для торговых сношений; этим облегчается населению добывание средств к жизни. Второе средство для благополучия Афганистана заключается в том, чтобы приводить между собою в общение правящие нации и управляемые, чтобы изучить чувствования населения, удовлетворять их жалобы и предоставить всем одинаковые права, независимые от национальности, цвета кожи, касты и религии.

Я удивляюсь одной стороне в политике России в Азии: именно в русском Туркестане, среди русско-восточных подданных России, многие достигают положения полковников и генералов; взаимные браки и социальное общение между нациями гораздо более часто, чем между англо-индийцами и индусами в Индии, которые всегда очень удалены друг от друга. Если англичанин женится на туземке Индии, то все английское общество смотрит на эту пару с предубежденными глазами и презрением. Результатом этого является то, что англичане и

индусы не могут изучать взаимные чувства друг друга и остаются до крайности чуждыми...

Доказав вероятность нападения России на Индию и Афганистан, выяснив также средства приостановить осуществление такого плана, я постараюсь теперь показать, насколько русские неправы в своих идеях и насколько такое вторжение в Индию возможно или невозможно.

Мне очень жалко, что отвечая на этот вопрос, я навлеку неудовольствие моих русских друзей, от которых я видел много любезности и гостеприимства; но я должен им заявить честно, что до тех пор пока Афганистан не присоединен к России, вторжение ее в Индию невозможно, а присоединение Афганистана к России для вторжения ее в Индию еще более невозможно. Если русские пожелают принять совет мой, как их верного друга, — а я в действительности даю им совет честный, ибо на мне тяготеет важная обязанность по отношению к русским, у которых я в долгу долгом благодарности, — то им лучше не пробовать этой игры.

Результатом этой игры была бы гибель России совершенно... если она попытается вторгнуться в Индию: она не в состоянии будет овладеть Индией, поэтому в результате останутся после этой ужасной войны лишь боль и страдания в добавок к огорчению русских.

Если в будущем к России примкнет когда-нибудь эмир Афганистана, чтобы поддержать ее при походе в Индию, то эта дружба и поддержка Афганистана будут иметь большее значение, чем помощь какой бы то ни было другой империи, благодаря близкому соседству этого государства с Индией... Если однако при всем том будущий эмир будет настолько глуп, что он пригласит Россию или Англию занять его страну или допустит проход их войск через Афганистан, то результатом было бы то же самое, что случилось во время Шах-Шуджи, когда афганцы убили его самого, а также и англичан, которых Шах-Шуджа пригласил вступить в его страну. Английское правительство дважды испытало уже такое занятие Афганистана и едва ли пожелает испытать это в третий раз. Если Россия достаточно благоразумна, то для нее будут хорошим уроком и те расходы, страдания и боли, которые были нанесены Англии, так что она не пожелает вмешиваться в дела афганские даже и в том случае, если эмир пригласит ее для этой цели.

V

Достоевский Ф. М. Из дневника 1881 г

III. ГЕОК-ТЕПЕ. ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ НАС АЗИЯ?

Геок-Тепе взят, текинцы разбиты и хотя еще вполне не усмирены, но наша победа несомненна. В обществе и в печати возликовали. А давно ли еще в обществе, да и в печати отчасти, к этому делу относились чрезвычайно равнодушно. Особенно после неудачи генерала Ломакина и в начале приготовлений к вторичному наступлению. «И зачем нам туда, и чего нам далась эта Азия, сколько денег истрачено, тогда как у нас голод, дифтерит, нет школ, и проч., и проч.». Да, эти мнения раздавались, и мы их слышали. Не все вообще были этого мнения, — о, нет, — но все же надо сознаться, что к нашей наступательной политике в Азии в последнее время весьма многие стали было относиться неприязненно. Правда, помогла тут и неизвестность о предпринятой экспедиции. В самое последнее только время стали проскакивать у нас известия из иностранных газет, и только под самый конец раздалось по всей России телеграммы Скобелева. Тем не менее и во всяком случае трудно сказать, чтобы общество наше было проникнуто ясным сознанием нашей миссии в Азии и того, что собственно для нас значит и могла бы значить впредь Азия. Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. «Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?» Бывали даже и очень резкие голоса: «Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добыть и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!» Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших, от очень их большого ума, конечно.

С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: «Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в

Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его.

А ведь после неудачи генерала Ломакина непременно, должно быть, пронеслось по всей Азии сомнение в несокрушимости меча нашего — и русский престиж наверно был поколеблен. Вот почему мы и не можем оставаться на этой дороге. У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, — но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему.

— Для чего и к какому грядущему? Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать?

Поэтому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!

Я предчувствую негодование, с которым прочтут иные это ретроградное предположение мое (а оно для меня аксиома). Да, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до «металла и жупела» московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты. Но толчок Петра,

вдвинувшего нас в Европу, необходимый и спасительный в начале, был все-таки слишком силен, и тут отчасти уже не мы виноваты.

И чего-чего мы не делали, что Европа признала нас за *своих*, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки. Мы то пугали ее силой, посылали туда наши армии «спасать царей», то склонялись опять перед нею, как не надо бы было, и уверяли ее, что мы созданы лишь, чтоб служить Европе и сделать ее счастливою. В двенадцатом году, выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним, как советовали и желали тогда некоторые немногие прозорливые русские люди, а двинулись всей стеной осчастливливать Европу, освободив ее от похитителя. Конечно, вышла картина яркая: с одной стороны шел деспот и похититель, с другой — миротворец и воскреситель. Но политическое счастье наше состояло тогда вовсе не в картине, а в том, что этот похититель был именно тогда в таком положении, в первый раз во всю свою карьеру, что помирился бы с нами крепко-накрепко и искренно, и надолго, и может быть, навсегда. За условие, что не будем ему мешать в Европе, он отдал бы нам Восток, и теперешний Восточный вопрос наш — гроза и беда текущего и нашего будущего — был бы уже теперь давно разрешен. Похититель это сам говорил потом, и наверно не лгал, говоря, ибо ничего-то бы он не мог лучше сделать, как впредь быть с нами в союзе, с тем, чтоб у нас был Восток, а у него Запад. С европейскими народами он бы наверно справился и тогда. Они же были слишком еще слабы тогда, чтоб нам помешать на Востоке, даже Англия. Наполеон, может быть, и пал бы потом, или после его смерти династия его, а Восток остался бы все-таки за нами. (У нас тогда было бы море, и мы могли бы даже и на море Англию встретить.) Но мы все отдали за картинку. И что же: все эти освобожденные нами народы, еще и не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной и захватили себе все, а нам не только не оставили ничего, но еще и с нас же взяли обязательства, правда, добровольные, но весьма нам убыточные, как и оказалось впоследствии. Затем, несмотря на полученный урок, — что делали мы во все остальные годы столетия и даже донныне? Не мы ли способствовали укреплению германских

держав, не мы ли создали им силу до того, что они, может быть, теперь и сильнее нас стали? Да, сказать, что это мы способствовали их росту и силе, вовсе не преувеличенно выйдет. Не мы ли, по их зову, ходили укрощать их междоусобие, не мы ли оберегали их тыл, когда им могла угрожать беда? И вот — не они ли, напротив, выходили к нам в тыл, когда нам угрожала беда, или грозили выйти нам в тыл, когда нам грозила другая беда? Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли у Европы, столь ей служа? Одну ее ненависть! Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной,

Приданого взял шии, по службе ничего.

Но почему эта ее ненависть к нам, почему они все не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья и слуги, добрые слуги, и что даже все европейское назначение наше — это служить Европе и ее благоденствию. (Потому что разве не так, не то же ли самое делали мы во все столетие, разве сделали мы что для себя, разве добились чего себе? Все на Европу пошло!) Нет, они не могут увериться в нас! Главная причина именно в том и состоит, что они не могут никак нас *своими* признать.

Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» из всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, что дело тем и кончится, что мы все будем подражать и что мы вовсе не азиаты, не варвары, а совсем, совсем, как они, европейцы. Но Европа нашим русским европейцам на этот раз, по крайней мере, не поверила. Напротив, в этом случае она, так сказать, совпала в заключениях своих с славянофилами нашими, хотя их не знает вовсе и только разве слышала об них кое-что. Совпадение же именно в том, что и Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть «идея, своя,

особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает, — ибо, если б знала, так тотчас же бы успокоилась, даже обрадовалась. Но узнает непременно когда-нибудь, и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах ее. Но теперь она не верит; признавая за нами идею, она боится ее. И, наконец, мерзим мы ей, мерзим, даже лично, хотя там и бывают иногда с нами вежливы. Они, например, охотно сознаются, что русская наука может выставить уже несколько замечательных деятелей, представить несколько хороших работ, даже послуживших уже их европейской науке в пользу. Но ни за что, однако же, не поверит теперь Европа, что у нас в России могут родиться не одни только работники в науке (хотя бы и очень талантливые), а и гении, руководители человечества, вроде Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не поверят, ибо в цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи еще не знают. По-настоящему, они и правы: ибо и впрямь не будет у нас ни Бэкона, ни Ньютона, ни Аристотеля, доколе мы не станем сами на дорогу и не будем духовно самостоятельными. Во всем остальном то же, в наших искусствах, в промышленности: Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями.

Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, — опять восклицаю это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш большой корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо!» Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!

IV. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

.....

— Ну, а Англия? Вы упускаете Англию? Увидев наше стремление в Азию, она тотчас взволнуется.

— «Англии бояться — никуда не ходить», — возражаю я переделанною на новый лад пословицей. Да и ничем новым она не

взволнуется, ибо все тем же волнуется и теперь. Напротив, теперь-то мы и держим ее в смущении и неведении насчет будущего, и она ждет от нас всего худшего. Когда же поймет настоящий характер всех наших движений в Азии, то, может быть, сбавит многое из своих опасений... Впрочем, я согласен, что не сбавит и что до этого ей еще далеко. Но, повторяю: Англии бояться — никуда не ходить! А потому и опять-таки: да здравствует победа у Геок-Тепе! Да здравствует Скобелев и его солдатики, и вечная память «выбывшим из списков» богатырям! Мы в наши списки их занесем.

VI

Отрывок из книги: Майер А. А., Тагеев Б. Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М.: Воениздат, 1998

...Было уже около двух часов ночи, когда в палатку вошел отрядный адъютант.

— Начальник отряда приказал выступать к Яшиль-кулю со всеми предосторожностями, — сказал он вполголоса капитану, — получены точные сведения об афганцах.

— Господа! Поднимайте людей, — сказал П., и мы один за другим вышли из палатки.

Роты уже строились, и среди ночной тишины раздавалась перекличка. Выслав вперед разьезды и патрули, отряд двинулся форсированным маршем. Темень была полная. Луна скрылась уже за горами, тишина царила над суровым Памиром, и слышались только легкий шум, сопровождающий движение части, и побрякивание орудий. Начинало светать. Все ярче и ярче вырисовывались контуры окружающих долину гор. Где-то неистово выл шакал. Все шли молча, у каждого на лице было что-то серьезное.

Наконец авангард отряда подошел к небольшому обрыву над рекою Аличуром и остановился. Казаки спешили и залегли по гребню яра. Внизу, на небольшой, покрытой травой площадке, около самой реки, виднелись юрты, составлявшие лагерь афганского поста.

— Послать ко мне переводчика! — приказал вполголоса полковник Ионов. Опершись обеими руками о луку седла, он в раздумье устремил свой взор на юрты. Ему было неприятно, что афганцы не подозревали о приходе отряда, и он хотел посредством переговоров заставить их уйти с поста и оставить таким образом русскую территорию. «Послать ли офицера к афганскому капитану?» — подумал он и даже сделал соответствующее распоряжение, но вдруг переменил свое намерение. В это время к нему подошел пожилой киргиз с сытым и плутоватым лицом. Сняв свою меховую шапку, киргиз встал в почтительную позу, готовый выслушать приказание начальника.

— Послушай, Сибатулла, — сказал полковник, — спустись в афганский аул и скажи начальнику поста, что русский полковник требует его наверх для переговоров. Понял?

— Слушаю-с, таксыр, — отвесив кулдук, сказал переводчик и пошел по направлению к обрыву. Было заметно, что он дрогнул. Идти одному в неприятельский лагерь было довольно рискованно. Киргиз начал спускаться и вдруг оглянулся назад. Казачьи винтовки и белые чехлы фуражек резко выделялись на темном фоне оврага. Эта картина как будто приободрила его, и он, быстро спустившись, вошел в самую большую юрту. Переводчику было приказано обойтись с афганским начальником поста почтительно, не входя самому ни в какие рассуждения, но киргиз, как оказалось, не понял своего назначения. Часть афганцев спала, а часть пила чай, когда Сибатулла поднял опущенную дверь юрты.

— Где начальник поста? — спросил переводчику сидевших афганцев, которые удивленно смотрели на вооруженного киргиза; на их лицах выразилось беспокойство.

— Пойдем со мной, — сказал один из сидевших афганцев и, выйдя из юрты, пошел к отдельно стоявшей желомейке. — Здесь, — сказал он следовавшему за ним киргизу, подняв висячую дверь.

Киргиз нагнулся и вошел.

Перед ним на низеньком табурете с чашкой в руках сидел средних лет мужчина в белом мундире с золотыми плечевыми погонями. Стройная талия его была перехвачена ремнем, на котором висела афганская сабля с сильно изогнутым клинком. Подстриженная клинышком борода, черные пушистые усы и сросшиеся над переносицей брови придавали его смуглому лицу особенно отважный оттенок. Он пристально взглянул на киргиза. По костюму его было видно, что он готовился куда-то ехать.

— Что тебе нужно? — спросил он и поправил надетую на голове белую чалму, из-под которой на висках выбивались взбитые пучки волос.

— Меня послал русский полковник, — ответил киргиз, — который требует вас на яр для переговоров.

— Какой полковник? — удивился капитан. — Если он хочет говорить со мною, то пусть придет сюда; мы с ним напьемся чаю и поговорим, — сказал он.

— Полковник не придет сюда, а если вы не выйдете наверх, то вам будет плохо, — дерзко возразил киргиз, — все равно ведь повесят!..

В это время с испуганным лицом в юрту вбежал афганец. Капитан беспокойно взглянул на него.

— Кифтан! Киргизы нас продали, — заговорил он, — табун наш угнан, посланный на разведки джигит в руках русских, и их войско недалеко от нас.

Капитан вздрогнул. Наступила минута замешательства, которою сумел воспользоваться переводчик. Он с быстротою кошки бросился из юрты и через несколько минут доложил полковнику, что афганцы берутся за оружие.

С обрыва было видно, как перебежали из одной юрты в другую афганцы, как на пути запоясывались они и закладывали патроны в ружья. И вот целая вереница красных мундиров во главе со своим начальником стала подниматься на яр и скоро построилась развернутым фронтом перед нами. Их лица горели негодованием и решимостью.

Капитан сделал честь полковнику Ионову, приложив руку к головному убору. Полковник ответил ему по-русски под козырек. Начались переговоры через переводчика.

— На каком основании вы выставили свой пост на нашей территории? — спросил полковник.

— Потому что земля эта наша, — возразил афганец и, скрестив на груди руки, принял вызывающую позу. — Мы владеем ею по договору с Англией с 1873 года, — прибавил он.

— Нам нет дела до ваших договоров о наших владениях, — возразил полковник, — и я, исполняя возложенные на меня обязанности, прошу вас положить оружие и уйти отсюда прочь.

Капитан вспыхнул.

— Я рабом не был и не буду, — сказал он, — а если вам угодно наше оружие, то перебейте нас и возьмите его — афганцы не сдаются, — заключил он свою речь.

— Так вы не оставите этого места и не отодвинетесь за границу Афганистана? — спросил полковник. — Я вас спрашиваю в последний раз.

— Я сказал все! — ответил афганец.

Видя, что путем переговоров ничего не поделаться с афганцами и избегая кровопролития, полковник хотел неожиданно перехватить их, не дав им опомниться.

— Хватай их, братцы! — вполголоса передал он приказание казакам.

Но не тут-то было. Не успели наши сделать и шага вперед, как афганцы дали дружный залп, и двое из наших грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающий душу стон.

— Бей их! — крикнул полковник, и все ринулось вперед.

Полковник Ионов спокойно сидел на лошади, наблюдая за дерущимися; в пяти шагах от него стоял афганский капитан, который прехладнокровно стрелял из револьвера и вдруг, рванувшись вперед, подбежал к лошади полковника.

Блеснул огонек — и выстрел прогремел над самым ухом начальника отряда. Как-то инстинктивно полковник подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганец уже успел выхватить из ножен свою кривую саблю и, как тигр, бросился на них. Вот упал уже один казак под ударом кривого клинка капитанской шашки. Вот снова она, то поднимаясь, то опускаясь, наносит удары направо и налево.

В нескольких шагах стоит хорунжий Каргин и смотрит на эту картину, пули свистят вокруг него, а он стоит, как будто не действительность, а какая-то фантастическая феерия разыгрывается перед ним.

— Хорунжий, да убейте же его наконец! — раздаётся роковой приговор полковника, и вот, вместо того чтобы схватить свой револьвер или шашку, хорунжий, не отдавая себе отчета, хватается валяющуюся на земле винтовку раненого казака и прицеливается. Он даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускает ударник. Выстрел теряется среди общей трескотни и шума, и только легкий дымок на мгновение скрывает от глаз фигуру капитана. Как-то странно вытянулся вдруг афганец, взмахнув одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалело кровавое пятно, и стремглав полетел с яра...

На одного ефрейтора наскочили двое афганцев, завязалась борьба. Ефрейтор неистово ругался, желая освободиться от наседавшего на него неприятеля, но в это время подоспел казак.

— Не плошай! — кричал он издали отбивавшемуся ефрейтору, и с этими словами пашка его опустила на окутанную чалмою голову афганца.

Вот и другой уже на земле с проколотою грудью. Страшно хрипит он, издавая звуки, как бы прополаскивая себе горло собственной кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы изменяют ему, кровь хлынула горлом, и он склонил свою голову.

Недалеко от места стычки, под большим камнем, доктор Добросмыслов перевязывает раненых, из которых один с совершенно перебитою голенью неистово стонет.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчик, — успокаивает его доктор. — Уж мы тебе ножку твою вылечим. Давай корпии, — кричит он фельдшеру, который мечется с трясущеюся нижнею челюстью от одного к другому из раненых.

— Ой, больно, ваше высокоблагородие! — стонет раненый, пока доктор вынимает висящие снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрелы все еще продолжают, потому что засевшие в юртах афганцы все еще продолжают стрелять. Наконец раздался резкий звук трубы, игравшей отбой, и пальба мало-помалу утихла. Из юрт выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрелище представлял собою весь скат и зеленая площадка берега Аличура. Везде валялись убитые или корчились раненые; последние, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подошел резерв, и все сгруппировались около места, где лишь несколько минут тому назад стояли перед нами полные жизни люди и где теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нет ни веселого говора, ни песен; у каждого на уме, что, быть может, и его постигнет такая же участь, как и этих афганцев.

— Саперы — вперед! — раздается команда. — Рой могилу.

Дружно принялись солдаты за работу, и через четверть часа яма была уже готова. Одного за другим стащили афганцев и положили в яму, а поверх всех был положен капитан Гулям-Хайдар-хан; пуля пробила ему голову, ударив в левый висок.

— Ишь ты, тоже сражался, — сказал один из солдат.

— Известно, сражался, а то как же? — заметил другой. — Тоже, ведь офицер!

Мерно падала земля с лопаток на тела убитых, покрывая их одного за другим своим холодным слоем и поглощая навеки павших героев. Вот белеется кусок мундира афганского капитана, но одна, другая лопатка — и все покрыто землею. Могила зарыта, и поверх нее сложен из камней памятник. Пехота трогается дальше.

— Песельники — на правый фланг! — раздается команда ротного командира, и веселая солдатская песня слышится с прикрикиванием и присвистыванием на все лады, но в ней нет той веселой нотки, какая обыкновенно бывает заметна в обычной солдатской песне. Запевала и то как-то нехотя и протяжно затягивает свою обычную арию.

Отряд подошел к восточному берегу озера Яшиль-куль и расположился бивуаком против развалин китайской крепости Сума-Таш.

Тихо на бивуаке. Нет обычных песен, и даже гармоника не слышно; все толкуют солдаты об «аванганцах».

— Ну и храбрые они, братцы, пра, храбрые, — говорит один солдат, сидя на корточках и покуривая трубку, — ни один, что есть, не сдался, всех перехлопали; не положим, говорят, оружие, устав, мол, не позволяет!

— И што тутко за храбрость! Значит, у аванганца солдат службу знает: коли на пост поставили, так, значит, и стой, «хотя бы и жисти опасность угрожала!» — повторил слова устава фельдфебель. — Ты сам, чай, устав-от гарнизонный знаешь? А еще капрал! Ишь, храбрость какую нашел! Меня коли, этта, на пост поставят, то я за тридцать верст противника унюхаю, а ён што?.. Спит себе и не видит, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицер! — И фельдфебель сердито сплюнул, посылая ругань по адресу афганцев.

Показались носилки, на которых лежали раненые. На одних из них тяжело раненный казак Борисов еле-еле стонет. Тяжелое шествие...

«Афганцы, афганцы!» — раздается крик — и все бросаются смотреть пленных. Это были шугнанцы, между которыми выделялся один молодой афганец, красавец юноша. Два пучка взбитых волос, с каждой из сторон головы, красиво выбивались из-под простреленного головного убора. Пробитый пулями мундир его был изорван, видимо, во время рукопашной схватки. Он шел, высоко подняв голову, и окидывал сверкающим взглядом солдат. Шугнанцы почтительно шли с

грустными лицами, видимо ожидая чего-нибудь страшного в русском лагере.

— Ишь, смотри-ко, братцы, — говорит один из солдат, указывая на афганца, — что значит судьба-то. Не суждено, так не умрешь. Глянько у энтого аванганца и чалма, и мундир прострелены, да и весь, как решето, истыкан, а на ем ни единой царапины нету, а даве, когда мы в аванганскую-то юрту забежали, глянул я в ящик, а там шугнанец, повар их, сказывали, сидит, я его оттуда и выволок. Глянул, а он мертвый, пуля, значит, ему это в самый глаз угодила, как ни прятался сердешный, а нашла-таки она его и в ящике под кошмами.

— Все Бог, — возразил, вздохнув, другой солдатик, — на все Его святая воля.

— А ён какой веры будет? — спрашивает молодой солдат унтер-офицера.

— Магометчик, — серьезно отвечает тот.

— А энто что же за вера такая будет? — интересуется солдат.

— А такая же, как и у сарта, — поясняет унтер.

Удовлетворенный солдатик успокаивается.

Раздается барабанный бой к обеду.

— Становись на молитву! — кричит дежурный по роте, и кучка солдат с котелками в руках нестройным хором поет «Очи всех на Тя, Господи, уповают»...

Примечания

1

Он же Заманов, Симанов и т. п., родом перс, был беком (правителем) в Гиляне, но по неизвестным причинам бежал оттуда, принял христианство и стал величать себя князем.

2

Бекович был родом из Кабарды и в мусульманстве звался Искендер-беком. Кабарда называлась у нас Черкасскою землей; отсюда ясно происхождение громкого титула от Бека — Бекович, да еще с переводом на русский — князь. Этот новоиспеченный князь был женат на дочери князя Голицына, воспитателя Петра I, и потому пользовался милостями царя.

3

Цифра «9» считается в Средней Азии священной.

4

Контр-адмирал Серебряков в своей записке «Мысли о делах наших на Кавказе» писал: «Кавказ должно уподобить весьма сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно ограждаемой укреплениями и обороняемой многочисленным гарнизоном, что одна только безрассудность может предпринять эскападу против такой крепости...» Также и генерал Р. Фадеев называл Кавказ «гигантской крепостью».

5

Именно сэр Генри Роулинсон как нельзя более годится в прототипы полковника Крейтона из киплингского «Кима». В 1844 г. он вернулся в Иран и занялся вавилонскими рукописями. В 1846 г. появился его труд «Персидские клинописные надписи Бхистуна» — полный перевод с анализом грамматики и примечаниями по истории Древней Персии и ее правителей. В 1857 г. вместе с другими учеными он расшифровал и месопотамские рукописи — чем открыл путь к пониманию Древнего Вавилона, Ассирии и Месопотамии. К этому времени Роулинсон стал британским консулом в Багдаде (1843) и передал свою коллекцию антиков Британскому музею (1849–1851), а также активно закупал для музея новые скульптуры. В 1855 г. он стал рыцарем и директором короны Вест-Индской компании, заседал в Парламенте (1858 и 1865–68 гг.), был министром иранского двора в Тегеране (1859), бессменным главой Королевского Географического общества и Азиатского общества. Также сэр Генри Роулинсон является автором работ «Комментарий к клинописным надписям Ассирии и Вавилона» (1850) и «Очерк истории Ассирии» (1852).

6

Так в британских документах был назван Виткевич.

7

Вот, например, любопытное место из написанного в конце 1837 г. письма Лермонтова С. А. Раевскому: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским».

8

Барбет (франц. воен.) — земляная насыпь под орудие при внутренней стороне бруствера.

9

Библейское выражение «от Дана до Вирсавии» (Суд., XX, 1), то есть от города Дана на севере земли Ханаанской до города Вирсавии на юге; означает — во всей стране.

10

Бадаулет — счастливый; титул, принятый Якуб-беком.

11

Джингоизм (от *jingo* — кличка английских шовинистов) — термин для обозначения крайне шовинистических воззрений; вошел в употребление в Великобритании в конце 70-х годов XIX в.

12

Назирова перевел это место так: «...если те племена, которые в качестве проводников сопровождают английское посольство, будут наказаны или стеснены эмиром, то защиту их Англия тотчас возьмет на себя».

13

У Назирова прибавлено: временное.

14

У Назирова прибавлено после слова «принято»: «на том месте, где я буду находиться».

15

Казий, иначе кади (араб.; тюрк, и перс, казн) — в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий суд на основе шариата. В Турции, Египте и Тунисе вместе с упразднением шариатского суда ликвидирован в 30-50-х гг. XX в.

16

Свершившийся факт (*фр.*). Вот что писал командующий Закаспийского округа генерал-адъютант Дундуков-Корсаков: «Колебания вообще в нашей политике, страх перед каждым осложнением — есть явление слишком обыденное в традициях Министерства иностранных дел. Но то же самое Министерство с признательностью часто принимает совершившиеся факты (разумеется, осторожные и благоразумные), когда они не вызваны по инициативе бюрократических колебаний его канцелярии».

17

Амбань — титул высших китайских чиновников на маньчжурском языке.